

Министерство культуры Свердловской области
Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Уральский государственный
архитектурно-художественный университет
Уральский государственный педагогический университет

ДВЕНАДЦАТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Всероссийская научно-практическая конференция
(Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 года)*

Материалы

Екатеринбург • Издательство КВАДРАТ • 2020

ББК 28.89(235.55)
УДК 908(470.5)(063)
Д 23

Редакционная коллегия:

И.В. Побережников, д-р ист. наук (ответственный редактор)
В.Г. Железкин, канд. ист. наук
С.А. Корепанова, канд. ист. наук
Г.Е. Корнилов, д-р ист. наук
Е.В. Максимовских, секретарь оргкомитета чтений
С.В. Соколов, канд. ист. наук
В.А. Шкерин, д-р ист. наук
О.Н. Яхно, канд. ист. наук

Д 23 Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.): материалы / отв. ред. И.В. Побережников; М-во культуры Свердловской области; СОКМ им. О.Е. Клера; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Урал. гос. архитектурно-художественный ун-т; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-91357-078-9.

В материалах Чтений нашли отражение вопросы деятельности В.Н. Татищева, проблемы сохранения и актуализации культурного наследия, истории уральской промышленности, общественной жизни и духовной культуры Урала в широкой исторической ретроспективе. Сборник рассчитан на историков, краеведов, всех, кто интересуется историей Урала.

ББК 28.89(235.55)
УДК 908(470.5)(063)
Д 23

Издание осуществлено при финансовой поддержке Уральского банка реконструкции и развития

© Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера, 2020
© Текст: авторы, 2020
© Оригинал-макет: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2020

ISBN 978-5-91357-078-9

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.М. Сафронова

Вклад В.Н. Татищева в организацию обучения детей дворян и подготовку командных кадров для казенных заводов Урала и Сибири (1734–1739 годы) 8

М.А. Киселев

В.Н. Татищев и становление картографирования Урала в начале 1720-х годов 14

И.В. Побережников

Поволжье и Урал — региональные модели фронтальной модернизации в Российской империи 21

И.Н. Юркин

Невьянские башни демидовского времени 29

О.А. Шишицына, Н.С. Солонина

Комплексное исследование индустриального наследия Среднего Урала. 39

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЯ УРАЛА В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н.Д. Гилевич

Присоединение Новгорода к Москве в интерпретации В.Н. Татищева 46

М.Ю. Данков, Д.А. Проц

Иноземец с «русским лицом» и фортеция на берегу Онежского озера (о роли В.И. Геннина, коменданта Олонецкого уезда). 50

П.А. Демидов

Первые публикации о жизни и деятельности В.Н. Татищева. 57

Л.Ю. Елтышева

110 лет строительства железной дороги Пермь – Екатеринбург 59

О.К. Ермакова, Е.Ю. Рукосуев

Российское законодательство об иностранцах в конце XVIII – первой четверти XIX века 65

Н.Б. Кончаковская

Культура материнства в городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века 74

Н.С. Корепанов

Малахит на Урале — начало добычи и обработки в XVIII веке 79

Н.Д. Лисицын

Особенности столярного промысла Пермской губернии на рубеже XIX–XX веков 86

Л.В. Маштакова

Фёдор Сологуб с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» в зеркале уральской периодической печати 91

В.П. Микитюк	Съезды мукомолов в Екатеринбурге	97
И.В. Панов	Косное производство на Урале в первой трети XIX века: казенный (Златоустовский округ) и частный (Нижнетагильский округ) варианты	103
М.И. Парфеня	Мирское самоуправление в слободах Верхотурского уезда в XVII веке	108
И.А. Попп	Крестьянское самоуправление в 1860–1890-х годах на Урале: к проблеме борьбы с пьянством «волостных начальников»	115
В.Д. Пузанов	Дети боярские города Верхотурье в XVII веке	122
А.Л. Устинов	О проблемах комплектования рабочих кадров на Златоустовском и Саткинском заводах в третьей четверти XVIII века	127
Ю.А. Швецов	Изменения в военном образовании в России начала XIX века и создание Неплюевского училища в Оренбурге	133
Е.В. Шишкина	Конфессиональная политика государства и образовательная деятельность старообрядцев Пермской губернии во второй четверти XIX века	139
О.Н. Яхно	Екатеринбург на рубеже XIX–XX веков: организация городского пространства и культурно-бытовой инфраструктуры	145
СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЯ УРАЛА В XX–XXI ВЕКАХ		
М.В. Бекленищева	Иностранные деятели культуры в Свердловске (1955–1965 годы) ..	151
А.О. Горбачев	Реализация реформ в сельском хозяйстве в 1960–1970-е годы (на примере Свердловской области)	154
А.О. Ежов	Титановое производство на Урале в 1950–1980-е годы	159
М.А. Клинова	Динамика компенсирующих выплат горожанам в первые послевоенные годы	167
А.А. Конов	Подготовка инженерных кадров на железнодорожном транспорте Урала в 1956–1991 годы	175
Г.Е. Корнилов	Трансформация сельской жизни на Урале в 1930-е годы	180

Ю.В. Лаптева	Общеобразовательные школы Свердловской области в 1941–1945 годах: сеть и контингент учащихся	187
Н.Н. Мельников	Промышленное строительство на Уральском танковом заводе в военные годы	193
В.П. Мотревич	Рабочие и служащие сельского хозяйства Башкирской АССР в 1940–1950 годы (численность и состав)	197
М.Н. Потемкина	Борьба с экономической преступностью на предприятиях Челябинской области в годы Великой Отечественной войны	204
М.Ю. Тараканов	Демографическая структура населения Нижнего Тагила в начале XXI века	210
А.В. Трофимов	Городская повседневность позднесоветской эпохи в современной историографии	218
СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ — ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И МУЗЕИФИКАЦИИ		
А.Н. Афанасьева, Л.А. Будрина	Пластика Государственного фарфорового завода 1920-х годов в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств	224
Е.В. Борц	Французские иллюстрированные книги XVIII – первой трети XIX века из библиотеки Голубцовых в собрании СОКМ: опыт художественной экспертизы	229
К.Д. Бугров	Конструктивистские клубы Большого Урала: типология и размещение	237
О.А. Бухаркина, Л.А. Двинских	«С далекого Севера, от папы...» — коллекция рукописных открыток репрессированного уральского инженера П.М. Афанасьева в собрании Свердловского областного краеведческого музея	245
М.К. Елисафенко	Государство и общество как акторы преобразования системы просвещения в пореформенной России в 1860–1870-е годы	249

Л.А. Будрина, К.Е. Казакевич «Екатеринбургская камнерезная мастерская»: основные этапы развития.....	255
А.Н. Карфидов «Молодой, но многообещающий и ценный Невьянский музей...». История Невьянского музея в 1909–1941 годы.....	259
Г.А. Кругликова Историко-культурное наследие Урала и процессы модернизации: к постановке проблемы.....	264
Н.Н. Мамаева Об архитектуре и архитекторах старого и нового костелов Святой Анны (Екатеринбург).....	272
О.С. Марченкова Спортивная архитектура советской эпохи на Среднем Урале: этапы развития.....	278
И.А. Новиков «Советский человек в космосе» в оценке студентов и преподавателей Челябинского государственного педагогического института....	284
Г.А. Пудов Русско-шведские художественные связи в сундучном производстве.....	290
СЕКЦИЯ 4. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ	
Ю.В. Дерябина Горный деятель XVIII века — Иван Ильич Сусоров.....	296
В.Г. Карелин Уральское путешествие А. Регули (к 200-летию со дня рождения).....	300
А.П. Килин Судьба человека в переломную эпоху: книготорговец и «лишенец» В.И. Лагуткин (1883–1933).....	305
М.Б. Ларионова Судьба пермского чиновника А.С. Листовского.....	311
М.Б. Огнетова Б.Б. Кафенгауз — исследователь истории демидовских заводов на Урале.....	315
Н.А. Павлова Личный фонд А.Н. Тумбасова как источник по изучению его творческого наследия.....	322
Е.П. Пирогова Зубовы — потомки уральского заводчика Турчанинова в истории Урала, России, Италии.....	327

В.В. Родионова Врач первого земского «призыва» Л.Ф. Окинчиц.....	334
И.Н. Танкиевская Алексеев Николай Иванович. Из истории рода управителя Верхнесалдинского завода.....	338
В.В. Филатов А.М. Бигеев — видный ученый-металлург.....	344
Е.В. Шимонек Уральская одиссея петербургского ученого.....	350
СЕКЦИЯ 5. ПОГРАНИЧЬЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
Е.В. Алексеева Визуальные образы фронта: Русская Америка глазами современников и потомков.....	354
И.Р. Атнагулов Тюрко-славянские контакты и их результаты в контексте русской колонизации Южного Приуралья в XVIII – середине XIX века.....	360
К.И. Зубков Межцивилизационные взаимодействия в зоне степного фронта Российской империи.....	367
Е.А. Курлаев Промышленное освоение Урала: о статистике производства боеприпасов.....	377
Д.А. Лобанов Судьбы офицеров Тобольского гарнизонного командированного полка, участников строительства Екатеринбурга.....	385
Г.Н. Сауков География распространения посуды фабрики Чекановых по письменным и археологическим источникам.....	390
В.А. Шкерин Память об отчуждении родовых земель и современные русско-башкирские отношения.....	396
Г.Н. Шумкин Особенности сословной структуры фронтальных пространств Российской империи в середине XIX века.....	401
А.П. Ярко Мусульмане Урала и Западной Сибири в политических и этнокультурных контактах (XVI–XIX века).....	408
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	414

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 94(470.5).05/063:37

А.М. САФРОНОВА¹

ВКЛАД В.Н. ТАТИЩЕВА В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ДВОРЯН И ПОДГОТОВКУ КОМАНДНЫХ КАДРОВ ДЛЯ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА И СИБИРИ (1734–1739 годы)

Аннотация. Автор раскрывает политику В.Н. Татищева по обучению детей дворян, проживавших на казенных заводах Урала и прилегающих территориях ведомства сибирского губернатора, с целью формирования собственных командных кадров для горнозаводской промышленности.

Ключевые слова: Урал, В.Н. Татищев, дети дворян, горнозаводские школы.

Хотя первые школы при казенных заводах Урала были открыты В.Н. Татищевым в 1721–1723 гг., дети дворян, которых насчитывались единицы, в них не привлекались, они получали образование на дому и далеко не лучшего качества.

Назначенный в марте 1734 г. начальником казенных заводов Урала и Сибири В.Н. Татищев остался недоволен проектом инструкции, регламентировавшей его будущую деятельность, составленным президентом Коммерц-коллегии П.П. Шафировым, и сам разработал ее текст. Проект был подписан императрицей и получил силу закона. Татищев по своей инициативе возложил на себя широкий круг обязанностей, в т. ч. ввел в инструкцию пункт 17-й, касавшийся мер

¹ Сафронова Алевтина Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com.

закрепления молодых дворян, выпускников столичных школ, направленных на Урал, в горной службе, чтобы они не искали причин, как бы с заводов отлучиться. Татищев от имени императрицы сформулировал меры закрепления их на новом месте жительства путем выделения имений, взамен оставленных в центральной России, с «некоторою прибавкою, дабы им вечно во услугах при тех заводах остаться и своих детей в то употреблять». «Но дабы впредь отсюда в научение туда не посылать, а довольствоваться тамошними обывателями», приказывалось устроить на Урале «хорошую школу и брать в оную тамо дворянских, подьяческих и не служащих церковников детей...» [4].

Идея организации «хорошей школы» преследовала определенную цель — открыть в Екатеринбурге новое учебное заведение, призванное готовить собственные кадры для развивающейся промышленности. Не случайно на первом месте среди учащихся стояли дети дворян, ранее в горнозаводских школах не обучавшиеся.

В дополнение к словесной и арифметической школам Екатеринбурга в ноябре 1735 г. Татищевым были открыты школы немецкая, латинская и знаменованная (рисования). Необходимость открытия немецкой школы уже в первом доношении, отправленном в центр по прибытии в Екатеринбург, 9 октября 1734 г., Татищев обосновал тем, что о «полезных искусствах и ремеслах на русском языке книг не находится и к скорому оных получению надежда слабая, на немецком языке и особливо о касающихся к пользе заводов книг новых в немалую государствам пользу всегда довольно издается... за полезное весьма мне, чтоб здесь языка немецкого **неколько управительских** (курсив наш. — А.С.) и других детей обучать» [5].

В октябре же 1734 г. «Татищев «с товарищи» решили послать промеморию в Сибирскую губернскую канцелярию, чтобы «благоволено было» провести перепись детей в Тобольске и прилегающих слободах, а в Тюмень, в Верхотурье, Туринск, в Ялutorовский, Исетский и Шадринский дистрикты к управителям посланы были бы указы, а о результатах переписи сообщено в уральскую канцелярию [6]. В отношении дворянских детей запросы направлялись и индивидуальные, с указанием фамилии, имени и должностей их отцов. В ноябре 1734 г. из Сибирской губернии были затребованы «к делам» сыновья: полковника П. Нефедьева — Александр, подполковников В. Томилова и А. Текутьева — Иван и Андрей, капитана Ф. Княгинкина — Иван, И. Аврамова — Матвей, и др. [7].

В марте 1735 г. из Исетского дистрикта был прислан Текутьев, из Тобольска — сын бригадира и Тобольского обер-коменданта

А. Сухарева — Василий, сын надзирателя припасов Каменских заводов Иван Аврамов [7, 8]. Поначалу они были определены учиться арифметике, геометрии, рисованию у учителя Никиты Каркадинова, выпускника Морской академии, прошедшего стажировку в Швеции в 1720-х гг., а постигать пробирное дело должны были у первого доктора медицины, нанятого Татищевым в Москве в 1734 г., англичанина Дж. Грива [9, 10].

Стали привозить на учебу своих сыновей в Екатеринбург и сами дворяне. В сентябре 1735 г. поручик Сибирского драгунского полка Павел Костыгин привез 13-летнего сына Ивана, обученного грамоте, но, как оказалось, нетвердо, поэтому его отдали сначала в словесную школу. Полицмейстер Екатеринбурга Алексей Зубов представил племянника 12 лет, сироту Ивана Бревнова, воспитанного им с младенчества и на дому обученного грамоте, в арифметическую школу [11].

Татищев, сам в юности стажировавшийся в Германии, изучавший организацию обучения горному делу за рубежом, принятую в Швеции, решил применить подобную практику и в отношении уральских дворян, детей местной администрации. В январе 1735 г. решено было дать образование в Саксонии трем детям уральской администрации, а четырех отдать для обучения в гимназию при Академии наук. Татищев сам наметил программу их обучения [1, с. 360, 363]. Поездка за границу решением Кабинета министров была отменена, а в гимназии уральцы Григорий Клеопин, Богдан Арефьев, Александр Степанов, Федор Сикорский проучились почти 4 года [2, с. 330–343].

Немецкая школа, действовавшая в Екатеринбурге с 6 ноября 1735 г., стала основным местом обучения дворянских детей горнозаводского Урала. В нее со всех казенных заводов стали собирать детей горной администрации и обучать немецкому языку, математике, истории, основам религии. Среди 28 ее первых учеников половину составили дети местной элиты — стольника, управителей заводов, комиссаров, казначея, фискала, первых полицмейстеров Екатеринбурга; военных — полковника, подполковников, капитанов, поручиков. Среди юных дворян оказались и дети первых выпускников столичных школ, прибывших на Урал с Татищевым в 1720 г. — заводского управителя Алексея Калачева, горного надзирателя Степана Москвина. В феврале 1736 г. были зачислены вернувшиеся из столицы юноши, так и не отправленные на учебу в Саксонию: сын умершего стольника Александр

Теряев, горного надзирателя Петр Степанов и сын подьячего горного начальства Афанасий Кичигин. Из Тобольска в феврале был прислан сын подполковника Сибирского драгунского полка Иван Парфентьев [12], в 1737 г. — сын умершего капитана Княгинкина, в 1738 г. — сын подполковника Чемодурова, присланный от Татищева из Самары [13, 14].

Детей дворян с территории заводского ведомства не отпускали из школы для домашнего обучения по прошениям их отцов. Однако некоторых детей из Сибирской губернии пришлось отпустить на основе именного указа от 31 декабря 1736 г., разрешавшего одному из сыновей оставаться дома для содержания экономии при условии обучения на дому грамоте и арифметике. Так был отпущен в июле 1737 г. в Тобольск сын подполковника Петра Парфентьева Иван по прошению матери, пообещавшей, что сына «указным наукам в доме своем учить будет неотменно» [15].

Благодаря тому, что Татищев инициировал обучение детей дворян, проживавших на территории горнозаводского ведомства, в школах Екатеринбурга, на них не распространялась серия именных указов второй половины 1730-х гг. о явке на смотры к губернаторам для освидетельствования в науках. Именные указы позволяли дворянам, имевшим до 100 душ крестьян, обучать детей от 12 до 16 лет на дому арифметике, геометрии и Закону Божьему, по желанию родителей — и иностранным языкам. Заметим, в школах Екатеринбурга дворянские дети имели более широкую программу обучения, в т. ч. и предметов, необходимых для заводов: помимо основательного усвоения арифметики, включая действия с дробями, изучали геометрию, тригонометрию, черчение, рисование, немецкий язык, историю, пробирное дело и др.

Перед отъездом в Самару, в связи с назначением главой Оренбургской экспедиции, 25 июня 1737 г. В.Н. Татищев в своем «наставлении» Канцелярии Главного заводов правления о ведении дел, в 15-м пункте, посвященном школам, критически отозвался о том, что расписание о хождении учеников к обучению ремеслам по часам фактически не действует: «пробовальному, гранильному, токарному до днесь, почитай, никто не обучаетца...» [3, с. 252].

Во второй половине 1737 г. коллективные практические занятия были налажены. В конце «Ведомости о состоянии школ...» 1737 г. приведены сведения о том, какие науки изучают подростки в других школах и мастерских: «Немецкие (к наукам по часам ходят), в арифметику, в геометрию, к токарному, столярному, паяльному, к гра-

нильному, к пробирному, в знаменованную». Учился в школе в это время 41 ученик [16].

В РГАДА имеется «Ведомость о состоянии школ... 1738 года», посланная 26 июня 1739 г. в Генерал-берг-директориум [17], аналогичная по содержанию ведомости за 1737 г. В делах школьного повытья Канцелярии в ГАСО имеются черновые отпуски ведомостей о состоянии школ за 1741, 1742 гг., где приводятся аналогичные сведения [18].

Отметим, что благодаря хорошему образованию, полученному в немецкой школе, и параллельному обучению математике, рисованию, черчению, плавке металлов, пробам руд, маркшейдерству, сын канцелярского служащего Афанасий Кичигин стал горным офицером, главным межевщиком Екатеринбургского ведомства, надзирателем екатеринбургских школ. В горные офицеры вышел и обучавшийся геометрии, механике Иван Сусоров, казачий сын из Верхотурья, выросший в семье дяди-подьячего. Он стал известным создателем первых камнерезных и гранильных фабрик Екатеринбурга.

После отставки Татищева, в 1740-е гг., время от времени проводились кампании по сбору детей дворян и горных офицеров в немецкую школу, откуда они ходили по часам в арифметическую, рисовальную. Среди них Брандт — сын полицмейстера, Гордеев — сын бывшего члена Канцелярии, Ярцев — сын берг-гешворена, Бахорев — сын главного механика заводов. Все они стали видными горными офицерами, как и их отцы. В 1757 г. Никита Ярцев первым из жителей Екатеринбурга поступил в Московский университет и окончил его, был директором первого высшего технического заведения России — Петербургского горного училища (ныне Санкт-Петербургский горный университет), возглавлял уральские заводы, стал автором нескольких трудов, в т. ч. 8-томной «Российской горной истории», первым из жителей Екатеринбурга получил звание генерала.

Так, благодаря инициативе Татищева, была создана яркая плеяда собственных управленческих кадров на Урале, появились династии Клеопиных, Гордеевых, Брандтов, Степановых, Бахоревых и др., с честью трудившихся на уральских заводах на протяжении десятилетий XVIII в. и внесших немалый вклад в развитие уральской промышленности и подготовку специалистов горнозаводского дела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проект В.Н. Татищева 1735 г. об отправлении гиттенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов,

обучении детей управителей Уральских заводов в Европе и Академии наук [Текст] / подгот. А.М. Сафронова / Уральский археографический альманах. — 2005. — С. 358–361.

2. Сафронова, А.М. В.Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции [Текст] / А.М. Сафронова. — Екатеринбург, 2011. — 552 с.

3. Татищев, В.Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. [Текст] / Василий Никитич Татищев; отв. ред., авт. вступ. ст. и примеч. А.И. Юхт. — М.: Наука, 1990. — 440 с.

4. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. IX. 1733–1736 гг. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 290. — 6559. — 23.03.1734.

5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 69 об. – 70.

7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. С. 110.

8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 90–93.

9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. С. 192.

10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 218. С. 35.

11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 227–228, 249–250.

12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. С. 607.

13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 694. С. 320.

14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 81.

15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 246. С. 87–88.

16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. С. 109.

17. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1075. Л. 298–301.

18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 326–332, 399–404.

Alevtina Safronova

Vasili Tatishchev's Contribution to the Organization of the Education of Noble Children and the Team Personnel Preparation for the Ural and Siberian Factories (1734–1739)

Safronova Alevtina Mikhailovna, Doctor of Historical sciences, professor of the department of document management, archive science and history of a state administration, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg; e-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com.

Abstract. *The author reveals the policy of Vasily Tatishchev to educate the children of nobles who lived in state-owned factories in the Urals and in the adjacent territories of the Siberian governor's department in order to form their own team cadres for the mining industry.*

Keywords: *Ural, Tatishchev, children of noblemen, mining schools.*

УДК 94(470.5):352

М.А. КИСЕЛЕВ¹

В.Н. ТАТИЩЕВ И СТАНОВЛЕНИЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ УРАЛА В НАЧАЛЕ 1720-Х ГОДОВ²

Аннотация. *В статье рассматривается деятельность В.Н. Татищева по составлению карт во время его первого пребывания на Урале в 1720–1721 гг. Показано, что именно Татищев фактически был первым инициатором картографирования Урала как горнозаводского региона.*

Ключевые слова: *В.Н. Татищев, история Урала, история картографии.*

Василий Никитич Татищев известен не только как выдающийся государственный деятель, но и как интеллектуал, внесший весомый вклад в развитие в России как историописания, так и географических исследований, включая организацию картографирования ряда территорий России, в том числе и Урала. Он был один из немногих, кто мог успешно сочетать управленческую деятельность с интеллектуальной работой. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать вклад Татищева в становление картографирования на Урале в начале 1720-х гг.

Прежде чем перейти непосредственно к уральским сюжетам, следует выяснить, как у Татищева появился интерес к географии. Об этом нам известно преимущественно со слов самого Василия

¹ Киселев Михаил Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.».

Никитича. Согласно первой версии, изложенной им 9 июля 1725 г. в письме кабинет-секретарю И. А. Черкасову, Петр I «изволил быть намерен» Татищева «определить... к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами, о котором повелел» ему «в 1719 представление сочинить, которое... сочинить трудился, изображая от недостатка оногo происходящий вред, от учреждения же великую государственную пользу». Татищев при этом писал, что о важности *землемерия* он Петру «пространно... на словах... доносил». Петр это предложение «изволил милостиво принять и повелел краткое представление сделать на письме, что к тому потребно». Татищев, «немедленно сделав» его, «в Адмиралтействе вручил» царю. Последний «тоя же зимы в Сенате изволил объявить», что Татищева «к землемерию изволит определять». Далее Василий Никитич заявлял: «Сие е. в. весьма нужное намерение хитрым случаем переменялось и посылкою моею в Сибирь осталось без действия, которое я, мня за неудобное, более о том не мыслил» [1, с. 120].

Однако в 1740-е гг. Татищев в «Истории Российской» представил другую версию. Он писал, что генерал-фельдцейхмейстер и президент Берг-Мануфактур-коллегии Я.В. Брюс, «будучи некогда в Сенате, с великим сожалением приметил, что за недостатком обстоятельной Российской географии и ландкарт немалое к правильным разсуждениям и определениям препятство являлося, а ис того и немалой государству вред приключился, представил» Петру I, «дабы чрез геодезистов ландкарты всех уездов поделать и от всех городов потребные известии для сочинения обстоятельной географии собрать, что и определено». После этого Брюс в 1718 г. во время своего пребывания на Аландском конгрессе «прилежал обстоятельную русскую географию сочинить, в чем» сам Татищев «ему по возможности спомочествовал». Однако по прибытии в Санкт-Петербург Брюс из-за занятости не имел возможности продолжать эту работу, в связи с чем «прилежно... к сочинению онаго поохочивал и наставлял» Татищева. Последний же «для скудости» в себе «способных к тому наук и необходимо нужных известей осмелитьца не находил себя в состоянии, так ему, яко командиру и благодетелю, отказаться не мог». Как результат, Татищев «оное в 1719-м от него принял и мнил, что сие из сообщенных» от Брюса «известей сочинить нетрудно, немедленно по предписанному от него плану (оную) начал» [2, с. 88–89].

Какая из этих версий ближе к истине, сказать не так просто. Возможно, что это были две параллельных истории. Однако, во-пер-

вых, среди кабинетных бумаг Петра I сохранился проект о размежевании земель и составлении карт, который Татищев подписал 18 марта 1719 г. в Петербурге. В документе он для пресечения земельных конфликтов предложил «всего государства земли по владениям, станам, уездам, провинциям и губерниям размежевать геометрически», для чего следовало создать «ландкарты или чертежи земель» [1, с. 45]. во-вторых, среди кабинетных бумаг сохранилось татищевское письмо, написанное в апреле 1719 г. в Петербурге и адресованное Петру, в котором Татищев кратко излагал суть своего проекта и просил царя: «Дабы изволили выслушать прежде на словах в тайности, а потом писменно со всеми обстоятелствы и доводами пред(ъ)явить мне (проект. — М.К.) повелели» [3, с. 71]. К настоящему времени доподлинно не известно, как Петр воспринял татищевский проект и действительно ли объявил в Сенате, что желает определить Татищева к землемерию. Тем не менее документы позволяют говорить, что к моменту, когда Татищев в 1720 г. был отправлен на Урал, у него присутствовал интерес к географии и особенно к ее прагматическому аспекту, в рамках которого картографирование территорий оказывалось важным инструментом по их управлению и способствовало достижению *общего блага*.

Итак, в январе 1720 г. «хитрым случаем», под которым надо понимать стечение обстоятельств, Татищев был вместе с берг-мейстером И. Блиером назначен руководить экспедицией, которую Берг-коллегия отправила на Урал с целью развития там прежде всего медеплавильного производства. И уже во время подготовки экспедиции Татищев продемонстрировал интерес к картам тех территорий, где ему предстояло служить. 14 апреля он, занимаясь в Москве приготовлениями к поездке, писал Брюсу, что встретил некоего «швецкого афицера», который показал ему «ландкарту Казанской губернии, но ипаче всяя, и часть облегающих народов Перми». По мнению Татищева, эта карта была «довольно исправна сделана з разделением радиусов долготы и широты». Швед потребовал с Татищева 10 руб. за право ее скопировать. В связи с этим он сообщил Брюсу: «Без повеления Вашего превосходительства таких денег дать не смею, и ежели меньши возмет, то заплачу своих» Интерес к карте Татищев объяснял так: «Понеже не токмо города, но и деревни многие назначены, в которых мне быть» [4, с. 25]. Похоже, что Татищев рассматривал карту территорий, куда его отправляли, как немаловажный инструмент управления, в связи с чем был готов даже потратить личные деньги.

Будучи на Урале, 14 сентября 1720 г. Татищев писал из Кунгура в Берг-коллегию: «В Сибири есть из швецких арестантов искусной географ, которой может зделать добрую ланткарту». Он спрашивал коллегию: «Повелите ли его призвать и дать ему жалованье, дабы сочинил здешним местам (карту. — М.К.), в чем я ему инструментами и трудом помогу, а надеюся, что он невеликих денег похочет» [5, л. 66 об.]. Татищев вновь демонстрировал свой интерес к картографии, включая и готовность поучаствовать в этом своим трудом. Что же до *швецкого арестанта*, то, похоже, Татищев узнал о Ф. Табберте, получившем позднее титул фон Страленберг. Он был пленным офицером, жил с 1711 г. в Тобольске и занимался составлением карт Сибири. В 1736 г. Татищев упоминал о встрече с Таббертом, которая якобы имела место в 1720 г. в Тобольске, когда он предложил шведу «при сочинении им ландкарты» избрать Уральские горы как границу Европы и Азии. Отметим, что в 1730 г. Страленберг опубликовал на немецком языке книгу «Историко-географическое описание Северной и Восточной частей Европы и Азии», где доказывал, что граница между Европой и Азией проходит именно по Уральским горам. Однако Татищев, похоже, считал автором этой идеи себя. Только вот в 1720 г. Татищев не был в Тобольске. В столицу Сибири он впервые прибыл 9 марта 1721 г., а перед этим, 1 марта, Табберт покинул Тобольск. Теоретически их встреча могла состояться в Тобольске в январе 1723 г. [6, с. 127–128].

В конце сентября – начале октября 1720 г. Татищев был в Соли Камской, где, скорее всего, познакомился с обер-фейерверкером Х. Шульцем, владевшим навыками картографирования. Татищев решил привлечь его «для учинения чертежей здешним заводам и слободам». В январе 1721 г. Шульц был вызван на Уктус [7, л. 229], где он стал одним из шведских пленных, с которыми Татищев осматривал берега реки Исети с целью выбора места для нового завода. Между 6 и 28 февраля 1721 г. при непосредственном участии Татищева был создан чертеж будущего завода, который 28 февраля отправили в Берг-коллегию [8, с. 100]. Возможно, что Шульц также был причастен к его составлению.

11 февраля 1721 г. Татищев отправил Шульца «для учинения чертежей слободам Арамилской, Белоярской, Новопышминской и заводам Уктуским и Невьянским, дабы Государственная коллегия о положении мест, о реках, о озерах, болотах, лесах и рудных местах лучшее известие могли иметь и заводския состояния познать». Татищевым предписывалось «во оных слободах и деревнях давать»

Шульцу «мужиков старых и о положении мест сведомых, где которая река почелась и где и в которую реку впала, об озерах, лесах и рудах, тако ж и о ростоянии всех деревень в каждой слободе дать известие» [9, л. 42–42 об.]. Возможно, что одним из результатов именно этой поездки было составление под руководством Татищева плана Уктусского завода, который также 28 февраля был отправлен в столицу.

Поездка Шульца на Невьянский завод закончилась провалом. Демидовы не пустили его на свои заводы и не выделили подвод, запретив при этом наниматься к нему местным жителям [10, л. 102 об.]. В определенной степени они имели на это право: организация картографирования основывалась лишь на инициативе Татищева, а не на указе из столицы. На свою удачу 28 марта Татищев получил ответ из Берг-коллегии на доношение от 14 сентября 1720 г. В нем Татищеву повелевалось шведского *географа* «сыскать и ланткарту велеть ему зделать добрым порядком и с прямым размером, где бы назначены были знатные города и всякие заводы и рудные места, а выдать ему за труд, что он запросит» [11, л. 185]. В связи с тем, что швед в указе не был назван по имени, 13 апреля Татищев написал А.Н. Демидову, что теперь отправка на Невьянский завод Шульца — это повеление коллегии. Заводчику предписывалось «дать ему (Шульцу. — М.К.) дву(х) или трех человек из мужиков, знающих о положении мест, чтоб ему рассказали о реках, озерах, болотах, лесах, рудах, селлах и деревнях вашего ведомства с расстоянием дальности едино место от другога и в которую сторону, ... и вам велеть ему дать от села до села подводы и проводника» [12, с. 184]. Перед этим в конце марта 1721 г. Василий Никитич отправил Шульца для составления чертежа Каменского завода [7, л. 241].

Уже 9 июня Шульц отправился «чрез Новопышминскую слободу на Каменские заводы, а с Каменских заводов до Уктуса, до Полевой и Гумешек для учинения чертежей», а 24 июля ему Татищевым было предписано начать работу над чертежами в Кунгурском уезде [7, л. 255 об., 267]. Татищев интересовался ходом работ у Шульца и 25 октября, будучи в Тобольске, просил прислать с Уктуса «чертеж слободам, что делал Шульц для внятнейшего предложения» [7, л. 517]. В то же время Шульц извещал Татищева, что он «ланткарту заводам и присудствующим слободам и рудным местам учинил», отмечая, что «Белослудской и другим слободам без указу из Сибирской губернии ехать и описывать не смеет» [13, л. 323]. В ответ на это 1 ноября Татищев, 31 октября подавший соответствующее доношение в Сибирскую губернскую канцелярию, писал

на Уктус, что губернатор А.М. Черкасский готов дать соответствующий указ. Однако Татищев торопился и предписывал Шульца отправить для изготовления «чертежа Белослудской и других слобод» до получения указа [7, л. 518]. Итак, картографические работы, организованные Татищевым, уже выходили за рамки территорий, подведомственных горному начальству.

В связи с тем что был заключен мир со Швецией, Шульц принял решение вернуться домой. 29 декабря он передал Татищеву свои чертежи, за которые получил 20 руб. [7, л. 297 об.]. А в начале 1722 г. Татищев сам уехал в столицу, чем и завершился его первый этап государственной деятельности на Урале.

Оценивая деятельность Шульца, Татищев утверждал, что он «поспособствовал в сочинении здешней кунгурской и пермской ландкарт» [14, с. 151]. К настоящему времени известен чертеж Кунгурского уезда, составленный Шульцем. Кроме того, согласно наблюдениям Е.В. Ястребова, именно Шульцем мог быть создан чертеж реки Тагил и реки Нейвы с заводами [15, с. 66].

Итак, В.Н. Татищев фактически был первым инициатором картографирования Урала как горнозаводского региона. Примечательно, что не коллегия повелела ему составлять карты, а он сам выступил с такой инициативой. Это было связано с тем, что картографирование Татищевым мыслилось как важный инструмент управления. В этом отношении Василий Никитич был человеком Нового времени, для которого окружающее пространство подлежало тотальному упорядочиванию посредством связки знание — власть, благодаря чему конгломерат территорий постепенно превращался в набор регионов, выделяемых на основании «объективных» критериев. Собственно, составляемые под руководством Татищева карты работали на визуализацию пространства господства новой — «горной» — власти, закладывая основы для развития горнозаводской картографии. В перспективе в данный период создавались предпосылки для определения Урала как отдельного от Сибири региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Татищев, В.Н.** *Записки. Письма, 1717–1750 гг. [Текст] / Василий Никитич Татищев; отв. ред., авт. вступ. ст. и примеч. А.И. Юхт.* — М.: Наука, 1990. — 440 с.
2. **Татищев, В.Н.** *История Российская [Текст]: в 7 т. Т. 1 / Василий Никитич Татищев; [Вступ. статья А. И. Андреева и др.].* — М.; Л., 1962. — 500 с.

3. **Воскресенский, Н.А.** Законодательные акты Петра I [Текст] : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники / Н.А. Воскресенский; под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова. — М.; Л., 1945. — Т. I. — 600 с.
4. **Киселев, М.А.** Переписка В.Н. Татищева с Я.В. Брюсом и Берг-коллегией в 1720–1721 гг. [Текст] / М.А. Киселев // История : Факты и символы. — 2019. — № 2(19). — С. 16–26.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3.
6. **Киселев, М.А.** Урало-шведские грезы Василия Татищева [Текст] / М.А. Киселев // Новый мир. — 2016. — № 9. — С. 120–137.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а.
8. **Ястребов, Е.В.** Первые чертежи уральских заводов и участие В.Н. Татищева в их создании [Текст] / Е.В. Ястребов // Советские архивы. — 1970. — № 4. — С. 98–101.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5.
10. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618.
11. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611.
12. Указ В.Н. Татищева А.Н. Демидову от 13 апреля 1721 г. [Текст] // Демидовский временник: ист. альманах. — Екатеринбург, 1994. — Кн. I. — С. 184–185.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6.
14. **Геннин, В. де.** Уральская переписка с Петром I и Екатериной I [Текст] / Вильгельм де Геннин; сост. М.О. Акишин. — Екатеринбург, 1995. — 467 с.
15. **Ястребов, Е.В.** Картографические работы и картирование природных ресурсов на Урале в XVIII веке [Текст] / Е.В. Ястребов // Вопросы природных ресурсов. — М., 1974. — С. 53–70.

М.А. Kiselev

V.N. Tatishchev and the Establishment of the Urals Mapping in the Early 1720s

Kiselev Mikhail Alexandrovich, Candidate of Sciences in History, Senior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com.

Abstract. The article devoted to the V. N. Tatishchev activities on compiling maps at the Urals in 1720–1721. It is shown that it was Tatishchev who was the first initiator of the mapping of the Urals as a mining region.

Keywords: V.N. Tatishchev, history of the Urals, history of cartography.

УДК 94(470.4+470.5)

И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ¹

ПОВОЛЖЬЕ И УРАЛ — РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ²

Аннотация. В статье проанализированы региональные модели фронтальной модернизации в Российской империи на материале Поволжья и Урала. Выделены три этапа в их развитии: фронтальная модернизация, раннеиндустриальная модернизация. Отмечается тенденция к более прочной интеграции регионов в общестрановое пространство.

Ключевые слова: модернизация, фронтальная модернизация, колонизация, центр, периферия, Российская империя, Поволжье, Урал, протоиндустриализация.

Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, субпроцессов, моделей модернизации.

Учитывая обширные размеры страны и разнообразие входящих в ее состав регионов, а также продолжительность самой модернизационной трансформации, считаем перспективным выход на региональный уровень (подобный подход динамично развивается. См., например: [2; 13, с. 283–298; 15]) с целью моделирования конкретных региональных модернизаций.

В свое время автором была предложена концепция фронтальной модернизации для анализа развития в периферийных регионах России имперского периода [9, 10, 12]. В основе концепции лежала идея, что незавершенное освоение должно накладывать отпечаток на модернизационные процессы как в указанных регионах, так и в целом в стране. Действительно, фронтальный характер придавал своеобразие российским модернизациям, которое выражалось в следующем: осво-

¹ Побережников Игорь Васильевич, д-р ист. наук, директор ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: pober1871@mail.ru.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

енческом синдроме (подвижность населения, растянутасть колониционных процессов, экстенсивный характер аграрной экономики, социально-сословная и этноконфессиональная мозаика и т. п.); постоянной потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов фронтальных зон, повышенной роли транспортного фактора; дифференциации пространства на центр (ядро) и периферию, которые различались по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; разновекторной диффузии (традиционной и современной) в условиях освоения новых территорий; милитаризации регионов освоения, обеспечивавшей условия для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства»; постепенной конвергенции центра и периферии по различным параметрам, расширении институционально-политических, хозяйственных, социокультурных контактов фронтальных зон с центром в качестве перспективы фронтальной модернизации.

Чтобы оценить степень интеграции окраинных территорий, можно прибегнуть к модели «центр – периферия», ориентирующей на выявление взаимодействий центра и территорий, позволяющей вписать историю региона в общестрановой контекст на партнерских правах. В рамках данной модели в качестве центра выступает собственно страна, воплощенная в геополитических проекциях, центральных институтах, констелляциях национальных символов, социетальных конфигурациях и т. д. «Периферия» же выступает, во-первых, как производная страновых характеристик (институциональных, социальных, культурно-символических; применительно к окраинным территориям данное обстоятельство обусловлено их освоением природой, постепенным распространением на них страновых характеристик под контролем государственного центра); во-вторых, как автономное образование, обладающее своей жизнью, имеющее свою логику развития (что обусловлено уникальностью геополитической позиции региона, занимаемой им экологической ниши, соединения в региональном масштабе разнообразных ресурсов, факторов, своеобразием сложившихся здесь этнокультурных, социально-экономических, институционально-политических ландшафтов, в конце концов — неповторимостью исторической траектории региона); в-третьих, как серьезный фактор развития страны (здесь особенно следует выделить исторические роли, которые играли подобные регионы в освоении смежных территорий в различные периоды времени). Таким образом,

применение центр-периферийного подхода никоим образом не принижает значения региона, но позволяет рассматривать его как участника сложной системы взаимодействий, выступающего то в роли реципиента, то в роли донора, воплощающего как общестрановые закономерности исторического развития, так и активно их формирующего.

Исторические процессы разворачиваются во времени, что требует их обязательной хронологической разметки, установления их связей с временным измерением, т. е. периодизации. Поскольку реальный исторический процесс является многофакторным, результирующим воздействия множества причин, периодизация также должна в идеале учитывать множество измерений. Формат статьи не позволяет рассмотреть буквально все влияния, но мы полагаем, что включение в орбиту внимания таких параметров, как базовые акторы освоения и развития, характер взаимоотношений центральных и региональных институтов управления, доминирующие способы освоения и регионального развития — уже позволяет в первом приближении наметить контуры периодизации региональной истории в ее взаимосвязи с историей страны и государственности. Опираясь на концепцию центр-периферийных отношений, мы полагаем, что по мере освоения и развития региона избыщается такое его качество, как «периферийность», и нарастает значимость характеристик, сближающих его с цивилизационно-страновым «ядром» (подобный подход применительно к истории Урала был предложен в ряде работ: [3, 11]).

Попытаемся сопоставить два восточных региона России, которые сохраняли на протяжении имперского периода освоения синдром и в разной степени подверглись воздействию модернизации: это Поволжье и Урал.

Поволжье (в данном случае имеется в виду Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье — Юго-Восток Европейской России) охватывало обширные пространства современных Самарской, Ульяновской, Саратовской, Астраханской областей; восточную часть Пензенской, западную — Оренбургской области; юго-восточную (закамскую) — Республики Татарстан, юго-западную — Республики Башкортостан; западные (прилегающие к р. Урал) территории Казахстана. Территория вытянута в меридиональном направлении; при этом интегрирующим фактором громадного региона выступала р. Волга с ее притоками.

Уральский регион ассоциируется с Уральскими горами. В историографии дореволюционный Урал традиционно рассматривается

в границах четырех губерний — Пермской, Вятской, Оренбургской и выделенной в 1864 г. из состава последней — Уфимской; регион также вытянут с севера на юг вдоль Уральского хребта, который и выступает в данном случае географической осью.

И в истории Поволжья, и в истории Урала можно выделить в качестве первого этапа взаимодействия с метрополией эпоху фронта, которая для данных регионов хронологически частично не совпадает. Для Среднего и Нижнего Поволжья первый этап, когда территория была окончательно закреплена под российской юрисдикцией, приходится на вторую половину XVI – первую треть XVIII века. В этот период Среднее Поволжье было фронтиром Российского государства, обращенным на восток, к кочевому степному миру — ногайцам, башкирам, калмыкам. Граница между оседлым и кочевым мирами была отмечена первоначально линией крепостей (Уфа, Самара, Саратов, Царицын и др.), а затем, с середины XVII в., — засечными линиями, которые обеспечивали дальнейшую колонизацию юго-восточной окраины «Дикого Поля». Пространство региона к югу от Камы стало крупнейшим в России центром добычи ценнейших сортов рыбы, рыбопродуктов и соли. В то же время крупное вотчинное землевладение здесь было развито слабо; аграрное освоение региона заметно отставало от промыслового [5]. Периферийный характер Поволжья по отношению к центру страны в данный период подчеркивался существованием специального центрального органа регионального управления — Приказа Казанского дворца.

В истории Урала XV–XVII вв. — это период первичной колонизации: военно-промысловой в XV – начале XVII в. и аграрной на протяжении XVII столетия. В данный период происходит переход к первичной городской колонизации, становлению сети городов — новых военно-политических центров территории, установлению контроля над новым транзитным транспортным путем, который вел из-за Урала — от городов Великой Перми в районы среднего Приобья и далее в бассейн Енисея.

Создание в 1630–1690-е гг. в Зауралье мощного хлебопроизводящего района решило проблему продовольственного обеспечения как местных городов, так и части городского населения Сибири, подкрепило опорный статус региона для этой новоосвоенной страны. В то же время в данный период Урал по отношению к центру страны выступал в качестве периферии, зоны первичного освоения, что подчеркивалось существованием специального центрального органа регионального управления — Сибирского приказа.

Второй этап, условно фронтальной модернизации, в истории Поволжья можно отнести к 1730–1880-м годам. С середины 1730-х гг. началось интенсивное военное, государственно-административное и экономическое освоение региона; в итоге к середине XIX в. имперская политика в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции. Средневолжский регион из фронта вдоль юго-восточной границы стал превращаться в своеобразную «внутреннюю окраину» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи. Процессы модернизации, развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ, затронули прежде всего инфраструктуру: Поволжье покрылось сетью железных дорог, что приблизило его к промышленным центрам; появились телеграф, телефон, речное пароходство, финансовая и банковская системы. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи с выходом на мировой рынок. Через постоянный обмен ресурсами, товаров, капиталов Поволжье включилось в многосторонний экономический механизм Российской империи, став его неотъемлемой составной частью. При этом в Заволжье и Южном Приуралье длительное время сохранялся огромный массив свободных земель, чем объясняется постоянный приток мигрантов в данный регион [6, с. 12–13].

К 1880-м гг. в крае сложилась социальная и хозяйственная структура, аналогичная структуре деревни центральной европейской части страны. Однако регион сохранял свои особенности, определяемые не только географическим и природным факторами, но и специфической этнокультурной средой.

Для Урала суть второго этапа (XVIII–1870-е гг.) составляет фронтальная модернизация, которая в технологическом плане здесь в основном совпадает с протоиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности) [1, 7]. Предпосылками протоиндустриализации выступали обеспеченность региона полезными ископаемыми (руды черных и цветных металлов) и другими ресурсами (реки, лес), необходимыми для развития горнометаллургического производства, а также определенный уровень освоенности региона, по крайней мере, в его средней части (сеть постоянных сельских и городских населенных пунктов). На данном этапе в регионе усилиями русской администрации с опорой на местные демографические и природные ресурсы был создан комплекс металлургических заводов, началось экономическое освоение лесостепных территорий. Уже в первой чет-

верти XVIII в. горнозаводский сегмент уральской промышленности стал ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи. При этом протоиндустриализация Урала приобрела характер промышленной колонизации: колонизационный характер промышленного развития был обусловлен отсутствием таких его экономических предпосылок, как развитой рынок поземельной собственности, труда, капитала, сырья [8, с. 146–147; 14, с. 193–194]. В результате освоения уральской территории к концу XVIII в. в России был сформирован один из первых ярко выраженных промышленных регионов.

Социально-институциональная структура и менталитет еще в значительной степени носили традиционный характер, но постепенно они модернизировались. Шли процессы рационализации бюрократической организации, нарастания современных черт в сознании заводского и городского населения. Регион выступал в качестве полупериферии по отношению к центру. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности связанные с незавершенным освоением, сохранялись. Это, например, военные черты в системе местного управления (общего и отраслевого; особенно на окраинах региона — в Оренбуржье, где в XIX в. краем руководил военный губернатор или генерал-губернатор; последний пост был упразднен лишь в 1881 г., после того как Оренбургский край утратил значение пограничного), мощные традиционные анклавы в сельской местности.

На третьем этапе (1880-е – начало XX в.) в стране утверждается модель современного индустриального роста, для которой характерно устойчивое превышение темпов роста производства над темпами демографического роста. По сути, регионы вступают в стадию раннеиндустриальной модернизации. На данном этапе продолжалось складывание Поволжского экономического региона. Его особенностью являлся преимущественно аграрный характер его экономики. Промышленность была ориентирована в основном на переработку сельскохозяйственного сырья и обслуживание земледелия. Поэтому здесь преобладало мелкое производство, такое как мукомолье, рыбодобывающая и перерабатывающая отрасли, торговля и транспорт, преимущественно речной.

Создание в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало развитию рынка промышленного сырья и топлива, оптимизации внутрирегиональных экономических связей [4, с. 205–214]. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности, связанные с незавершенностью освоения, сохранялись до рубежа XIX–XX вв.

Сопоставляя рассмотренные региональные варианты развития, можно сделать вывод, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтальных сообществах. По сути оба региона присоединялись на протяжении XVI–XVII вв., испытывали внешнюю угрозу со стороны кочевых народов и к середине XVIII в. были защищены оборонительными линиями. Военный элемент (особые формы управления; казачество) сохранял свое значение в жизни указанных регионов в разной степени (порой уже очень фрагментарно, применительно к границам) до конца XIX – начала XX века.

Из рассмотренных регионов более благоприятные для модернизации условия имелись на Урале: достаточная освоенность территории к XVIII в., богатство природных ресурсов, возможность заниматься производительным сельским хозяйством, фрагментарные геополитические риски. В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки до завершения даже на рубеже XVIII–XIX веков.

В Поволжье длительное время преобладала аграрная специализация в экономическом развитии, причем аграрный сектор медленно включался в модернизационный процесс. Процессы модернизации, развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ, затронули прежде всего инфраструктуру; в промышленном отношении Поволжье до конца XIX в. оставалось слабо развитым регионом.

При этом в целом для обоих регионов характерна тенденция более прочной интеграции в хозяйственный, социокультурный, политико-институциональный контексты страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев, В.В.** *Протоиндустриализация на Урале [Текст] / В.В. Алексеев // Экономическая история России XVII–XX вв. : динамика и институционально-социокультурная среда : сб. ст. памяти Л.В. Сапоговской. — Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008. — С. 63–94.*
2. **Арсентьев, Н.М.** *Московское горное правление в истории российской индустриализации [Текст] / Н.М. Арсентьев. — Саранск: Изд. Центр ИнСтИтут, 2019. — 212 с.*
3. **Артемов, Е.Т.** *Урал в российской истории: диалектика «центр – периферийных» отношений [Текст] / Е.Т. Артемов // Вестн. УрО РАН. — 2012. — № 2. — С. 124–129.*

4. **Гаврилов, Д.В., Алексеев, В.В.** Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. [Текст] / Д.В. Гаврилов, В.В. Алексеев; Ин-т истории и археологии УрО РАН, Уральский гос. техн. ун-т. — Екатеринбург, 2005. — 616 с.
5. **Дубман, Э.Л.** Некоторые особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII в. [Текст] / Э.Л. Дубман // Вестн. СамГУ. — 2009. — № 7 (73). — С. 6–11.
6. **Кабытов, П.С., Дубман, Э.Л., Леонтьева, О.Б.** «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): к постановке проблемы [Текст] / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева // Вестн. СамГУ. — 2012. — № 8/2 (99). — С. 5–20.
7. **Курлаев, Е.А., Корепанов, Н.С., Побережников, И.В.** Технико-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. [Текст] / Е.А. Курлаев, Н.С. Корепанов, И.В. Побережников. — Екатеринбург: БКИ, 2011. — 203 с.
8. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века [Текст]: [монография] / [В.В. Алексеев, И.В. Побережников, А.С. Сенявский и др.]; отв. ред. В.В. Алексеев. — М.: Наука, 2000. — 246 с.
9. **Побережников, И.В.** Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) [Текст] / И.В. Побережников // Документ. Архив. История. Современность. — Вып. 11. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С. 202–210.
10. **Побережников, И.В.** Азиатская Россия: фронт, модернизация [Текст] / И.В. Побережников // Известия УрГУ. — 2011. — Серия 2: Гуманитарные науки. — № 4 (96). — С. 191–203.
11. **Побережников, И.В.** Урал в истории Российского государства: постановка проблемы [Текст] / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 2 (35). — С. 118–126.
12. **Побережников, И.В.** Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен [Текст] / И.В. Побережников // Россия реформирующаяся. — Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. — М.: Новый хронограф, 2013. — С. 246–274.
13. **Побережников, И.В.** Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты [Текст] / И.В. Побережников // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе / Под общ. ред. О.В. Воробьевой. — М.: Аквилон, 2018. — С. 283–298.
14. **Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации [Текст] / Отв. ред. И.В. Побережников.** — Екатеринбург: УрО РАН, 2006. — 342 с.

15. **Кальмина, Л.В. и др.** Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. [Текст] // Л.В. Кальмина, М.Н. Балдано, А.М. Плеханова, Л.И. Бородкин, Т.В. Паликова. — Иркутск: Оттиск, 2015. — 228 с.

I.V. Poberezhnikov
Volga and Ural Regions — Frontier Modernization
Regional Models in the Russian Empire

Igor V. Poberezhnikov, Doctor of Historical Sciences, director, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: pober1871@mail.ru.

Abstract. The article analyzes regional models of frontier modernization in the Russian Empire based on the material of the Volga region and the Urals. The author identified three stages in their development: frontier, frontier modernization, and early industrial modernization. The author highlighted the trend towards stronger integration of regions into the common country space.

Keywords: modernization, frontier, colonization, center, periphery, Russian Empire, Volga region, Ural, proto-industrialization.

УДК 94(470.5)

И.Н. ЮРКИН¹

НЕВЬЯНСКИЕ БАШНИ
ДЕМИДОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена изучению истории изготовления башенных часов на Невьянском заводе в годы, когда он принадлежал Демидовым. Приведены сведения о существовавшей в Невьянске башне, которая использовалась для выполнения работ по сборке и наладке таких часов. Опубликован фрагмент документа 1759 года, содержащий сведения о деревянной и каменной башнях в Невьянске. Устанавливается время существования деревянной башни, имена мастеров, которые занимались изготовлением часовых механизмов, названия заводов, на которых при Демидовых существовали такие башни.

Ключевые слова: башни, изготовление часов, Демидовы, раздел наследства, Невьянск, облик города-завода.

¹ Юркин Игорь Николаевич, д-р ист. наук, ФГБУН Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва; e-mail: ig-yurkin@yandex.ru.

Невьянская наклонная башня — выдающийся исторический и архитектурный памятник, заслуженно широко известный. Башне посвящены книги В.Г. Федорова, И.М. Шакинко, В.М. Слукина [1–3], о ней написано множество статей, число упоминаний о ней огромно.

Башня представляет собой поднявшийся до отметки 57 м трехъярусный восьмерик на высоком четверике, стоящем на двухэтажной палате. Точных данных о том, когда и кем она была построена, нет. Преобладает версия, согласно которой башня строилась в два этапа. На первом (приблизительно в 1723–1725 гг.) были сложены палата с крыльцом и четверик. На втором, продлившемся до 1732 г., построили восьмерик. Высказаны аргументированные предположения по поводу имен мастеров, руководивших работами [4, с. 43–49, 63, 64]¹.

Невьянская наклонная башня стала памятником роду Демидовых, сооруженным самими Демидовыми. Из архитектурных свидетелей истории демидовского рода она — из самых ценных и притягательных. В списке демидовских древностей не так уж много объектов со столь высоким мемориальным потенциалом. Важнейшие — Невьянская башня, клеймо «старый соболю», родовой герб с рудоискательными лозами и славящим труд девизом. Обретя их, демидовский Урал обрел демидовские символы. Обрела их и Россия.

Несмотря на пристальное внимание к памятнику, в его истории остается немало белых пятен. Как будет показано в статье, даже число башен, существовавших на территории Невьянского завода, требует уточнения. Это небольшое исследование предпринято с целью прояснить некоторые детали, касающиеся истории этих башен.

Сообщаемые далее факты и умозаключения опираются на относящееся к середине XVIII в. любопытное упоминание о башнях, прежде исследователями или не замеченное, или их не заинтересовавшее. Оно присутствует в документах, связанных с разделом имущества покойного Акинфия Никитича Демидова. Состав долей его сыновей Прокофия, Григория и Никиты определяло особое «Расписание», согласованное сторонами 1 декабря 1757 г. В мае следующего года наследники вступили в суверенное владение своими частями. Вскоре однако, выяснилось, что осталось множество мелочей, требовавших дополнительного согласования. Работа по сближению бумажной схемы и реальности заняла несколько лет.

Отношения между братьями в этот период часто были далеко не братскими. Взаимные их обиды отразили жалобы, поступавшие

¹ Не противоречит этому мнению В.М. Слукина: фундамент заложен в 1721–1723 гг., постройка «складена» в 1725–1732 гг. [3, с. 38, 52].

в Берг-коллегию. В многочисленных грехах, как серьезных, так и мелких, обвинял братьев Прокофий. Те возмущались («есть ли б совесть имел, то б в челобитной о том и писать стыдился»), некоторое время терпели, но в августе 1759 г. подали свою жалобу. К ней приложили перечень того, в чем, по их мнению, Прокофий взаимные договоренности «не токмо не исполняет, но и ничего братьям своим дать не хочет». В длинном списке присутствует пункт 16, в котором читаем:

«Башенные двои часы с колоколами Прокофьевы поверенные и Невьянского завода прикащики Махотины в раздел не отдают, под следующим вымышленным претекстом. При жизни Акинфия Демидова заведены болшие с колоколами башенные часы, для которых привода и пущения в ход зделана в Невьянском заводе на четырех столбах обшитая тесом башенка. Но как главной всех заводов бывшей прикащик Степан Егоров получил от 27 генваря 758 года о разделе имения ордер, в коем велено к маию месяцу все приуготовить, и чтоб с перваго числа мая уже каждая часть, назначенная в разделной, в свое течение вступила, то оной Егоров велел на вышеозначенную четырехстолбовую башенку поставить двои не совсем зделанные часы, и к ним привесить колокола; чтоб оные в разсуждении равенства в разделе привесить в совершенство, ибо в Невьянском заводе часы с колоколами на каменной башне уже имеютца. Которой случай, пымав за находку, Прокофьева поверенные и прикащики Невьянского завода Махотины в раздел не отдают, и боде оныя стоят на башне, а не в анбаре» [9, л. 241 об.–242].

Этот текст и послужил поводом для написания этой статьи. Чтобы разобраться в нем, обратимся к «Пунктам, касающимся к постановленному полюбовному разделу» — приложению к согласованной сторонами в 1757 г. схеме раздела имущества. В них, а именно в пункте 17, читаем:

«...Заводам, дворовому и прочему строениям з землями и угодыями, и з действующими инструментами, также мельницами, и скотным двором... быть при тех частях, кому каторая ныне по полюбовному розделу достались» [5, с. 42].

Здесь описан принцип раздела недвижимой собственности. Конкретному заводу — его постройкам и земле под ними — предписано быть в той части, в которой определено Расписанием. К недвижимому условно присоединены инструменты (имущество движимое), но лишь «действующие», т.е. включенные в технологический процесс. Стороны договорились считать их как бы частью завода.

Дальше в том же пункте об имуществе движимом: «А о запасных материалах и припасах, также и о инструментах, медных, железных, чугунных, и каменных, и деревянных и протчих материалах и припасах оные разделить поравну» [5, с. 42]. Т. е., если в сарае, положим, дюжина лопат — каждый может претендовать на четыре.

Общее правило: неотъемлемое от завода — тому, чей завод, прочее поровну. Просто. Но открывает возможность для манипуляций. Ее и заподозрили братья. Вернувшись к их прошению, разберем подозрения.

История, какой она реконструируется из челобитной, начинается при Акинфии Никитиче. Документ сообщает, что при нем были «заведены болшие с колоколами башенные часы, для которых привода и пущения в ход зделана в Невьянском заводе на четырех столбах обшита тесом башенка». Акинфий умирает, готовится раздел имущества. Приходит приказ готовиться, «чтоб... каждая часть, назначенная в разделной, в свое течение вступила». Исполняя его, Степан Егоров, главный приказчик заводов, велит на «четырехстолбовую» башенку поставить двое часов, которые «не совсем зделанные», и привесить к ним колокола. Чем руководствуется — не объяснено. Хочет освободить помещение для перекладки туда другого имущества? Или печется, по выражению документа, «в разсуждении равенства в разделе» — хочет его облегчить, выставив делимое напоказ? Как бы то ни было, поверенных Прокофия, будущего хозяина Невьянского завода, эта перестановка наводит на некую мысль, и они, по словам братьев, этот «случай, пымав за находку», используют. Раз часы с колоколами «на башне, а не в анбаре», рассуждают прокофьевы люди, они суть имущество недвижимое, следовательно, остаются за заводом. На что и жалуются Григорий с Никитой: те их (т. е. прокофьевы приказчики — часы) «в раздел не отдают». Братья требуют справедливости: предлагают учесть, что, кроме спорных часов, «в Невьянском заводе часы с колоколами на каменной башне уже имеютца». Из чего, по их логике, следует, что часы на башенке должны быть отданы им.

Сказанное объясняет использование множественного числа в названии статьи. Башен в Невьянском заводе было две: собственно каменная башня и та деревянная башенка на столбах, на которой доводились «до ума» часы и механизм, приводивший в действие колокола.

Тот факт, что на каменной башне в 1759 г. были «часы с колоколами», открытием, конечно, не является. Известны и более ранние

упоминания о них. Так, Иоганн Гмелин в «Путешествии в Сибирь», описывая Невьянский завод, где побывал в августе 1742 г., отметил высокую каменную колокольню «с башенными часами с боем» [4, с. 67; 6, с. 20, 33].

Что же привлеченный нами источник добавляет к тому, что было известно раньше?

1. Из него узнаем, что в течение 13 лет, пока Невьянск пребывал, по сути, без хозяина, часы на каменной башне оставались, никто их там не разорил. Причем часы оставались часами — механизмом, а не металлоломом.

2. Владельцы в нашем отрывке называют каменную постройку «башней», явно отличая от церковной колокольни. Из чего заключаем, что к ее колоколам привыкли относиться прежде всего в их связке с часами. Говорим об этом потому, что Гмелин увиденную им каменную башню принял за колокольню стоящей рядом церкви. Поскольку собственной колокольни у деревянного храма не было, возможно, что время от времени с башни звучал и церковный звон. Но для заводовладельцев, повторяю, это были не колокола, а «часы с колоколами».

3. Представляемый документ подтверждает тот известный факт, что мастера, жившие в «Ведомстве Акинфия Демидова» (как обозначали его на ландкартах), помимо прочего, изготавливали башенные часы. Заключаем это из упоминания двух часовых механизмов, в отношении которых сказано, что они «не совсем зделанные». Их либо сделали, не доделав, либо получили (купили?) недоделанными. Второе маловероятно, первое согласуется с другими данными.

4. Где-то — это, скорее всего в Невьянске. Действительно, странно было бы, если бы часы сделали, положим, в Нижнем Тагиле, а потом недоделанные перевезли в Невьянский завод. О том, что местом, где их изготавливали, был Невьянск, говорит и факт существования здесь специальной башенки, «в которой становятся ново зделанные часы» [4, с. 72] — по сути, станда, на котором сложный механизм монтировали, а потом в тестовом режиме запускали. Причем существовала такая башенка долго (о чем дальше), а это имело смысл только в том случае, если на протяжении длительного времени ее использовали. То есть — если часы изготавливали в Невьянске не год и не два.

5. Башенка — оригинальный стенд для сборки и испытания часовых механизмов — любопытный объект архитектурного комплекса

Невьянского завода. Не рискуем утверждать, что никто не обращал на нее внимания — историография темы обширна. Но нам в текстах новейшего времени эта башенка не встречалась. Между тем она упоминается в достаточно известном источнике — «Книге мемориальной о заводском производстве» Григория Махотина. Читаем в ней описания Невьянского завода: «При плотине ж небольшая часовая башня на столбах с одним чуланом, в котором 1 часы с прибором, медными колесами и одним коротким валиком». Указана цена этой постройки — 30 рублей, что в 10 (!) раз дешевле хранящегося в ней часового механизма [4, с. 72].

Попытаемся определить время существования деревянной башенки. Часы, для «привода и пущения» которых ее соорудили, как мы помним, были «заведены» еще при Акинфии Никитиче. Башенку могли построить и после изготовления часов, но едва ли перерыв между событиями был большим. Еще менее вероятно, что ее соорудили после смерти Акинфия, в период, когда заводы не столько развивались (а строительство башни — полноценное промышленное строительство), сколько поддерживались в работоспособном состоянии.

Отнеся время постройки деревянной башенки к периоду до августа 1745 г., сузим хронологический интервал. Ее поставили, несомненно, после завершения строительства каменной. Об этом говорит отсутствие построек, которые можно с ней соотнести, на рисунке Невьянского завода в «Абрисах» В. И. Геннина (ок. 1735). Первые невьянские (английские) часы были установлены в начале 1730-х на каменную башню, где и настраивались. А дальнейшие часовые опыты потребовали создания отдельного стенда для чернового монтажа и наладки — башенки¹.

Как долго башенка существовала после упоминания о ней в 1759 году? Объект отмечен в «Книге мемориальной...» Г. Махотина 1767–1770 гг. На титульном листе сохранившегося экземпляра Книги указано время завершения его оформления: «Рисовано 1776 году». Описание башенки из текста не исключено — соответственно, вполне вероятно, что башенка еще существовала.

1 Правда, мы знаем, что в 1741 г. Яков Сидоров ездил на Нижнетагильский завод для сборки и установки там часов [4, с. 47]. Но, согласимся, маловероятно, чтобы часовая демидовская фабрика была передвижной — перемещалась с мастером и инструментами, изготавливая, где нужно, часы «с нуля» до полной их готовности. Более вероятно, что переезжал один мастер, который монтировал и юстировал в основном уже законченный механизм.

А вот на плане Невьянского завода, изображающем его после пожара 1772 г.¹, подходящей постройки не видим. Башен на плане немало. Есть и каменная башня, есть и деревянные крепостные, причем показаны не только существующие, но и сгоревшие. Нет только упомянутой в экспликации некой «башни, в которой держали топоры и другие разные припасы». Локализация ее на плане затруднена² — он имеет потертости, отдельные фрагменты изображения утрачены. У конца плотины (куда направляет наш поиск Ведомость Невьянского завода 1746 г. — его описание, составленное при подготовке раздела имущества), или хотя бы просто «при плотине» (как отмечено в Книге мемориальной), такой башни на плане не находим. Но будучи упомянута в экспликации, где-то она все-таки стояла. Может быть, это наша деревянная башенка, правда, уже без часов в ней? Если же нет, придется признать, что она была разобрана до пожара.

Сделаем вывод, объединяющий предыдущие. Если а) часы делались в Невьянском заводе, б) башенка для их сборки и регулировки существовала здесь длительное время, — то часовые механизмы тоже изготавливали долго, на протяжении минимум десятилетия, а скорее больше.

Наше заключение, в общем, совпадает с картиной, нарисованной И.М. Шакинко: «Уже через несколько лет, — писал он, подразумеваемая период после завершения строительства каменной башни, — на Невьянском заводе имелись ‘часовые машины’, которые к часам колеса прорезывают» и другие детали готовят. В середине XVIII века здесь стали делать ‘часы столовые и башенные’ не только для демидовских заводов, но и для продажи» [2, с. 165]. Наш источник эти сведения в общем подтверждает, кроме того, сообщает новые — касающиеся технологии их изготовления. Как видим, помимо машин для нарезания зубьев, на заводе существовал специальный стенд, на котором производилась сборка и регулировка механизма — наша башенка.

Существовала техника, были освоены технологии — имелись и мастера, так или иначе связанные с часовым делом. В письме Акинфия сентября 1741 г. встречаем упоминание о Якове Сидорове, направленном на Нижнетагильский завод «для постановления часов»³.

1 Опубликовано в «Легендах и былях Невьянской башни» [3, с. 90].

2 Можно только утверждать, что искомая башня — не крепостная. Те обозначены римскими цифрами, а башня, где хранились топоры, латинской буквой.

3 Документ в РГАДА [10]. Выдержки из документа опубликованы И.М. Шакинко [2, с. 29]. Об этом же документе читаем и в «Очерках истории культуры и быта старого Невьянска...» [4, с. 47].

Высказывалось предположение, что он «ходил за часами» на Невьянской башне» [2, с. 29]. Еще одно имя находим в Ведомости Невьянского завода 1746 г. Рядом с упоминанием деревянной башни и часов, которые в ней «становятся», помечено: «под охранением часовщика Клима Тимофеева» [4, с. 72]. Последний назван часовщиком, что само по себе показательно — на демидовском заводе жил специалист этого профиля.

6. Представляя пространственную среду Невьянского завода Демидовского времени, мысленным взором видим ландшафт, пруд, участки одноэтажной жилой застройки, слегка поднимающиеся над ней силуэты производственных построек, конусы невысоких крепостных башен и единственную (до постройки церковной колокольни) вертикальную доминанту — каменную наклонную башню. Это представление следует откорректировать. Существовала еще одна вертикаль, меньшая по высоте, но, несомненно, выделявшаяся на фоне застройки — деревянная часовая башенка «на столбах».

7. Конфликт, разгоревшийся 1759 г. вокруг недоделанных башенных часов, демонстрирует, что братья Демидовы ими дорожили. Доверенные люди Прокофия пытались не выпустить их с завода, предполагая (может быть, с его подсказки), что в хозяйстве их патрона три часовых механизма лишними не будут. Челобитчики, напротив, прилагали усилия, чтобы «по явной же брата... ко интересу склонности (т.е. из-за корыстолюбия. — И.Ю.)... он всего оного себе не захватил» [7, л. 240–243 об.]. Башенные часы были механизмами дорогими. По оценке, зафиксированной в книге Махотина, часы на деревянной башенке стоили 300 рублей, на каменной башне — целых 5000 [4, с. 70, 72].

Но спорили не только потому, что сложные механизмы дорого стоили. Возможно, будущие владельцы хотели их использовать.

Известно, что башни с часами существовали у Демидовых не только на Невьянском и Нижнетагильском заводах. Такая была на конторе Верх-Нейвинского завода; куранты имела церковь в Быньге [2, с. 165]. «Чесовая башня с часами» показана на плане Тульского завода середины 1750-х гг.¹ «На деревянной башне часы железные в действии(и) с медными колесами и с протчею ж медною оправою, при оных часах 8 колоколов» упомянуты на нем и описью А.Ф. Томилова. С колоколами их оценили в 528 руб. Как и в Невьянске, на момент описания здесь был еще один механизм — «часы бол-

¹ Документ в РГАДА [11]. План опубликован в книге «Тульский завод Демидовых...» [7] на вклейке между с. 160 и 161 (полный) и на с. 37 (центральная часть с башней).

шие железные со всем принадлежащим прибором и с медною оправою, кои в полатке; ко оным часам железной стан, во оном курантовой вал с принадлежностями, во оном валу весу 42 пу(да)». Их оценили в 714 руб.¹.

Часы использовали для организации производственного процесса. В труде В.И. Геннина имеется раздел, заголовок которого сформулирован как категорическое распоряжение: «На работу и с работы бить в колокол по Адмиралтейскому регламенту» [8, с. 108]. Требования распространялось прежде всего на казенные заводы, однако его польза была очевидна и для заводов частных.

Часы, которые в 1759 г. делили в Невьянске, начинали «строить» на этапе, когда Акинфиево хозяйство было единым. Может быть, они предназначались для отправки на конкретные заводы, которые пока их не имели. После разделения хозяйства эти заводы оказались в разных долях. Входя в управление частями, планируя их развитие, братья учитывали и то, что намеревался сделать отец — в том числе постройку на заводах башен с часами.

Мы не знаем, добились ли братья «равенства в разделе», которого добивались, или Прокофий сумел их переупрямить, и его завод на какое-то (но едва ли долгое) время превратился в часовую выставку. Башенка минимум десятилетие еще стояла, однако при Махотине в ее чулане хранился только один часовой механизм. Из тех ли, на которые претендовали младшие братья, или уже другой, новый, — не знаем. Пережила ли башенка пожар 1772 года — уже обсуждали. Но не огонь, так неизбежное ветшание деревянных конструкций должно было вскоре ее погубить. На берегу заводского пруда осталась единственная башня — каменная, наклонная, Невьянская. Позже к ней прибавилась церковная колокольня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Федоров, В.Г.** Тайны Невьянской башни [Текст] : ист. очерк / В. Федоров. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. — 46 с.
2. **Шакинко, И.М.** Невьянская башня : предания, история, гипотезы, размышления [Текст] / Игорь Шакинко. — Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. — 304 с.

¹ В 1765 г. большие часы по жребию отошли в Ревдинскую часть, часы с башни в Невьянскую. Никита получил денежную компенсацию [12]. Не те ли часы, которые достались сыновьям Григория, находились позднее на колокольне тульской Николо-Зарецкой церкви, в склепе которой были похоронены их родители?

3. Слукин, В.М. Легенды и были Невьянской башни [Текст] / В.М. Слукин. — Екатеринбург: Банк культурной информ., 2011. — 128 с.
4. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: люди, памятники, документы [Текст] : к 300-летию города / Под общ. ред. В.И. Байдина. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. — 247 с.
5. Прокофий Акинфиевич Демидов : письма и документы, 1735–1786 [Текст]: к 300-летию со дня рождения / [сост. и отв. ред. А.С. Черкасова]. — Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2010. — 495 с.
6. Гмелин, И. Путешествие в Сибирь [Текст] / И. Гмелин, пер. Д.Ф. Криворучко. — Соликамск, 2012. — 86 с.
7. Юркин, И.Н. Тульский завод Демидовых : из истории становления и развития доменной металлургии России, 1695–1782 [Текст]: [посвящ. 300-летию первого з-да Демидовых] / И.Н. Юркин. — М.: Наука, 1996. — 240 с.
8. Геннин, В. де. Описание уральских и сибирских заводов, 1735 [Текст] / Вильгельм де Геннин. — М.: История заводов, 1937. — 680 с.
9. РГАДА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 95.
10. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 36.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 4281.
12. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 251. Л. 236–237.

Igor N. Yurkin

The Demidov period Nevyansk towers

Yurkin Igor N., Doctor of Historical sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; e-mail: ig-yurkin@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to the history of the manufacture of tower clocks at the Nevyansk plant in the years when it belonged to the Demidovs. The author gives information about the tower that existed in Nevyansk, which was used to carry out the assembly and commissioning of such watches. He publishes a fragment of a 1759 document containing information about the wooden and stone towers in Nevyansk. He sets the time of the existence of the wooden tower, the names of the masters who were engaged in the manufacture of clockworks, names the plants on which such towers existed under the Demidovs.

Keywords: Towers, manufacture of clockworks, Demidov, inheritance section, Nevyansk, the look of the factory settlement.

УДК 719:725.4(470.54)

О.А. ШИПИЦЫНА¹, Н.С. СОЛОНИНА²

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА

Аннотация. В статье обосновывается необходимость комплексного исследования индустриального наследия Среднего Урала. Рассматривается мировой опыт изучения старых промышленных регионов Европы как целостных горнозаводских культурных ландшафтов. Предлагается алгоритм проведения комплексного исследования индустриального наследия Урала, использование которого позволило выявить 103 объекта различной степени сохранности.

Ключевые слова: комплексное исследование, индустриальное наследие, историко-архитектурный потенциал, Средний Урал.

На Урале в период его активного освоения сформировалась уникальная, крупнейшая в мире сеть горно-металлургических предприятий. Материальными свидетельствами процесса становления промышленного производства на территории Уральского региона являются существующие сейчас объекты индустриального наследия. Некоторые из них уже музеефицированы благодаря многолетней кропотливой работе многих специалистов. Это такие известные объекты, как Нижнетагильский завод-музей, Музейный комплекс «Северская домна», Невьянская наклонная башня, которые, несмотря на свое удаленное расположение, притягивают множество туристов. Однако в настоящее время особую актуальность приобретают комплексные исследования исторически сложившихся промышленных территорий или горнозаводских культурных ландшафтов. Во многом это объясняется тем, что сегодня индустриальное наследие этих регионов понимается как целостное явление, которое может быть изучено только в процессе раскры-

1 Шипицына Ольга Александровна, канд. архитектуры, профессор кафедры Теории архитектуры и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет», г. Екатеринбург; e-mail: oshipits@usaaa.ru.

2 Солонина Надежда Сергеевна, канд. архитектуры, доцент кафедры Теории архитектуры и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет», г. Екатеринбург; e-mail: saydan86@gmail.com.

тия взаимодействия отдельных объектов индустриальной культуры между собой и с окружающими их поселениями, действующими предприятиями и природной средой. Специфика подобных комплексных историко-теоретических исследований заключается в том, что в своей исторической части они ориентированы на мониторинг существующего состояния объектов индустриального наследия, а в теоретической — на выявление их историко-архитектурного потенциала [1].

Средний Урал также относится к исторически сложившимся промышленным регионам, и сохранившиеся на его территории объекты индустриального наследия нуждаются в комплексном историко-теоретическом исследовании. Причем опыт всестороннего изучения исторических промышленных объектов Уральского региона имеется. Например, в 1970-х гг. под руководством первого ректора Свердловского архитектурного института Н.С. Алферова была создана комплексная программа «Каменный пояс», которая была ориентирована на изыскание, натурное обследование, фиксацию, обмеры и постановку на учет памятников истории, культуры и природы Урала. Хотя она и имела общерегиональный статус, но объекты индустриальной культуры в ее рамках изучались только как часть наследия всего региона [2]. Также в последние годы XX в. был разработан проект «Национального Горнозаводского парка Среднего Урала», направленный на исследование и последующее формирование вариантов использования индустриального и историко-культурного наследия, но только нескольких уральских городов [3]. Однако теоретико-методологические основания ранее проводимых исследований не соответствуют в полной мере современным задачам изучения индустриального наследия и требуют корректировки.

В данной связи следует рассмотреть имеющийся мировой опыт исследования, сохранения и ревалоризации объектов индустриального наследия некоторых старых промышленных регионов Европы. Так, комплексное изучение района Рурского бассейна в Германии было начато еще в конце 1960-х гг., что позволило за это время на его территории создать Эмпшер-парк, в структуре которого памятники индустриальной эпохи были превращены в музеи, музыкальные центры, галереи и другие социально значимые объекты. При этом символом горнодобывающей промышленности Германии стала шахта Zollverein, которая в 2001 г. была объявлена ЮНЕСКО объектом Всемирного наследия [4]. Угольный бассейн

Нор Па-де-Кале во Франции благодаря комплексному исследованию сохранившихся на его территории объектов горной промышленности и связанных с ними ландшафтов был включен в 2012 году в список Всемирного наследия ЮНЕСКО как целостный культурный ландшафт, который имеет 109 памятников индустриальной эпохи. Это стало признанием исключительной культурной, экономической и социальной значимости этой территории для всего региона и Франции в целом [5]. Примером комплексного изучения объектов индустриального наследия старого промышленного региона, который находится сразу на границе двух стран, является Горный культурный ландшафт Erzgebirge / Krušnohoří, расположенный в саксонско-чешских Рудных горах в юго-восточном регионе Германии и на северо-западе Чешской Республики. В течение почти двадцати лет шла кропотливая работа исследователей, которая увенчалась успехом, и в июле 2019 г. этот уникальный горный культурный ландшафт был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [6].

Обобщение мирового опыта изучения старых промышленных регионов Европы позволило разработать следующий алгоритм проведения комплексного исследования индустриального наследия Среднего Урала. **Первый шаг** — это мониторинг состояния индустриального наследия на территории исследуемого региона, который позволяет в табличной форме представить место и время строительства, историческую функцию и архитектурные качества изучаемых объектов. **Второй шаг** — это определение степени сохранности каждого объекта индустриального наследия в диапазоне от максимальной первой степени, когда в структуре исторически сложившегося или действующего предприятия имеется архитектурно-ландшафтный промышленный комплекс, до самой низкой — пятой, где заводской комплекс полностью утрачен. **Третий шаг** — это составление карты-схемы объектов индустриального наследия с обозначением степени их сохранности и фиксацией особых кластеров или исторически сложившихся индустриальных культурных центров, сформированных по принципу близости расположения к наиболее сохранившимся памятникам индустриальной эпохи и крупным транспортным магистралям.

Проведение комплексного исследования согласно предложенному алгоритму позволило в процессе мониторинга современного состояния индустриального наследия Среднего Урала выявить 103 объекта (отдельные здания и сооружения и их комплексы, про-

мысленные территории, индустриальные ландшафты), а затем на основании полученных исторических данных и результатов натурального обследования определить степень их сохранности [1].

Первую степень сохранности имеет 21 объект индустриального наследия — это заводы, в составе которых наиболее полно сохранился исторический промышленный комплекс, действует современное предприятие, территория частично музеефицирована. Объекты с этой степенью сохранности являются центрами историко-культурных образований Среднего Урала, имеют наиболее удобное и выгодное географическое положение и в перспективе могут способствовать обеспечению устойчивого развития региона. Так, на обширной исторической территории Нижнетагильского завода находятся памятники промышленной архитектуры и техники, действующие открытые и закрытые экспозиции, научно-исследовательская база.

Вторую степень сохранности имеют 23 объекта — это современные действующие предприятия, которые частично занимают исторические территории, а из сохранившихся объектов индустриального наследия имеются только пруд и плотина. При этом, как правило, исторические визуальные связи сохранены благодаря особенностям местного ландшафта и структуры промышленного поселения. Например, Верхне-Сергинский завод, цеха которого располагаются на исторической территории, сегодня производит буровое оборудование.

Третью степень сохранности имеют всего 6 объектов индустриального наследия — это заводы, в структуре которых сохранились пруд и плотина, а также развалины исторических построек (стены одного из корпусов бывшего предприятия или остатки конструкции плотины). Например, развалины кирпичного заводского цеха в поселке Верхняя Сысерть — это один из немногих объектов, сохранившихся в подобных условиях.

Четвертую степень сохранности имеют 27 объектов индустриального наследия, как правило, это пруд и плотина — наиболее яркие элементы индустриального ландшафта уральских поселений-заводов. В основном это бывшие территории заводов, которые были закрыты из-за нерентабельности производства еще до начала XX века, или предприятия, которые не смогли перестроиться и начать функционировать должным образом в период конца XIX — начала XX века. Объектами индустриального наследия в этом случае являются сложившийся ландшафт промышленных поселений

и комплекс сохранившихся или реконструированных гидротехнических сооружений. Так, на бывшей территории Мариинского завода, работавшего вплоть до 1920-х гг., сохранилась полуразрушенная деревянная плотина и пруд.

Пятую степень сохранности имеют 26 объектов индустриального наследия, утраченные полностью, поскольку на территории бывшего исторического предприятия не сохранилось никаких материальных свидетельств когда-то существования производства. В основном это заводы, которые либо были передельными цехами более крупных предприятий, либо имели не очень удобное расположение относительно транспортных путей и запасов природных ресурсов, либо не были достроены или функционировали всего несколько лет. Например, на месте Шувакишского завода несколько лет назад проводились археологические раскопки, после чего там был возведен памятный знак с информацией о когда-то действовавшем промышленном предприятии.

Наглядно представить и оценить современное состояние индустриального наследия Среднего Урала позволила карта-схема, на которую были нанесены все выявленные объекты, имеющие разную степень сохранности. Оказалось, что значительная часть наиболее ценных памятников промышленного зодчества располагается вдоль горного массива, в юго-западной части Свердловской области, в непосредственной близости от крупных транспортных магистралей. Сейчас практически каждый относительно хорошо сохранившийся объект стал центром скопления от 3 до 16 исторических предприятий различной степени сохранности. В итоге было сформировано девять подобных скоплений или исторически сложившихся индустриальных культурных центров: Кушвинский, Нижнетагильский, Алапаевский, Невьянский, Екатеринбургский, Ревдинско-Первоуральский, Нижне-Сергинский, Северско-Полевской и Сысертский.

Таким образом, комплексное исследование индустриального наследия Среднего Урала позволило выявить 103 объекта различной степени сохранности и, объединив их в девять индустриальных культурных центров, создать концепцию ревалоризации горнозаводского культурного ландшафта Уральского региона, которая заключается в актуализации исторических промышленных территорий посредством изучения, сохранения и презентации их историко-культурной ценности с последующим наделением этих территорий новыми актуальными функциями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Солонина, Н.С., Шипицына, О.А. Историко-архитектурный потенциал индустриального наследия среднего Урала [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов [сайт]. — 2015. — №2 (50). — URL: http://archvuz.ru/2015_2/8 (дата обращения 30.01.2020).

2. Коротковский, А.Э., Заикин, Г.С., Стариков, А.А. Комплексная программа научно-творческой и общественно-политической деятельности студентов Свердловского архитектурного института в области охраны природы, сохранения исторически ценной застройки, преобразования и реконструкции архитектурно-пространственной среды Уральского региона «Каменный пояс» [Текст] / А.Э. Коротковский, Г.С. Заикин, А.А. Стариков. — Свердловск, 1978.

3. Национальный Горнозаводской парк Среднего Урала: зонирование, памятники промышленности, архитектуры, истории и культуры, музейное строительство [Текст] / рук. авт. коллектива С.В. Устьянцев. — Екатеринбург, 2000. — 168 с.

4. Kierdorf, A. Continuity and Change in German Industrial Archaeology — the Ruhr example [Text] / A. Kierdorf // Industrial Heritage in the Twenty-First Century. New Challenges: Materials of the XVI International Congress TICCIH Lille Region (6–11 September 2015). — Lille, France, 2015. — P. 246.

5. Копелянская, Н., Гольдберг, Е. Культура на периферии: политика децентрализации в культурных проектах Франции [Текст] : сборник по итогам стажировки «Модельные проекты и основные подходы культурных стратегий Франции» / Н. Копелянская, Е. Гольдберг. — М., 2019. — 131 с.

6. Albrecht, H., Hansell, F. The World Heritage Nomination Mining Cultural Landscape Erzgebirge [Text] / H. Albrecht, F. Hansell // Industrial Heritage in the Twenty-First Century. New Challenges: Materials of the XVI International Congress TICCIH Lille Region (6–11 September 2015). — Lille, France, 2015. — P. 310.

О.А. Shipitsyna, N.S. Solonina
Integrated Research
of the Middle Urals industrial Heritage

Shipitsyna Olga Aleksandrovna, Candidate of Sciences in Architecture, Professor of the Department of Theory of Architecture and Professional Communications, Urals State University of Architecture and Arts, Ekaterinburg, Russia;

e-mail: oshipits@usaaa.ru.

Solonina Nadezhda Sergeevna, Candidate of Sciences in Architecture, Associate Professor of the Department of Theory of Architecture and Professional Communications, Urals State University of Architecture and Arts, Ekaterinburg, Russia;

e-mail:saydan86@gmail.com.

Abstract. *The article substantiates the need for a comprehensive study of the industrial heritage of the Middle Urals. The world experience of studying the old industrial regions of Europe as integral mining cultural landscapes is considered. An algorithm is proposed for conducting a comprehensive study of the industrial heritage of the Urals, the use of which made it possible to identify 103 objects of varying degrees of conservation.*

Keywords: *integrated research, industrial heritage, historical and architectural potential, Middle Urals.*

СЕКЦИЯ 1. История Урала в XVII – начале XX века

УДК 94(470.24)

Н.Д. ГИЛЕВИЧ¹

ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА К МОСКВЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.Н. ТАТИЩЕВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения взглядов В.Н. Татищева на процесс централизации при Иване III, на примере присоединения Новгорода к Москве. Автор приходит к выводу, что данные исторические события В.Н. Татищев интерпретирует через восприятие им существующих форм правления и свои представления об их достоинствах и недостатках.

Ключевые слова: Татищев В.Н., историография, Иван III, Новгород.

Статья посвящена оценке В.Н. Татищевым процесса централизации земель при Иване III — на примере присоединения Новгорода к Москве. Анализ оценки позволяет расширить представления о складывании академической историографической традиции в XVIII в. и о первых попытках научного подхода к летописной традиции.

В историографии уже заметно внимание к поздним татищевским текстам, в частности описывающим события XV века. Так, А.В. Сиренов пишет, что обращение к более поздним татищевским текстам позволит выявить методы работы историка и исследовать «творческую лабораторию Татищева». Эту мысль поддержала В.Г. Вовина, по мнению которой на примере более поздних текстов можно точнее определить источники, которыми пользовался Татищев. В целом же большинство исследователей традиционно обращают наиболее пристальное внимание на рассказы Татищева о событиях русской истории домонгольского периода, более поздние периоды освещены не столь подробно [1].

¹ Гилевич Никита Дмитриевич, студент 4-го курса, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: gilevich.nikita@yandex.ru.

В статье главным образом анализируется сочинение В.Н. Татищева «История Российская с древнейших времен», а конкретнее — главы 44 и 45 первой книги, посвященные раскрытию общих взглядов Татищева на наиболее значимые события российской истории. В этих главах также находят свое отражение политические взгляды Татищева, что дает возможность увидеть их влияние на интерпретацию исторических событий [2]. Кроме того, используется 4 часть пятой книги, которая посвящена изложению событий правления Ивана III [3]. Дополнительно привлекаются «Произвольное и согласное рассуждение» и «Лексикон российской исторической» [4].

Перед рассмотрением «Истории Российской» Татищева следует сделать небольшую оговорку: сюжеты, относящиеся к присоединению Новгорода, являются переработанным текстом первой редакции и из-за этого обстоятельства изложены в летописной манере. Как было установлено исследователями «Истории Российской», имелось как минимум три ее редакции. От текста первоначальной редакции сохранилась лишь небольшая ее часть в переводе на немецкий язык в виде «Предъизвещения» и 350 примечаний. Эта первоначальная редакция была подготовлена Татищевым в 1739 г. Первая редакция «Истории Российской» на древнем наречии была им завершена к 1746 г. Вторую редакцию Татищев писал и обрабатывал по 1750 г. [5, с. 227–275].

Основу рассказа составляет текст летописи, восходящий к московскому своду конца XV в. Летописный свод конца XV в., появившийся вскоре после изучения исторических событий, лежал в основе официального историописания присоединения Новгорода у московских книжников XVI–XVII вв., и текст дополнялся в рамках этой летописной традиции лишь незначительно. Как альтернатива существовала новгородская традиция, но Татищев ее в данном случае не использует, хотя и упоминает наличие у него источника новгородского происхождения [6, с. 63]. Таким образом, можно утверждать, что автор в целом принимал и считал достоверными московские представления о присоединении Новгорода, поскольку включил их в текст первой редакции своего произведения.

Свои взгляды на государственно-политическое устройство России В.Н. Татищев выражает в главе 45: «о древнем правительстве русском и других в пример» [2, с. 527–547]. Историк проявляет себя как последовательный сторонник монархии, он крайне негативно отзывался об аристократическом правлении и его роли в русской истории: «беспутный и государству вредный правления порядок». Про демократию Татищев говорит, что ее возникновение в Новго-

роде и Пскове стало возможно только из-за ослабления княжеской власти, усугубленного татарским нашествием. При характеристике монархии в качестве одного из ключевых образов выступает Иван III. Великий князь, «отвергнув власть татарскую, снова совершенную монархию восстановил». Кроме того, он выступает как основоположник процедуры венчания на царство и (по Татищеву) самого царского титула «собиратель земель».

Согласно взглядам Татищева, Новгородская республика вошла в силу и вышла из-под власти монарха: «самодержавство, сила и честь русских государей угасла... Новгород, Плесков и Полоцк, создав собственные демократические правительства, также власть великих князей уничтожили» [2, с. 514]. Более подробно Татищев раскрывает свои политические взгляды в «Произвольном и согласном рассуждении». Падение Новгорода историк объясняет тем, что демократия возможна в небольших городах-государствах, и при отсутствии агрессивных соседей: «например, в единственных градах или — весьма тесных областях, где всем хозяевам домов вскоре собраться можно, в таком демократия с пользой употребиться может, а в великой области уже весьма неудобна. В областях хотя из неколеких градов состоящей, не от нападеней неприятельских безопасной, как то на островах и пр. может аристократическое быть полезно, а особливо если народ учением просвещен и законы хранить без принуждения прилежит, тамо так острого смотра и жестокого страха не требуется» [4, с. 147].

В случае же обширного Российского государства любая другая форма правления а priori проигрывает по эффективности и силе единовластия или монархии, что и произошло с Новгородом: «общенародное правительство... с великим их разорением опровергнуто было». Однако заслуга Ивана III также состоит еще и в том, что он сокрушил и аристократическое правление в русском государстве: «Иоанн Великий осмелился ту аристократию истребить. Многие княжения присовкупя, паки монархию возставил и, усилевся, не токмо власть татарскую низвергнул, но многие земли у них и Литвы ово сам, ово сын его возвратил [4, с. 148]».

Дополнительно помогает понять отношение В.Н. Татищева к Новгороду обращение к статьям «Лексикона». В статье «Великая Россия» историк относит Новгородскую землю к коренным землям русского государства [4, с. 206], в статье «демократия» Татищев указывает такой недостаток этой формы правления, как замедленная реакция на изменение обстановки, приводящее к тому, что «великие

пользы упускаются и вреды наносятся, и чем такое владение иностраннее, тем более бедам подвержено.» [4, с. 257]

Подводя итоги, отметим, что основу рассказа в «Истории Российской» о присоединении Новгорода составляет текст летописи, восходящий к московскому своду конца XV в., однако сам по себе выбор именно этого источника свидетельствует о представлениях и пристрастиях самого Татищева. На основе анализа ряда произведений В.Н. Татищева можно сделать вывод, что историк интерпретирует присоединение Новгорода Иваном III как часть процесса установления на всей территории государства монархической формы правления, что проявлялось в борьбе с аристократией и демократией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «История Российская» В.Н. Татищева в новейших исследованиях [Текст] : стенограмма заседания 12 мая 2006 г. / А.В. Сиренов // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Серия 2. История. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2007. — № 1. — С. 148–161.
2. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен [Текст] : в 6 т. Кн. 1. Ч. 2 / В.Н. Татищев. — М.: Императ. Моск. ун-т, 1769. — 379 с.
3. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен [Текст] : в 6 т. Кн. 5, или по сочинителю часть четвертая Древней летописи русской / В.Н. Татищев. — М.: Императ. Моск. ун-т, 1843. — 545 с.
4. Татищев, В.Н. Избранные произведения [Текст] / В.Н. Татищев. — Л.: Наука, 1979. — 465 с.
5. Пештич, С.Л. Русская историография XVIII века [Текст] : в 3 т. Ч. 1. / С.Л. Пештич. — Л.: изд-во Ленинград. ун-та, 1961. — 276 с.
6. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен [Текст] : в 6 т. Кн. 1. Ч. 1 / В.Н. Татищев. — М.: Императ. Моск. ун-т, 1768. — 261 с.

N.D. Gilevich The moscovite Conquest of Novgorod in V.N. Tatishchev's Interpretation

N.D. Gilevich, Ural Federal University n. a. the first President of Russia
B.N. Yeltsin, Ekaterinburg; e-mail: gilevich.nikita@yandex.ru.

Abstract. The article studies the views of V.N. Tatishchev on the process of centralization under Ivan III, using the annexation of Novgorod to Moscow.

The author concludes that V.N. Tatishchev interprets these historical events through his perception of existing forms of government and his ideas about their advantages and disadvantages.

Keywords: *Tatishchev V.N., historiography, Ivan III, Novgorod.*

УДК 390.1(470.2)

М.Ю. ДАНКОВ¹, Д.А. ПРОЦ²

ИНОЗЕМЕЦ С «РУССКИМ ЛИЦОМ» И ФОРТЕЦИЯ НА БЕРЕГУ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА (о роли В.И. Геннина, коменданта Олонецкого уезда)

Аннотация. *Статья посвящена строительству комендантом В.И. Генниным в 1712–1715 гг. на земле Шуйского погоста в Олонецком уезде, 6-бастионной деревоземляной крепости. С использованием «Чертежа» М.М. Витвера начала 1720-х гг. анализируются особенности цитадели у Петровского металлургического завода. Автор поднимает вопрос о геометрическом соответствии крепости у Онежского озера с деревоземляной Петропавловской крепостью на Неве. К середине XVIII в. заводская фортеция утратила военно-политический смысл и была уничтожена.*

Ключевые слова: *комендант, В.И. Геннин, Олонецкий уезд, фортеция, Онежское озеро, М.М. Витвер, Петропавловская крепость, Нева.*

Казалось бы, невозможно установить новые сюжеты в биографии иноземца с «русским лицом» — инженера-артиллериста В.И. Геннина, верного исполнителя воли Петра I, который родился в 1676 г. в саксонской области Ганновер, как сам он подтверждал — «родом из Ганова», в местечке Зиген, столице графства Нассау-Зиген. Его встреча с государем состоялась в дни «Великого посольства», в доме бургомистра Амстердама Н.К. ван Витзена, а свидетельство о приеме на «государево служение» было подписано 10 мая 1698 г. [1, с. 65–67].

¹ Данков Михаил Юрьевич, научный руководитель проекта «Осударева дорога», Действительный член ВОО «Русское Географическое общество», г. Петрозаводск; e-mail: mdankov@inbox.ru; dankov@sampo.ru.

² Проц Диана Анатольевна, научный сотрудник, хранитель музейных коллекций, БУ «Национальный музей Республики Карелия», г. Петрозаводск; e-mail: fondkgkt@yandex.ru; protcdiana@yandex.ru.

Голландия, как вся terra zabugornaja представлялась царю «шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками и заводами» [2, с. 427]. «Архитектурный мастер Юрий-Вилим Дегенин», убедил Петра в умении делать изображения из воска и заставил поверить, что является мастером потешных «фонтанных и огнестрельных» вещей. Саксонец, оказался в «группе Крюйса», среди волонтеров, которые в июне 1698 г. добрались «к Архангельскому городу» на одном из зафрахтованных голландских кораблей. «Роспись разным чинам» от 7 июня 1698 г. сообщает, что ему «в зачет» выдано «жалованья 36 ефимков» [3, с. 399]. Однако представленная в Ближнюю канцелярию «Ведомость о приходе и расходе, по Оружейной палате, денежной казны...» за 1701/1702 гг., скрепленная «по листам» дьяком А. Курбатовым, уже указывает: «Георг Виллим Ди Генан» значится учеником «Адриана Шанбека» и является «архитекторного дела иноземцем» с окладом 72 руб.» [4, л. 5 об].

В начальные годы Северной войны (1700–1721), при поддержке Ф.М. Апраксина и Я.В. Брюса, иноземный инженер отвечает за возведение в Новой Ладоге, Шлиссельбурге и Новгороде военных укреплений. В 1712 г. наполовину обрусевший саксонец в «Питербурхе» достраивает на «Литейной перспективе» пушечный двор, пороховые «Зеленые» заводы, монетный двор и кронверк Петропавловской крепости. Вскоре с 1713 по 1721 г. «капитан Вилим Генин» начинает «ведать на Олонце» металлургическими заводами¹, а в устье р. Лососиницы, возводит 6-бастионную деревоземляную заводскую фортецию. До сих пор специалисты не владеют исчерпывающими архивными источниками о строительстве в 1703–1705 гг. оборонной линии вокруг посада, а в 1712–1715 гг. — «крепостицы» у Онежского озера.

При этом скорее всего идея заводской цитадели, возникла при «виц-коменданте Алексее Чоглокове», который получил к «железному делу... всех (крестьян. — М.Д.) Олонецкого уезду погостов и волостей» и «Соловецкого монастыря посацких людей» [5, л. 1]. Между тем напрямую связывать имя А.С. Чоглокова с сооружением крепости, было бы ошибкой. Зимой 1712 г. против него инспирируется дело, и он с приходно-расходными книгами вызван в Петербургскую канцелярию земских дел. Его обязанности начинает исполнять комис-

¹ «Шуйский оружейный завод» основан в 1703 г., через год переименован в «Петровский завод». В июне 1712 г. «Петровский», «Повенецкий» (1703), «Алексеевский» (1705) и «Кончезерский» (1707) заводы получают аббревиатуру «Олонецкие заводы» и переходят под начало адмирала Ф.М. Апраксина в ведение Военно-Морского и Адмиралтейского приказов.

сар Олонецкой верфи И.А. Тормасов, который 24 марта 1712 г., получает царские указания «заводы... что ведал Алексей Чоглоков, прими и ведай. А его... яко преслушника... за караулом пришли сюда... не мешкав» [6, с. 146]. Однако еще в январе 1712 г. И. Тормасов доносил ингерманландскому ландрихтеру и Петербургскому вице-губернатору Я.Н. Римскому-Корсакову о повелении строить «у Олонца» какие то таинственные фортеции, и наборе для этих целей более 2000 человек [7, с. 193]. В июне 1712 г. вместо И.А. Тормасова, адмиралтейским комендантом уезда, выдвигается малоизвестный управленец Лука Сытин. Таким образом, закладка «крепостицы» произошла зимой 1712 г. при И. Тормасове либо летом благодаря Л. Сытину.

Хотя основные тяготы строительства заводской цитадели, конечно, связаны с усилиями подполковника «Ди Генана», который в сентябре 1713 г. назначается комендантом Олонецких заводов и к работе привлекает черносошных крестьян, «монастырский люд», «посадских» Олонецкого уезда, а также приписных крестьян из вотчин Юрьева, Вяжицкого, Хутынского и Тихвинского монастырей и старообрядцев Выговской обители. «Работный люд» сгонялся из деревень Шуйского, Шунгского, Толвуйского, Кижского, Челмужского, Пудожского, Андомского, Шальского, Селецкого, Семчезерского, Линдозерского погостов, Святозерской, Сямозерской, Кузарандской и Тубозерской волостей, а также с Повенецкого рядка [8, л. 90–91 об.].

В распоряжении исследователей находится, пожалуй, единственный источник начала 1720-х гг., который фиксирует натурную локацию заводских укреплений, это «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено — значит под цифирным словам» [9]. Планировочный план выполнил «сговоренный» в Европе М.М. Витвер, о чем свидетельствует автограф *artillery oberster M. Wittwer*. Документ отметил обрез берега Онежского озера, цеха Петровского завода, жилые слободы и оборонительные сооружения индустриального посада. Скорее всего, «Чертеж» выполнен по распоряжению де Геннина в апреле 1722 г., когда он уезжал «с реки Сестра», на Урал. В фондах Национального архива Республики Карелия недавно обнаружена «Инструкция Генералу маеру Генингу» предписывающая «Ехать Ему в ингурская верхотурской и тобольская уезды, где есть наши медные и железные заводы», с обязательством те заводы «исправить и привести в доброе состояние и размножение» [10, л. 8].

Очевидно в обозе саксонца оказалась часть технической документации Петровского завода, включая и работу М. Витвера. Не случайно де Геннин, убеждал «о сем надобны чертежи против маштапа»,

чтобы «могли в Сибири против того построить» [11, л. 103]. План с масштабной линейкой от 5 до 100 единиц в «саженях 3 аршина», отметил территорию посада в 36 десятин, бастионный вал вокруг завода 1703–1705 гг., похожий на оборону «Олонецкого верфа», и правильную фортецию 1712–1715 гг., названную «Город». Внутри цитадели картограф указал «Дом камендацкой» с палисадом, «Церковь божа(и)ю», и другие постройки, а за пределами дважды зафиксировал «Дом царского величества». При этом «Чертеж» достаточно аккуратно отметил крепость, отстроенную во времена «генерал-майора Геннингса» [12, стб. 1440], вытянутую по меридиану с «розмерениями» 100 x 80 саженей (213,0 x 170,4 м), расположенную в 90 саженях (191,7 м) от берега озера.

В экспликацию плана автор вмонтировал три контурных изображения: «Профиль куртине», «Ровъ» и «Провиль раскату». Близость фортеции с контрфорсными признаками к заболоченному берегу озера заставила строителей использовать болотную землю, наиболее пригодную при возведении крепостицы. Сфагнум, давал утряску и плотно цементировал насыпь вала. Затем он обкладывался дерновинами в виде «клина, чем колят дрова... толстым краем наружу» и укреплялся деревянными спицами. Возможно, «неприятельский» склон фортеции по традиции еще был обшит тесом. Высота куртины если использовать масштаб «Чертежа» составляла 1½ сажени (3, 20 м), ширина в верхней части ½ сажени (1, 07 м), а у подошвы около 2 саженей (4, 26 м). По аналогии с Петропавловской крепостью в основание могли вкапывать сосновые «короба» в 5–6 венцов, которые заполнялись ледниковыми валунами и засыпались землей. В результате внешний контрэскарп цитадели имел вертикальную стенку, а внутри сложный стратиграфический профиль с земляными нишами-уступами. Кроме того, фортеция была оборудована «раскату», добротными конструкциями для орудий с плотницкой диагональной «перевязкой» и бревенчатым настилом, оторванным от земли на сажень. Длина пушечного помоста достигала двух саженей и позволяла установить в ряд несколько орудий на станках, пирамиды с ядрами и книппелями, бадьи с водой для охлаждения стволов, ведра с пыжами, бочонки с поддонами для фитилей и запального пороха, подставки для приборников, банников, пыжовников и боевые фонари.

На внешнем контуре цитадель имела тыновую ограду и эскарпированный ров с глубиной до одной сажени. Ширина донной площадки рва и «провал» достигали до двух саженей, а он сам отстоял от крепости

на полторы сажени. Между тем исследователей интересует, мог ли ров заполняться водой. В этой связи отметим обнаруженный в ходе археологических работ¹ фрагмент гидротехнического устройства, которое очевидно предназначалось для провода ключевой воды от колодцев цитадели ко рву и к «дому царского величества». На глубине 25–30 см от дневной поверхности, на фоне подстилающего песка, был выявлен 6-метровый контур траншеи, шириной до 70 см, на дне которой находились остатки подземной трубы в виде «полосы древесного тлена».

Что касается гарнизона онежской крепости, то считается, что при Вилли де Геннине он состоял из 325 солдат. При случае администрация привлекала «ленд-милицких» солдат, которые распускались после форс-мажора и «закомплектных» солдат, обязанных «служить» до потери трудоспособности. Сохранилась рекомендация царя В.Д. Корчмину «чтоб мужикоф, у которых есть ружье, приказные их знали» и чтобы крестьяне держали «також косы, насадя прямо, и рогатины», но главное, чтобы «закомплектные» солдаты «готовы были для караулоф и обороны» [13, с. 155].

Между тем об артиллерийском парке крепости, количестве и калибре пушек, месте их отливки, численности пушкарской команды, точных данных не обнаружено. Можно допустить, что орудия отливались на Петровском заводе, хотя известно, что продукция в основном отправлялась «ко флоту» на Балтику. Во второй половине 1709 г. завод отлил и отправил на фронт 220 орудий, 12 и 18 калибра, а через год уже 242 пушек разных калибров. Исходя из масштабного рисунка М. Витвера, длина ствола пушки на «раскату», равнялась сажени, соответственно лафета — полторы сажени. (в пределах 3, 20 м). Значит, речь может идти об орудии 6-фунтового калибра. О количестве орудий гарнизона свидетельствует лишь один эпизод, связанный с появлением «на заводах», сенатора А.Д. Меншикова. «Повседневные записки князя...» сообщают, что 22 июля 1719 г. «палили з болварков из 25 пушек» [14, л. 76–79].

А теперь о любопытном наблюдении: конфигурация дерево-земляной онежской цитадели на плане М.М. Витвера, поразительно походит на деревоземляную крепость «Санкт-Питер-Бурх». Об этом свидетельствует «План Петербургской крепости...» [15, л. 14], французского инженера Ж.-Г. Ламбер де Герена [18], преодолевшего в августе 1702 г. легендарную «Осудареву дорогу» [16, с. 46–51],

¹ Археологические исследования в историческом центре Петрозаводска проводились в 1996–2000 гг., под руководством А.М. Спиридонова и охватывали площадь 600 кв. м.

и проектно-фиксационный «Совмещенный план дерево-земляной и каменной Санкт-Петербургской крепости. Около 1706 г.» [17, л. 13]. Кстати француз в невиской крепости использовал мост «на плавучих опорах» аналог переправы через пролив Выгозеро – оз. Боброво, им подготовленный на «Осударевой дороге».

Итак, несмотря на краткосрочность существования заводской «крепостицы» в Шуйском погосте, возведенной при «услужнике» государя де Геннине, она достойно выполнила свою историческую миссию. Лишь после подписания в 1721 г. Ништадского мира, защитные укрепления потеряли смысл и Олонецкий уезд приобрел статус надежной «тыловой территории».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гамель, И.** Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении : С планом и изображениями оружия и машин на 42 л. [Текст] / Сочинение Иосифа Гамеля, коллеж. советника, ордена Св. Анны вт. ст. с алм. зн. кавалера, д-ра мед. и разных учен. о-в чл. — М. : тип. А. Семена, 1826. — [372 с.]
2. **Ключевский, В.О.** О русской истории [Текст] : [Сб.] / В.О. Ключевский. — М. : Просвещение, 1993. — 574 с.
3. **Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д.** Великое посольство : рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698 [Текст] / Д.Ю. Гузевич, И.Д. Гузевич. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. — 696 с.
4. РГАДА. Фонд оружейной палаты. Д. 986 (1684). Л. 5 об.
5. РГАДА. Разряд 26. Ч. 114. № 18. Л. 1.
6. **Письмо Петра I И.А. Торماسову 24 марта 1712 г.** [Текст] // Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. Т. 12. Вып. 1 : январь–июнь 1712 г. — М. : Наука, 1975. — С. 146.
7. **Глаголева, А.П.** Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века [Текст] / А.П. Глаголева. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — 346 с.
8. РГАДА. Разряд 26. Ч. 119. № 17. Л. 90–91об.
9. РГАДА. Ф. 192. Карт. отдел МИД. Карты Олонецкой губернии. Оп. 1. Д. 2. Ч. III.
10. ГБУ Республики Карелия «Национальный архив Республики Карелия». Ф. 445. Оп. 1. Д.1. Л. 8. (Копия).
11. РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 559. Л.103.
12. **[Вебер, Ф.-Х.]** Записки Брауншвейгского резидента Вебера [Текст] : в 3 ч. Ч. 2. / Фридрих-Христиан Вебер; пер. В.В. Барсов // Русский архив. — 1872. — Вып. 7–8. — Стб. 1334–1457.

13. Указ Петра I В.Д. Корчмину 10 марта 1706 г. [Текст] // Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. Т. IV. [Ч. 1] : 1706. — СПб. : Гос. тип., 1900. — С. 154. — № 1150.

14. ГБУ Республики Карелия «Национальный архив Республики Карелия». Ф. 2. Оп. 47. Д. 3/76. Л. 76–79.

15. План Петербургской крепости [Изоматериал] : Контурный план тушью : Toyses de Russie // Рукоп. Отд. Б-ки РАН. Собр. иностр. рукоп. F-266. Т. 3. Л. 14. № 137.

16. Данков, М.Ю. «Первоклассный офицер, дуэлянт, придворный шут, дезертир» в России [Текст] / М.Ю. Данков // История в подробностях. — 2012. — № 7 (25). — С. 30–37.

17. Совмещенный план дерево-земляной и каменной Санкт-Петербургской крепости [Изоматериал] : Около 1706 г. // Рукоп. Отд. Б-ки РАН. Собр. иностр. рукоп. F-266. Т. 3. Л. 13.

18. Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д., Данков М.Ю., Ржеуцкий В.С. Ламбер де Герен Жозеф Гаспар (Иосиф Гаспар Ламбер де Герэн, Joseph Gaspard (de) Lambert de Guerin) [Текст] // Иностранцы-специалисты в России в эпоху Петра Великого : Биограф. словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи 1682–1727 / Д.Ю. Гузевич, И.Д. Гузевич, М.Ю. Данков, В.С. Ржеуцкий. — М.: Ломоносовъ, 2019. — С. 360–367.

M.Yu. Dankov, D.A. Prots
A Foreigner with the “russian Face” and a Fortress
on the Lake Onega Shore (On the role of W.I. Gennin,
Commandant of Olonets district)

Mikhail Dankov, scientific director of «Osudareva Doroga» (His Majesty's Road) project, full member of the Russian Geographical Society Petrozavodsk, Russia; e-mail: fondkgkm@yandex.ru; protcdiana@yandex.ru.

Diana Prots, researcher, museum collections curator, National Museum of the Karelia Republic; Petrozavodsk, Russia; e-mail: fondkgkm@yandex.ru; protcdiana@yandex.ru.

Abstract. The article is dedicated to the construction of six bastion earth and timber fortress by Commandant W.I. Gennin in 1712–1715. The fortress was erected on the land of Shuisky pogost in Olonets district. Using the «Drawing» by M.M. Witver at the beginning of the 1720s, the peculiarities of the citadel at Petrovsky metallurgical plant are analyzed. The author raises the question of the geometric correspondence of the fortress near Lake Onega with the earth and timber Peter and Paul fortress on the Neva river. By the

middle of the XVIII century, the factory fortress had lost its military and political importance and was destroyed.

Keywords: Commandant W.I. Gennin, Olonets district, fortress on the shore of Lake Onega, M.M. Witver, Peter and Paul fortress on the Neva river.

УДК 929

П.А. ДЕМИДОВ¹

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н. ТАТИЩЕВА

Аннотация. В данной работе проводится анализ первых работ, посвященных жизнеописанию В.Н. Татищева, опубликованных В.Н. Берхом в рамках «Горного журнала».

Ключевые слова: жизнеописание, «Горный журнал», В.Н. Татищев, В.Н. Берх.

Имя выдающегося государственного деятеля Василия Никитича Татищева часто упоминается в исследованиях, посвященных истории Урала и горной промышленности России. Первым охарактеризовать его деятельность попытался русский ученый В.Н. Берх, опубликовав в 1828 г. «Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева...» на страницах «Горного журнала» [1; 2; 3].

Берх отмечает, что причиной конфликта между Никитой Демидовым и Василием Татищевым было стремление последнего прекратить чрезмерное распространение влияния Демидова на Урале, а также незаконное использование им казенного имущества [1, с. 98].

Через некоторое время после завершения судебного процесса В.Н. Татищев был направлен в Швецию с секретным поручением. Проанализировав документы Берг-коллегии, Берх приходит к выводу, что Татищев был отправлен для изучения шведских заводов, их оборудования и приглашения на русскую службу шведских специалистов. Автор работы также усомнился, имел ли Татищев поручение провести подобные работы в Саксонии, или это была его собственная инициатива [2, с. 112].

¹ Демидов Павел Антонович, студент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: demidov017@yandex.ru.

Особого внимания заслуживает введенный в научный оборот текст именной инструкции Татищеву 1734 г., которая, как отмечает Берх, была «гораздо полновластнее», чем инструкция В.И. Генину [3, с. 147–160]. Стоит отметить, что восемнадцатый пункт инструкции вводил институт шихтмейстеров, определяемых к частным заводам [3, с. 156–158].

Берх также упоминает о проекте Заводского устава, разработанного с непосредственным участием Татищева, который не был утвержден верховной властью. Однако, как утверждает автор, этим уставом руководствовались в своей деятельности как государственные, так и частные заводы [1, с. 104].

На основе опубликованных В.Н. Берхом документов написано множество научных работ, а его вклад в изучение жизни и деятельности В. Н. Татищева трудно переоценить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Берх, В.Н.** *Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева, бывшего советника Берг-коллегии и начальника всех Сибирских горных заводов [Текст] / В.Н. Берх // Горный журнал. — 1828. — № 1. — С. 95–134.*

2. **Берх В.Н.** *Приложения к Жизнеописанию Василия Никитича Татищева [Текст] / В.Н. Берх // Горный журнал. — 1828. — № 2. — С. 105–114.*

3. **Берх В.Н.** *Приложения к Жизнеописанию Василия Никитича Татищева [Текст] / В.Н. Берх // Горный журнал. — 1828. — № 3. — С. 141–163.*

P.A. Demidov

First Publications on the Life and Activities of V.N. Tatishchev

Demidov Pavel Antonovich, student of the Department of Document Management, Archival Studies and the History of Public Administration, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia;

e-mail: demidov017@yandex.ru.

Abstract. *In this paper, we analyze the first works devoted to the biography of V.N. Tatishchev published by V.N. Berkh in the framework of the «Mining Journal».*

Keywords: *biography, «Mining Journal», V.N. Tatishchev, V.N. Berkh.*

УДК 94(470.5)

Л.Ю. ЕЛТЫШЕВА¹

110 ЛЕТ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ПЕРМЬ – ЕКАТЕРИНБУРГ

Аннотация. *В статье рассматривается история строительства участка железной дороги Пермь – Екатеринбург в 1909 г. и ее значение для г. Кунгура.*

Ключевые слова: *железная дорога, строительство, развитие экономики, вокзал.*

В связи со строительством горнозаводской железной дороги в конце XIX века значение Кунгура как крупного экономического центра стало падать. Инженерные изыскания по поводу строительства железной дороги на Екатеринбург велись уже в 1902 году. На заседании городской думы 2 июля 1902 г. слушали доклад городской Управы о том, что «в настоящее время в Кунгуре инженерами проводятся изыскания на проведение железной дороги из Перми через Кунгур на Екатеринбург. Хотя эти изыскания и проводятся, но весьма вероятно, что железная дорога здесь и не пройдет, будет выбрано другое направление. Данные изысканий были представлены в Департамент железнодорожного транспорта». Кунгурская городская дума неоднократно выходила с ходатайством перед Пермской городской думой и Пермским биржевым комитетом о проведении железной дороги именно через Кунгур. Была избрана специальная комиссия, которая призвана была вести все дальнейшие дела и переговоры по поводу строительства дороги. В нее были избраны М.М. Грибушин, С.М. Грибушин, Я.А. Колпаков, Г.И. Ковалев, Н.А. Пономарев, С.Л. Сартаков, И.Е. Черноусов, В.А. Юхнев, Ф.Ф. Скурский, А.В. Хвастунов, и председатель Земской управы И.З. Тихонравов [1, с. 190–191]. Членом комиссии Ф.Ф. Скурским были составлены докладные записки на имя министра путей сообщения и министра финансов, так как развитие промышленности Кунгура было тесно связано с интересами этих ведомств. Дума единогласно одобрила редакции докладных записок, при этом «выразила желание и готовность, что если железнодорожная станция будет устроена близ черты города, то потребное для станции количество земли будет отведено городом безвозмездно» [1, с. 250].

¹ *Елтышева Лариса Юрьевна, зав. отделом истории, МБУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», г. Кунгур; e-mail: Larisa-1408@yandex.ru.*

27 февраля 1903 года Кунгурская городская дума на своем заседании слушала доклад городской управы о поездке в С.-Петербург представителей г. Кунгура для ходатайства о проведении железной дороги через Пермь и Кунгур, далее на Екатеринбург и Курган.

Дума решила принять расходы на поездку на городской счет и назначить 10 рублей суточных и оплату проезда во 2-м классе по железной дороге. На дополнительные расходы в С.-Петербурге назначалось еще 300 рублей. В состав делегации вошел инженер путей сообщения А.Г. Агеев, который отправлялся в С.-Петербург за свой счет, и городской голова А.А. Малиев [2, с. 41–43].

19 марта они официально были представлены начальнику железнодорожного транспорта при Министерстве финансов — действительному статскому советнику Циглеру как представители Кунгура в правительственной комиссии по вопросу проведения железной дороги. 20 марта в ж/д департаменте состоялось заседание комиссии. Секретарь изложил положение вопроса, где было указано на то, что при проведении дороги преследуются две задачи: удовлетворение местных интересов и улучшение общего транзита грузов и улучшение общего транзита грузов, причем предпочтение отдается последнему. Далее было указано на то, что направление железной дороги на Кыштым невыгодно, так как не дает выход сибирским грузам, идущим от Тюмени, и требовало новой ветки от Красноуфимска до Екатеринбурга. Это было самое дорогое и длинное направление.

Второе направление: Пермь – Кунгур – Красноуфимск – Екатеринбург – Шадринск – Курган — тоже было дорогое и длинное. Таким образом, для обсуждения остались два варианта железной дороги: северный — Чапца – Кунгур – Екатеринбург – Шадринск – Курган и южный — через Осу вместо Кунгура. После того как члены комиссии ознакомились с данными инженерных изысканий 1902 г., выяснилось, что северное направление дешевле южного на 9 млн рублей и короче на 23 версты. Представителей Екатеринбурга и Шадринска интересовал участок дороги от Екатеринбурга на восток, западное направление интереса у них не вызывало. Основные дебаты разгорелись между представителями северного и южного направлений.

Каждому члену делегации было представлено слово. А.А. Малиев в своем выступлении затронул все положительные моменты строительства железной дороги через Пермь и Кунгур, делая ударение на то, что создание искусственного центра по сплаву грузов в Осе, подрывает авторитет губернского города, являющегося крупным центром паромства и сплава больших грузов. Оса может пользоваться выгод-

ной 6-месячной навигацией для отправки своих грузов, в то время как Кунгур, который по населению больше Осы и Красноуфимска вместе взятых, владеет сплавом весной один месяц между половодьями.

Далее выступил А.Г. Агеев, который дал краткую характеристику экономическому развитию города, подчеркивая, что в прошлом город имел богатую и развитую промышленность благодаря Сибирскому тракту. Затем экономика города стала падать. Крупнейшие в России чайные фирмы кунгурских купцов Губкина-Кузнецова, Грибушиных были перенесены в Москву и Пермь, закрыт паромостроительный завод Гакса, исчезло салотопенное и свечное производство. В 1860-х гг. в городе было свыше 100 мелких и крупных заводов, в начале XX века осталось 22. Большая часть населения Кунгура была связана с кожевенной промышленностью.

Кунгурский рынок — центр тяготения хлебных соседних уездов, центр обмена между Центральной частью России и Сибирью. Вопрос о строительстве железной дороги для Кунгура равносителен вопросу «быть или не быть». Записки сообщений были представлены к делам вместе с запиской пермского биржевого комитета. Внимание присутствующих было также обращено на докладную записку Кунгурской городской думы. Затем представителям Кунгура был задан вопрос: «Откуда получают грузы и останутся ли они в распоряжении дороги, будет ли их количество возрастать?» А.А. Малиев пояснил, что все грузы — канаты, хлеб, овес, чай, строительные материалы, мануфактура — пойдут по железной дороге, количество их будет возрастать. О необходимости строительства железной дороги через Кунгур была помещена статья в газете «Российские ведомости» [2, с. 275].

23 июня 1904 года вопрос о строительстве железной дороги был решен под председательством Его Императорского Величества. Направление дороги — Пермь – Заимки Пермской железной дороги через Кунгур на Екатеринбург. Общая оценочная стоимость дороги была утверждена Государственным Советом в 1906 году и определена в общую стоимость 34622149 рублей. Дорога сооружалась подрядным способом, лишь часть — хозяйственным способом через мелких подрядчиков [3, с. 1–2]. Подряд на строительные работы гражданских построек на торгах выиграл подрядчик Кроль, который и занимался строительством железнодорожного вокзала г. Кунгура. Городская дума и городской голова ходатайствовали о приближении к городу вокзала. Были выдвинуты условия строительства дороги в интересах города: устройство путепровода на пересечении Якимовской улицы, где шел тракт на Красноуфимск. Устройство путепровода предпола-

галось также на продолжении Сылвинской улицы (для прохождения дороги на кладбище и казармы, на местные пристани на р. Ирени). По этой дороге будет проходить много грузов: хлеб и масло из Осинского уезда, строительный и дровяной лес, алебастр и бутовый камень. Ежегодно проходило до двух тысяч голов скота, проезд нужен был и в ярмарочные дни. Городские власти хотели бы приблизить по возможности станцию к городу Кунгуру, чтобы подъезд к пассажирскому транспорту, вокзалу, товарному двору и платформам был сделан вдоль по улице станции Кунгур параллельно линии железной дороги. Просили, чтобы Кротовское озеро не засыпалось и не ограждалось, так как оно необходимо на случай пожаров [4, с. 130].

Начальником работ по постройке железной дороги был назначен Быховец. Интересы города были учтены, водопровод строился таким образом, чтобы им могли пользоваться жители Кунгура, для чего город принял на себя часть расходов по строительству.

Город отпускал для строительства дороги стройматериалы: сажень леса кубического по цене 1 руб. 20 коп; 150 тыс. кирпичей по цене 16 руб. за тысячу. При строительстве железной дороги в черте города был вырублен сосновый лес (за 1,5 месяца было вырублено и вывезено 1611 шт.). Кунгурская мещанская управа обратилась с ходатайством об отпуске нуждающимся мещанам для своих нужд вырубленного леса по установочной цене, отпуск сучьев — бесплатно [4, с. 89]. На берегу р. Ирени было отведено место для строительства барака-столовой для рабочих по строительству железнодорожного моста через Ирень мензелинскому мещанину Г.В. Нагаеву с арендной платой 10 руб. в год [5, с. 16 об.].

В июле 1906 года Кунгурская городская дума ходатайствовала перед начальником работ по строительству железной дороги об устройстве коренного депо при станции Кунгур. Устройство депо при станции Кунгур городская дума находит настоятельной необходимостью, «потому что г. Кунгур является промышленным пунктом, где сосредотачивались из Красноуфимского, Осинского уездов главные склады хлеба, овса, кудели, конопляного и льняного семя и строительных материалов; в широких размерах развито кожевенное производство, продукцией которого производится крупная торговля с Сибирью. С перенесением депо в какой-либо другой пункт уезда несомненно возникнут новые рынки в окрестностях депо и этим подорвут интересы города. Кроме того, в г. Кунгуре имелось техническое училище, воспитанники которого с устройством депо при станции Кунгур найдут широкую возможность практически разви-

вать круг своих знаний. В ответном письме в Кунгурскую городскую думу о начале работ по строительству железной дороги прозвучал ответ: «Коренное депо на станции Кунгур будет построено действительно с правой стороны линии, считая от Перми. На устройство мастерских при них отпускается 32 619 руб. 52 коп.» [6, с. 2].

В 1906 году был составлен проект пассажирского здания (вокзала) площадью 197,11 кв. саж. на станции Кунгур. Проект включал в себя план фундамента и поэтажный план. Начальником работ был инженер Быховец, старший инженер — Е. Еранилевич.

План фундамента пассажирского здания станции Кунгур включал в себя залы I, II и III класса, помещения для багажного отделения, телеграфа, касс, дежурных по станции, жандармерии, кухни III класса, ламповой, конторы начальника станции, кабинета начальника станции, буфета, уборных. На первом этаже размещались залы I и II класса, полы которых выложены паркетом, столовая (пол — плитка), зал III класса (пол — асфальт, плитка), жандармерия (пол — дерево), кухня III класса (асфальт), ламповая, касса, телеграф, контора и кабинет начальника станции (дерево), вестибюль, багажный зал (плитка), помещения для дежурных и почты (дерево), малое багажное отделение (асфальт), проходы (плитка), дамские и мужские уборные (паркет, плитка), комнаты буфета (паркет, дерево) [6, с. 254].

На строительство железной дороги были выделены кредиты, которые были переведены в распоряжение начальника Пермской железной дороги. Дорогу предполагалось строить в три этапа, сдать 1 сентября 1908 года. Освидетельствование дороги для дальнейшей эксплуатации произведено комиссией под руководством инженера Козырева в августе – октябре 1909 года [3, с. 4].

29 октября 1909 года вышел приказ за № 209 по Пермской железной дороге о присоединении с 1 ноября 1909 года линии Заимка – Кунгур – Екатеринбург к Пермской железной дороге и об открытии с того же числа на означенной линии временного движения. Подписал приказ начальник отделения Топорнин. Первыми поездами были назначены 1 ноября 1909 года поезд № 3а от Екатеринбурга до Заимки и № 28 от Заимки до Екатеринбурга. В состав означенных поездов входило по одному вагону багажному, почтовому, мискету I и II класса, по два вагона III класса, и по три вагона IV класса. Со 2 ноября назначалось в постоянное обращение почтово-товарного и пассажирского поездов № 3а и 4а. Возможно пополнение состава транзитными вагонами в хвост поезда. Скорость для пассажирских поездов не должна была превышать 35 верст в час, для товарных —

30 верст в час. Линия подразделялась на два участка: Заимка – Шалы и Шалы – Екатеринбург, подчинялась надзору 1-го ревизора движения Сморагдову, проживающему на станции Кунгур. На должность ревизора XVII участка назначен был инженер Акатнев, также проживающий на станции Кунгур. Начальником депо станции Кунгур был назначен инженер Девашев, ревизор тяги — инженер Трушков. На станции Кунгур были назначены два сменных и два полусменных поста стрелочников [7, с. 139].

29 октября 1909 года, согласно приказу № 121 по Пермской железной дороге, вновь присоединяемая Пермь-Екатеринбургская железная дорога в отношении жандармско-полицейского надзора разделена на два жандармско-полицейских отделения: Кунгурская штаб-квартира начальника отделения в г. Кунгуре и в Екатеринбурге [8, с. 145].

Итак, дорога была построена. Ее протяженность была 355083 версты, стоимость дороги вышла в сумму 35728952 руб. 60 коп. Интересно, что всем частным лицам, через чьи земли прошла железная дорога, был возмещен ущерб (отчуждение земель, снос строений, посевы). Первый паровоз в Кунгуре встречали торжественно, прибыло высокое начальство. На вокзале продавали сувениры, напитки и закуски.

Значение дороги было велико. Она сокращала пробег грузов от Екатеринбурга, Тюмени, Челябинска и всей Сибирской железной дороги до С.-Петербурга на 117 верст. В отношении удешевления перевозок сокращение это сказалось на том, например, что провоз хлеба удешевился на 1 коп. с пуда, скота на 1 руб. с головы, сливочного масла на 2 коп. с пуда и т.д. Выдающееся значение этой дороги для торговли заключалось в том, что она давала свободный выход Сибирским и Уральским грузам на Запад и являлась важнейшим фактором развития экономической жизни Сибири и Урала. Уже в 1910 г. грузооборот Кунгурской железной дороги составил 184172 пуда [3, с. 15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Журналы Кунгурской городской Думы за 1902 год [Текст]. — Кунгур, 1903.
2. Журналы Кунгурской городской Думы за 1903 год [Текст]. — Кунгур, 1904.
3. Отчет по постройке Пермь-Екатеринбургской железной дороги [Текст] : 1905–1911 гг. / М-во путей сообщения; Упр. по сооружению ж. д. — СПб., 1911. — 848 с.
4. Журналы Кунгурской городской Думы за 1906 год [Текст]. — Кунгур, 1907.

5. РГИА. Ф. 351. Оп. 1. Д. 2181.

6. РГИА. Ф. 350. Оп. 34. Д. 152.

7. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 536. Оп. 1. Д. 512.

L. Eltysheva

110 Years of Construction of the Perm-Ekaterinburg Railway

Larisa Yeltysheva, Head of the Department of History, "Kungur Historical, Architectural and Art Museum Reservation";

e-mail: Larisa-1408@yandex.ru.

Abstract. *The article is about the history of the construction of the Perm-Ekaterinburg railway section in 1909 and its significance for the city of Kungur.*

Keywords: *railway, construction, economic development, railway station.*

УДК 94(470.5)«17–18»

О.К. ЕРМАКОВА¹, Е.Ю. РУКОСУЕВ²

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИНОСТРАНЦАХ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Аннотация. *В статье, на основе законодательных актов, помещенных в Полное собрание законов Российской империи, показан процесс изменения отношения правительства к привлечению в Россию иностранных специалистов и переселенцев в конце XVIII – первой четверти XIX века. От материальной помощи и поощрений со стороны государства к решившим переселиться в Россию иностранцам правительство переходит только к моральной поддержке приезжих.*

Ключевые слова: *Российское законодательство, иностранные переселенцы, государственная политика.*

1 Ермакова Ольга Константиновна, канд. ист. наук, научный сотрудник ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург;
e-mail: ermakovaok@mail.ru.

2 Рукосуев Евгений Юрьевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург;
e-mail: rukosuev@mail.ru.

Практика привлечения в страну иностранных переселенцев и специалистов в исторической ретроспективе представляется весьма актуальной, так как в настоящее время происходит увеличение миграционных потоков на территорию Российской Федерации. В этих условиях необходимо своевременно совершенствовать нормативно-правовую базу пребывания иностранцев, организовывать учет и контроль за перемещениями людей, оказывать материальную и социальную поддержку. Помощь в осуществлении этих мероприятий может оказать имеющийся опыт в сфере надзора за иностранцами в Российской империи.

Вопросы правового положения иностранцев выступают предметом исследования историков права и юристов. Так, исследование А.М. Тесленко, хронологически охватывает период с середины XVII до начала XX века. В этих временных рамках автор выделяет несколько этапов формирования и становления правового статуса иностранцев на территории России. Он утверждает, что в конце XVIII в. законодательная политика правительства начинает склоняться к ограничению их прав и введению надзорных и контролирующих мер [1]. Е.С. Смирнова подчеркивает, что с 1789 по 1820 г. был затруднен въезд иностранцев в Россию, ограничивались их права в торговле и других сферах деятельности [2]. А.В. Тихонова осуществила комплексное исследование проблемы надзора за иностранцами в России в 1801–1861 гг., а также выявила особенности государственной политики в отношении колонистов — выходцев из Швейцарии [3].

Задача нашего исследования состоит в том, чтобы на основе материалов Полного собрания законов Российской империи выявить основные тенденции отношения правительственных структур к иностранным переселенцам и специалистам в конце XVIII – первой четверти XIX века. Необходимость составления Полного собрания законов была вызвана кодификационными работами императора Николая I, который, приступая к изданию свода действующих законов, посчитал необходимым издать все ранее вышедшие законодательные акты и распоряжения правительственных органов. В 1830 г. было издано Первое Полное собрание законов за период с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. — от Соборного уложения царя Алексея Михайловича до Манифеста Николая I о своем восшествии на престол. Всего 45 томов, в которые вошли 30 920 актов, хронологические и предметные указатели. Данный исторический источник позволяет с высокой долей объективности надеяться на выполнение поставленной перед нами задачи.

Петр I старался привлекать специалистов в экономическую, административную и военную сферы [4]. Екатерина II основной упор в своей «иностранной политике» сделала на массовость. Через год после ее вступления на престол, 22 июля 1763 г., издается Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [5]. До конца века этот манифест являлся основополагающим документом о статусе иностранных переселенцев. Главной целью этого закона являлось освоение малонаселенных территорий, которые входили на тот момент в состав России или были присоединены в период ее правления. Соответственно основную массу переселенцев составляли земледельцы, получавшие значительное денежное пособие и всевозможные льготы. Ремесленники и специалисты в других отраслях производства и торговли составляли очень малую долю в массе переселенцев.

С конца 1780-х гг. отношение к иностранцам начинает постепенно меняться. Связано это было с нестабильной военно-политической обстановкой в Европе, сложившейся после Великой французской революции, и последовавшими затем войнами и конфликтами. В 1790-е гг. усиливается контроль и надзор за иностранными подданными в России. В конце XVIII в. выходит ряд законодательных актов, ограничивавших права иностранцев. В 1794 г. был издан указ Екатерины II «О наблюдении за поведением приезжающих иностранцев» [6]. В 1796 г. изданы указы Павла I «О наблюдении за приезжающими в Москву и пребывающими там чужестранцами» и «О наблюдении за приезжающими из чужих краев в обе столицы или внутрь империи чужестранцами». Законы предписывали вести наблюдение за приезжающими иностранцами относительно их поведения, а если какие-либо из них окажутся подозрительными, немедленно высылать обратно за границу [7, 23].

28 июня 1798 г. Павел I издает указ, данный Выборгскому губернатору К.П. Ридингеру, «О правилах, кои наблюдать следует при пропуске в Россию иностранцев». Как сказано в преамбуле указа: «Развратные правила и буйственное воспадение рассудка, поправшие закон Божий и повинование установленным властям... обратили внимание Наше... приняли Мы все меры к отражению зла от пределов Империи Нашей, строгими предписаниями пограничным Нашим губернаторам...» Указ устанавливал строгие правила въезда и пребывания в стране иностранных подданных. Теперь все чужестранцы, пересекающие границу, должны были иметь при себе

рекомендательные письма от торговых домов того города или государства, где они жительствоуют, к кому-либо из российских подданных или иностранцам, живущим в России постоянно, и пропускное свидетельство от российских дипломатических представительств с подробным описанием: кто, откуда, с какой целью и куда следует и по каким дорогам предполагает проехать. Пограничной страже вменялось в обязанность проверять такие письма, а «сомнительных» чужеземцев «задерживать на самой границе под присмотром» до получения высочайшего распоряжения [8].

Что же касается иностранцев, живших в России постоянно, то 26 октября 1797 г. появляется указ Павла I, предписывающий, чтобы «всякий пребывающий в России избирал какой-либо род состояния и чтобы каждый... нес повинности, законом определенные» [9]. 1 мая 1800 г. генерал-прокурор П.Х. Обольянов объявил Сенату указ, который предусматривал впредь бродяг из иностранцев за границу не высылать, а отправлять их в работу на казенные рудокопные заводы [10].

Александр I, придя к власти и желая продолжить политику Екатерины II, 9 мая 1802 г. издает указ «О правилах приема и водворения заграничных переселенцев» [11]. В указе он заявляет о своей поддержке Манифеста 1763 года и последовавших за ним узаконений. Император внес дополнения к уже сложившейся системе приема иностранцев: пограничная стража должна была выдавать переселенцам кордонные свидетельства, которые в течение трех месяцев имели силу паспортов, сообщать в местные губернские правления о количестве людей, перешедших границу и получивших такие свидетельства; помещикам разрешалось принимать и селить иностранцев на своих землях; поселенцы на таких землях освобождались от государственных податей до ближайшей ревизии.

20 февраля 1804 г. император утвердил доклад министра внутренних дел В.П. Кочубея «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» [12]. В докладе говорилось, что «вызов колонистов был и продолжается поныне на основании Манифеста 1763 года». Предлагалось прекратить прием «кого попало», среди которых оказывалось «много дурных хозяев и самых бедных, кои мало принесли Государству пользы». Министр констатировал, что удобных для заселения земель становится все меньше, и предложил ограничить прием поселенцев до 200 семей в год. Предпочтение предлагалось отдавать не земледельцам, а мастеровым, знающим ремесла и торговлю.

В докладе были сформулированы новые условия приема переселенцев: теперь предполагалось ссуды никому не давать, а оплачивать только наем судов и подвод для перевозки; принимались только переселенцы, предъявившие свидетельства в том, что они имеют и вывезут с собой имущества, наличного капитала или товаров не менее чем на 300 гульденов; все поселенцы должны быть семейными, прием одиноких запрещался.

Всем переселенцам подтверждались прежде предоставленные колонистам права и преимущества: свобода веры, свобода от платежа податей и повинностей на 10 лет; свобода от воинской и гражданской службы; бесплатная выдача всем колонистам земли по 60 десятин на каждую семью; выдача кормовых денег от пересечения границы до получения первого урожая; ссуда на постройку домов, покупку скота и обзаведение хозяйством до 300 руб. и т.д.

В начале XIX в. в связи с наполеоновскими войнами ужесточилась политика по отношению к французским подданным, которых начали активно высылать из России. Подданным Франции и подчиненных ей государств следовало уделять особое внимание, а при подозрении в шпионаже они подлежали аресту и высылке. Иностранцы, желающие остаться в России, обязаны были принять присягу в том, что не имеют никаких сношений с Францией. Такие условия были законодательно закреплены указом 1806 г. «О высылке из России всех подданных французских и разных немецких областей, которые не пожелали вступить в подданство; о непропуске оных в Россию без паспортов министра иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении комиссии для разбора иностранцев» [13]. Указ предполагал разрыв торгового договора с Францией и высылку в десятидневный срок подданных ее и союзных с ней государств. Французские подданные, которые желали остаться в России, обязывались принять присягу на подданство. Вновь созданная Комиссия по разбору иностранцев должна была составлять списки иноземцев, давших присягу, и выдавать виды на жительство. Иностранцы, вновь приезжающие в Россию, должны были получать паспорта на определенный срок, необходимый для выполнения дел, для которых они прибыли.

Указ Александра I от 26 октября 1807 г. предписывал не только высылать за границу иностранцев, не имеющих паспортов, но и тем из них, «кои по бедности не в состоянии отправиться обратно за свой счет», выдавать кормовые деньги [14]. В том же 1807 г. принимаются новые «Правила о пропуске в Россию иностранцев

и отпуске их обратно за границу» [15]. Новыми правилами предписывалось при получении иностранцами паспортов от российских консулов подробно указывать цели приезда и места, куда они следуют. По указу 1809 г. переезд из одной губернии в другую также мог осуществляться только при наличии соответствующего паспорта на перемещение между губерниями [16].

25 февраля 1810 г. вышел указ «О прекращении выдачи денежной ссуды колонистам» [17]. Этот указ был разработан Комитетом по сокращению издержек на 1810 год. Проверив представленные на этот год сметы расходов по Министерству внутренних дел, Комитет предложил с 1811 г. выделять на обустройство иностранных колонистов не более одного миллиона рублей в год. Кроме того, Комитет представил императору свой особый взгляд на дальнейшее привлечение иностранных переселенцев в Россию, посчитав, что переселение на свободные земли российских подданных принесет казне больше выгоды, чем привлечение иностранцев.

На наш взгляд, именно после принятия этого закона Александр I и правительство начинают в корне менять свое отношение к иностранным переселенцам.

8 декабря 1815 г. Государственный Совет, по предложению министра внутренних дел Н.И. Салтыкова, принял решение уравнивать колонистов в податях с казенными крестьянами и начать с 1816 г. взыскание с них подати «по числу душ мужского пола» [18]. 5 августа 1819 г. было утверждено решение Комитета министров «О пресечении дальнейшего переселения в Россию иностранных выходцев» [19]. Однако при этом причины такого решения не указывались. 25 октября 1819 г. было принято положение Комитета министров «О запрещении Российским миссиям выдавать паспорта переселяющимся в Россию и в Царство Польское иностранцам» [20].

Последним законодательным актом рассматриваемого периода стал указ от 23 декабря 1824 г. «О податях и повинностях иностранных выходцев, принадлежащих к состоянию крестьян» [21]. Данный указ касался разных категорий переселенцев. Колонистам, поселившимся на помещичьих землях после 9 мая 1802 г., но до 12 апреля 1804 г., предоставлялась льгота от платежа податей до следующей 6-й ревизии, указ о проведении которой вышел 18 мая 1811 г. [22]. Колонистам же, поселившимся на помещичьих землях после 12 апреля 1804 г., сохранялась десятилетняя льгота от платежа податей со времени первоначального их поселения у помещиков. У данной категории колонистов осталась только свобода от военной и гражданской службы, но было

принято решение распространить на них обязанность платить в казну рекрутские деньги по 500 руб. вместо рекрута начиная со следующего рекрутского набора. Иностранные переселенцы, переехавшие в Россию после принятия Манифеста 1763 г., но до от 12 апреля 1804 г., сохраняли все предоставленные им права и льготы.

Таким образом, на основе рассмотренных законодательных актов мы можем сделать выводы о том, как менялось отношение правительства к привлечению в Россию иностранных специалистов и переселенцев в XVIII – первой четверти XIX века. Петр I старался привлекать в первую очередь различных специалистов. Екатерина II основной упор сделала на массовость. Революционные события в Европе конца XVIII в. повлияли на политику Павла I, который относился к иностранным переселенцам с подозрением, полагая, что они могут быть носителями «крамольных» взглядов. Александр I, вступив на престол, подтвердил все права и привилегии, обещанные переселенцам Екатериной II. Однако в силу того, что большая часть его правления прошла в условиях постоянных военных действий, правительство вынуждено было изыскивать любые возможности для сокращения расходов. Это выразилось и в уменьшении средств для помощи иностранным переселенцам. В конце правления Александра I правительство пришло к мнению, что освоение новых земель можно производить путем переселения российских подданных из густонаселенных губерний Центральной России, что было дешевле и выгоднее, и приняло решение полностью прекратить все виды помощи иностранцам, желавшим переселиться в Россию. Это не означало, что иностранцы перестали приезжать в Россию на постоянное место жительства, просто теперь они могли рассчитывать только на свои силы и средства. Отношение к научным и техническим кадрам осталось прежним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Тесленко, А.М.** *Правовой статус иностранцев в России : вторая пол. XVII – нач. XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург. — 2000. — 20 с.*
2. **Смирнова, Е.С.** *Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX века до октября 1917 г. [Текст] / Е.С. Смирнова // Журнал российского права. — 2004. — № 10. — С. 126–134.*
3. **Тихонова, А.В.** *Российская политика в отношении швейцарских колонистов в первой половине XIX в. [Текст] / А.В. Тихонова // Вопросы истории. — 2010. — № 8. — С. 82–89.*

4. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том V. 1713–1719 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 760. — 3464. — 10.12.1719.
5. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XVI. 28 июня 1762–1765 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 313. — 11.880. — 22.07.1763.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXIII. 1789 – 6 ноября 1796 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 511. — 17.201. — 26.04.1794.
7. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXIV. 6 ноября 1796–1798 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 252. — 17.683. — 26.12.1796.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXV. 1798–1799 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 286. — 18.565. — 28.06.1798.
9. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXIV. 6 ноября 1796–1798 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 780. — 18.223. — 26.10.1797.
10. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXVI. 1800–1801 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 151. — 19.409. — 01.05.1800.
11. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXVII. 1802–1803 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 136. — 20.259. — 09.05.1802.
12. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXVIII. 1804–1805 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 137. — 21.163. — 20.02.1804.
13. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXIX. 1806–1807 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 884. — 22.371. — 28.11.1806.

14. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXIX. 1806–1807 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 1314. — 22.660. — 26.10.1807.
15. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXIX. 1806–1807 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 1242. — 22.595. — 23.08.1807.
16. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXX. 1808–1809 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 1180. — 23.875. — 30.09.1809.
17. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXXI. 1810–1811 гг.— СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 68. — № 24.131. — 25.02.1810.
18. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXXIII. 1815–1816 гг.— СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 398. — 26.013. — 08.12.1815.
19. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXXVI. 1819 г. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 325. — 27.912. — 05.08.1819.
20. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXXVI. 1819 г. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 362. — 27.954. — 25.10.1819.
21. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXXIX. 1824 г. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 666. — 30.172. — 25.12.1824.
22. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXXI. 1810–1811 гг.— СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 651. — 24.635. — 18.05.1811.
23. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXIV. 6 ноября 1796–1798 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 255. — 17.689. — 26.12.1796.

О.К. Ermakova, E.Yu. Rukosuev

Russian Legislation on Foreigners at the End of the XVIII – first quarter of the XIX century

Ermakova Olga Konstantinovna, Candidate of Sciences in History, researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: ermakovaok@mail.ru.

Rukosuev Evgeniy Yurievich, doctor of historical sciences, Leading researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: rukosuev@mail.ru.

Abstract. *The article, on the basis of legislative acts placed in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, shows the process of changing the government's attitude to attracting foreign specialists and immigrants to Russia in the late XVIII – first quarter of the XIX century. From material assistance and encouragement from the state to foreigners who decided to relocate to Russia, the government goes only to the moral support of visitors.*

Keywords: *Russian legislation, foreign immigrants, government policy.*

УДК 396.6

Н.Б. КОНЧАКОВСКАЯ¹

КУЛЬТУРА МАТЕРИНСТВА В ГОРОДАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. *Автором рассмотрены аспекты материнского поведения среди жительниц городов Пермской губернии. В данный период в городах наблюдались тенденции сознательного материнства, подразумевавшего «сосредоточение» женщин на рождении и воспитании своих детей, использование матерями рациональных знаний по уходу за детьми, их воспитанию. Вместе с этим сложным оставалось отношение к материнству в бедных слоях городского сообщества, где женщины часто не имели возможности «правильно» следить за детьми и их воспитывать.*

¹ Кончаковская Наталья Борисовна, методист, ГАУК СО Мультимедийный исторический парк «Россия — Моя история. Свердловская область», г. Екатеринбург; e-mail: natalia_konchak@mail.ru.

Ключевые слова: *история материнства, сознательное материнство, города Пермской губернии, родовспоможение, воспитание детей.*

Материнство — биологически и социально значимая функция женщины, направленная на продолжение рода; социокультурный и исторический феномен.

В конце XIX – начале XX в., в связи с процессами модернизации наблюдались новые тенденции в общественной реализации женщин в городах Пермской губернии, шел процесс женской эмансипации. Несмотря на это, общественность рассматривала материнство как главную социальную функцию женщины. В данный период наблюдались изменения в практиках материнства в городском пространстве Пермской губернии (в особенности в развитых торгово-промышленных центрах — Перми и Екатеринбурге), вслед за столичными городами.

В это время происходил гуманистический поворот в отношении материнства и детства. Менялось отношение общества к материнству, восприятие самими женщинами этой биологической и социальной роли. На уровне российской медицины, педагогики, психологии открывалось понимание основ гигиены, родовспоможения, ухода за младенцами, гуманизации в воспитании детей, происходило осознание полноценности личности ребенка. Можно говорить о зарождении идей «сознательного материнства» в конце XIX – начале XX вв. в общероссийском масштабе — когда жизнь женщины концентрировалась вокруг рождения и воспитания детей. В этом случае матери все чаще придерживались рациональности в подходе к уходу за детьми, их воспитанию [1]. В городах Пермской губернии наблюдались те же тенденции.

Общественность и врачи Пермской губернии призывали матерей следовать принципам «правильного» ухода за детьми, гуманного воспитания. Как отмечал, например, автор статьи «Екатеринбургской недели» О. Павлов в 1890 г., любящая мать — лучший наставник, лучшее воспитание — это те первые трогательные уроки, воспоминание о которых никогда не изглаживается у человека, это первая школа, в которой ребенок научается любить добро, уважать и любить труд [2]. Врачи, в связи с большой проблемой детской смертности в Пермской губернии, в т. ч. в городах, постоянно обсуждали вопросы материнского поведения. Причем общественное мнение одобряло активную социальную деятельность женщины, если это являлось вынужденной мерой (по финансовым

причинам) и если это не мешало ее материнским обязанностям (например, [3, с. 4; 4, с. 5]).

Все больше горожанок рожали в родильных домах, обращались к услугам обученных в медицинских учреждениях повивальных бабок, дипломированных акушерок. Если в конце XIX в. услугами роддомов пользовался небольшой круг женщин, по большей части представительниц бедных слоев мещанства и крестьянства, незамужних, то к 1915 г. контингент рожениц в роддомах заметно изменился. во-первых, вырос количественно, а во-вторых, включал в себя более широкие слои населения, в том числе дворянство [6; 7].

Можно отметить, что наиболее явно осознавали свою ответственность по отношению к детям представительницы образованной среды городов — например, женщины из среды интеллигенции. Матери старались заботиться о своих детях, соблюдая правила гигиены, обращаясь к докторам по вопросам здоровья детей, используя передовые идеи педагогики в воспитании. Правильными в уходе за младенцами считались грудное вскармливание, соблюдение чистоты, температурного режима везде, где находился ребенок (например, постоянные проветривания, мытье помещений), использование чистой одежды, посуды и т. д., прогулки на свежем воздухе. Большое значение уделялось психологическому комфорту, умственному и физическому развитию ребенка. Врачи разъясняли основы правильного питания детей — режим приема и рацион пищи. До годовалого возраста, если грудное вскармливание было невозможным, матерям советовали давать детям кипяченое коровье молоко, разбавленное водой, в качестве прикорма — каши. В местной прессе, вслед за столичной, печатались статьи о детской психологии: как воспитывать ребенка гуманно, как вырастить полноценную личность (например, [8]). Выходило много журналов с литературой для чтения детям.

Принятым оставался наем нянь для ухода за детьми, по крайней мере, если в семье было несколько маленьких детей. При этом поиск и выбор претендентки на должность няньки являлся трудным для матерей — на эту работу часто шли безграмотные девушки из сельской, заводской округи, нередко сезонно. Екатеринбургская горожанка из среды интеллигенции — жена нотариуса Александра Владимировна Батманова, мать пятерых детей, например, постоянно следила за нянями — ее отзывы о поведении последних были часто неутешительны. Няни могли накормить детей «не тем», например ягодами — младенцев, оставить детей без присмотра [9]. Для детей

постарше могли нанимать гувернанток, репетиторов, обучавших их основам грамоты, арифметике, иностранным языкам. Однако и сама мать могла давать ребенку первоначальные знания. В начале XX в. при найме прислуги стало обычным просить рекомендации.

В низших слоях городского населения ситуация с трансформацией материнских практик по направлению «сознательного материнства» была намного сложнее — в среде крестьян, мещан во многом продолжалось безответственное отношение матерей к детям [10]. Негативно сказывалась необходимость женщин-матерей из бедных семей работать. Отчеты Комитета по борьбе с детской смертностью констатировали, что в семьях городской бедноты не было должного ухода, контроля за детьми. Грудное вскармливание младенцев являлось редким явлением. Причиной могло быть недоедание самой матери и, как следствие, отсутствие у нее молока; также работа матери вне дома, когда не было возможности находиться постоянно с ребенком. Чаще всего младенцам давали либо коровье молоко, которое плохо усваивалось, либо жеваный хлеб в тряпице или корытке рожке. В рационе младенца могли быть даже грибы [11, с. 11; 12, с. 26]. В результате, по оценкам врачей, большинство младенцев умирало по причинам неправильного вскармливания и, как следствие, плохого пищеварения, низкого иммунитета, большого недобора веса. Влияние на показатели детской смертности также имели инфекционные болезни, в первую очередь кишечные.

В 1913 г. в Промышленном Уставе на общероссийском уровне были внесены ограничения для работавших женщин. По нему женщине-работнице (участнице больничной кассы) назначалось пособие по случаю родов из больничных касс в размере от половины до полного заработка, перерыв в работе — двухнедельный дородовой и месячный послеродовой, бесплатная врачебная помощь и обеспечение медикаментами [13].

Таким образом, культура материнства в городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. претерпевала существенные изменения. Происходило становление культуры сознательного материнства, подразумевающего ответственность женщины за здоровье и воспитание своих детей. Наиболее передовыми в этом плане были матери из среды интеллигенции. Наряду с этим продолжало существовать и «безразличное» по отношению к детям материнство. Нередко оно могло быть вынужденным, обусловленным плохими жизненными условиями семьи, недостатком свободного времени и финансов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Мицюк, Н.А.** Конструируя «Идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века [Текст] / Н.А. Мицюк // Журн. исслед. соц. политики. — 2015. — №1. — С. 21–32.
2. **Павлов, О.** Несколько слов о воспитании детей дошкольного возраста [Текст] / О. Павлов // Екатеринбургская неделя. — 1890. — № 41.
3. **Русских, Н.А.** Доклад на заседании Уральского медицинского общества в Екатеринбурге 8 января 1892 года «Санитарные требования в деле призрения детей» [Текст] / Н.А. Русских // Екатеринбургская неделя. — 1892. — № 1.
4. Журнальные заметки [Текст] : Н.В. // Екатеринбургская неделя. — 1893. — № 2.
5. **Иванова, Н.** Женские заметки [Текст] / Н. Иванова // Уральская жизнь. — 1914. — № 17.
6. Записки Уральского медицинского общества в Екатеринбурге [за 1891–1915 г.] / Ред. Н.А. Русских. Изд. Уральское медицинское Об-во // Пермь, 1892–1916.
7. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии [Текст] : с 1908 по 1916 г. / Изд. Санитарное бюро Пермского губернского земства. Пермь. — 1909–1917. — Ежемес.
8. **Владимирский.** Лекции доктора Владимирского [Текст] / [б. имени] Владимирский // Уральская жизнь. — 1914. — № 10.
9. ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 117.
10. **Голикова, С.В.** Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты [Текст] / С.В. Голикова. — Екатеринбург : УРО РАН. — 2012. — 174 с.
11. Отчет о деятельности Уральского отдела в г. Екатеринбурге с 29 мая 1905 г. по 1 января 1906 г. : Чит. в общем собрании 5 февр. 1906 г. [Текст] / Союз для борьбы с детской смертностью в России (Петербург) : Уральский отдел. — Екатеринбург, 1906. — 15 с.
12. Отчет о деятельности Уральского отдела в г. Екатеринбурге за 1908 г. [Текст] / Союз для борьбы с детской смертностью в России (Петербург) : Уральский отдел. — Екатеринбург, 1909.
13. Устав о промышленном труде с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным, предметным и сравнительным постатейным [Текст] / Сост. В.В. Громан. — Неофициальное изд. — Петроград : Изд-во юрид. кн. скл. «Право», 1915. — 440 с. — Статья 71.

N. Konchakovskaya
The late 19th and early 20th centuries Culture
of motherhood in the cities of Perm province

Konchakovskaya Nataliya, Methodist of the Multimedia historical Park Russia — My history: Sverdlovsk region;
 e-mail: natalia_konchak@mail.ru.

Abstract. The article considers aspects of maternal behavior among residents of the cities of Perm province. In the late 19th and early 20th centuries in the cities of Perm province there were trends of conscious motherhood, which meant «concentration» of women on birth and upbringing of their children, use of rational knowledge. At the same time, the attitude towards motherhood in the poor sections of the urban community, where women often did not have the opportunity to «properly» control and raise children.

Keywords: history of motherhood, conscious motherhood, cities of Perm province, delivery care, upbringing of children.

УДК 94(470.5)

Н.С. КОРЕПАНОВ¹

МАЛАХИТ НА УРАЛЕ — НАЧАЛО ДОБЫЧИ
И ОБРАБОТКИ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. В статье приводятся редкие архивные данные о начале целенаправленной добычи малахита на уральском Гумешевском руднике и о первоначальном его использовании. На основании документов высказывается предположение о времени начала художественной обработки малахита и о среде распространения кустарного промысла. Публикуется письмо заводчика А.Ф. Турчанинова о добыче малахита в 1760-е гг.

Ключевые слова: Урал XVIII века, малахит, Екатеринбургская камнерезная фабрика, Гумешевский медный рудник, заводчик А.Ф. Турчанинов.

Малахит всегда был и навсегда останется одним из символов Урала. В истории местного камнерезного искусства художественная обработка его является одной из наиболее значимых и ярких стра-

¹ Корепанов Николай Семенович, старший научный сотрудник, МБУК «Музей истории Екатеринбурга», г. Екатеринбург; e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

ниц. При этом данные о времени обращения к малахиту как к поделочному сырью до недавних пор были весьма туманными.

Известный специалист по истории уральского камня В.Б. Семенов высказал однажды мнение относительно малахита: «Кто и когда первым удостоил внимания штуф уральского малахита, навсегда останется в области догадок» [1]. Сам он наиболее раннее упоминание об уже добытом сырье связывал с посещением Екатеринбурга аббатом Шаппом д'Отрошем в 1761 г. [1].

В свое время мы подготовили две небольшие статьи, касающиеся малахита, изданные малым тиражом в самиздатовском журнале и в сборнике статей Музея истории камнерезного и ювелирного искусства (г. Екатеринбург) [2, 8].

Недавно наш материал использовал и даже в художественной форме прокомментировал доктор геолого-минералогических наук В.В. Филатов, правда, без указания источника в списке использованной литературы (таковой, впрочем, в статьях автора в журнале «Наука и жизнь» обычно вообще отсутствует), а также по тексту статьи [3]. В этой связи мы считаем возможным повторно привести опубликованные нами данные в настоящем уважаемом издании.

По нашим данным, интерес уральскому малахиту первым проявил обер-штейгер Гумешевского рудника Иоганн Даниэль Келлер (уроженец Нижней Саксонии, он начинал работать на Урале по контракту в 1724 г., впоследствии принял российское подданство). В рапорте его в Полевскую заводскую контору от 10 ноября 1750 г. значится: «Ноября 2 числа от шахты № 8 на 6-й сажени, на левую руку поворотясь проходною штольнейю на шахту № 9, во оной на пятой на десять (на 15-й. — *Н.К.*) сажени поворочено на левую ж руку в запад штольнейю, а сверху глубиною в 10-и саженьях идено по черной рудной земле и по красной пустой глине добыто два куриозные зеленые камня, кои для виду и пробы в Полевскую заводскую контору (посылаются. — *Н.К.*). Из которых один камень весом 25 фунтов» [4].

Эти два образца, также и два другие, «такие ж куриозные зеленые два камня», добытые на том же участке в июне (один из них весом в 17 фунтов), были отправлены 23 ноября из Полевского завода в Канцелярию Главного правления заводов в Екатеринбурге.

Уточним здесь, что собственно название «малахит» появилось позднее. В заводской документации 20–40-х гг. XVIII в. периодически попадаются упоминания о «медной рудной зелени», о «зелени в черной рудной земле» и т. п. В то время минералу не придавалось

значения как поделочному сырью, он использовался исключительно в медную плавку.

О находке 1750 г. из екатеринбургской Канцелярии было рапорт в Берг-коллегию. Ответ же последовал из Императорского кабинета 22 декабря 1751 г.: «Небезызвестно есть, что при Гумешевском, также при некоторых Пермских медных рудниках, между добываемыми рудами находятся штуфы медных чистых богатых руд зеленого и лазоревое цвета. Из которых зеленую вместо яри-медянки, или смешивая с нею, к крашению дерева употреблять можно. Того ради имеет Екатеринбургская канцелярия, набрав из оных зеленой руды до пуда, а лазоревой несколько фунтов, прислать при случившейся оказии в Кабинет Ея ИВ» [5, л. 137].

Очевидно, что «лазоревая медная руда» — это азурит, медесодержащий минерал, менее ценный, чем малахит.

В Канцелярии на основании этого вынесли в феврале 1752 г. определение (Г.У. Райзер, Ф. Старого-Миллюков): «Зеленой, также буде лазоревая попадется, медной руды самой чистой, выбрав в Гумешевском руднике зеленой до пуда, а лазоревой — сколько ныне набраться может, да лазоревой же, о коей известно, что ее при Пермских рудниках подовольнее, набрав фунтов до пяти, прислать сюда немедленно. А впредь до коликого числа в год такой зелени и лазоревой руды набирать во оных местах будет можно, о том Пермскому (горному) начальству и Полевской (заводской) конторе сюда рапортовать» [5, л. 137 об.].

В том же месяце из Полевской заводской конторы в Екатеринбург рапортовали: «Прислано сюда от Келлера набранной при Гумешевском руднике в тех местах, где до сего находились куриозные зеленые руды, зеленого цвета медной руды 1 пуд. Которая при сем во оную Канцелярию и послана... А лазоревое цвету не имеется» [5, л. 141–141 об.]. Управитель завода Василий Осипович Раздеришин также обязался доставляемый с Гумешек малахит впредь откладывать отдельно от руды и в плавку не употреблять.

В том же феврале 1752 г. добытый пуд малахита был отослан в Императорский кабинет с кабинет-курьером Семеном Аничковым.

Итак, с 1752 г. добытый малахит перестали употреблять в плавку, хотя и рассматривался он, очевидно, лишь как сырье для изготовления краски. Впрочем, как известно, в это самое время на Урале родилось камнерезное производство: в декабре 1751 г. начала действовать Екатеринбургская камнерезная фабрика, в феврале 1752 г. — камнерезная фабрика казенного Северского завода. И уже в том году малахит впервые подвергли обработке на оборудовании Северской

фабрики, вполне оценив красоту фактуры. Об этом можно судить по указу Берг-коллегии в Екатеринбург в августе 1752 г.: «Прислан медной зеленой руды один штуф 37 фунтов, взятый при Гумешевском медном руднике, от коего на Северной каменорезной мельнице отрезана малая часть, и явился тот большой штуф изрядного вида. Определено: показанный штуф хранить при Коллегии в судейской каморе (место заседаний. — Н.К.)... И ежели показанного вида камни будут являться между оными ж медными рудами, то оный, собирая, откладывать и хранить в удобном месте» [5, л. 261].

В октябре 1752 г. в екатеринбургской Канцелярии (Н. Клеопин, Г.У. Райзер) подтвердили распоряжение применительно ко всем уральским рудникам: «Чинить по силе того указа. И ежели и при других медных рудниках такие ж зеленые руды большими штуфами будут являться, то и при оных велеть, отбирая, по тому ж особливо хранить и в Канцелярию рапортовать. О чем и обер-штейгеру Келлеру дано знать» [5, л. 261 об.].

Причем оговорка насчет больших штуфов, казалось бы, могла подразумевать использование малахита не столько для краски, сколько для художественной обработки. Тем не менее в известных нам документах Екатеринбургской гранильной фабрики, в т. ч. в перечнях изделий и поделочного сырья, малахит не упоминается вплоть до XIX века. Здесь можно предположить, что наметившийся интерес не получил развития после масштабной приватизации казенных заводов конца 1750-х годов. Как известно, Сысертский, Полевской и Северский заводы, а значит, и Гумешевский рудник отошли тогда А.Ф. Турчанинову.

Ясно, что и после приватизации практика отсортировки малахита от медной руды на Гумешках сохранялась. Сам А.Ф. Турчанинов свидетельствовал в 1769 г., что за десять лет здесь было добыто 1100 пудов «горной зелени», т. е. малахита, использовавшегося, по его словам, исключительно как сырье для минеральной краски. Согласно тому же свидетельству, малахитовая краска использовалась на собственных его заводах, а также в Екатеринбурге (очевидно, для собственного дома) и Соли Камской (см. Приложение). Напомним, что Алексей Федорович утвердился в коммерции после женитьбы на дочери соликамского купца Михаила Филипповича Турчанинова, от которого и принял фамилию.

В екатеринбургской Канцелярии (В. Бибииков, М. Башмаков) распорядились тогда лишь о пробной плавке и об отправке 10-фунтового образца в Берг-коллегию [6, л. 418].

Итак, к концу 1760-х гг. количество добытого на Гумешках малахита превзошло потребности Турчанинова в минеральной краске. Не возникло интереса к нему и у казенной администрации. Даже в качестве десятины в казну «зелень» не могла быть поставлена, поскольку, очевидно, приравнивалась не к меди, а к медной руде. А потому малахит готовы были опять употребить в банальную плавку.

Однако документы свидетельствуют, что в следующее десятилетие интерес к минералу начал складываться среди самых неформальных кругов заводского общества.

В ноябре 1779 г. трое приписных крестьян из крепости Косой Брод, трое братьев Данило, Иван и Егор Хохотовы, пожаловались в екатеринбургскую Канцелярию, что вынужденно живут в Полевском заводе, находясь под следствием по ерундовой причине: «Назад тому года с три захвачены Полевскою конторою со взятым у мастерового Алексея Турыгина медной руды небольшим камнем» [7, л. 422].

На запрос из Екатеринбурга Сысертская заводская контора А.Ф. Турчанинова (приказчик Тихон Лежнев) ответствовала: «В прошлых 1776 и 1778 годах за покупку Полевского завода у плавильных работников и Гумешевского рудника у рудокопщиков краденной ими с того Гумешевского рудника и из плавильной фабрики медной руды зеленой немалого числа приписные Кособродской крепости крестьяне Данило, Егор и Иван Хохотовы (которую они, покупая, продавали в Екатеринбурге, а некоторое число и в домах их еще найдено) взяты были на жительство на здешний завод и находились в заводской работе для того, дабы и более они расхищать той зелени не могли» [7, л. 425]. Напомним: управление заводским хозяйством Турчанинова находилось на Сысерти.

Тогда же из Полевской заводской конторы (поверенный Егор Борисов) поступило уточнение: «Кособродские крестьяне Хохотовы — Данило и Егор в 1776 г., а Иван в 1778 г. — в здешний завод захвачены были, потому что найдены у них в доме наворованной в разных годах гумешевской рудной зелени довольно число... По следствию оказалось, кроме той, найденной у них в доме зелени в разных годах обще здешнего завода с мастеровыми людьми и горными служителями разворовано и в Екатеринбург разного звания людям распродано немалое количество» [7, л. 426–426 об.].

А в феврале 1780 г. в доношении Сысертской заводской конторы чуть ли не впервые в заводской документации прозвучало слово «малахит»: «Найдено у них в доме наворованной в разных годах гумешевской медной из руд зелени, называемой “малахит”, довольно

число... Оными, кроме той, найденной у них в доме зелени, в разных годах обще Полевского завода с плавильными работниками и Гумешевского рудника с рудокопщиками разворовано и в Екатеринбурге и в прочих местах распродано разного чина людям дешевою ценою немалое количество» [7, л. 432].

На основании приведенных данных можно сделать сразу несколько выводов, хотя и с некоторыми допущениями.

Упоминание о причастности к кражам плавильных работников служит несомненным доказательством использования малахита в качестве сырья для медной плавки. И Турчанинов, и казенная администрация посчитали, что медь дороже сказочного минерала.

Излишек малахита способствовал его появлению на черном рынке Екатеринбурга, по крайней мере, в середине 1770-х годов. Здесь уже почти тридцать лет действовала камнерезная фабрика, а значит, сложился слой людей, знакомых с художественной обработкой камн, или в какой-то мере причастных к этому.

Очевидно, что эти «разного звания люди» и были основными потребителями гумешевского малахита, доставляемого тремя братьями из Косого Брода или им подобными. А значит, и первые опыты по художественной обработке малахита имели кустарный характер, предприняты были не благодаря, а вопреки действиям Турчанинова и позиции официальных властей, никак не были связаны даже с руководством Екатеринбургской камнерезной фабрики. Обращение к художественной обработке малахита на Урале имело подлинно народный характер.

Приложение

Июля 7. Доношение заводчика А.Ф. Турчанинова в Канцелярию Главного правления заводов в Екатеринбурге о добытом малахите на Гумешевском руднике

В Канцелярию Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов титулярного советника Алексея Турчанинова доношение.

С прошлого 1759 года, то есть с начала принятия из казенного в собственное мое содержание Полевского, Северского и Сысертского заводов со всеми принадлежностями и рудникам, усмотрено мною, что оного Полевского завода в Гумешевском медном руднике при добыче руд временем между рудою попадают небольшие гнезда горной зелени, а от рудокопов здешних называемого «куриозу», который способен оказался ко употреблению в зеленую краску. Како-

вой с начала вступления моего из добытых моим коштом руд чрез все прошедшие годы поныне чрез с лишним десять лет набрано тысяча сто пуд. А из того числа во все то время единственно для собственных моих надобностей на крашение жилых покоев и прочего мною как в городе Екатеринбурге, так при заводах и у Соли Камской несколько употреблено. Но хотя оная зелень и собственным моим коштом добывалась и выбрана, по чему и заключаю собственно своею, которую единственно употреблял на свои надобности. Хотя ж и никому ни за какую цену в продажу онаю не пользовался, но за справедливое почитаю по верности моей к приращению казенной пользы в рассуждении том, егда б оная употреблена была в плавку, то б по содержанию одной доброты могло б быть надлежащее число меди и, следовательно, с того числа меди быть платежу в казну десятины.

Того ради вышереченной Канцелярии от тех набранных и употребленных в краску куриозов три штуфа при сем и объявляю и покорно прошу, дабы повелено было оные при поверенном моем Якове Логинове опробовать, а что по пробе окажется, из вышеписанного числа тысячи ста пудов чистой меди, с того числа что причтется в казну Ея ИВ и с подлежащей на вольную продажу четвертой части меди принять десятину и в том платеже дать квитанцию. А впредь, если таковая ж оказываться будет и для краски отбирано быть имеет, о том объявлять и платеж в казну десятины производить не премину...

Июля 7 дня 1769 года

Титулярный советник Алексей Турчанинов¹

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенов, В.Б. Малахит [Текст]: [в 2 т.]. Т.1 / В.Б. Семенов. — Свердловск: Сред.-Ур. кн. изд-во, 1987. — С.32.
2. Корепанов, Н.С. История открытия подделочного малахита на Урале [Текст] / Н.С. Корепанов // Уральский геологический журнал. — 1999. — № 4 (10). — С. 157–160.
3. Филатов, В.В. «Куриозные зеленые камни» [Текст] / В.В. Филатов // Наука и жизнь: ежемес. науч.-популярный журнал. — 2016. — № 8. — С. 74–79.
4. ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 1309. Л. 223.
5. ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 1345.
6. ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 1951.
7. ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д. 2445.

¹ Подлинник в ГАСО: [6, л. 417–417 об.].

8. **Корепанов, Н.С.** А.Ф. Турчанинов и начало добычи малахита на Урале [Текст] / Н.С. Корепанов // Алексей Козьмич Денисов-Уральский : К 150-летию со дня рожд. : мат-лы шестой конф. в рамках пятнадцатого конкурса «Металл, камень, идея» им. А.К. Денисова-Уральского, 19–20 ноября 2014 : [сб.]. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2015. — С. 77–80.

N.S. Korepanov

The Beginning of Malachite Mining and Processing in the Urals in the XVIII Century

Nikolay Korepanov, Senior researcher, the Museum of History of Ekaterinburg; e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

Abstract. *The malachite is the famous Ural mineral, one of the symbols of the Urals. But its early history is unknown yet. The article contains rare archival information about the beginning of malachite output in 18-th cent. The author draws a conclusion about the time and social environment where first experience of its decorative treatment has begun. The report of the famous Ural works-owner Alexey Turchaninov on the malachite output in 1760-s is published.*

Keywords: *the Urals of the XVIII century, malachite, Ekaterinburg stone-cutting factory, Gumeshevsky copper mine, breeder A.F. Turchaninov.*

УДК 94(47).674

Н.Д. ЛИСИЦЫН¹

ОСОБЕННОСТИ СТОЛЯРНОГО ПРОМЫСЛА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация. Автор выделил и проанализировал особенности столярного кустарного промысла Пермской губернии на рубеже XIX–XX веков в процессе изготовления, при продаже мебельно-столярных изделий на потребительском рынке, при участии склада и банка. Также показал пути развития промысла.

Ключевые слова: *столярный кустарный промысел, Пермская губерния, сбыт, магазины, склад, банк.*

¹ Лисицын Николай Денисович, студент, ГАПОУ СО «Уральский колледж технологий и предпринимательства», г. Екатеринбург; e-mail: lisitsynprofile@gmail.com.

Во все времена столярное дело занимало важную составную часть в жизни и развитии общества, т. к. в результате создавались предметы, которые способствовали более удобной и комфортной жизни, украшали быт, дополняя его новыми деталями. Изделия из дерева являются частью декоративно-прикладного искусства Урала.

В Российской империи развитие столярного промысла началось с конца XIX в., после отмены крепостного права. Кустарные промыслы отличались от ремесла производством на заказ, для сбыта на потребительском рынке. Такие мастера работали на дому, в организованных для конкретной отрасли мастерских, с наемными рабочими [1, с. 9].

Кустарный промысел по обработке дерева был местным, крестьянским с целью получения прибыли при продаже столяром изделий на потребительском рынке, без применения машинного труда. На практике слабо отличался от ремесла [1, с. 9].

На выставке кустарной промышленности в Пермской губернии в 1887 г. впервые была представлена мебель из дерева от некоторых мастеров. Однако они имели свои мастерские, в которых работали мастера без посторонних рабочих, с производством преимущественно по заказам. По «очерку Скалозубова» можно отметить, в конце XIX в. было незаметно, чтобы столярно-мебельное производство поднялось где-либо над уровнем ремесла [2, с. 6].

Кустарные мебельно-столярные мастерские можно разделить на две группы. К одной из них относились мастерские, находящиеся по большей части в деревнях и селах — среди крестьянского землевладельческого населения, где занимались изготовлением простой дешевой мебели: стульев, столов, простых стальных шкафчиков и т. п. Изделия не покрывали лаком, а красили масляной краской. Сельские столяры-кустари занимались своим промыслом обыкновенно зимою в свободное от полевых работ время. Продажа изделий производилась ими по базарам и мелким сельским ярмаркам.

К другой группе относились мастерские, занятые изготовлением более изящной и сравнительно дорогой мебели, отвечающей спросу со стороны горожан, заводских служащих и других классов населения, более состоятельных и более требовательных. Эти мастерские были сосредоточены в городах или в заводах близ крупных городов. Особенно крупных размеров кустарное производство городской мебели достигло в трех пунктах губернии: в Юговском заводе Пермского уезда, в Верх-Исетском и Березовском заводах Екатеринбургского уезда. Здесь уже мебельно-столярным производством

были заняты люди, для которых мастерство это являлось или единственным, или главным источником средств к существованию.

Мебельно-столярный промысел рубежа XIX–XX вв. существовал в 20 волостях губернии. Многочисленны были столяры в Юговском заводе: 1881 г. — 98, 1896 г. — 116, 1912 г. — 484 [3, с. 10]. Их работа была востребованной, высокооплачиваемой: заработок — 35705 руб. [4, с. 5–6].

Столярное мастерство в Юговском заводе возникло при крепостном праве благодаря заводской администрации, которая отправляла на средства завода мастеровых учиться ремеслу в Петербург. Мысль о насаждении здесь мебельного производства возникла, очевидно, вследствие обилия в местных лесах подходящих для этого дела лесных пород: березы, ильма и липы.

Мебельно-столярные изделия были представлены множеством предметов обихода и востребованы населением губернии, что способствовало их совершенствованию. Например, сначала в Юговском заводе было ремесленное производство дешевой мебели по заказу служащих завода. Изделия 1880-х гг. сбывали столяры на Нижегородской ярмарке, рынках Сибири и Кунгура, Перми, в пермских мебельных магазинах. Магазины давали им столичные рисунки и образцы, выполнение которых требовало роста качественного уровня производства [5, с. 13]. Работали мастера и по заказам жителей Перми и заводов.

В Юговском заводе сначала было ремесленное производство дешевой мебели по заказу служащих завода. Позже изделия стали сбывать сначала на рынках Нижегородской ярмарки, рынках Сибири и Кунгура, Перми. Производство городской мебели существовало и в других пунктах столярно-токарного промысла. Но оно носило случайный характер и было предназначено для местного потребления.

Пермские магазины, с одной стороны, совершенствовались производство юговских и верх-исетских кустарей, снабжая их новыми образцами, однако во многом и обманывали их, продавая изделия покупателям втрое и вчетверо дороже. Заметим, лучшие изделия юговских мастеров в магазинах сбывались под видом мебели лучших фирм России. Изделия верх-исетских мастеров реализовывали в екатеринбургских магазинах. В 1861 г. юговские мастера были освобождены от крепостной зависимости на заводах, а в 1888 г., с учреждение Пермским уездным земством кустарного склада в Перми они были освобождены от зависимости со стороны магазинов и сбывали кустарные изделия на пермском рынке [3, с. 11–12].

Столярное дело включало производство рам и дверей в районах мебельных и токарных промыслов, в некоторых местах было и специально оконное производство. Токарно-мебельные мастерские приготавливали веретена, пряжи, ткацкие станки, навои, игрушки.

К используемым сортам дерева относились дуб, береза, ильм, липа, сосна. Лес покупали, обыкновенно, у местных крестьян или во владельческих и казенных дачах. Юговские кустары частью его покупали, частью сами заготавливали в дачах графа Строганова.

К кустарным заведениям, имеющим подсобное значение в мебельно-столярном производстве, относились малярные заведения, в которых происходила покраска мебели и посуды, изготовляемых столярами и токарями; кустарная лесопилка. Самой популярной мебелью, имеющей большой спрос, была ильмовая гнутая мебель, выполненная по образцу венской.

На рубеже веков, с 1888 г., более успешному развитию промысла способствовал кустарный склад или «выставка кустарных изделий Пермского уездного земства». Склад принимал от кустарей изделия для продажи, заказы и раздавал их кустарям, выдавал под готовые изделия авансы, иногда покупал оптом для кустарей сырье. Главными поставщиками склада являлись мебельщики Юговского завода. Сработанная мастерами мебель была достаточно известна и спрос на нее был велик, поэтому склад почти только ею и оперировал. Из склада в Перми продавали меньшую часть мебели Юговских кустарей, большая же часть сбывали в Сибирь: в Омск, Тобольск, Томск, Семипалатинск. Изделия верх-исетских и березовских кустарей имели сбыт в магазинах частных торговцев Екатеринбургa. Беднейшие из кустарей не могли сдавать свои изделия в склад и по-прежнему продавали их мебельным магазинам. К помощи земского кустарного склада прибегали только более состоятельные кустары.

С начала XX в. деятельность земств Пермской губернии по улучшению кустарных промыслов стала осуществляться более планомерно. Например, Земское собрание решило устроить при Юговской мастерской лесопилку и лесосушилку, на каковой предмет получило от губернского земства определенную ссуду. Земства направляли свою работу на улучшение техники кустарного производства, снабжение кустарей более дешевыми и доброкачественными материалами, организацию для кустарей общедоступного кредита, урегулирование сбыта крестьянских изделий [4, с. 5–6].

Развитию отрасли способствовал учрежденный 7 января 1894 г. губернским земством Пермский кустарно-промышленный банк.

Банк покупал лес, принимал готовые изделия для продажи на сибирские рынки [2].

Во всех земствах появились районные кустарные техники-художники, которые имеподдерживали связи друг с другом, благодаря чему началось обширное распространение новых чертежей и способов сборки изделий из дерева, новых методов работы и технологий. Вместе с районными кустарными техниками создавали артели, содружества и корпоративы, которые играли существенную роль в развитии и распространении полезного материала. С 1890 г. наблюдалось увеличение количества мебельно-столярных и токарных заведений. В 1913 г. всех столярных мастерских насчитывалось уже 204 с 596 рабочими [5, с.13]. Открытия ремесленных школ давало возможность обучения молодежи не сразу в мастерских — подсобниками, а под руководством опытного преподавателя.

При нарастании изготовления и совершенствования станков мастера достигали упрощения и улучшения производства. Станки стали проходить проверку на качество и при верном прохождении устанавливалась печать на допуск к распространению. В некоторых местах появился технический надзор для наблюдения за качеством изготавливаемых изделий, особенно это касалось тех мастерских, которые брали кредит [2].

Таким образом, объединение людей в мастерских, помощь различных учреждений, организация сообществ, выставок способствовала развитию столярного кустарного промысла.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Ольховая, Л.В.** Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.) [Текст] : Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.В. Ольховая. — Свердловск : [б. и.], 1964. — 18 с.
2. **Кашаева, Ю.А.** Кустарные промыслы Пермской губернии : конец 1880-х – 1914 гг. [Текст] : дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю.А. Кашаева. — Пермь, 2007. — 283 с.
3. **Красноперов, Е.И.** Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге, в 1887 г. [Текст] : в 3 т. Вып. 2 / Е.И. Красноперов. — Пермь : Перм. губ. земство, 1889.
4. Обзор деятельности земств по кустарной промышленно-сти [Текст] : [в 3 т.]. Вып. 3 / М-во земледелия; отд. сельской экономики и с.-х. статистики. — СПб. : Тип. В.Ф. Кирибаума, 1916.

5. Очерк кустарных промыслов Пермского уезда Пермской губ. 1913 г. [Текст] / Оценочно-стат. бюро Перм. губ. земства. — Пермь : Электро-тип. губ. земства, 1913. — 94 с.

N.D. Lisitsyn

Features of joinery in the Perm province at the Turn of the XIX–XX century

Lisitsyn Nikolay Denisovich, student, Ural College of Technology and Entrepreneurship, Ekaterinburg; e-mail: lisitsynprofile@gmail.com.

Abstract. The author singled out and analyzed the peculiarities of joiner's handicraft production in the Perm province at the turn of the 19th – 20th centuries during manufacturing, when selling furniture and joinery in the consumer market, with the participation of a warehouse and a bank. He showed the development of production.

Keywords: joiner's handicraft production, Perm province, sales, shops, warehouse, bank.

УДК 821.161.1

Л.В. МАШТАКОВА¹

ФЕДОР СОЛОГУБ С ЛЕКЦИЕЙ «РОССИЯ В МЕЧТАХ И ОЖИДАНИЯХ» В ЗЕРКАЛЕ УРАЛЬСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ²

Аннотация. В статье анализируются отклики провинциальной прессы (газеты «Уфимская жизнь», «Зауральский край», «Голос Приуралья», «Пермская жизнь» и др.) на выступление поэта Ф. Сологуба с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» в 1916 г. в Уфе, Челябинске, Екатеринбурге и Перми.

Ключевые слова: Федор Сологуб, Сологуб на Урале, Россия в мечтах и ожиданиях, лекция, гастроли, 1916.

¹ Маштакова Любовь Владиславовна, канд. филол. наук, научный сотрудник, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: lika170288@mail.ru.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»).

С лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» [9] Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников) в 1916 г. выступал в четырех городах Урала: Уфе (1 февраля), Челябинске (3 февраля), Екатеринбурге (2 октября) и Перми (27 октября). В лекции доказывалась ведущая роль символизма в современной литературе в рамках философских представлений о русском мессианизме. О том, как принимала столичного поэта уральская публика, отчасти дают представление газетные отклики тех лет.

1 февраля поэт выступал в Уфе, 4 февраля в «Уфимском вестнике» вышла статья Н. Шубина «Лекция Федора Сологуба». После ироничного описания утрированно декадентского поэтического мира Сологуба, предваряющего описание самого мероприятия, журналист отметил, что мечты Сологуба «о высоком призвании Руси, о долге ее пред человечеством» были лишь «повторением очень старых идей и притом на старый же лад без единого нового мотива и нового содержания»: «Нет, — это слишком далеко от жизни» [12]. Особенно автора возмутили слова о жертвенности, он саркастически рассуждает: «Неужели только для мечты одной поэт, отмеченный печатью несомненного таланта, спустился с “лазурных гор”, поехал на далекую окраину России, поднялся на кафедру перед массой народной, и в такую редкую историческую минуту и без того приниженным и угнетенным стал говорить о смирении, жертве, подвиге, самоотречении и долге России пред человечеством» [12].

Того же 4 февраля анонимный обозреватель «Уфимской жизни» сообщил, что лекция Сологуба «представила собой ряд до того элементарных мыслей и положений <...>, что оставалось удивляться, как такой большой, такой талантливый писатель может разъезжать по России с подобными “откровениями”. <...> Дело не в спорности, не в проблематичности положений, а в необычайной, исключительной, по крайней мере, в устах Сологуба, их элементарности, шаблонности, потертости... Было, правда, несколько блесков, но это были ничтожные крупинки» [6]. Небольшая заметка без подписи выразила, таким образом, мнение не только ее автора, но и редакции газеты.

3 февраля Сологуб читал лекцию в Челябинске. Еще 31 января леволиберальная газета «Голос Приуралья» отозвалась на грядущий приезд поэта большой ироничной статьей: «Останавливаешься перед афишей и читаешь: “Россия в мечтах и ожиданиях... Федор Сологуб...” ???.. Будут ли эти мечты и ожидания России подлинными мечтами и ожиданиями подъяремной Руси или они будут связаны с “Недотыкомками” и “Творимыми легендами” лектора?» [7]. Отры-

вок из стихотворения «Покоряясь жажде странной...», публикуемый в конце статьи, подкрепляет скептический настрой автора: «Послушаем, что за “не косные” речи поведет Ф. Сологуб» [7].

7 февраля в «Голосе Приуралья» вышли три противоположных отклика. Первый принадлежит А. Т. (А.Г. Туркину), — «Нарядные». Написанная в народническом духе, статья эмоционально и резко обличает столичных лекторов: «Человеческая жизнь, взволнованная до дна житейского океана, гремит призывами к труду, к созиданию нового вместо разрушенного, к коллективу народных сил. <...> И вот именно теперь, в это жадное до знаний время, народу нужны — как никогда кажется — лекторы, учителя жизни — понятные, родные, по замыслам, по устройству жизни русской, переживающей огромные потрясения, нарождающейся в черновой пока созидательной работе. Лекторы изящных переживаний, поэтических снов <...> являются слишком **нарядными** для народного понимания» [2]. Автор обвиняет символистов в бездействии в кризисную для России эпоху первой революции: «В скорбное время общественного застоя, апатии и безразличия — Сологубы и Бальмонты не подняли вдохновенных голосов, не зазвенели сильными и смелыми голосами истомленным людям» [2]. Общий тон статьи подчеркивает метонимия, лишаящая поэтов индивидуальности — Сологубы и Бальмонты. Имя лектора вне общего «Сологубы» и описание лекции так и не появляется. В конце он выносит приговор подобным мероприятиям: «И лекции они делают красиво по заголовкам, нарядно по сочетанию звуков и форм, но бедно и узко по содержанию, далекому от истинных народных дум и тревог...» [2].

Менее эмоционален, но более конкретен в своем отзыве автор А. А., посчитавший, как и ряд других слушателей в ряде городов, лекцию Сологуба несвоевременной: «Можно было бы согласиться с почтенным лектором, если бы не горькая действительность <...>, что не в легендах, хотя бы творимых Сологубом, не в ожиданиях чуда <...> возрождение и будущность России, а гораздо ближе, в осуществлении правового порядка государственности, поднятии промышленности, техники, образования, раскрепощения классов, населяющих необъятную матушку Русь» [1]. Он менее категоричен и не отказывает «мечтам и ожиданиям» Сологуба в праве на существование, как Туркин, но замечает: «Все красивое приятно совершать в спокойствии, когда красота гармонирует с государственной стойкостью» [1].

Отзыв автора Эн. Е. помещен в конце блока. О том, что он написан не профессиональным журналистом или литератором, свиде-

тельствует та простота, с которой он начинается: «Я — рядовой обыватель провинции, жил несколько лет безвыездно в своем городе — рад каждой свежей, извне приходящей мысли» [13]. Отзыв представляет полностью противоположное предыдущим мнение: «Все мысли являются повторением, но повторением ценным, вовремя сказанным» [13]. Вопреки слушателям, обвинившим Сологуба в эфемерности озвученных им «ожиданий», автор говорит, что в словах лектора «получил указание, как от книги <...> перейти к действительности», правда, какой-либо конкретики следом за этой мыслью не следует. Отзыв заканчивается вдохновенной благодарностью Сологубу: «Уходя с лекции, делаешься просветленным всем сказанным, полным надеждой на светлое будущее» [13]. Однако вкупе с резкими словами в адрес Сологуба в двух статьях выше, и здесь чувствуется пронизательность редактора «Голоса Приуралья» Туркина, благодарности эти звучат необубедительно и наивно.

Осенью 1916 г. поэт возвращается на Урал и выступает в Екатеринбурге в Зале Императорского Русского музыкального общества. В газете «Уральская жизнь» за 5 октября 1916 г. выходит отклик С.В. Виноградова на выступление. В статье нет как восторгов по поводу приезда знаменитости, так и иронии. Виноградов рассуждает, «какой будет наша родина после войны», и открывает главное противоречие лекции: «прав ли писатель, считая, что война и есть тот очистительный огонь, та последняя жертва, которая предвещена произведениями наших символистов и декадентов <...>?» [8]. «Увы, — отвечает он на свой вопрос, — после войны мир останется таким же, каким был, и путь к его обновлению — долгий и скорбный — лежит в иной плоскости, там, по словам Ф. Сологуба, где истина есть “тропа мечтательная”» [8]. Того же мнения автор придерживался и несколькими месяцами ранее, когда на станицах «Уральской жизни» спорил с редактором «Голоса Приуралья», в феврале разгромившего лекцию Сологуба: «Господа Туркины не видят в жизни ничего, кроме исправников, земских начальников, мужиков и интеллигентов — врачей и акушеров, служащих в земстве, — у них, этих последний реализма, неизлечимых дальтоники, отсутствует внутреннее зрение, позволяющее рассмотреть за видимую внешностью — скрытое невидимое, за преходящим — вечное. Единственный свет в их окошках — это “быт”, тот “быт”, о котором недавно сказал Ф. Сологуб следующие прекрасные слова: “Но не затем к тебе вернулся, / Чтобы хвалить твой тусклый быт. / Я не над щелями корыт / К тебе, согодник мой, вернулся. / И не туда, где

клювом гуся / Давно весь сор твой перерыт. / Я лишь затем к тебе вернулся, / Чтобы сжигать твой темный быт”» [3]¹.

Сдержан в своей статье о прошедшей лекции В.П. Чекин, газета «Зауральский край» публикует ее с 5 по 7 октября. Он дает подробный репортаж и конспект речи Сологуба с сохранением эмоциональных и интонационных маркеров. Из данной статьи мы можем восстановить подробности выступления: «Зал Музыкального Об-ва далеко не полон. Совсем отсутствует учащаяся молодежь — говорят, не пустили. Видимо, имя автора “Мелкого Беса” и “Навях чар” смущает местных “Передоновых”, и они, несмотря на новые веяния с министерского Олимпа, придерживаются старой тактики “ежовых рукавиц”. Лектор запаздывает с началом. Наконец около девяти на эстраде показывается низкий старичок с большой, умной головой и седыми усами — Федор Сологуб» [11]. Этот отрывок — единственное место, где автор позволяет себе иронизировать, но не по существу лекции. Оценка выступления самим Чекиным помещена в конец статьи: «Лекция Ф. Сологуба, хотя не отличалась оригинальностью, но <...> произвела хорошее, бодрое впечатление» [11].

Заканчивалась гастроль Сологуба в Перми 27 октября. 30 октября «Пермская жизнь» разместила две статьи. Недоумение автора П.А. Дино-Эль (Л.А. Потоцкий) вызвала тема лекции, не связанная с литературой: «Каково же было удивление, когда нынче поэт приехал с темой общественного злободневного характера <...> Три четверти <лекции> <...> были скучнейшей мозаикой уже опошленных избитых положений» [4]. В фельетоне «Мимолетное» за подписью Зу-в (А.Н. Зуев) автор сосредоточился на впечатлениях слушателей после прочтенной лекции. Но задевает автора коммерческий аспект: известный столичный поэт-символист после чтения подсчитывал денги: «Все кончилось. Служители тушат огни. Я, Михаил и Коля выходим последними. — Смотри, смотри! — толкнул меня локтем Михаил. — Явление второе: Сологуб подсчитывает доходы» [5].

Два отклика, размещенные в «Пермской жизни», завершают тему гастролей Сологуба по восточной части России в провинциальной прессе. В целом авторы статей при разнице оценок сошлись в одном: то, что они слышали, было повторением старых мыслей. Одним оно показалось своевременным, другим — неуместным, но каждый из авторов вольно или невольно создал инфоповод для выражения собственной точки зрения на «мечты и ожидания» в предреволюционной стране. Самому поэту поездка далась нелегко, о чем он писал

1 За предоставление данного материала автор статьи благодарит И.В. Козлова.

в письмах жене, А.Н. Чеботаревской [10]. Вернувшись в Петербург, однако, он рассчитывал на очередное путешествие, но революция его гастрольным планам помешала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. А. А. Отклики [Текст]: к лекции Ф. Сологуба / [Б. а.] // Голос Приуралья. — 1916. — № 29. — 7 февраля.
2. А. Т. Нарядные [Текст] / [А.Г. Туркин] // Голос Приуралья. — 1916. — № 29. — 7 февраля.
3. **Виноградов, С.** Литературные штрихи [Текст] / С.В. Виноградов // Уральская жизнь. — 1916. — № 107. — 15 мая.
4. **Дино-Эль, П.А.** Лекция Федора Сологуба [Текст] / [Л.А. Потоцкий] // Пермская жизнь. — 1916. — № 268. — 30 октября.
5. **Зу-в.** Мимолетное [Текст]: на лекции Ф. Сологуба / [А.Н. Зув] // Пермская жизнь. — 1916. — № 268. — 30 октября.
6. Лекция Федора Сологуба [Текст] / [Б. а.] // Уфимская жизнь. — 1916. — № 240.
7. **М. О.** Заметки [Текст] / [Б. а.] // Голос Приуралья. — 1916. — № 24. — 31 января.
8. **С. В.** Лекция Ф. Сологуба / [С.В. Виноградов] // Уральская жизнь. — 1916. — № 221. — 5 октября.
9. **Сологуб, Ф.** Россия в мечтах и ожиданиях [Текст]: [лекция] // Вечерний курьер. — 1915. — № 434. — 8 ноября.
10. **Сологуб, Ф.** Письма к Анастасии Чеботаревской / Ф. Сологуб; под ред. М.М. Павловой, А.В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб: [Стихи, док., мемуары]. — М.: Новое лит. обозрение, 1997. — С. 303–370.
11. **Чин В.** «Россия в мечтах и ожиданиях» [Текст]: Лекция Федора Сологуба / [В.П. Чекин] // Зауральский край. — 1916. — № 220–222.
12. **Шубин Н.** Лекция Федора Сологуба [Текст] / Н. Шубин // Уфимский вестник. — 1916. — № 27. — 4 февраля.
13. **Эн. Е.** Отклики [Текст]: К лекции Ф. Сологуба / [Б. а.] // Голос Приуралья. — 1916. — № 29. — 7 февраля.

L.V. Mashtakova

Fyodor Sologub with Lecture “Russia in dreams” and expectations in the Urals periodicals

Mashtakova Liubov Vladislavovna, Candidate of Sciences in Philology, Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: lika170288@mail.ru.

Abstract. This article analyzes the responses of the provincial press (the newspapers: *Ufimskaya Zhizn'* (Ufa's Life), *Zauralsky Kray* (Trans-Urals Territory), *Golos Priural'ya* (Voice of the Pre-Urals), *Permskaya Zhizn'* (Perm's Life), etc.) to the Fyodor Sologub lecture *Russia in dreams and expectations* (in 1916 he was in Ufa, Chelyabinsk, Ekaterinburg and Perm).

Keywords: Fyodor Sologub, Urals, Russia in Dreams and Expectations, lecture, tour, 1916.

УДК 947(470.5)«18/19»

В.П. МИКИТЮК¹

СЪЕЗДЫ МУКОМОЛОВ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ²

Аннотация. В статье рассмотрен процесс создания представительской предпринимательской организации в мукомольной отрасли Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. и основные направления ее деятельности. На основании изученных фактов резюмируется, что представительская организация мукомолов Пермской губернии находилась в стадии становления и не смогла достичь крупных результатов.

Ключевые слова: отраслевые организации предпринимателей, съезды, мукомолы, Исетский мукомольный район.

Во второй половине XIX – начале XX века в Российской империи быстрыми темпами развивалось предпринимательство, влияние которого на экономическую жизнь огромной страны становилось все более заметным. Однако его дальнейшее развитие находилось в значительной зависимости от эффективности взаимодействия с властными структурами, особенно имперского уровня. Если у отдельных предпринимательских групп имелись определенные рычаги воздействия на государство, то большинство коммерсантов и промышленников таких возможностей либо совсем не имело, либо обладало ими в незначительном объеме.

¹ Микитюк Владимир Петрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник центра экономической истории ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: vmikitjuk@mail.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-660002.

Реалии экономики требовали повышения эффективности взаимодействия государства с предпринимателями, которое было бы заметно более простым и действенным, если бы предпринимательское сообщество имело собственные представительские организации. Однако долгое время сколько-нибудь заметных успехов на этом поприще у российских бизнесменов не было: «Деятельность предпринимательского сообщества, его место в торгово-промышленной политике правительства вплоть до конца XIX в. институционально практически не были оформлены» [1, с. 14].

В конце XIX в. ситуация стала постепенно меняться, причем изменение отношения к созданию предпринимательских представительских организаций продемонстрировали и государство, и предприниматели. Государству представительские организации коммерсантов и промышленников нужны были для более эффективного воздействия на экономику, а предприниматели нуждались в таких организациях для создания благоприятных условий для ведения бизнеса.

В конце XIX – начале XX в. было создано немало представительских организаций, в том числе отраслевых съездов предпринимателей. На Урале наибольшую известность получили съезды горно- и золотопромышленников. Зарождение первых пришлось на 1880-е гг., но более яркой их деятельность стала лишь с середины 1890-х гг. [3, с. 33]. Если деятельность этих организаций не раз привлекала внимание историков, то работа аналогичных предпринимательских объединений, в том числе уральских мукомолов, остается практически неизученной.

Стоит отметить, что организационные принципы, положенные в основу создания представительских организаций, имели как сходства, так и различия. Сходство обнаруживалось в том, что многие объединения предпринимателей имели отраслевой принцип. Различие же состояло в том, что одни организации являлись исключительно региональными (например, съезды горно- и золотопромышленников Урала), а другие, в том числе съезды мукомолов, имели всероссийский размах.

Становление общероссийской и региональных организаций мукомолов шло непросто. В феврале 1888 г. был проведен первый всероссийский съезд, второй состоялся в 1895 году. Временной разрыв во многом объясняется провалом большинства ходатайств первого съезда, и как следствие — полным разочарованием многих владельцев мельниц в своей представительской организации. С 1895 г.

наблюдается рост стремления мукомолов к созданию собственной представительской организации, что было связано с осознанием многими владельцами мельниц необходимости оказания давления на правительственные круги.

С первых шагов мукомолы столкнулись с крайне серьезными трудностями, причем в основном организационного характера. Инициаторы создания общероссийского объединения мукомолов стремились сделать так, чтобы в работе съезда и его исполнительных органов приняли участие представители почти всех регионов, в которых мукомольная промышленность получила заметное развитие. При этом они старались избежать того, чтобы в организации возникла возможность доминирования крупных мукомольных районов.

Выход из положения виделся в создании региональных отделений, так называемых районных съездов, которые, помимо обсуждения насущных проблем мукомолов, должны были избирать своих представителей на общероссийские съезды. Границы мукомольных районов, в которых создавались районные съезды, старались определить таким образом, чтобы обеспечить пропорциональность представительства всех филиалов. Однако это благое намерение немедленно столкнулось с препятствиями. Мукомольная отрасль в России была развита столь неравномерно, что определение границ мукомольных районов оказалось сверхсложной задачей. Данное обстоятельство время от времени приводило к пересмотру границ мукомольных районов.

На Урале существовал целый ряд центров мукомольной промышленности, одним из наиболее мощных был Исетский мукомольный район, который охватывал территорию Екатеринбургского, Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии. Центром этого района был Екатеринбург. Впрочем, по мнению Совета съездов, исетских мельниц было недостаточно для объединения их владельцев в отдельный районный съезд. В результате исетские мельницы в начале весны 1895 г. были включены в состав Средне-Волжского района. Фактов участия исетских мукомолов в региональных съездах представителей Средне-Волжского района не выявлено.

К концу 1896 г. границы мукомольных районов были пересмотрены: все мельницы Пермской губернии были включены в Западно-Сибирский район, центром которого был определен Екатеринбург. Это решение устроило владельцев мельниц, расположенных в Исетском мукомольном районе. В большинстве своем они имели солид-

ную недвижимость в Екатеринбурге, и поэтому временно или постоянно проживали в негласной столице Урала. У исетских мукомолов было немало общих интересов, что превращало их в относительно сплоченную группу и позволяло координировать действия в ходе региональных съездов, в частности при выборе уполномоченного района и его заместителя.

Стоит отметить, что за все время действия съездов мукомолов в Екатеринбурге ни один представитель Сибири не был избран на должность уполномоченного района или его заместителя, что не было удивительным, поскольку большинство сибирских мукомолов проживало на солидном расстоянии от Екатеринбурга и им было накладно посещать негласную столицу Урала. Впрочем, не страх перед расходами отпугивал сибиряков от посещения Екатеринбурга, но сибирские и исетские мукомолы постоянно конкурировали между собой и при закупке зерна, и при сбыте готовой продукции. Именно по этой причине сибирские мукомолы игнорировали съезды в Екатеринбурге.

Районные съезды были несколько необычными общественными структурами. Как правило, руководящими органами самостоятельных обществ были общие собрания. В промежутке между ними всей работой руководили исполкомы или правления. У съездов мукомолов не было временных исполнительных органов, всей повседневной деятельностью руководил уполномоченный района, обладавший разными правами, в том числе правом созыва районного съезда. Как правило, съезды проходили в один день, и крайне редко два-три дня. В таких условиях уполномоченный района превращался в ключевую фигуру, а сами съезды воспринимались как не слишком влиятельные организации. По этой причине не только сибиряки, но и многие мукомолы Исетского района не спешили посещать съезды. Так, в октябре 1898 г. была зафиксирована следующая явка: «Из 85 мукомолов уральского района на съезд в Екатеринбург пришло 19 человек. Представителем уральских мукомолов в С.-Петербург вновь избран И.И. Симанов» [2, с. 3].

В самом конце 1890-х – начале 1900-х гг. уполномоченным Западно-Сибирского района был екатеринбургский купец 1-й гильдии И.И. Симанов, владелец крупной мельницы в Екатеринбурге. Он был опытным общественным деятелем. Так, с 1884 по 1894 г. он являлся городским головой г. Екатеринбурга. Симанову не были свойственны дикторские замашки. Будучи уполномоченным, он привлекал к подготовке районных съездов молодых мукомолов,

и в частности — представителя мукомольной фирмы «Братья Ивановы», инженера-механика П.В. Иванова, выпускника Московского императорского высшего технического училища. Такой подход оказался вполне рациональным. В 1904 г. И.И. Симанов разорился и прекратил сотрудничество с представительской организацией мукомолов. Его естественным преемником на посту уполномоченного стал П.В. Иванов, неоднократно переизбираемый.

Оба уполномоченных немало сделали для того, чтобы районный съезд стал авторитетной организацией. Им удалось достичь вполне определенных успехов. Постепенно районный съезд мукомолов окреп и его авторитет вырос. В немалой степени это случилось благодаря тому, что подготовка съездов стала более тщательной. К их открытию формулировалась повестка дня, прорабатывался текст ходатайств в органы власти, назначались докладчики по главным обсуждаемым вопросам и т. д. Хорошая подготовка позволяла не растягивать работу съездов и проводить их в один день.

Созываемые уполномоченным съезды занимались решением разных вопросов, которые можно разделить на две группы. К первой можно отнести вопросы, имевшие общероссийское значение. Как правило, их обсуждение происходило с подачи всероссийских съездов. Ко второй группе относились вопросы, имеющие местный характер. Например, к общероссийским темам относились железнодорожные тарифы, таможенная политика, кредитная деятельность госбанка, создание общероссийского мукомольного банка и общества взаимного страхования мельниц и т. д.

К местным темам относились пересмотр границ мукомольных районов, выбор направления новых железных дорог, отмена или введение льготных железнодорожных тарифов, выбор учащихся для мукомольных школ и т. п.

В период 1905-1907 гг. у российских мукомолов появилась возможность провести реорганизацию как общероссийских, так районных съездов. VIII всероссийским съездом были разработаны принципы этого преобразования, главной целью которого было объединение под эгидой съездов всей мукомольной отрасли. Еще одним важным преобразованием должно было стать создание региональных филиалов во главе с исполнительными комитетами. В результате этих преобразований должна была возникнуть мощная организация с разветвленной сетью филиалов. Этого, однако, не произошло. Новый проект правил о съездах мукомолов должен был пройти утверждение в Государственной думе, которая не при-

няла его, заподозрив мукомолов в желании учреждения синдиката [4, с. 3].

В этой ситуации мукомолам пришлось довольствоваться старой организационной структурой. В результате деятельность районных съездов свелась к обсуждению насущных проблем и выдвижению соответствующих ходатайств, которые нечасто удовлетворялись государственной властью. В силу этого всероссийские и районные съезды мукомолов не смогли стать авторитетными представительными организациями, имеющими сильное влияние на властные структуры. Отчасти причина этого кроется в банальной нехватке времени: история отвела организациям мукомолов лишь небольшой временной отрезок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бессолицын, А.А.** Государство и отраслевые съезды предпринимателей в России в конце XIX – начале XX в. [Текст]: / А.А. Бессолицын // Экономическая история: ежегодник. — 2016. — Т. 2014 /15. — С. 152–210.

2. Рудокон [Текст]: техно-пром., обществ., полит. и лит. газ. / Изд.-ред. П.П. Баснин. — Ежедн. — Екатеринбург, 1898. — 21 октября.

3. **Рукоусев, Е.Ю.** Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX века: организация и направление деятельности [Текст]: моногр. / Е.Ю. Рукоусев. — Екатеринбург: УрО РАН, 2015. — 399 с.

4. Уральский край [Текст]: полит., обществ. и лит. газ. / ред. Ф.Н. Лебедев. — 1909. — 4 апреля.

V.P. Mikityuk

The Flour Mills Congresses in Ekaterinburg

Vladimir Mikityuk, Candidate of Sciences in History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: vmikitjuk@mail.ru.

Abstract. The article describes the process of creating a representative entrepreneurial organization in the milling industry of the Perm province in the late XIX – early XX centuries. and studied the main directions of its activities. Based on the facts studied, it is summarized that the representative organization of the flour mills of the Perm province was in its infancy and could not achieve major results.

Keywords: industry organizations of entrepreneurs, congresses, flour mills, Isetsky flour-grinding region.

УДК 94(470.5).072

И.В. ПАНОВ¹

ПРОИЗВОДСТВО КОС НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: КАЗЕННЫЙ (ЗЛАТОУСТОВСКИЙ ОКРУГ) И ЧАСТНЫЙ (НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ ОКРУГ) ВАРИАНТЫ

Аннотация. В начале XIX в. два заводчика (А.А. Кнауф и Н.Н. Демидов) попытались наладить производство кос на Урале. В 1811 г. заводы первого из них перешли в казну. В результате исторический опыт развития производства кос на Урале в первой трети XIX в. включает два варианта: казенный — на Артинском заводе Златоустовского округа и частный — на ряде предприятий Нижнетагильского округа Демидовых.

Ключевые слова: косы, Златоустовский и Нижнетагильский горнозаводские округа.

Производство кос пытались организовать на различных уральских заводах еще в XVIII века. По одной из версий, их впервые в России стали делать на Быньговском заводе Демидовых уже в 1731 г. [1, с. 150]. Но, похоже, производство не было рентабельным и вскоре было свернуто. Косы в Россию продолжали завозить из-за границы, в основном из Австрии.

В начале XIX в. сразу два заводчика (А.А. Кнауф и Н.Н. Демидов) попытались наладить их производство на своих уральских заводах. Это во многом объяснялось попыткой учета требований внутреннего рынка в условиях сокращения экспорта металла.

В 1811 г. часть заводов А. Кнауфа перешли в казну. В результате исторический опыт развития производства кос на Урале включает в себя два варианта: казенный — на Артинском заводе Златоустов-

¹ Панов Илья Вадимович, магистрант Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: iliya-panov@yandex.ru.

ского горного округа и частный — на ряде предприятий Нижнетагильского округа Демидовых.

Демидовы в первой четверти XIX в. попытались наладить изготовления кос на нескольких предприятиях своего Нижнетагильского округа. С 1807 г. начали выделку кос первоначально на специальной фабрике при Нижнетагильском заводе, потом — в корпусе лесопильной мельницы. В том же 1807 г. в Австрию (признанный центр их производства) был направлен приказчик И.Ф. Макаров. Он должен был познакомиться с этим опытом для усовершенствования их производства уже на Лайском заводе [2, с. 72].

В условиях нехватки рабочих кадров Н.Н. Демидов в 1810 г. планировал поручать женщинам Нижнетагильских заводов сложные работы по изготовлению кузнечных изделий, даже кос. На это изумленный директор заводов М.Д. Данилов отвечал: «Изволили говорить, что приучать женский пол к делу кос, но это такая искусная вещь, при деле которой не всякий мужчина, выбранный из кузниц, может быть способен, и часто случалось переводить такого из косной фабрики к другой работе» [3, с. 197]. Производство кос требовало высокой квалификации.

В первой четверти XIX в. на Нижнетагильские заводы от покупателей сельскохозяйственных орудий регулярно поступали жалобы на качество кос. Н.Н. Демидов, проводивший большую часть времени за границей, в письмах их управляющему требовал срочно улучшить качество изготавливаемых кос [4, л. 46].

Однако ответы с Нижнетагильских заводов не внушали оптимизма. Приведем выдержку заводовладельцу из донесения 1826 г.: «Выделка кос-литовок действительно происходила против присланных образцов... отчитывать было некого, образцы сии доставляемы были в разные времена, такие, что внешняя сторона косы не была точена, оставалась бы в том виде, как она из-под молота выходит» [4, л. 56].

Н.Н. Демидов в письме Нижнетагильской заводской конторе от 1 октября 1827 г. обещал вольную и награду в три тысячи рублей ассигнациями человеку, который наладит производство в округе 100 тысяч штук кос в год отличного качества. Он отметил, что государство ежегодно тратит до 10 млн руб. на покупку иностранных кос [5, л. 281 об.].

В новом письме Н.Н. Демидова Нижнетагильской конторе предписывалось привлечь к налаживанию закалки кос Жепинского и Кузнецова. Причем заводовладелец отмечал, что «если не получится, то

не велика беда в потере денег на 2–3 месяца жалования» [6, л. 85 об.]. Но и этот опыт не принес ожидаемых результатов.

В целом нижнетагильским Демидовым в первой трети XIX в. не удалось организовать рентабельное производство кос на своих уральских заводах. Поэтому 28 мая 1828 г. их новый владелец П.Н. Демидов предписал Нижнетагильской конторе: «Кос-литовок выделять только то количество, которое может распродаться внутри заводов своим и соседствующим крестьянам» [7, л. 34].

Производство сельскохозяйственных кос на Нижнетагильских заводах вновь стало носить локальный характер. Но с 1830 г. началась переписка об увеличении их производства и улучшении качества. Летом 1833 г. начали строить специальную косную фабрику при Черноисточенском заводе, рассчитанную на выделку 100 тысяч кос в год. Видимо, этот проект также не удался, так как в 1836 г. приказчику И.Ф. Макарову поручили составить новый проект развития косного производства, теперь уже на Салдинских заводах округа [8, л. 119, 125 об.].

В тот же период их пытались производить и на казенном предприятии Урала. На Артинском заводе косная фабрика была построена в 1808–1809 гг., когда он находился в аренде у купца А. Кнауфа. В 1811 г. по решению Государственного совета Златоустовский округ перешел в ведение государства. Примечателен тот факт, что хозяйство четырех его заводов оценили в 1,8 млн руб., а Артинский в отдельности всего в 37 тыс. руб. Эти цифры отражают плачевное составление предприятия тех лет [9, л. 54]. После этого несколько раз поднимался вопрос о продаже Артинского завода в частные руки и даже о закрытии, но ни то ни другое не было реализовано [10, с. 387].

На стальной фабрике Артинского завода путем обработки сырых криц получали выварочную сталь, которую затем рафинировали (очищали). Получаемая сырцовая сталь была хорошего качества: из нее изготавливали топоры, ножи, инструмент и сельскохозяйственные косы [11, с. 1].

Достичь достойного качества кос и здесь долго не получалось. Считается, что это удалось организовать благодаря горного инженеру П.П. Аносову, придумавшему, как получить хорошие режущие свойства с помощью нового способа закалки, опробованного в 1827 г. [12, с. 262]. В конце 1820–1830-х гг. производство кос было налажено из литой тигельной «булатной» стали, привозимой в Артинский завод со Златоустовского. Здесь она начала выплавляться по новому

способу [12, с. 263]. Вершиной расцвета Артинского завода и его производства кос стала вторая четверть XIX в. [12, с. 267–268]. Но и этим изделиям так и не удалось потеснить на рынке, даже российском, австрийские косы.

Таким образом, оба варианта производства кос на Урале (казенный и частный) не привели к значительным успехам. Оно, в том числе из-за высокой себестоимости и большого количества брака, не приносило желаемой прибыли. Уральские косы не смогли потеснить на рынке своих главных конкурентов — австрийских производителей. Главной причиной, по нашему мнению, стали отсутствие соответствующей материально-технической базы и квалифицированной рабочей силы для организации этого производства. И горному ведомству, и частным заводчиком было выгоднее заниматься производством полуфабриката — чугуна и железа разных сортов.

В результате на демидовских заводах производство кос несколько раз фактически сворачивалось. На Артинском казенном заводе, после его усовершенствования П.П. Аносовым, оно было продолжено, но не приносило существенной прибыли. Если по штатам 1829 г. Артинскому заводу полагалось выделять 30 тысяч кослитовок, то по новым штатам 1847 г. всего 15 тысяч [13, с. 294]. В то же время их производство продолжало оставаться ключевой специализацией предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Рыбин, В.И.** *Быньги — родина кос [Текст] : [Косная фабрика около г. Невьянска : основана в 1731 г.] / В.И. Рыбин // Календарь-справочник Свердловской области 1969. — Свердловск : Сред.-Ур. изд-во, 1968. — 214 с.*

2. **Козлов, А.Г.** *Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века [Текст] : биограф. справ. / А.Г. Козлов. — Свердловск : Сред.-Ур. кн. изд-во. — 224 с.*

3. **Силонова, О.Н.** *Крепостные художники Демидовых : Училище живописи : Художаровы : XVIII–XIX века [Текст] : из ист. подготовки специалистов худож. и худож.-ремесленных профессий Демидовыми / Ольга Силонова. — Екатеринбург : Баско, 2007. — 416 с.*

4. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 457.

5. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 587.

6. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 605.

7. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 664.

8. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 749.

9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 277.

10. **Неклюдов, Е.Г.** *Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения [Текст] : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Е.Г. Неклюдов. — Екатеринбург, 2004. — 367 с.*

11. *ПрейсКурант Артинского казенного завода [Текст] : [Златоустовский горный округ]. — Б.м.: б.и., 1916. — 44 с.*

12. *Генерал от металлургии Павел Аносов : К 200-летию со дня рождения / [Авт.-сост.: М.Е. Главацкий и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 1999. — 304 с.*

13. **Алексеев, В.В., Алексеева, Е.В., Зубков, К.И., и др.** *Златоустовский горный округ в контексте модернизации [Текст] / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков и др. // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро и микропроцессов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. — 404 с.*

I.V. Panov

The Ural Scythe Manufacturing in the First third of 19th cent.: the State Zlatoust district and private Nizhniy Tagil variants

Panov Iliya Vadimovich, undergraduate of Institute of social sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; e-mail: iliya-panov@yandex.ru.

Abstract. *In the beginning of the 19th cent. two factory owners (A.A. Knauf and N.N. Demidov) tried to build the scythe manufacturing. In 1811 the factory of the first of them became state. As the result in the Urals the historical experience of the development of the scythe manufacturing in the first third of 19th cent. included two variants: the state for Artinsky factory of Zlatoust District and private for the numbers of factories of Nizhniy Tagil district of the Demidovs.*

Keywords: *scythes, Zlatoust and Nizhniy Tagil mining and metallurgical Districts.*

УДК 94(57)«1640/1700»

М.И. ПАРФЕНЯ¹

МИРСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СЛОБОДАХ ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА В XVII ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование крестьянского самоуправления в Ницинской, Белослудской и Пышминской слободах Верхотурского уезда в XVII в. Анализируются права и обязанности мирских старост, отношения между ними и миром, миром и государством.

Ключевые слова: крестьяне, самоуправление, община, Западная Сибирь, XVII век, социальная история.

Российская крестьянская община, понимать которую мы будем как объединение людей, самостоятельно выполняющих ряд функций, возложенных на них государством, а также совместно защищающих общие интересы, стала привлекать к себе внимание еще во второй половине XVIII в. С конца 1830-х гг. она стала рассматриваться как один из ключевых для понимания российской истории институтов. И хотя взгляды на этот институт неоднократно менялись, первостепенное значение общины и актуальность ее изучения по-прежнему признаются историками [1, с. 249–303; 2, с. 315]. Цель этой статьи — на новых источниках выявить механизм функционирования местного самоуправления в слободах Верхотурского уезда в XVII в. и таким образом внести вклад в изучение российской общины XVII века.

Права и обязанности выборных

Источником информации об обязанностях старост могут быть так называемые «выборы» — документы, в которых фиксировались все присутствовавшие на сходе крестьяне, имена и должности выбранных, их права и обязанности. Однако при анализе «выборов» мы сталкиваемся с трудностями. Главная из них заключается в том, в какой степени перечисляемые в этих актах обязанности и запреты стоит считать абстрактными декларируемыми формулами, а в какой — реальными указаниями.

Содержащиеся в выборах инструкции однотипны, повторяются из документа в документ и носят по большей части запретительный характер. В частности, старостам предписывалось «никаким воров-

¹ Парфеня Мария Игоревна, магистрантка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва;
e-mail: maryaparfenya@gmail.com.

ством не воровать, во всяких великих государей делах по верхотурским указным памятям *во всем приказново* слушать, а на всякие мирские росходы хлеб и деньги с крестьян збирать и в мирские росходы хлеб и денги давать, а буде понадобится деньги и хлеб на мирские росходы, ему старосте кабалы займовать, а нам миром те кабалы выкупать. А без мирского ведома для своей корысти в кабалы хлеба и денег не займовать...» [3, л. 94–95 а]. Эти указания повторяются из выборов в выборы и аналогичны для каждой слободы. Более того, такие формулы не являются уникальными и для Верхотурского уезда. Например, возможность брать займы на нужды общины отметила еще Е.Н. Швейковская, изучившая выборы Куросторовской волости [4, с. 263].

Однако, в отличие от северорусских, верхотурские выборные люди не получали никакой оплаты за свою работу. Как пишет Е.Н. Швейковская, «в некоторых выборах содержится статья, обуславливающая оплату мирской службы»; из изученных ей документов следует, что должностные лица часто получали плату за службу в общемирских целях [4, с. 267]. Нам не удалось найти ни одного указания на подобное вознаграждение у выборных лиц какой-либо из слобод.

В целом мы видим, что старосты должны были выполнять обязанности, связанные с финансовой стороной общины, в первую очередь собирать налоги. Однако в действительности этим их деятельность не ограничивалась.

По инициативе старост собирались мирские сходы. Старосты возглавляли выборы не только таких значимых лиц, как целовальники, но и, например, плотников для постройки дощаников¹.

Важнейшей обязанностью и правом старост было представление интересов мира перед слободской и уездной администрацией. Все челобитные от лица мира начинаются с имени старосты. В 1694 г. ницинские крестьяне во главе со старостой Андреем Алемасовым подали в Приказную избу «сказку» на подъячего Илью Мартынова, который должен был «править... всякие оброчные деньги и вновь сыскивать рыбные ловли и всякие угожья», однако не выполнил этих обязанностей [6, л. 3]. В 1665 г. ницинские крестьяне со старостой Сенькой Ивановым Плотниковым писали, что отправляли на Верхотурье дрова и не получили за них денег [7, л. 20]. В 1667 г. белослудские крестьяне со старостой Ерасимом Григорьевым жаловались на отсутствие в слободе подъячего и просили назначить на эту должность кыргинского подъяческого сына Захара Иванова Мещерякова [8, л. 68].

¹ См., например, выбор плотника в Ницинской слободе в 1677 г.: [5, л. 11].

Вообще следует отметить, что в конце века (особенно в 1690-е гг.) количество жалоб на администрацию увеличивается, что может говорить о кризисе власти на местах. Этот вывод подтверждается и на материале других верхотурских слобод [9, с. 168–169], [10, с. 358–359].

В 1695 г. крестьяне Белослудской слободы во главе со старостой Иваном Оникиным жаловались на то, что приказчик Федор Каменский своевольно ставит их в караулы, и их жалоба была удовлетворена [11, л. 46]. Начавшийся в том же году сыск по другой их претензии к нему остался без приговора, однако Федор Каменский от должности был отстранен [10, с. 359]. Тот эпизод интересен тем, что первоначальная мирская челобитная была подана не от имени старосты, а выборным челобитчиком Якушкой Шмаковым [12, л. 266]. Это можно объяснить тем, что у большей части общины и старосты, которым на тот момент стал Александр Березин, возникли разногласия: крестьяне были недовольны поборами со стороны приказчика Каменского, однако детали дела в изложении старосты [12, л. 285] и большинства крестьян [12, л. 285–300] различаются.

Несмотря на то, что жалобы, затрагивающие интересы всей общины, почти всегда подавались от имени старосты, а староста в свою очередь находился под постоянным контролем мира, отдельные крестьяне могли беспрепятственно писать челобитные от своего лица, в том числе с просьбами об уменьшении тягла. Например, ницынский крестьянин Иван Крюков в 1690 г. бил челом на приказчика Алексея Тыркова в том, что «Ницынские слободы староста с крестьяны дали ему, Ивашку, по мирскому приговору льготы на два годы луковщины с ними же не платить для того, что он человек нужной и одинокое. И в нынешнем, де, году он, Алексей, правил на нем, Ивашке, за все годы луковщину и сажил в железа и держал в железах многое время и вымучил на него, Ивашку, кабалу в дву рублех с полтиною» [13, л. 45]. В 1685 г. известный нам пышминский дьячек Мишка Ильин просил: «Пожалуйте меня, велите, государи, мне быть в той Пышминской слободе в Судной избе у своих государевых писчих дел... А площадного оброку ныне я в казну хочю платить со старым оброком вновь по три рубли на год» [14, л. 216].

Подавали челобитные от своего имени по делам, не входившим в компетенцию выборных лиц. Например, это касалось вопросов «миграций» из слободы. В 1654 г. белослудский крестьянин Мирошка Ивлев бил челом с просьбой «отпустить к Русе под Пинежской волок по братьей и по племянников и по семьи их и по детей» [15, л. 136]. Вообще проблема перемещений в изучаемых слободах была

довольно распространенной. В XVII в. территории Верхотурского уезда постепенно осваивались, и у многих людей остались семьи на Русском Севере, откуда, согласно переписным книгам и историографии [9, с. 5], пришло большинство крестьян.

Не разбирали старосты и уголовных дел. В случае краж и других подобных инцидентов пострадавшие били челом сразу приказчику или воеводе на Верхотурье. Именно так и поступили ницынские крестьяне Фома Сиченов и Василий Прокопьев в 1684 г.: «В Судной избе подал мне челобитную ницынской пашенной крестьянин Фомка Сиченов на ницынского пашенного крестьянина на Васку Прокопьева в воровстве. А на Фомку Сиченого Васка Прокопьев в безчестье [16, л. 33],» — писал на Верхотурье приказчик Иван Албычев.

Таким образом, выборные люди занимались решением вопросов, касающихся всего мира, и, как правило, финансовой стороны его жизни.

Старосты и мир

Староста не мог предпринимать никаких действий без ведома общины. В случае нарушения этого правила возникали конфликты. Например, пышминский писчий дьячек Мишка Ильин жаловался в 1696 г. на то, что мирской староста Иван Микитин с некоторыми крестьянами били челом на него государю «ложным челобитьем от всего миру. Мир про то их ложное челобитье не знает» [17, л. 24].

В 1695 г. крестьяне Пышминской слободы били челом на то, что они «мирские поборы с миром платили и все сполна в полугоде, что у него, старосты, в роскладе было... И с челобитчиком з Гришкою Михеевым с товарищи он, староста, продают нас, сирот ваших, воровски ложно. Мир про то их челобитье и десятники не знают и совету в миру не бывало о той луковщине» [18, л. 358]. Тогда в слободе разгорелся конфликт: староста с десятниками и бывшим старостой, вызвав тобольского писчего дьячка, самовольно перераспределяли землю. Как сказано в челобитной на них, «они же Кирилко с товарищи с прошлым старостою с Анфилком ... многие дела оставляют без мирского совету и с тем дьячком без указа великих государей переписывают луковщину сами меж себя, воровски друг друга из луковщины выписывают и выставливают и нужных крестьян гонят, которое в луке не годен, и тех верстают в целой лук» [18, л. 354–355]. Как видим, староста руководил миром в вопросах расклада земли и тягла, но делал это под контролем всей общины.

О трудностях мирской службы может свидетельствовать следующий эпизод. Бывший в 1699 г. мирским старостой Клим Плотно-

ников писал на Верхотурье о том, что ему было приказано сделать три дощаника под государственный хлеб. Однако назначенные для этого плотники взяли выделенные им доски, дополнительно собрали с крестьян деньги, а дощаники не сделали и старосте не дали ни денег, ни расписки. В итоге мир стал требовать с Климана собранные средства. Приказчик Михаил Мещеряков, к которому староста обращался с просьбой доправить с плотников деньги, «суда на них не даёт, бьёт и увечит своими руками безвинно... и розыску не чинит». Более того, Климан Плотников пишет, что «денег не платят которые крестьяне живут на денежном оброке, а я за них крестьян платил дровяные деньги» [19, л. 22]. Таким образом, как уже говорилось выше, староста оказывался одновременно под давлением и мира, и приказчика, и подчас был вынужден терпеть финансовые потери. Впрочем, история Климана Плотникова в итоге должна была закончиться благополучно: новому старосте Федору Речкалову было поручено произвести в слободе розыск, стребовать необходимые деньги и вернуть Климану (который, к слову, даже не понес наказания за не поставленные дощаники) [19, л. 23].

Иногда старосты пытались получить выгоду из своей должности, но, так как они находились под постоянным надзором общины, ничем хорошим это не заканчивалось. В 1693 г. ницинский староста Михаил Бердюкин попытался присвоить мирские деньги. Как сказал на Верхотурье мирской челобитчик Максим Симанов, «ницынской крестьянин прошлой староста Мишка Бердюкин завладел мирскими сборными денгами сто сорок рублей» [20, л. 47]. После доставки на Верхотурье расходных книг и всех подсчетов, выяснилось, что казнокрад Бердюкин похитил всего «начетные денги дватцать три рубли один алтын четыре денги», которые было указано доправить с него и «отдать ницынским крестьянам с роспиской» [20, л. 48].

Как показатель хорошего отношения к старосте как к защитнику мирских интересов, можно привести следующий эпизод. Летом 1692 г. белослудский приказчик Иван Томилов решил описать и экспроприировать имущество бежавшего из слободы крестьянина. Для этого он запросил у старосты (имя не называется) подводы. Однако староста приказчику в подводах отказал. Тогда Томилов велел старосту «свести в Судную избу беломестному Микитке Пушкареву. И он, староста, в Судную избу не пошел, учинился силен, и на дороге у коновалова двора крестьяне у беломестного у Микитки Пушкарева ево, старосту, збунтовав, взяли» [21, л. 401]. Далее в челобитной перечисляются имена «взбунтовавшихся» крестьян и задается

вопрос: «И вы о таких сильных людех и о бунтовщиках что укажете?» [21, л. 401]. В этой ситуации мы видим, во-первых, организованную защиту общиной своего старосты, а во-вторых, прямое неподчинение администрации. Это снова свидетельствует о кризисе вертикали власти на местах в конце XVII века.

Община и государство

В предыдущих эпизодах мы уже видели примеры взаимодействия слободской и уездной администрации и мира. Мир мог как не подчиняться государственной власти, так и обращаться к ней в случае нарушений со стороны выборных лиц. В администрацию же обращались и для разрешения вопросов, не входящих в компетенцию старост.

Говоря словами В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, «миры являлись главным препятствием разгулу разрушительного корыстолюбия воевод» [22, с. 354]. В случае Верхотурского уезда конфликты обычно возникали не столько с воеводами, сколько с приказчиками. Выше мы уже рассматривали сыск по делу белослудского приказчика Федора Каменского. Историк В.И. Шунков описал попытку ницинского старосты Василия Широковского в 1660 г. поднять на выступление против десятинной пашни соседние и более отдаленные населенные пункты. Впрочем, попытка успехом не увенчалась, а Широковский был сослан из Ницинской слободы в Илимск [23, с. 222–223; 10, с. 326].

Еще один очень яркий пример — дело приказчика Ницинской слободы Алексея Тыркова, расследовавшееся в 1690 году. Тогда крестьяне жаловались на безумное множество нарушений со стороны Тыркова: неправомерное использование труда крестьян «для своей бездельной корысти», поборы, избиения и запугивания [24, л. 36–38]. Все жалобы были в точности повторены в допросных речах всех опрошенных крестьян слободы [24, л. 47–60]. Кроме этого, были и другие претензии отдельных крестьян на держание в Судной избе и поборы со стороны Алексея Тыркова [24, л. 39–40об.]. Интересно тут то, что староста не только никак не смог повлиять на произвол приказчика, но и сам пострадал от его действий, а приказчик абсолютно не боялся какого-либо наказания за свои действия (судя по отсутствию в деле заключения, наказания действительно не последовало).

На наш взгляд, такие ситуации стали следствием удаленности Сибири от центра — представители администрации не боялись реакции из Москвы, так как подача челобитной в далекую столицу была для крестьян слишком хлопотным делом.

Как нам кажется, в этом проявлялась специфика социальных отношений в Сибири, менее чем за столетие приведшая там к кризису вертикали власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Горская, Н.Л.** Русская феодальная деревня в историографии XX века [Текст] / Н.А. Горская. — М.: Памятники ист. мысли, 2006. — 360 с.
2. **Рубинштейн, Н.Л.** Русская историография [Текст] / Н.Л. Рубинштейн. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. — 802 с.
3. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 33.
4. **Швейковская, Е.Н.** Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века [Текст]: [монография] / Е.Н. Швейковская. — М.: Индрик, 2012. — 366 с.
5. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 95. Ч. 2.
6. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 398.
7. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 129.
8. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 146. Ч. 1.
9. **Борисов, В.Е.** Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Е. Борисов. — М., 2010. — 256 с.
10. **Преображенский, А.А.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века [Текст] / А.А. Преображенский. — М.: Наука, 1972. — 392 с.
11. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 392.
12. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 144. Ч. 3.
13. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 98.
14. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 68. Ч. 2.
15. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 57. Ч. 2.
16. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 322.
17. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 393.
18. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 34. Ч. 2.
19. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 609.
20. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 322.
21. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 148. Ч. 2.
22. **Александров, В.А., Покровский, Н.Н.** Власть и общество: Сибирь в XVII в. [Текст] / В.А. Александров, Н.Н. Покровский. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. — 401 с.
23. **Шунков, В.И.** Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков [Текст] / В.И. Шунков. — М., Л., 1946. — 228 с.

24. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 98.

M.I. Parfenya **Self-government in peasant Communities** **of Verkhoturye district in the XVII century**

Parfenya Mariya Igorevna, undergraduate, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia;
e-mail: mariyaparfenya@gmail.com.

Abstract. *The article discusses the functioning of peasant self-government in Nitsinskaya, Belosludskaya and Pyshminskaya settlements (slobody) of Verkhoturye district in the 17th century. The rights and duties of the elders (starosty), relationship between them, peasant community (obsh'ina) and the state are analyzed.*

Keywords: *peasants, self-government, community, Western Siberia, 17 century, social history.*

УДК 94(470.5)

И.А. ПОПП¹

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ **В 1860–1890-х ГОДАХ НА УРАЛЕ:** **к проблеме борьбы с пьянством** **«волостных начальников»**

Аннотация. В статье показана «борьба» с пьянством в среде в крестьянском самоуправлении в период 1860–1890-х гг. Мягкие наказания для пристрастных к алкоголю волостных старшин, писарей, сельских старост и освобождение от наказаний «подвыпивших» сельских должностных лиц способствовали дальнейшему ослаблению контроля за пореформенными крестьянскими учреждениями и ухудшению отношения современников к крестьянскому сословию в целом.

Ключевые слова: крестьянское самоуправление, волостные старшины, сельские старосты, Великие реформы, пьянство, алкоголизм, Пермская губерния, крестьянская община, волостной суд.

¹ Попп Иван Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: popp82@mail.ru.

После отмены крепостного права большинство проблем, возникавших в сфере многочисленного крестьянского сословия, современники связывали с употреблением алкоголя. В частности, Н. Дружинин писал: «Среди причин нынешнего деревенского настроения пьянство считается одной из важнейших... Пьянство — это настоящая язва, разъедающая государственный и народный организм. Независимо от пагубного экономического значения, пьянство принижает личность крестьянина, его человеческое достоинство» [1, с. 131]. Хотя зависимость от спиртных напитков во многом определяла повседневность сельского населения: «Расходы на водку всегда были неотъемлемой частью крестьянского бюджета» и любое увеличение цен на спиртные напитки имело для них серьезные последствия [2, с. 134].

Об алкоголизме в крестьянской среде достаточно подробно сообщалось в столичных и региональных печатных изданиях. Авторы заметок пытались не только оценить «масштаб бедствия» от массового спаивания населения в кабаках [3, с. 639], вскрыть причины «упадка в народе нравственности и развития в нем пьянства» [4, с. 66], но и довольно ярко описывали поводы, ситуации и приемы «винопития». Так, выдача приговоров на содержание питейных заведений, прием в среду общества новых лиц, увольнение из общества, выдача общественникам ручательства на взятие какого-либо подряда, ассигнование жалования волостным и сельским писарям или назначение на эти должности новых лиц могли стать отличным основанием для потребления водки.

Пристальное внимание современников привлекало крестьянское самоуправление. В екатеринбургской еженедельной газете представлялась печальная картина «самосудства» и «самодурства» на крестьянских волостных сходах, которые выбирали волостную исполнительную и судебную власти на срок от года до трех лет: «Сам сход представляет из себя картину пьяных мужиков, галдящих кто во что горазд и подбивающих меньшинство непьющих в пользу того, кто расщедрился на водку. Расщедрился на несколько ведер водки ненавистный миру кровопийца-старшина — и отуманенные водкой крестьянские головы жалуют его в отца-благодетеля, снова отдаваясь ему в руки, избирая его на новый срок» [5, с. 92]. Несмотря на то, что «закон запрещал торговлю вином волостному начальству», через подставных лиц волостные старшины и старосты в некоторых волостях «заведовали» кабаками, что вело к поощрению пьянства среди крестьян [6, с. 286].

За 1883–1888 гг. автором обнаружено более 25 статей в «Екатеринбургской неделе», посвященных виноторговле и проблеме алкоголизма в крестьянских обществах. Выводы на страницах этого периодического издания были удручающими: «Бог знает, что и будет, если такое пьянство не прекратится у нас. Кажется, некоторые мужички готовы будут заложить кабатчику и душу, когда нечего будет уж закладывать, чтоб только купить водки» [7, с. 396].

Только за короткий период конца 1892 — начала 1893 гг. в Ирбитском уездом по крестьянским делам присутствии, являвшимся надзорным органом для волостных правлений соответствующего уезда, рассматривалось большое количество дел, связанных с пьянством в среде крестьянского самоуправления. В сельском самоуправлении часто старосты угощали вином общественников, чтобы добиться нужного решения: «В обществе крестьян пускал в ход подпаивание вином тех домохозяев, кои соглашались с мнением его, Колмакова, в отношении писаря Елфимова» [8, л. 206].

Удивительно, что уездные по крестьянским делам присутствия за доказанные случаи пьянства на сельских сходах принимали довольно мягкие решения. Так, 1892 г. чурманский волостной старшина Ирбитского уезда доложил, что «помимо его, старшины, ведома, Ботавское сельское общество составило приговор о дозволении виноторговли в 1893 г. ирбитской купеческой жене Константиновой». При расследовании дела оказался целый спектр нарушений: 1) «приговор» составлен в г. Ирбите доверенным Константиновой, а не на самом сходе; 2) за приговор «выражены» вино и деньги, «из коих первое выпито обществом, а деньги разделены по рукам». При этом староста Боталов объяснил, что с доверенного Константиновой «за дозволение взято 48 рублей, которые обществом действительно разделены по рукам — на наличные души. Приговор о дозволении виноторговли написан в г. Ирбите с данных голосов, а затем им, старостою, удостоверен приложением должностной печати без записи приговора в установленную книгу... За выдачу приговора выпито обществом вина 1,5 ведра по предложению доверенного Константиновой». Из 74 домохозяйств, присутствовавших на этом сходе 56 пили вино и получили деньги по 30 копеек, а 18 представителей домохозяйств — лишь денежное вознаграждение. В итоге Ирбитское уездное присутствие оставило решение схода в силе, старосту оштрафовали на 3 рубля, а с пьянствующей публики было потребовано по 60 копеек. Трезвенники потеряли лишь те деньги, которые им выдали за решение на сходе [8, л. 224–226 об.]. В любом случае,

все остались в выигрыше: Константинова получила право на вино-торговлю, трезвенники вернули лишь полученные ранее денежные вознаграждения, а большинство крестьян, несомненно, запомнили общее «винопитие» и коллективный праздник удался на славу!

Иногда старосты «выколачивали» деньги на выпивку и угрожали ссылкой в Сибирь даже несовершеннолетним: «Благодаря своей молодости (просителю 17 лет от роду), он занял денег и требования старост удовлетворил». В итоге старостами было «выпито вина семь бутылок», а наказанием им стал лишь арест при полиции до пяти дней [8, л. 302 об., 303, 308]. Некоторые сельские старосты даже за простые хозяйственные услуги, например содержание зимних прорубей, «справляли» с крестьян «бутылки вина», не давая общественникам заключать договоры на более выгодных условиях [8, л. 308 об. – 309]. Волостные старшины также «принимали угощение вином», раздавая ссуды крестьянам «по своему усмотрению вопреки приговору сельского схода, утвержденному земской управой. Причем у бедных крестьян убавлял ссуду и прибавлял другим, более состоятельным», но Ирбитское уездное присутствие все равно отправляло старшину на семь дней под арест при полиции [8, л. 89–91].

Естественно, региональные власти отчитывались в столицу о мерах борьбы с пьянством в среде крестьянского самоуправления, которые заключались в основном в отстранении от должностей волостных и сельских начальников. Так, в 1860-х гг. «в Новгородской губернии в течение семи лет удалено от должности 166 волостных старшин, из которых 80 преданы суду за преступления и 20 — за растрату денег. По Тамбовской губернии в 1868 г. удалено 49 старшин, из коих 12 с преданием суду, сельских старост за нерадение и пьянство смещено 124. По Ярославской губернии в том же году отрешено 44 сельских старосты, 8 предано суду, а 674 подвергнуты административным взысканиям. В Калужской губернии в 1864 г. было отрешено от должностей более трети волостных старшин, и при объезде волостей губернатором многие из сельских старост представлялись к нему пьяные. Смена крестьянских начальников не приносит пользы, потому что новые выборы под тем же влиянием бывают не лучше» [9, л. 9–9 об.].

Действительно, уездные по крестьянским делам присутствия по рапортам из волости могли на первый раз привлечь пьяниц из системы крестьянского самоуправления к административной ответственности в виде ареста на несколько дней при волостном

правлении, но когда алкоголик попадался во второй раз, то обычно его просто отстраняли от должности. Так, Шогринский волостной заседатель Иван Потаскуев в 1892 г. был признан виновным в неисправности по службе благодаря нетрезвому образу его жизни и приговорен к аресту при волости на два дня. Через несколько месяцев Шогринский волостной старшина снова донес о пьянстве заседателя Потаскуева «и о том, что он, бывши в винной лавке в деревне Сарафанной, украл с вином четвертную бутылку. За это по решению волостного суда от 13 числа минувшего февраля месяца за № 12 приговорен к аресту при волости на семь дней». В доставленном отзыве Потаскуев объяснил, что «в указанное старшиной время он был очень пьян. И потому ничего не помнит». Ирбитское уездное по крестьянским делам присутствие признало, что «подобные ему должностные лица не могут быть терпимы без вреда делу не только в волостном управлении но и вообще во всякой общественной службе» и отстранило Потаскуева от должности, предложив волостному обществу избрать «в заседатели другое лицо одобрительного поведения» [8, л. 269 об. – 271].

Большинство же подобных дел уездных присутствий заканчивались административным взысканием в виде ареста. В феврале 1893 г. Чурманский волостной старшина в представлении в Ирбитское уездное присутствие донес о следующем: «Во время сбора податей с крестьян Дягилевский сельский староста Ульянов Дягилев всегда почти бывает пьян, а в дни самой записки денег в книгу сборщиком податей выходит среди горницы и пускается в пляску, смотря на такого старосту крестьяне величают его балдой и свиньей, но то величание не проходит виновным даром, так как на другой день проспавшийся староста с обидчиков выбивает по сороковке и сам покупает бутылку вина, а потом снова бывает пьян и опять позволяет старые безобразия». На замечания старшины, Ульянов выражался следующим образом: «Нельзя старосте не пить вина!» Члены уездного присутствия посчитали, что «от нетрезвого образа жизни и других творимых безобразий Дягилевского сельского старосту Дягилева может остепенить административное взыскание», то решили «на первый раз арестовать при полиции на семь дней» [8, л. 275–276 об.].

Иногда уездные по крестьянским делам присутствия наказывали представителей крестьянского самоуправления ради воспитательного процесса. Так, председатель Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия Степан Иванович Пономарев

заявил, что при производстве ревизии делопроизводства Шмаковского волостного правления не было замечено «существенных или грубых упущений». При этом «небрежность и нерадение по письмоводству проглядывают на каждом шагу. Кроме того, писарь Буланов, несмотря на свою молодость (ему всего 19 лет), имеет уже пристрастие к спиртным напиткам и под влиянием их составил себе ложное понятие о писарской власти, проявляет ее неуместно и грубо, словом, в Буланове разыгрываются нравственные приемы неодобрительного свойства. Но так как Буланов еще молодой человек, то он, господин председатель, полагает на первый раз испытать по отношению к нему одну из административных исправительных мер, и если после сего Буланов не исправится, то уездное присутствие имеет всегда возможность принять против Буланова другие, более строгие меры» [8, л. 244–246].

В последней трети XIX в. каким-то образом различали степени опьянения «по отзывам свидетелей», при этом должностных лиц, которые были слабо пьяными — «навеселе» вовсе могли освободить от ответственности. В 1890 г. в Ирбитское уездное по крестьянским делам присутствие поступила жалоба на Сосновского старосту Харловской волости, который, «бывши в пьяном виде, взыскивал денежный штраф с Ипполита Сосновских, но определение свое в исполнение привести не мог, так как от вина он ослаб и уснул на лавке». Непременный член присутствия провел «дознание» и выяснил у сельского писаря Федула Сосновских, что «староста был не сильно пьян, а только навеселе». В результате, члены присутствия подумали, что, хотя староста и был «навеселе», но ничего противозаконного не совершил и решили «никакому взысканию не подвергать» [8, л. 14–16]. Подобные мягкие наказания вели только к увеличению проблем самоорганизации и администрированию в крестьянском самоуправлении. В начале 1860-х гг. члены Пермского губернского по крестьянским делам присутствия прямо отмечали, что за провинности по службе некоторых старост наказывали «отрешением от должности с преданием суду», но это они «считают для себя очень выгодным и тем самым поощряют и других старост к неисполнению своих обязанностей, чтоб получить возможность избавиться от общественной службы» [10, л. 23].

Таким образом, слабость административного надзора за всей системой крестьянского самоуправления 1860–1890-х гг. показана в «борьбе» с пьянством в среде «волостных начальников». Уездные по крестьянским делам присутствия в большинстве случаев

привлекали волостных старшин, писарей, сельских старост и др. к ответственности в виде ареста на несколько дней при волостных правлениях, но когда любители выпить попадались в следующий раз, то их просто снимали с занимаемых должностей. В последней трети XIX века без специальных анализов «на взгляд» различали степени опьянения, при этом крестьянских должностных лиц, которые были слабо пьяными вовсе освобождали от ответственности, что естественным образом способствовало дальнейшему ослаблению контроля за пореформенными крестьянскими учреждениями и давало отличный повод современникам подвергать справедливой критике необразованные массы «беспробудно пьянствующих» сельских жителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дружинин, Н. Юридическое положение крестьян : Исследование [Текст] / Н. Дружинин. — СПб. : Н.К. Мартынов, 1897. — 385 с.
2. Кричн Д. Забытая реформа: отмена винных откупов в России [Текст] / Дэвид Кричн // Великие реформы в России : 1856–1874 : [сб.] / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
3. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1884. — 19 сентября. — № 37.
4. Пермские губернские ведомости [Текст]: Часть неофициальная. — 1885. — 6 февраля. — № 11.
5. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1883. — 2 февраля. — № 5.
6. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1883. — 4 мая. — № 17.
7. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1884. — 29 мая. — № 21.
8. ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 512.
9. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1047.
10. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 41. Оп. 1. Д. 354.

Popp Ivan Aleksandrovich Peasant self-government in 1860–1890-ies in the Urals: to the Problem of struggle against drinking of “Volost Chiefs”

Popp Ivan Aleksandrovich, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Ural State Pedagogical University; e-mail: popp82@mail.ru.

Abstract. The article shows the “struggle” with drunkenness among the peasant self-government in the period 1860–1890s. Soft punishments for alcohol-prone volost foremen, clerks, rural elders and the release of “drunk” rural officials from punishment contributed to further weakening of control over the post-reform peasant institutions and the deterioration of the attitude of contemporaries to the peasant class as a whole.

Keywords: peasant self-government, volost foremen, rural elders, Great reforms, drunkenness, alcoholism, Perm province, peasant community, volost court.

УДК 94(571)

В.Д. ПУЗАНОВ¹

ДЕТИ БОЯРСКИЕ ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЕ В XVII ВЕКЕ

Аннотация. Город Верхотурье в эпоху присоединения Сибири был крупным административным и военным центром. В XVII в. дети боярские в Верхотурье формировались из разных групп населения: присланных на службу из Москвы служилых людей, ссыльной шляхты из Польши, потомков этих пришедших русских и иноземцев, детей боярских из других городов, представителей ряда групп служилых людей — казаков, стрельцов, гулящих людей, крестьян и посадских людей.

Ключевые слова: дети боярские, дворяне, казаки, стрельцы, город, уезд.

Город Верхотурье был построен воеводами Василием Головинным и Иваном Воейковым в 1598 г. на пути из «русских городов» и стал воротами на восток — в Сибирь. Редкая русская рукопись XVII в. «Подлинное описание Сибирского государства», включенная в список первой сибирской Есиповской летописи, отмечала, что город Верхотурье — это первый центр Сибири. «Сия убо Сибирская страна от полунощья на север отстоит от государства Российского от царствующаго града Москвы до перваго сибирского града Верхотурья две тысячи верст. А поспевают зимним путем с возами недель шесть и в семь, а скорою ездою в три недели безо всякой меш-

¹ Пузанов Владимир Дмитриевич, д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск; e-mail: alan1971@bk.ru.

коты, только на переменных подводах». Очень интересно описание в летописи Верхотурского уезда XVII в.: «Первой город Верхотурье стоит на Камени вниз реки Туры на левой стороне. А под тем городом Верхотурьем река Тура вышла ис Камени, и около того Верхотурского города леса многие, а по Туре реке вниз пашенные места и деревни многие. А ясачные люди около Верхотурья словут вогуличи, живут кочевьем, а грамоты у них и веры нет, питаютца рыбою и сохатым зверем, лосми и оленями. А государев ясак дают соболи и бобры, и лисицы, и белки. А рыба в Туре нельма, харьюз, таймень и белая рыба всякая, кроме леща да головля, да судака, да красной рыбы никакой нет до Тюменского города. А рек меж Верхотурского города и Туринского острогу, кои впали в Туру реку, на низ плувучи, с правяя стороны Тагиль. А по тем рекам живут государевы пашенные крестьяня Верхотурского уезду» [1, с. 42–45].

Первый гарнизон города был сформирован из служилых людей северного Лозвинского городка, который ранее связывал Сибирь и русские города. Из Лозвинского городка 46 стрельцов и казаков были переведены на Верхотурье. В 1600 г. на Верхотурье жили только 74 человека русского населения. Позднее число начальных людей в городе было увеличено. В разрядных книгах 1625 г. отмечается наличие в городе 6 начальных людей — 5 детей боярских, сотника стрелецкого и казацкого. К 1627 г. число детей боярских увеличилось до 6 человек, в списке отмечается также приказчик пашенных крестьян. К 1633 г. число детей боярских увеличилось до 9 человек и оставалось таким до конца 1640 гг. В списке 1638 г. отмечено, что по государевой грамоте один из детей боярских назначен чиновником в таможенную избу. К 1649 г., количество детей боярских увеличилось уже до 10 человек, когда по приказу воеводы Тобольска В.Б. Шереметева сыном боярским стал стрелецкий сотник Григорий Гаврилов. Новым сотником по царской грамоте стал служилый человек Афанасий Бибииков [2, 3, 4].

К 1660 г. число детей боярских на Верхотурье увеличилось до 17 человек, кроме того, один человек, был по разбору воеводы Тобольска боярина И.А. Хилкова переведен назад в стрелецкие десятиники, откуда он получил повышение, один из детей боярских бежал, один умер. Однако в 1661 г. число детей боярских на Верхотурье уменьшилось до 8 человек, 9 детей боярских были взяты И.А. Хилковым в Тобольск в формирующиеся полки «нового строя» и зачислены в рейтары. Когда полки были распущены, служилые люди вернулись в свои корпорации. Большое увеличение корпорации детей

боярских происходит во второй половине XVII в. что во многом было связано с ростом слобод на территории Верхотурского уезда где дети боярские служили в качестве приказчиков. К 1672 г. число детей боярских увеличилось до 44 человек. В 1678 г. список отмечает наличие 51 детей боярских [5, 6, 7, 8]. Таким образом, по отношению к 1625 г. число детей боярских выросло в 10 раз.

В уезде было построено большое количество слобод, для управления которыми требовались дети боярские. В документах Верхотурья остались сведения о детях боярских города. Так, в 1654 г. приказчиком новой Чусовской слободы был назначен сын боярский города Верхотурья Томила Нефедьев. В 1656 г. слободчики и основатели Чусовской слободы Афанасий Гилев и Фрол Арапов жаловались на него, что Томила Нефедьев «чинит им налогу и изгону большую, и ту нашу слободу разоряет, двор на себя велит строить и всякие свои изделия на крестьян налагает». В 1655 г. слободчики просили защиты у воеводы Верхотурья Измайлова, который разрешил им поселиться на новом месте, на р. Чусовой. Однако и здесь слободчики жаловались на нападения Томилы Нефедьева. Алексей Михайлович приказал дать слободчикам право строить новую слободу и выслать вон из новых слобод приказчика Томилу Нефедьева, не посылая в слободы приказчиков до истечения льготного срока.

В 1661 г. Томила Нефедьев сын боярский города Верхотурья, в Тобольске бил челом государю, и рассказал, что он служил Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу в стрелецких десятниках Верхотурья более 40 лет, и за это время выполнял многие поручения воевод. Томила Нефедьев строил Невьянскую слободу и прибрал в нее из вольных гулящих людей в крестьяне 30 человек, а позднее по приказу воеводы города Верхотурья Измайлова строил две новые слободы — Краснопольскую и Уткинскую, куда прибрал в крестьяне в первую 30 человек, во вторую 37 человек. В этих слободах Томила Нефедьев построил церкви и собрал таможенных пошлин с товаров торговых и всяких людей на 100 руб. Кроме того, его посылали в уезд для сбора ясака во время чего им было найдено еще 20 человек подростков и захребетников, которые были положены в ясак. В результате за его службы «за приборы пашенных крестьян и за прииск новых ясачных людей и за слободское строение» воевода Измайлов зачислил Томила Нефедьева в корпорацию детей боярских города Верхотурья. В 1660 г. по отписке воеводы Тобольска Хилкова «по разбору» служилых людей Томила Нефедьев был отставлен «без вины» из детей боярских. К тому времени

сын Томилы Нефедьева был взят с Верхотурья в рейтарский строй в Тобольск. Томила Нефедьев писал, что на Верхотурье и в других городах Тобольского разряда в детях боярских остаются многие бывшие стрельцы, казаки, и люди, которые не служили до зачисления ни в какой службе, в результате чего «и он Томила перед своей братьей оскорблен». Томила Нефедьев просил вернуть его в дети боярские города Верхотурья «на старый оклад» за его «долгие службы». 5 июня 1661 г. Алексей Михайлович приказал воеводе Верхотурья Ивану Камынину проверить данные Томилы Нефедьева и в случае соответствия их действительному положению дел «за те службы и для его старости» вернуть Томилу Нефедьева в состав детей боярских.

Дети боярские Сибири формировались обычно из присланных на службу из Москвы служилых людей, ссыльной шляхты из Польши, потомков этих пришлых русских и иноземцев, детей боярских из других городов, представителей других верхних корпораций, которым удавалось, как правило, за различные военные заслуги быть зачисленным в сибирскую элиту. Однако правительство считало, что в детях боярских Сибири много представителей других групп населения.

В городе Верхотурье, как и в других городах Сибири пополнение детей боярских из других групп населения края продолжалось до конца XVII века. Правительство, проводя в 1659 и 1678 гг. разборы служилых людей и требуя исключения из детей боярских представителей других сословий, часто позднее соглашалось восстановить исключенных из списка служилых людей, а в ряде случаев и само предоставляло доступ в дети боярские Сибири представителям других групп служилого населения края и во второй половине XVII в. В результате к 1670–1680-м гг. в Верхотурском уезде служили более 40 чел. в детях боярских. Так, в 1675 г. в гарнизоне города служили 49 детей боярских и 109 стрельцов, всего 158 человек. К 1681 г. в городе Верхотурье служили 41 детей боярских. В 1684 г. служили 43 детей боярских. В 1690-е гг. количество детей боярских города резко уменьшилось. Так в списке 1698 г. были отмечены только 33 детей боярских. В 1700–1701 гг. указами государя были зачислены в дети боярские из семей детей боярских города еще 9 человек. В результате к 1702 г. количество детей боярских увеличилось до 42 человек, а в 1704 г. детей боярских насчитывалось 41. Позднее в эпоху реформ Петра I многие дети боярские были отчислены от службы. К 1706 по городу служили всего 26 детей боярских [9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Есиповская летопись [Текст] // Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи / Предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. — М., Наука. 1987. — С. 42–128.
2. РГАДА. Ф. 214. Ст. 25. Л. 35.
3. РГАДА. Ф. 214. Кн. 110. Л. 19.
4. РГАДА. Ф. 214. Кн. 248. Л. 34.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 100. Л. 86.
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Кн. 408. Л. 28.
7. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Кн. 419. Л. 21.
8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Кн. 641. Л. 39.
9. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1385. Л. 1–14.

V.D. Puzanov

Verkhoturye town' boyar Children in the XVII century

Puzanov Vladimir Dmitrievich Doctor of Historical Sciences, Professor, Shadrinsk State Pedagogical Institute Shadrinsk, Russia;
e-mail: alan1971@bk.ru.

Abstract. Verkhoturye Town in the era of joining Siberia was a major administrative and military center. In the 17th century Verkhoturye the children of Boyar were formed from different groups: of military men sent to the service from Moscow, deportees from Poland, descendants of these newcomers, Russians and foreigners, boyar children from other cities, representatives of other service groups — cossacks, archers, people walking, peasants and townspeople of people.

Keywords: boyar children, nobles, cossacks, archers, city, county.

УДК 94(470.5)

А.Л. УСТИНОВ¹

О ПРОБЛЕМАХ КОМПЛЕКТОВАНИЯ РАБОЧИХ КАДРОВ НА ЗЛАТОУСТОВСКОМ И САТКИНСКОМ ЗАВОДАХ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье анализируются способы комплектования кадров на Саткинском и Златоустовском заводах в третьей четверти XVIII века. На примере этих заводов дан анализ факторов, влиявших на комплектование кадров. Показаны механизмы взаимодействия различных социальных групп и влияние такого взаимодействия на решение кадровых вопросов.

Ключевые слова: рабочие кадры, комплектование кадров, металлургические заводы, социальные группы.

Социальная политика уральских заводоладельцев в эпоху становления и развития капитализма в России представляет сегодня значительный интерес. Частным случаем таких проблем является формирование кадровой политики на начальном этапе деятельности Златоустовского и Саткинского заводов.

Эволюция кадровой политики заводчиков, особенностей комплектования рабочих кадров на уральских заводах — часть социально-производственных отношений между заводоладельцами и работными людьми. В этом отношении довольно интересно было бы проследить изменения в вопросах комплектования кадров в период генезиса капитализма в России. Кроме того, территориально хотелось бы ограничить предмет исследования частными металлургическими заводами Южного Урала (Сатки, Златоуст), по следующим соображениям:

1. Данный регион в меньшей степени изучен в отечественной исторической науке, следовательно, представляет большой научный интерес;

2. Регион представлен в основном приписным и крепостным населением, юридический статус и социальный облик которого крайне низок — следовательно, социальные противоречия здесь

¹ Устинов Андрей Леонидович, старший преподаватель кафедры истории, экономики и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет», г. Екатеринбург; e-mail andrey.ustinoff2011@yandex.ru.

будут глубже, а значит, и эволюция системы управления и кадровой политики будет прослеживаться четче;

3. Названные заводы (Сатки, Златоуст) — частные металлургические предприятия, более подверженные эволюционным процессам, связанным с вызревaniem капитализма, а потому кадровая политика на этих заводах может представлять бóльший интерес.

Интересно проследить формирование кадровой политики на начальном этапе деятельности Златоустовского и Саткинского заводов. И в этой связи будет полезно посмотреть на социальный состав работников этих заводов.

Таблица 1

Изменение социального состава работников Саткинского и Златоустовского заводов в 1760–1770-е гг., %¹

Социальные группы работников	Златоустовский завод		Саткинский завод	
	Начало 1760-х гг.	Середина 1770-х гг.	Начало 1760-х гг.	Середина 1770-х гг.
Приписные крестьяне	-	13,6	-	-
Вольнонаемные рабочие	-	5,1	3,2	1,1
Собственные крепостные	84,8	62,1	52,6	53,8
Купленные крепостные	15,2	19,2	44,2	45,1

Выводы напрашиваются сами. Безусловно, два завода — это не весь Южноуральский регион. Однако по меньшей мере воз-

¹ Источники — документы ГАСО: [1, л. 7, 10–11, 21–21 об., 61–61 об., 63–66 об., 78, 99–99 об., 100 об. – 102 об., 115, 144–145, 175–177 об., 245–247, 339–346 об., 347–350; 2, л. 1–145 об.; 3, л. 1, 2–8, 21, 22–26 об., 95, 96–98 об., 99, 100–104, 113, 114–116, 124–124 об., 125–133 об., 134–142 об., 161, 162–171 об., 183, 184–186, 187–187 об., 188–192 об., 193, 194–196 об., 198, 198 об. – 199, 277–278; 4, л. 85; 5, л. 23–25 об.; 6, л. 10–10 об., 11–11 об., 12, 14, 16; 7, л. 1, 38–39, 84–89, 108–109, 110–110 об., 111–111 об., 144; 8, л. 5–5 об.; 9, л. 1–124 об.; 10, л. 8, 9, 10–10 об., 11–11 об.].

никают сомнения относительно истинности тезиса о преимущественном использовании на заводах Южного Урала труда приписных крестьян и вольнонаемных рабочих, нанятых на крайне кабальных условиях найма. Так, ведомость Саткинского завода за 1761 г. определяет: «И при оном заводе г(о)с(у)д(а)рственных крестьянъ ни сколько не имеется и ни отколь оныхъ не приписано. А для содержания заводу по дозволительным изъ Г(о)с(у)д(а)рственной Камеръ Коллегии указом ис Пермских Его Высочородия вотчинъ крестьянъ, переведенных на поселение, имеется» [1, л. 245]. Это же подтверждается и ведомостью за тот же год из Златоустовского завода: «Ко оному Златоустовскому заводу г(о)с(у)д(а)рственных крестьянъ не ис которых уездовъ не приписано» [1, л. 245].

Это, конечно, не означает, что институт найма как способ комплектования рабочих кадров на Златоустовском и Саткинском заводах отсутствовал в принципе. Из таблицы мы видим, что если на Саткинском заводе число вольнонаемных уменьшалось, то на Златоустовском заводе их доля только увеличивалась — в первом случае с 3,2 до 1,1 %, а во втором случае — до 5,1 % (см. таблица № 1). Однако это был не совсем капиталистический наем. Более того, для генезиса капиталистических отношений на заводах такой наем был даже вреден. Если мы немного отвлечемся от темы и обратимся к примеру других заводов Южноуральского региона, мы увидим там яркий пример такого «вредного» найма. Так, владелец Каслинского и Кыштымских заводов Никита Демидов пишет 3 января 1775 г. своим приказчикам, что многие его приписные и наемные работники «по мятежу башкирскому» по слободам и селениям своим разбежались [11, л. 13]. Конечно, можно было бы все списать на «башкирский бунт» (тем более, только закончилась Крестьянская война под руководством Е.И. Пугачева). Однако ненадежность такой рабочей силы очевидна. В труде вольнонаемных работников не слишком заинтересованы были заводчики, так как те выполняли мелкую подсобную работу и их несложно было при необходимости заменить (специальной квалификации здесь не требовалось), а приписные были не заинтересованы в самой заводской работе, поскольку это была еще одна форма повинности.

Практика «вредного найма» подтверждается и материалами ведомостей Саткинского и Златоустовского заводов. Так, полугодовая ведомость Златоустовского завода за вторую половину 1762 г. сообщает, что «точно при строении того завода мастеровые и рабочие люди находились, разных уездов и изъ разных чинов по пашпор-

тамъ, которые не выработавъ по договорам сроков и забравъ денегъ, ушли в разных годехъ на прежняя жилища» [1, л. 61]. Очевидно, речь в данном случае идет именно о вольнонаемных работниках.

В этой связи понятно, почему именно крепостные преобладают в структуре заводских кадров. Вопрос стоит лишь в соотношении собственных крепостных из вотчин заводладельцев и купленных для заводских работ крепостных у других помещиков. И хотя вопрос этот с социальной позиции не принципиален (ведь статус работников одинаков независимо от способа их приобретения), считаю необходимым остановиться на нем, так как именно этот вопрос определяет возможности заводчиков и организуемых ими предприятий в начальный период действия заводов.

Важно посмотреть также различия в юридическом статусе крепостных работников и их фактическом положении. И здесь нам опять-таки помогут материалы заводских ведомостей.

По первому вопросу (о соотношении собственных крепостных и купленных работников) мы видим, что собственных крепостных на порядок больше. И если на Златоустовском заводе с 1761 по 1774 гг. их доля сокращается с 84,8 до 62,1 % (и тем не менее остается преобладающей), то на Саткинском заводе эта доля даже немного растет — с 52,6 до 53,8 % за этот же период (см. таблица № 1). Доля же купленных крепостных на Златоустовском заводе вообще не столь существенна и не превышает 20 %, тогда как на Саткинском заводе достигает почти половину всех работников (см. таблица № 1). С чем связаны подобные тенденции?

Ведомость Саткинского завода Александра Строганова за первую половину 1761 г. сообщает, что «для содержания оного завода по дозволенному изъ Г(о)с(у)д(а)рственной Камеръ Коллегии указу ис Пермских Его Высочородия вотчинъ крепостныхъ крестьянъ переведено на поселение» [1, л. 64]. Это обстоятельство, конечно, можно было бы и, наверное, следовало бы объяснить тем фактом, что вновь организуемые заводы нуждались в дешевой рабочей силе, на приобретение которой не нужно было тратить сколько-нибудь серьезные средства. Кроме того, если заводчиками этих предприятий выступают крупные помещики, коими являлись Строгановы, то почему бы им не использовать собственный ресурс для пополнения рабочих кадров. К тому же покупные крестьяне использовались в основном на временных работах, что также подтверждается ведомостями [1, л. 100 об. – 101]. Но здесь есть одно весьма любопытное обстоятельство...

Кем по социальному статусу являются основные заводские кадры? Само собой разумеется, это крепостные. Именно из их числа формируется штат плотников, мастеров, подмастерья. Вольнонаемные работники выполняют в основном подсобную работу. Наконец, из крепостных формируется и приказчиный корпус. Разумеется, это должны были быть работники, которым заводчик мог всецело доверять (особенно, если он сам длительное время не жил на заводе). Поэтому не только экономический мотив — это разумеется — но и фактор личного доверия, личного отношения между заводчиком и работником часто играл весьма значимую роль в процессе комплектования рабочих кадров на заводах. Данное обстоятельство подтверждается документально. Так, Ларион Лугинин 17 августа 1781 г. выписывает доверенность на имя своего приказчика Акима Чукносова на получение купчей на землю, купленную в Карытабынской и Барытабынской волости у башкир [12, с. 177]. Поэтому говорить, что крепостные работники составляли наиболее бесправную категорию заводских кадров — не совсем верно.

Настало время подвести некоторые итоги.

Первое, что здесь сразу бросается в глаза — это абсолютное преобладание крепостных работников в общей структуре кадров, причем в случае с обоими заводами — именно собственных крепостных. Оно и понятно, недостаток ресурсной базы, кадровый голод на заводах Южного Урала делала невозможным использование иной по социальному составу рабочей силы, в том числе приписных и наемных работников. Златоуст при этом явно обошел Сатки по доле использования собственных крепостных (см. таблица № 1), что на первый взгляд выглядит странным — ведь у истоков Саткинского завода стоят крупные помещики того времени Строгановы, обладающие существенным внутренним ресурсом для комплектования кадров, а у заведения Златоустовского металлургического предприятия стояли заводладельцы Масоловы, возможности которых в этом отношении были более ограниченными. Противоречие это, однако, учитывая преимущественное использование покупных крестьян во временных работах, можно объяснить лишь разной степенью организации производства на каждом из двух названных заводов.

Второе, что вытекает из первого, — практически полное отсутствие использования труда приписных крестьян. Все ведомости того периода буквально пестрят сообщениями об отсутствии приписных крестьян [1, л. 64]. На Златоустовском заводе при этом к середине 1770-х гг. немного (чуть более 13 %) приписных появляется, на Сат-

кинском же заводе их так и не было. Практика «вредного найма» при этом, конечно, имела место быть: работника нанимали, он получал плату и просто исчезал, не выполнив объем работы (не нужно забывать — поблизости беспокойный башкирский район, кроме того, многие работники нанимались из самих башкир [7, л. 38]). Они не учитывались в общей статистике работников, но наносили производству существенный вред.

Кадровая политика на заводах Южного Урала не отличалась от ситуации на Среднем Урале: основу комплектования кадров составляли крепостные крестьяне. В этой связи Южный Урал не отличался от всей промышленной России — в условиях господства крепостного хозяйства и связанного с ним «кадрового голода» заводчики пополняли ряды рабочих (и даже приказчиков) традиционным способом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1539.
2. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1541.
3. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1687.
4. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1731.
5. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1751.
6. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1786.
7. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1803.
8. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1816.
9. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 1821.
10. ГАСО. Ф. 24: Уральское Горное Управление. Оп. 1. Д. 2525.
11. ГАСО. Ф. 102: Родовой фонд Демидовых. Оп. 1. Д. 27.
12. Доверенность фабриканта Лариона Лугинина Златоустовского завода своему приказчику Акиму Чукносову от 17 августа 1781 г. // Челябинская старина. — Челябинск, 2004. — Ч. 2, 3: Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. / сост.: Н.А. Новоселова, Е.П. Злоказова. — Челябинск: Полиграф-Мастер, 2004. — Документ № 14.

Ustinov A.L.

On the Problems of Recruiting Workers at the Zlatoust and Satkinsky Factories in the third quarter of the XVIII

Ustinov Andrey Leonidovich, senior lecturer of the Department of History, Economics and Law USMU;
e-mail andrey.ustinoff2011@yandex.ru.

Abstract. The article analyzes the methods of staffing at the Satkinsky and Zlatoust factories in the third quarter of the XVIII. The analysis of factors that influenced staffing is given on example of these plants. The mechanisms of interaction between different social groups and the impact of such interaction on personnel issues are shown.

Keywords: workers, staffing, metallurgical plants, social groups.

УДК 94(47).072

Ю.А. ШВЕЦОВ¹

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА И СОЗДАНИЕ НЕПЛЮЕВСКОГО УЧИЛИЩА В ОРЕНБУРГЕ

Аннотация. В статье сравниваются проекты изменений в военном образовании России и процесс их реализации на практике при создании Неплюевского училища в Оренбурге. Автор приходит к выводу как о наличии сходства между этими процессами, так и различий.

Ключевые слова: преобразования в военном образовании, военное училище, «План военного воспитания», Неплюевском училище в Оренбурге.

Русская армия в начале XIX в. активно участвовала в войнах. Это требовало пополнения армии хорошо квалифицированными кадрами. Но существовавших учреждений по подготовке офицеров было недостаточно для того, чтобы полностью восполнить эту потребность. Все это побуждало власти к расширению сети военных учебных заведений и созданию подобных институтов в губерниях.

В статье прослеживается влияние изменений в военном образовании России начала XIX в. на создание в 1825 г. и дальнейшее развитие Оренбургского Неплюевского военного училища.

В историографии проблема влияния изменений в военном образовании в начале XIX в. на создание Неплюевского училища в Оренбурге не получила широкого освещения. В обобщающих работах, подготовленных М.С. Лалаевым [1], П.В. Петровым [2], Н.И. Алпа-

¹ Швецов Юрий Андреевич, магистрант 1-го года обучения, кафедра истории России, департамент «Исторический факультет», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: schwetsov.yury@yandex.ru.

товым [3], С.В. Волковым [4], Н.Н. Ауровой [5] и др., можно найти большой фактический материал, касающийся изменений военного образования в исследуемый период. Но об их влиянии на создание и дальнейшее развитие Неплюевского училища в приведенных работах говорится мало. А в трудах по истории училища, подготовленных дореволюционными авторами [6], а также Г.П. Матвиевской [7], не акцентировалось внимание на взаимосвязи устройства этого заведения с преобразованиями системы военного образования в целом. Данное исследование очень значимо, поскольку в нем сравниваются центральные преобразования в военном обучении и их конкретная реализация на примере Неплюевского училища в Оренбурге.

Но прежде чем раскрыть заявленную тему, обратимся к структуре исследования. Сначала необходимо охарактеризовать изменения в военном образовании в начале XIX века. Затем нужно раскрыть особенности организации Неплюевского училища и его образовательного процесса. И в конце сделать вывод о влиянии изменений военного образования на создание и структуру училища в Оренбурге.

Толчком к началу преобразований послужила записка графа П.А. Зубова — шефа 1-го кадетского корпуса, которая содержала в себе проект реформы военного образования. Автор записки предлагал создать в стране 17 военных училищ, которые бы делились на «большие» и «малые» по количеству воспитанников. «Большие» училища планировалось открыть в Дерпте, Гродно, на Волыни, в Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Вологде и Смоленске. А «малые» — в Твери, Ярославле, Владимире, Рязани, Орле, Харькове, Саратове, Оренбурге и Тобольске [8, с. 748]. После окончания училищ молодые дворяне могли направляться для завершения образования в столичные кадетские корпуса или университет [8, с. 749].

Для рассмотрения проекта Зубова 9 октября 1803 г. была создана временная комиссия о военных училищах под руководством великого князя Константина Павловича [9], по итогу работы которой Александру I 21 марта 1805 г. был представлен «План военного воспитания». Этот документ предусматривал кардинальные изменения системы подготовки будущих офицеров по сравнению с предшествовавшим периодом. Военное обучение должно было проводиться в военных училищах и столичных кадетских корпусах. Что говорилось в документе о военных училищах?

Документ предусматривал создание 10 военных училищ в Санкт-Петербурге, Москве, Смоленске, Киеве, Воронеже, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани и Тобольске [10, с. 905]. Средства на их

создание должны были вносить дворяне окрестных губерний, причем на добровольных началах [10, с. 904]. Собранные средства образовывали капитал, проценты с которого поступали в распоряжение начальства открываемых учреждений. Но на практике процесс накопления необходимых средств оказался довольно долгим, поэтому открытие этих заведений проходило через большие промежутки времени. И многие училища открывались в городах, не предусмотренных «Планом военного воспитания».

Подготовка в училищах должна была делиться на военные упражнения и учебную часть. А последняя подразделялась на начальное и гимназическое обучение [10, с. 905]. Для начального обучения в городах создавались двухгодичные училища. После их окончания воспитанники поступали бы на пять лет в губернскую гимназию для завершения образования. Здесь они должны были изучать все предметы общего курса за исключением латинского языка, вместо которого воспитанникам читались бы начальные основы фортификации. Начальным военным обучением в военных училищах должны были заниматься штаб- и обер-офицеры. Они должны были обучить будущих офицеров военной дисциплине и строевым упражнениям [10, с. 905–906]. «План военного воспитания» мало останавливался на особенностях подготовки будущих офицеров в училищах. Поэтому, исходя из имевшихся возможностей, здесь могли быть возможны вариации, нацеленные на потребности конкретных территорий.

Как видно из вышеупомянутого, Оренбургскую губернию не рассматривали в качестве места для размещения военного училища. Но благодаря настойчивости оренбургского военного губернатора Григория Семеновича Волконского (1742–1824) училище все-таки появилось в Оренбурге и заняло важное место в системе образования края.

Согласно «Высочайше утвержденному постановлению о Неплюевском училище», заведение должно было находиться под началом оренбургского военного губернатора и состояло в ведении Совета о военных училищах [11, с. 50]. То есть именно оренбургский военный губернатор непосредственно контролировал всю деятельность училища, а Совет лишь осуществлял решение общих вопросов.

В училище принимались отпрыски людей, служащих в иррегулярных войсках Отдельного Оренбургского корпуса, представителей местных племен и народов, находящихся «в прочном подданстве» и других свободных жителей края. Заведение было рассчитано на 80 воспитанников, из которых 40 содержались за счет

средств, принадлежащих училищу, а 40 — за счет родителей или родственников [11, с. 50].

Содержаться Неплюевское училище должно было на местные средства. Основными источниками их пополнения были проценты с накопленного к этому времени основного капитала училища и так называемый билетный сбор с киргизов, который взимался с 1817 г. за право найма их на работу прилинейными жителями. Предполагалось также продолжение частных пожертвований в пользу училища [11, с. 51; 7, с. 12].

Среди учебных предметов значились основы христианской и мусульманской религии в зависимости от вероисповедания воспитанника. Особое внимание уделялось языкам. Наряду с русским, французским и немецким, в программу были включены татарский, арабский и персидский языки. В учебную программу также входили история (всемирная и российская), география (математическая, всеобщая и российская), основы естественной истории (т.е. ботаники, зоологии и минералогии) с приложением этих предметов к условиям Оренбургского края. Потом следовали арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия (плоская и сферическая). Военные дисциплины завершали список учебных предметов. В училище изучались полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение планов, а также военная экзерциция. При этом курс обучения был рассчитан на 6 лет, по два года в каждом из трех классов: нижнем, среднем и верхнем [11, с. 52].

Неплюевское училище должно было готовить гражданских и военных чиновников для службы в Оренбургской губернии, а также переводчиков с восточных языков, потребность в которых была очень велика. После окончания училища дети оренбургских и уральских казаков, а также командного состава военных отрядов башкир и мещеряков зачислялись на военную службу урядниками. А показавшие отличные успехи в восточных языках определялись на службу переводчиками, конфидентами и толмачами [11, с. 54].

Таким образом, при сравнении проектов преобразований в военном обучении с постановлением об образовании Неплюевского училища удалось обнаружить как черты сходства устройства училища с «Планом военного воспитания», так и его отличия от первоначального замысла окружения Александра I. К чертам сходства относятся финансовая сторона жизни училищ согласно «Плану» и «Постановлению». В том и другом случае предполагалось, что заведения будут содержаться за счет местных средств, поступавших от частных лиц.

При этом и по «Плану военного воспитания», и по постановлению о Неплюевском училище предполагалось деление обучения на учебную часть и военные упражнения и науки. Но, в отличие от «Плана военного воспитания», «Постановление», во-первых, расширяло источники финансирования военно-учебного заведения, включая сюда билетный сбор с киргизов и мечетную сумму; во-вторых, комплекс учебных дисциплин, которые преподавались в училище, согласовывался с местными потребностями; и, в-третьих, была разграничена компетенция центральных и местных властей относительно деятельности этого учреждения. Кроме того, «Постановление» оговаривало такой важный момент, как определение на службу выпускников училища. А в «Плане» на это не было обращено внимания.

Иными словами, при организации Оренбургского Неплюевского училища была взята за основу концепция «Плана военного воспитания» 1805 г., но в ходе подготовки серьезно переработанная и усовершенствованная с учетом новых веяний времени и местных потребностей. Это говорило о гибкости процесса развития военного образования в России и важности открытия Неплюевского училища в Оренбурге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Лалаев, М.С.** *Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению: От основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1700–1880 гг.* [Текст]: Ч. 1–3: в 2 т. / сост. ген.-майором Лалаевым. — СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880–1892. — 464 с.
2. **Петров, П.В.** *Главное управление военно-учебных заведений [Текст] : Ист. очерк / сост. П.В. Петров // Столетие Военного министерства 1802–1902 / Гл. ред. генерал-лейтенант Д.А. Скалон. — СПб.: Тип. тов-ва М.О. Вольф, 1902. — Кн. 1. — 370 с.*
3. **Алпатов, Н.И.** *Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа [Текст] : (Из опыта кадетских корпусов и воен. гимназий в России) / Профессор Н.И. Алпатов. — М.: Учпедгиз, 1958. — 244 с.*
4. **Волков, С.В.** *Русский офицерский корпус [Текст] / С.В. Волков. — М.: Центрполиграф, 2003. — 414 с.*
5. **Аурова, Н.Н.** *От кадета до генерала : повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века [Текст] / Н.Н. Аурова. — М.: Новый хронограф, 2010. — 463 с.*

6. Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса [Текст]. — Оренбург : тип. А.Н. Гаврилова, 1913. — 32 с.

7. Матвиевская, Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус : Очерк истории [Текст] : моногр. / Г.П. Матвиевская. — М., 2016. — 174 с.

8. О заведении в некоторых губерниях военных училищ [Текст] // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXVI. 1800–1801 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 748. — 19.980. — 15.08.1801.

9. О составлении комиссии для рассмотрения проекта о заведении военных корпусов в губерниях: Закон № 20975 от 9 октября 1803 года [Текст] // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXVII. 1802–1803 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 920. — 20.975. — 09.10.1803.

10. Высочайшая резолюция на доклад комиссии о военных училищах : О порядке учреждения военных училищ : С приложением плана военного воспитания [Текст] // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXVIII. 1804–1805 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 903. — 21.675. — 21.03.1805.

11. Высочайше утвержденное постановление о Неплюевском училище [Текст] // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том XXXIX. 1824 г. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 50. — 29.770. — 09.02.1824.

Y.A. Shvetsov

Changes in Military Education in Russia at the Beginning of the XIX century and the Creation of the Neplyuev School in Orenburg

Shvetsov Yuri Andreevich, 1-year undergraduate Department of the «Faculty of History» of the Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; e-mail: schwetsov.yury@yandex.ru.

Abstract. The article compares the draft changes in the military education of Russia and the process of their implementation in practice when creating the Neplyuev School in Orenburg. The author comes to the

conclusion that there are similarities between these processes, as well as differences.

Keywords: transformations in military education, military school, «Plan of military education», Neplyuevsky school in Orenburg.

УДК 94(47)+94(470.53)

Е.В. ШИШКИНА¹

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАРООБРЯДЦЕВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Аннотация. Автор описывает законодательные акты, регулировавшие во второй четверти XIX в. права старообрядцев в сфере образования. Определяются особенности реализации государственной политики в отношении старообрядческих школ и учителей в Пермской губернии.

Ключевые слова: история Урала, история Пермской губернии, старообрядчество, старообрядческие школы.

Основы вероисповедной политики государства в отношении образования старообрядцев были заложены во второй четверти XIX века. В соответствии с первым разделом устава 1832 г. «О предупреждении и пресечении преступлений против веры» старообрядцам запрещалось «совращать и склонять кого-либо в свой раскол». Под «совращением» понималась следующая деятельность старообрядцев: богослужение, хранение старопечатных книг, обучение детей в домашних школах и скитах [1, с. 13]. Наряду с ужесточением уголовного законодательства в отношении старообрядцев, создавались специальные законы, регулировавшие правовое положение староверов в сфере образования. Так, императорский указ от 14 мая 1832 г. «О недопущении раскольников на должности учителей и наставников юношества» запрещал старообрядцам заниматься

¹ Шишкина Елизавета Викторовна, младший научный сотрудник, Центр методологии и историографии, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: shishkinaelizabetha13@yandex.ru.

обучением детей [2, с. 342]. Правительством были закрыты старообрядческие школы в Риге [3, с. 100] и Москве [4, с. 142]. В 1836 г. Святейший Синод составил «Правила о первоначальном обучении под руководством духовенства поселянских детей, особенно раскольнических». Составленные для Олонецкой губернии новые положения впоследствии были распространены и на другие губернии, где проживали старообрядцы. В 1837 г. было учреждено порядка 150 школ в 6 епархиях, в 1839 г. их число достигло 2000 [5, с. 43–44]. Начальное обучение детей старообрядцев поручалось приходскому духовенству. Предписывалось, что учителя должны с особым вниманием и пониманием относиться к тому, что в домашней школе обучаются дети староверов, «не смущая детей раскольнических и не раздражая родителей их жестокими укоридами против раскола и внушая им уважение к православной церкви». Существенной уступкой правительства стало разрешение обучать старообрядческих детей по старопечатным книгам, изданным в единоверческих типографиях [6, с. 319–321]. Несмотря на кажущуюся веротерпимость декларируемых положений, данные школы были призваны искоренить в детях «зерно раскола» и направить их на путь присоединения к господствующей церкви. Впоследствии в постановлении Синода от 1845 г. отмечалось, что «школы для поселян» 1836 г. были слишком примитивны для детей старообрядцев, так как им «потребно обучение в большем развитии, хотя бы в приходских и уездных школах». По мнению современного исследователя В.В. Керова это также было обусловлено тем, что старообрядцы обучали детей скрытным образом, готовя их к промышленности, торговле, счетоводству [7; с. 204].

Следующей вехой в развитии законодательства стал императорский указ от 28 ноября 1839 года «О воспрещении выдавать раскольникам свидетельство на право обучения детей». Новый закон предписывал учебному начальству на местах не выдавать старообрядцам дозвоительные акты на право домашнего обучения детей. Согласно указу «...основанием воспитания юношей должны быть истинные правила религии, то из сего самого проистекает, что раскольник, заблуждающийся в понятиях о вере, не может быть учителем» [8, с. 1556]. Учителя-старообрядцы были вынуждены либо скрывать свое вероисповедание, либо вести преподавательскую деятельность на нелегальных началах в тайных старообрядческих школах. Сохранялась тенденция ужесточения уголовного законодательства в отношении старообрядцев. «Уложение о наказаниях

уголовных и исправительных» 1845 г. устанавливало суровые наказания за распространение раскола: лишение гражданских прав, ссылка на поселение [9, с. 964]. Образовательная деятельность старообрядцев стала рассматриваться государством как религиозное преступление, и подлежала преследованию. Наряду с ограничительными и запретительными мерами правительство пошло на уступки старообрядцам, дозволив им в 1847 г. обучаться в приходских и уездных училищах без предъявления метрических свидетельств [10, с. 390–391]. Таким образом, государственная политика в отношении образовательной деятельности старообрядцев в период правления императора Николая I носила преимущественно дискриминационный характер, что объясняется общим консервативным курсом правительства. Обучение детей в старообрядческой среде рассматривалось правительственными и церковными властями как способ распространения раскола, опасного для государства и общества.

Пермская губерния в XIX в. являлась одним из крупнейших регионов старообрядчества в Российской империи. Согласно официальным данным в 1826 в регионе насчитывалось 112354 старообрядцев обоего пола [6, с. 164–167]. Для изучения состояния пермского раскола в губернию был командирован чиновник особых поручений С.Д. Нечаев. После посещения Шарташских женских скитов Нечаев отмечал в своем дневнике, что среди беглопоповцев много грамотных, взрослые стремятся обучить детей грамоте. Образовательная деятельность старообрядцев, по мнению чиновника, являлась одной из причин распространения раскола в Пермской губернии [11, с. 743]. В 1828 г. для обращения старообрядцев в православие была учреждена Пермская духовная миссия [12, с. 55]. Важной мерой государственной вероисповедной политики в царствование Николая I стало учреждение в губерниях секретных совещательных комитетов. В Пермской губернии было создано два комитета: в Перми в 1838 г. и в Екатеринбурге в 1845 г. В задачи комитетов входила координация деятельности административных и судебных учреждений различных ведомств, занимающихся делами о расколе. Распоряжение Министерства внутренних дел от 9 марта 1840 г. предписывало все следственные дела по расколу до их передачи в суд рассматривать в секретных комитетах [6, с. 427]. Такой подход сделал возможным начало внесудебных преследований старообрядцев.

На территории Пермской губернии центры обучения старообрядцев создавались прежде всего в скитах, вблизи крупных заводов.

Обучение детей тайно велось в Шарташе, Ревдинском, Верхневинском, Верхнетагильском, Каслинском заводах, Чердынском и Соликамском уездах. В 1840-ые гг. заводские исправники по поручению губернатора проводили следственные действия в отношении старообрядческих учителей. Преследованиям подверглись инокиня Елизавета из скита Верх-Нейвинского завода [13, л. 1–3], шарташские скитницы Александра и Минодора. Настоятельницы всячески скрывали факт обучения грамоте, убеждая местных миссионеров и исправников в том, что дети временно гостили в скитах. Со скитниц бралась подписка о том, что впредь они не будут заниматься обучением детей, за ними устанавливался полицейский надзор [14, л. 1–1 об.]. Позднее многочисленные шарташские скиты подверглись разорению, что нанесло серьезный удар по традициям скитского обучения на горнозаводском Урале [14, л. 8].

Государственному преследованию подлежали домашние школы старообрядцев. В Нейво-Рудянском заводе дети часовенных обучались в тайной домашней школе под руководством Пелагеи Никитиной Лотошниковой. В процессе расследования выяснилось, что одна из учениц этой школы была дочерью приказчика Нейво-Рудянского завода Ивана Молодцова. Также обнаружилось, что наряду со старообрядцами в школе обучался мальчик православного вероисповедания. Лотошникова была подвергнута увещеваниям, ей запрещалось заниматься обучением детей [15, л. 2]. Екатеринбургский секретный совещательный комитет предписал в 1845 г. исправнику Невьянских заводов запретить обучение детей старообрядцев в доме крестьянина Игнатия Адуева [16, л. 93], крестьян Медведевых [16, л. 103]. Под запретом оказались домашние училища старообрядцев Александра Полежаева, Григория Коскина [16, л. 130]. Силловые меры властей не имели большого эффекта. Тайное домашнее обучение было распространено в губернии, численность старообрядцев и уклоняющихся в раскол неуклонно росла.

Силловые меры губернских властей, секретных комитетов не имели большого эффекта. Тайное домашнее обучение было распространено по всей Пермской губернии, численность старообрядцев и уклоняющихся в раскол неуклонно росла. Для ослабления старообрядческого раскола секретные комитеты предпринимали просветительские меры. Екатеринбургский секретный комитет 22 марта 1845 г. рассматривал вопрос об учреждении школы в Шарташском селении для обучения детей непреходящих работников Закону Божию. По мнению екатеринбургского епископа Мелхиседека учре-

ждение школы должно было способствовать ослаблению раскола в с. Шарташ [16, л. 20].

Таким образом, во второй четверти XIX в. под влиянием консервативных охранительных тенденций складываются основы вероисповедной политики государства в отношении образовательной деятельности старообрядцев. Утверждаются законодательные запреты на обучение религии в рамках старообрядческого вероучения, на занятие должности учителя адептами древлеправославия, просуществовавшие вплоть до введения свободы вероисповедания в 1905 году. Особенности реализации правительственного курса в Пермской губернии стали преследования старообрядческих учителей, закрытие нелегальных домашних школ, разорение центров обучения в скитах. Патриархальный уклад жизни старообрядцев, их стремление к укреплению конфессиональной идентичности способствовали сохранению традиций домашнего обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *О предупреждении и пресечении преступлений против веры [Текст] // Свод законов Российской империи. Т. 14 : Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857. — Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений.*
2. *О запрещении раскольникам быть наставниками и учителями юношества в Войске Донском [Текст] // Собрание постановлений по части раскола. — СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1875. — 776 с.*
3. **Пругавин, А.С.** *Старообрядчество во второй половине XIX века : Очерки из новейшей истории раскола [Текст] / А.С. Пругавин. — М. : Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904.*
4. *О закрытии училищ, находящихся при раскольнических в Москве кладбищах [Текст] // Собрание постановлений по части раскола. — СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1875. — 776 с.*
5. **Римский, С.В.** *Российская церковь в эпоху великих реформ [Текст] : (церковные реформы в России 1860–1870-х гг.) / С.В. Римский. — М. : Крутицкое Патриаршее подворье : О-во любителей церковной истории, 1999. — 567с.*
6. **Варадинов, Н.В.** *История министерства внутренних дел : в 8 т. 8-я дополнительная книга: История распоряжений по расколу [Текст] / Н.В. Варадинов. — СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1863.*

7. Керов, В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России [Текст] / В.В. Керов. — М.: Экон-Информ, 2004.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: Царствование императора Николая I: 1825–1855 [Текст]. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875.
9. Свод законов Российской империи. Т.15: Законы уголовные [Текст]. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857.
10. О разрешении принимать в училища Одесского учебного округа детей раскольников, не требуя от них метрических свидетельств [Текст] // Собрание постановлений по части раскола. — СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1875. — 776 с.
11. Нечаев, С.Д. Дневник [Текст] / С.Д. Нечаев // Братское слово: журн. посвящ. изучению раскола. — 1893. — Т.2. — С. 742–752.
12. Палладий (Пьянков, П.Е.). Обозрение Пермского раскола так называемого «старообрядства»: сост. а. П. [Текст] / [Архим. Палладий, ректор Каменец-Подол. духов. семинарии]. — СПб.: тип. Духовного журн. «Странник», 1863. — 277 с.
13. ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 30.
14. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 65. Оп. 4. Д. 178.
15. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 123.
16. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1572.

E.V. Shishkina

Confessional policy of the State and the educational activities of old believers of the Perm province in the second quarter of the XIX century

Shishkina Elizaveta Viktorovna, Junior Researcher, Center for Methodology and Historiography, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;

e-mail: shishkinaelizaveta13@yandex.ru.

Abstract. *The author describes the legislative acts regulating in the second quarter of the XIX century rights of the Old Believers in the field of education. Defines the features of the implementation of state policy in relation to the Old Believer schools and teachers in the province of Perm.*

Keywords: *history of the Urals, history of the Perm province, Old Believers, Old Believer schools.*

УДК 94(470.5)«18/19»

О.Н. ЯХНО¹

ЕКАТЕРИНБУРГ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ²

Аннотация. *Статья посвящена анализу изменений в организации городского пространства Екатеринбурга. Это был период значительных перемен в образе жизни горожан, связанных с усвоением ценностей буржуазного общества. В соответствии с их запросами перестраивалась культурно-бытовая инфраструктура города. Благоустраивалась его территория, начали целенаправленно формироваться площадки для проведения различных видов досуга. Одновременно развивалась сфера бытового обслуживания, сеть просветительских и развлекательных учреждений, что давало возможность жителям и гостям города проводить свободное время с «интересом» и «пользой».*

Ключевые слова: *городское пространство, культурно-бытовая инфраструктура, городской образ жизни, благоустройство.*

Екатеринбург на рубеже XIX–XX вв. являлся одним из быстрорастущих городов Российской империи. Бурное развитие и стремительное увеличение населения способствовало превращению Екатеринбурга в крупный административный, транспортный узел, торгово-промышленный и образовательный центр региона. Одновременно в составе горожан росла доля т. н. среднего класса, связанного с формирующимся капиталистическим укладом хозяйствования и разделявшего ценности буржуазного образа жизни. Это предъявляло новые требования к социальной инфраструктуре города и непосредственно отражалось на организации пространства и культурно-бытовой инфраструктура, которые обеспечивали городу выполнение всех его функций. Менялся облик города, строились новые здания промышленных и торговых заведений, банков, ресторанов. Кроме этого, шло строительство новых зданий гостиничного двора, железнодорожного вокзала, театра, 2-й женской гимназии.

¹ Яхно Ольга Николаевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: mrsyakhno@mail.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-660002.

зии, нескольких начальных училищ и пр. Идет строительство сооружений, учреждений, специальных территорий, предназначенных для удовлетворения запросов горожан, не связанных с производственной деятельностью. Помимо культовых зданий в городе активно появляются разнообразные светские учреждения для проведения свободного времени.

Вопросы благоустройства города в этот период были одними из самых актуальных и обсуждаемых горожанами, т.к. наблюдались и обустройство города, и его разрушение. Несмотря на финансовые трудности и промахи органов самоуправления, город продолжал развиваться. Немало усилий было положено на мощение и выпрямление улиц, сооружение новых мостов и других строительных работ. Некоторым жителям, однако, не нравилось, что при мощении не позаботились об отдельных дорожках для велосипедистов и призывали «уделить внимание группе городских плательщиков, едущих на стальных конях» [1]. Таким образом, увлечение горожан различными видами спорта способствовало возникновению ряда спортивных обществ, возведению отдельных спортивных объектов, проведению спортивных мероприятий. Общество велосипедистов и любителей физического развития прилагало усилия по развитию конькобежного и лыжного спорта. С конца XIX века комитет общества заливал каток с беговой дорожкой. Помимо катания на коньках на нем время от времени устраивались конькобежные соревнования, хоккейные матчи, иногда увеселительные мероприятия. В 1910 был построен специальный павильон на берегу городского пруда. Три обширные комнаты нижнего этажа предназначались катающимся. Имелись несколько комнат для сохранения верхней одежды, ящики для хранения коньков.

Все это способствовало расширению необходимой инфраструктуры не только в центре города, но в нее стали включаться пригородные районы (например, для велопрогулок, катания на лыжах и т.п.). отчасти к объектам занятий спортом можно отнести цирк, который в основном располагался на Дровяной площади в восточной части города. Там нередко проводились соревнования по борьбе, а с 1911 по 1912 год был устроен скейтинг ринг [2].

Аналогичную картину включения природных объектов в культурно-бытовую инфраструктуру города можно наблюдать и при использовании и обустройстве мест для прогулок, массовых гуляний, отдыха. Благоустройство города включало и порядок в сфере уличной рекламы, организации озеленения улиц и многое другое.

Круглые рекламные тумбы и доски объявлений регулярно бывали испорчены либо заклеены объявлениями горожан. Органы самоуправления пытались изменить ситуацию с помощью современной световой рекламы «на американский манер». Городская дума поручила управе проработать вопрос о трех рекламных пунктах на Главном и Покровском проспектах, но это реализовано не было.

Большое внимание уделялось вопросу озеленения центра города, обустройству садов, скверов и бульваров для гуляния. В этом смысле Екатеринбург ориентировался на столичные и центральные города. Желание озеленить города, особенно промышленные центры, были общей тенденцией. В основном же с 1890-х годов горожане гуляли в двух садах: Клубном и Харитоновском. Регулярно в местных газетах появлялись заметки, что, несмотря на электрическое освещение, хороший буфет и оркестр, тем не менее публике очень скучно. Все лето Харитоновский сад был открыт для гуляющей публики. Правда, частенько репертуар выступавших на сцене Харитоновского сада артистов подвергался резкой критике. Поэтому возник проект учреждения «Общества народных развлечений», которое и должно было взять на себя работу рационального устройства народных развлечений по широкой программе, включая спектакли, просветительные чтения, научные лекции, дешевый буфет и кинематограф со здоровым репертуаром» [3]. Конечно, состоятельные горожане предпочитали отдыхать на дачах и в садах своих усадеб и клубных садах. В Екатеринбурге при многих усадьбах имелись чудные сады, служащие прекрасным местом отдыха для хозяев и гостей. Лучшие сады находились вблизи Исети и других водоемов. Особенно славились сады Симановых, Нуровых, Казанцевых. Благодаря усилиям владельцев они превращались в прекрасные зеленые уголки города. Берега городского пруда и рек, протекающих непосредственно в городской черте, использовались горожанами для прогулок и пикников.

Горожане с удовольствием использовали пруд и некоторые городские реки не только для катаний на лодках. Некоторые состоятельные люди оборудовали по берегам в черте города общественные и частные купальни. За порядком на набережных городского пруда следили полицмейстер и приставы, поскольку «купальщики разоблачаются и лезут в воду, где попало, на виду у массы публики...» [4]. У Царского моста в 1903 г. мещанин Усачов (бывший городской) устроил купальни с отделениями для мужчин, женщин и детей» [5]. Таким образом, появляется еще одна возможность неплохо провести время, а для некоторых еще и заработать.

Горожане охотно отмечали рождественские и новогодние праздники. Если состоятельные горожане отдавали предпочтение домашним празднествам и торжествам в клубах, то менее зажиточная часть екатеринбуржцев в это время собиралась на льду городского пруда, где их ожидали ледяные горы, балаганы и карусели.

Общественные развлечения в основном были сосредоточены в клубах, театрах, концертных залах. Публика посещала выступления профессиональных артистов и любителей, а также различного рода благотворительные мероприятия. Распространению любительских объединений способствовало появление двух новых концертных и театральных помещений: концертного зала И.З. Маклецкого и Верх-Исетского Народного дома. Если сооружение концертного зала было заслугой частного лица, то честь создания Народного дома принадлежала Екатеринбургскому уездному Комитету попечительства о народной трезвости, созданному по решению министерства финансов и призванный бороться с пьянством. Устраиваемые спектакли «охотно посещались “народом”, серой массой и вообще недостаточной публикой» [6].

Пять кинотеатров города располагались в центре. Они представляли программы незатейливых документальных и игровых фильмов. Наследники Маклецкого также стали проводить киносеансы в своем зале.

Увеличивалось число увеселительных учреждений, ресторанов с номерами, оркестрами и т.п. Построенный напротив нового городского театра «Немецкий ресторан» предоставлял публике возможность поужинать после окончания спектакля. Помимо новинок в кухне содержатели кафе и ресторанов пытались привлечь клиентов за счет различных развлечений. Весьма популярным в ресторанах становится бильярд и кегельбан. Помимо немецкого ресторана объявления об этом давали рестораны «Европейский», «Русский трактир» [7] по Покровскому проспекту, «Венеция» и «Звезда» [8]. Частыми были выступления артистов. Ресторан «Прогресс» в декабре 1908 представлял публике «дивертисмент лучших артистов и интересной капеллы» [9]. Аналогичные возможности для музыкантов давали и другие заведения. «Ресторан «Венеция» Успенская ул. № 5. Ежедневно во время обедов с 2 до 4 дня и вечером с 7 до 2 ночи играет виртуоз на хроматической гармонии под аккомпанемент пианино» [10]. Выступления могли быть не только музыкальные. «Ресторан «Пале-Рояль» грандиозный дивертисмент литературной группы «Декаданс» под управлением И.Е. Пекаренкова» [11]. Открывшийся

9 окт. 1911 г. «роскошно обставленный концертный зал и ресторан Россия. Пушкинская ул. № 3» можно назвать неким аналогом ночного клуба. Ежедневно с 9 часов вечера гостям предлагались программы, «боевые номера в которых специально шли после окончания театра. И даже во время обедов играл дамский оркестр [10].

Изменения, касавшиеся профессиональной занятости населения, образования, ритма жизни, приводили к изменениям во всех сферах жизни людей в городе. Само его пространство также менялось с течением времени. Начинали формироваться специализированные территории и площадки для различных видов досуга и отдыха. Реки и пруды на территории Екатеринбурга также играли в этом значительную роль. Постепенно не только центр, но и окраины города были включены в сферу культурного использования. Так Екатеринбург начал постепенно превращаться в современный городской центр с его широкими потенциальными возможностями комфортного проживания, интересного и полезного проведения свободного времени, личного развития горожан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уральская жизнь [Текст] : газ. полит., обществ., лит. и экон. / ред. А.В. Комаров. — 1912. — 5 июня.
2. Уральский край [Текст] : полит., обществ. и лит. газ. / ред. Ф.Н. Лебедев. — 1909. — 15 дек.
3. Зауральский край [Текст] : полит., обществ., лит. и экон. газ. — 1915. — 30 марта.
4. Рудокон [Текст] : техно-пром., обществ., полит. и лит. газ. / Изд.-ред. П.П. Баснин. — 1898. — 21 июня.
5. Урал [Текст] : еженед. газ. — 1903. — 20 июня.
6. Уральская жизнь [Текст] : газ. полит., обществ., лит. и экон. / ред. А.В. Комаров. — 1900. — 8 окт.
7. Уральский край [Текст] : полит., обществ. и лит. газ. / ред. Ф.Н. Лебедев. — 1908. — 1–2 июля.
8. Зауральский край [Текст] : полит., обществ., лит. и экон. газ. — 1914. — 5–29 янв.
9. Уральский край [Текст] : полит., обществ. и лит. газ. / ред. Ф.Н. Лебедев. — 1908. — 14 дек.
10. Уральский край [Текст] : полит., обществ. и лит. газ. / ред. Ф.Н. Лебедев. — 1911. — 9 окт.
11. Уральский край [Текст] : полит., обществ. и лит. газ. / ред. Ф.Н. Лебедев. — 1908. — 24 дек.

Olga N. Yakhno

Ekaterinburg at the turn of the XIX–XX centuries: the organization of Urban space and cultural Infrastructure

Olga N. Yakhno, Candidate of Sciences in History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: mrsyakhno@mail.ru.

Abstract. *The article is devoted to the analysis of changes in the organization of urban space in Ekaterinburg. This was a period of significant changes in the lifestyle of citizens associated with the assimilation of the values of bourgeois society. In accordance with their requests, the cultural and social infrastructure of the city was rebuilt. Its territory was being improved, platforms for conducting various types of leisure activities began to be purposefully formed. At the same time, the sphere of consumer services, a network of educational and entertainment institutions was developed. It made possible for residents and visitors to spend their free time with “interest” and “benefit”.*

Keywords: *urban space, cultural infrastructure, urban lifestyle, beautification.*

Секция 2. История Урала в XX–XXI веках

УДК 94(47)

М.В. БЕКЛЕНИЩЕВА¹

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ В СВЕРДЛОВСКЕ (1955–1965 годы)

Аннотация. *В 1955–1965 гг. Свердловская область, несмотря на промышленную специализацию и развитие оборонных отраслей производства, включается в систему международных отношений СССР и устанавливает контакты с зарубежными партнерами. За эти годы регион посетили 40 иностранных творческих делегаций — артисты оперы и оперетты, циркового жанра, писатели, режиссеры, певцы, музыканты и др.*

Ключевые слова: *иностранцы, деятели культуры, культурная дипломатия.*

Для внешнеполитического курса СССР в 1955–1965 гг. характерна ориентация на улучшение взаимоотношений с капиталистическими державами, укрепление дружбы и сотрудничества с государствами социалистического лагеря и развивающимися странами [1, с. 6]. Период характеризуется внедрением наряду с традиционными дипломатическими методами инструментов «мягкой силы», активизацией контактов с иностранными партнерами на союзном уровне и включенностью регионов, в частности Свердловской области, в систему международных отношений СССР.

Именно в это время в регионе побывали представители всех континентов (из Англии, Бельгии, Венесуэлы, Греции, Дании, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции, США, Чили, Японии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Чехословакии, Афганистана, Бирмы, Вьетнама, Гонконга, Индии,

¹ Бекленищева Мария Владимировна, аспирант ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: bektmv88@yandex.ru.

Индонезии, Ирана, Китая, КНДР, Кубы, Монголии, Польши, Югославии, Австралии, Новой Зеландии, Ливана, Эфиопии). Это были правительственные и парламентские, партийные и общественные, профсоюзные и производственные иностранные делегации, зарубежные журналисты и спортсмены, ученые и, конечно же, деятели культуры.

Для иностранных деятелей культуры предусматривалось формирование и поддержание благоприятного образа Советского Союза через презентацию его достижений. Одной из таких «презентационных площадок» была Свердловская область.

В ходе знакомства со Свердловском иностранные деятели культуры посещали промышленные предприятия — Уралмаш, Свердловский завод железобетонных конструкций, Уралэлектроаппарат; образовательные учреждения — Уральский политехнический институт, детский сад, Дворец пионеров; жилые дома и объекты городской инфраструктуры — общежития, квартиры рабочих, стадион «Авангард»; учреждения культуры — геологический музей, музей имени Я.М. Свердлова, библиотеки, киностудию, театры, цирк, границу Европы и Азии, проводились встречи с руководством города и общественностью.

В ходе исследования выявлено, что за 10 лет регион посетили 40 творческих делегаций. Это были артисты циркового жанра, писатели, режиссеры, актеры, певцы, музыканты и другие творческие коллективы: из Болгарии (3), Венгрии (4), Дании (1), Италии (2), Китая (4), Северной Кореи (8), Ливана (1), Монголии (1), Польши (3), Румынии (7), Финляндии (1), Чехословакии (3), Японии (1). Таким образом, 31% творческих делегаций, побывавших в Свердловске в период с 1955 по 1965 г., были из капиталистических стран. Подавляющее большинство творческих делегаций составляли музыканты и музыкальные коллективы, в том числе порядка 10 оперных исполнителей. В рассматриваемый период в Свердловске побывали четыре писателя, два художника, режиссер, сценарист, две делегации режиссеров и киноактеров в рамках фестивалей кино.

В разрезе по годам видно, что благодаря VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве в 1957 году [2], Свердловск посетило 30% от всех делегаций деятелей культуры, побывавших в городе за 10 лет. Еще 30% приходится на 1956 и 1961 годы.

Резкое увеличение в 1956 г. количества иностранных делегаций, посетивших Свердловскую область, характерно не только для сферы культуры. Именно в этом году город посетили президент Индонезии Сукарно, президент КНДР Ким Ир Сен; парламентские делегации

Вьетнама, Греции, Норвегии, Чехословакии; правительственные делегации КНДР, КНР, Франции, Австрии; делегации по линии побратимских связей, производственные делегации; молодежная делегация Норвегии, делегации журналистов из Голландии и Норвегии. Причем группа голландских журналистов, побывавшая в Свердловске в 1956 г., присутствовала на выступлении артистов чехословацкого цирка [3]. Соответственно, гастролы иностранцев посещали не только жители, но и гости уральской столицы. Другой пример — это китайские студенты, обучавшиеся в Свердловских вузах, которые побывали на всех спектаклях Шаосиньской оперы Китая в 1955 году [4].

В целом можно говорить о небольшом, но стабильном потоке зарубежных творческих делегаций. Основными площадками выступлений являлись филармония, оперный театр, музкомедия, цирк, кинотеатры, библиотеки.

Помимо краткосрочных ознакомительных или гастрольных поездок, практиковались и продолжительные командировки иностранных деятелей культуры в Свердловск. Режиссер Будапештского театра оперетты Миклош Сенетар работал в Свердловском театре музыкальной комедии над постановкой венгерской оперетты «Где-то на юге» [5].

Стоит отметить, что иностранное культурное присутствие не ограничивалось только приемом иностранных культурных делегаций в Свердловской области. Выставки и недели кино проводились и без участия авторов, но были приурочены к визитам высших должностных лиц иностранных государств (Д. Неру [6], Ф. Кастро [7], И. Тито [8]), визитам делегаций из городов-побратимов.

Подводя итоги, можно констатировать, что в рассматриваемый период специализация регионального хозяйственного комплекса в СССР не являлась основанием для отказа от участия в международном культурном сотрудничестве, а скорее наоборот — была одним из факторов включения в процессы международного взаимодействия. Учитывая стабильный поток в регион иностранных культурных делегаций в рассматриваемое десятилетие, можно сделать вывод, что включение Свердловской области в программу пребывания в Советском Союзе было эффективно с точки зрения развития международного гуманитарного сотрудничества и, конечно, способствовало повышению узнаваемости Среднего Урала за рубежом. Развитие международного культурного сотрудничества на территории Свердловской области способствовало расширению кругозора жителей региона, в ряде случаев — разрушению стереотипов как относительно населения Среднего Урала, так и относительно иностранных гостей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Есешкин, М.М.** Основные направления государственной деятельности Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.) [Текст] : ист. исслед. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Есешкин Михаил Михайлович; [Место защиты: Рос. гос. соц. ин-т]. — М., 2007. — С. 6.
2. *Уральский рабочий*. — 1957. — 17 августа.
3. *Уральский рабочий*. — 1956. — 24 июля.
4. *Уральский рабочий*. — 1955. — 6 сентября.
5. *Уральский рабочий*. — 1957. — 26 марта.
6. *Уральский рабочий*. — 1955. — 18 июня.
7. *Уральский рабочий*. — 1963. — 8 февраля.
8. *Уральский рабочий*. — 1965. — 20 июня.

M.V. Beklenishcheva

Foreign Artists in Sverdlovsk, 1955–1965

Beklenishcheva Mariia, graduate student, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin;
e-mail: bekmv88@yandex.ru.

Abstract. In 1955–1965, the Sverdlovsk region, despite its industrial specialization and the development of defense industries, was included in the system of international relations of the USSR and established contacts with foreign partners. Over the years, the region has been visited by 40 foreign creative delegations — opera and operetta artists, circus artists, writers, directors, singers, musicians and others.

Keywords: foreign artists, cultural diplomacy.

УДК 94(470.54)

А.О. ГОРБАЧЕВ¹

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В 1960–1970-е ГОДЫ (на примере Свердловской области)

Аннотация. В данной статье на основе архивных документов показана политика региональных органов власти в области сельского хозяйства. Рассмотрены заседания Исполкома Свердловского област-

¹ Горбачев Антон Олегович, студент, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: gorbachyov.anton@mail.ru.

ного Совета депутатов трудящихся, касавшиеся развития сельскохозяйственной отрасли региона. Выделены проблемы, с которыми сталкивались на региональном и местном уровне органы государственной власти в ходе реализации экономической реформы 1965 г. и дальнейших преобразований в сельском хозяйстве Свердловской области.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственное производство, Свердловская область, животноводство.

Знаменательным для сельского хозяйства страны стал мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г., на котором было заявлено о переходе к твердым долговременным планам заготовок сельскохозяйственных продуктов, повышении заготовительных цен, изменении принципов налогообложения колхозов и совхозов (налоги стали начислять не с валового, а с чистого дохода). Деятельность предприятий предложено было оценивать из уровня их рентабельности. Был провозглашен курс на интенсификацию и специализацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и освоение новых земель. Изменилось и отношение к личным приусадебным хозяйствам: ограничения их деятельности, введенные в конце 1950-х гг., были признаны ошибочными, а местным властям предписывалось оказывать помощь населению в обзаведении скотом, обеспечении кормами, обработке земли [7, с. 51].

В соответствии с этими решениями уже 26 марта 1965 г. на заседании постоянной комиссии по сельскому хозяйству Исполнительным комитетом Свердловского областного совета депутатов трудящихся были приняты решения, которые предусматривали:

1. Просить Исполком областного Совета депутатов трудящихся поручить Областному управлению сельского хозяйства и Областному объединению «Сельхозтехника» разработать конкретный план механизации трудоемких процессов в животноводстве в колхозах и совхозах области [1, л. 158].

2. Просить бюро Областного Комитета партии рассмотреть вопрос о сельском строительстве [1, л. 159].

В связи со специфическими природно-климатическими условиями, а также с различным уровнем урбанизации в регионе, выделились районы, которые в сельскохозяйственном отношении можно определить производящими и потребляющими. К производящим относились южные территории Урала (Челябинская, Курганская, Оренбургская области, Башкирия), которые специализировались на производстве товарного зерна и не только обеспечивали себя сельскохозяйственной

продукцией, но и вывозили ее за свои пределы. К потребляющим относилась Нечерноземная зона Урала (Свердловская, Пермская области, Удмуртская АССР), в которой основным направлением сельскохозяйственного производства стало мясомолочное животноводство, а также выращивание картофеля и овощей [7, с. 58].

Подтверждает данную ситуацию и постановление Бюро Свердловского Обкома КПСС и Исполкома Областного Совета депутатов трудящихся № 234 от 25 марта 1966 г. «Об итогах работы совхозов и колхозов за 1965 г. и задачах по улучшению выращивания, заготовок, переработки и хранения картофеля и овощей». В преамбуле данного решения сообщалось, что в 1965 г. совхозы и колхозы добились определенных успехов в возделывании картофеля благодаря закреплению посевов за механизированными звеньями, выданной технике и особой системе оплаты труда, которая зависела от размера урожая. В результате принятых мер урожайность картофеля выросла на 20 ц и составила 83 ц картофеля с гектара. Отмечалось, что было построено порядка 95,6 тыс. кв. метров теплиц и овощехранилищ емкостью 32,5 тыс. тонн. Несмотря на это, потребности области в овощах не были удовлетворены, а урожайность картофеля оставалась крайне низкой [2, л. 306–308].

Облисполком постановил, обеспечить переход на более современную технологию возделывания картофеля, внедрять комплексную механизацию, сокращать долю ручного труда при возделывании картофеля, улучшить работу по семеноводству [2, л. 309–310].

На протяжении всей восьмой пятилетки в Свердловской области делался упор именно на механизацию производства в животноводстве. Постоянная комиссия сельского хозяйства Областного совета депутатов трудящихся 23 ноября 1967 г. решила обратить внимание руководства совхозов и колхозов на то, что к 1969 г. возможно достичь 100% механизации в животноводстве, улучшить техническое обслуживание на фермах путем разработки и внедрения технологических карт по техническому обслуживанию ферм [3, л. 94–95].

С целью улучшения руководства сельским хозяйством на местах Облисполком решил образовать управления сельского хозяйства в исполкомах районных и городских Советов депутатов трудящихся (23 февраля 1970 г.), районные производственные управления упразднили [4, л. 138].

Огромной проблемой уже по окончании восьмой пятилетки стал спрос, который был удовлетворен не полностью, на мясо и мясopодукты. Серьезный кризис испытывало животноводство обла-

сти. Бюро Свердловского Обкома КПСС и Облисполком принимают постановление «О мерах по увеличению производства и закупок свинины и мяса птицы в 1970 г.» (3 марта 1970 г.). В нем отмечалось, что по поголовью свиней до сих пор не достигнут уровень 1962 года. Необоснованно были ликвидированы в некоторых совхозах и колхозах свиноводческие фермы, сократилось производство мяса птицы, неудовлетворительно использовался такой существенный источник пополнения мясных ресурсов, как личный скот и птица колхозников. В самом же постановлении предполагалось использовать все резервы для улучшения снабжения населения мясом, построить новые свиноводческие, птицеводческие, кролиководческие фермы [4, л. 321–323].

По своим результатам вторая половина 1960-х годов (восьмая пятилетка) оказалась наиболее удачной в развитии сельского хозяйства. По всем отраслям наблюдался значительный рост производства, сборы зерна выросли за пятилетие на 48,5 %, урожайность в среднем по региону поднялась с 8,5 до 13,3 центнера с гектара. Вокруг крупных промышленных центров Урала развивались хозяйства, специализировавшиеся на выращивании картофеля, овощей, продукции животноводства, их производство выросло в 1,5–2 раза.

Животноводство стало ведущей отраслью сельского хозяйства на Среднем Урале, усилилась его специализация. В 1960-е годы в Свердловской области было создано 96 мясомолочных, 67 молочно-мясных, 10 свиноводческих и 4 птицеводческих хозяйства. Выросло поголовье крупного рогатого скота. Однако их прирост не смог до конца компенсировать те потери, которые понесло животноводство в начале 1960-х годов. Негативные последствия имело поспешное создание крупных специализированных ферм и ликвидация мелких, особенно в таких отраслях, как свиноводство и овцеводство.

Более успешно развивалось птицеводство, в колхозах и совхозах создавались специализированные птицефабрики и крупные птицефермы, в результате поголовье птицы выросло более чем в два раза [7, с. 51].

В девятой пятилетке советское руководство обратило внимание на развитие Нечерноземной зоны, работу по мелиорации земель, продолжению внедрения технических новшеств в сельскохозяйственное производство. Логическим продолжением данной политики на местах стало постановление Бюро Свердловского обкома КПСС и Облисполкома от 28 января 1975 г. «О развитии сельскохозяйственной отрасли в соответствии с постановлением ЦК КПСС, Советов Министров СССР и РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию

сельскохозяйственной Нечерноземной зоны РСФСР». В нем предполагалось повысить специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства, перевести его на индустриальную основу, создать межхозяйственные объединения, увеличить производство зерна на основе повышения урожайности и расширения посевных площадей зерновых культур. Планировалось развивать молочное животноводство как главную отрасль сельского хозяйства области, с переводом его на промышленную основу путем реконструкции существующих ферм, строительства крупных животноводческих комплексов с полной механизацией и автоматизацией производственных процессов. Мелиорация земельных угодий считалась основным звеном долговременной программы ускоренного развития сельскохозяйственного производства области [5, л. 51–54].

Ключевым для дальнейшего развития сельского хозяйства страны и области стало выступление на июльском Пленуме 1978 г. Л.И. Брежнева с докладом «О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР». В связи с этим Свердловский облисполком принял решение «Об организации работы по выполнению постановлений июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР» и задач, поставленных в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума ВС СССР т. Л.И. Брежнева на этом Пленуме» (28 августа 1978 г.). Однако в этом решении ставились практически те же самые задачи, что и в 1975 году [6, л. 77–80].

К середине 1970-х гг. в экономике региона все сильнее стали ощущаться диспропорции в развитии сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей промышленности. За счет освоения новых земель площадь сельскохозяйственных угодий увеличилась за 1970-е гг. с 26 тыс. до 26,5 тыс. га, возможности их расширения были практически исчерпаны. Вместе с тем урожайность основных сельскохозяйственных культур (зерновых, картофеля и овощей) в девятой пятилетке оказалась ниже, чем в восьмой, и составила в среднем за год зерна — 13,8 ц с га, картофеля — 120 ц с га, а в десятой пятилетке: зерновых — 11,3 ц с га, картофеля — 99 ц с га [7, с. 59].

В ходе реализации реформы в сельском хозяйстве региона были успехи и неудачи. Если восьмая пятилетка для региона, как и для всей страны, прошла с рекордными темпами роста, то уже на исходе восьмой пятилетки обнаружились проблемы, особенно в животноводческой отрасли, что привело к дефициту мяса и мясопродуктов. На протяжении 1970-х гг., несмотря на все усилия, снижаются и все основные показатели сельского хозяйства области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 568.
2. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 650.
3. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 838.
4. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 1232.
5. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 2030.
6. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 2683.
7. **Корнилов, Г.Е.** *Аграрная политика и аграрное развитие Урала в 1960–1980-е гг. [Текст] / Г.Е. Корнилов // Урал в преддверии перестройки : [сб. науч. ст. по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 3 ноября 2006 г.)]. — Екатеринбург : Уральский центр Б.Н. Ельцина, 2007. — С. 50–63.*

A.O. Gorbachev

Implementation of Reforms in Agriculture in 1960–1970s on the Sverdlovsk Region Example

Gorbachev Anton Olegovich, 4th year student, Ural state pedagogical University, Ekaterinburg; e-mail: gorbachyov.anton@mail.ru.

Abstract. *Based on archival documents, this article shows the policy of regional authorities in the field of agriculture. The meetings of the Executive Committee of the Sverdlovsk Regional Council of Workers' Deputies regarding the development of the agricultural sector of the region are considered. The problems that state authorities faced at the regional and local levels during the implementation of the economic reform of 1965 and further reforms in agriculture of the Sverdlovsk region are highlighted.*

Keywords: *agriculture, agricultural production, Sverdlovsk region, livestock.*

УДК 669.295:338.8

А.О. ЕЖОВ¹

ТИТАНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА УРАЛЕ В 1950–1980-е ГОДЫ

Аннотация. *Автор анализирует предпосылки, причины и особенности становления и развития титановой промышленности*

¹ *Ежов Аркадий Олегович, канд. ист. наук, руководитель музейно-выставочного центра, ПАО «Корпорация ВСМПО–АВИСМА», г. Верхняя Салда; e-mail: ezhov.ao@mail.ru.*

на Урале, базовом «титановом регионе» страны в 1950–1980-х гг., определяет периодизацию развития титанового производства. СССР, приступив к освоению титана почти на десятилетие позднее, чем развитые в индустриальном отношении страны, значительно опередил их, менее чем за пятнадцать лет создал новую мощную стратегическую отрасль — титановую промышленность.

Ключевые слова: титановое производство, становление и развитие титановой промышленности, периодизация, Урал, корпорация ВСМПО–АВИСМА.

Одной из наиболее важных и до сих пор недостаточно изученных страниц промышленного развития Урала 1950–1980-х гг. и сопутствующих ему процессов (демографических, социальных, культурных и др.) является история производства металлического титана и изделий из него. Титановая промышленность занимает особое место в ряду высокотехнологичных отраслей (атомная, электроника и другие), которые стали бурно развиваться в СССР с началом научно-технической революции (НТР).

Это было связано с уникальными свойствами титана (легкость, прочность, коррозионная устойчивость, немагнитность и т. п.), которые позволили за короткий срок найти ему широкое применение в авиа- и ракетостроении, химической промышленности, энергетике, медицине и т. д.

Ускоренные темпы освоения производства металлического титана в СССР объяснялись еще и тем, что в условиях «холодной войны» руководством страны прилагались гигантские усилия, чтобы не допустить отставания от капиталистических стран (в первую очередь США) в развитии передовых технологий. Это напрямую касалось титана. Несмотря на то что вопросы использования титаносодержащих руд поднимались в СССР еще в 1920–1930-е гг. [13, 14], первое Постановление СМ СССР «Об организации производства титана», посвященное изготовлению металлического титана в промышленных масштабах, вышло лишь в октябре 1950 г. [15]. Это было связано с началом промышленного производства титана в США (1948 г.) и успешным его применением в конструкциях американских самолетов в ходе корейской войны (1950–1953 гг.) [1, с. 13]. Согласно постановлению, первый металлический титан в опытно-промышленном масштабе должны были выпустить на Подольском химико-металлургическом заводе (ПХМЗ) в 4-м квартале 1951 года. Но по ряду причин (послевоенная разруха, недостаточное финансирование; довольно общее пред-

ставление о технологии производства, оборудовании и т. д.) выполнение постановления было фактически сорвано.

Реальным шагом в «титановом» направлении стал выход 9 марта 1954 г. Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по реализации производства титана». В нем ставилась задача разработки и внедрения в производство технологии изготовления листов из технического титана и его сплавов из слитков весом 100–500 кг для нужд реактивной техники [16]. Постановление знаменовало начало первого этапа развития советского титанового производства, который характеризовался проведением опытно-промышленных работ и переходом к крупносерийному производству с начала 1960-х годов.

В процессе исследований, к которым были привлечены ведущие институты «Гиредмет», ВИАМ, Институт металлургии им. А.А. Байкова, ЦНИИЧермет им. И.П. Бардина и другие, изучался широкий круг вопросов: от оптимизации процесса добычи и обогащения титаносодержащих руд до технологии получения металлического титана, сплавов различного назначения, слитков и полуфабрикатов из них. Были окончательно определены способы серийного производства титановой губки (чистого металлического титана) — магнийтермический и получения слитков (вакуумная дуговая плавка с расходуемым электродом). Изысканиями руководила комиссия Академии наук СССР по координации научно-исследовательских работ по проблемам титана [2, с. 167–168].

Особенностью формирования и существования титановой отрасли в СССР являлось то, что руководство ею осуществляли Минцветмет, которое ведало добычей, обогащением руды, получением губчатого титана, а также Минавиапром, отвечавшее за организацию и развитие производства изделий из титана и его сплавов. Титановое производство развивалось в рамках экономической стратегии государства, которая со второй половины 1950-х гг. ориентировала индустрию Урала на интенсивное использование созданного потенциала, переход от количественных факторов развития к качественным. Этот важный этап становления и определения структуры управления титановой отраслью СССР совпал с началом модернизационных процессов на Урале в эпоху НТР.

Следует отметить, что в основе мобилизационных решений советского правительства, направленных на индустриальное развитие государства была заложена идея ускоренного развития тыловых районов, в первую очередь Урала и Сибири. Утвержденный в 1948 г. проект постановления ЦК ВКП(б) и СМ СССР о генеральном хозяй-

ственном плане СССР на 1951–1970 гг. предполагал углубление территориальной интеграции внутри насыщенного промышленными предприятиями Уральского региона [3, с. 473]. Можно с полным основанием утверждать, что видение дальнейших шагов и перспектив развития Урала помогло в ускорении работ по созданию титановой отрасли.

В целях сокращения расходов и ускорения темпов создания титановой промышленности в качестве приоритетного был взят курс на перепрофилирование действующих предприятий, при этом учитывались следующие критерии:

- наличие налаженного магниевого и (или) металлообрабатывающего производства;
- наличие стабильной кадровой базы, основу которой составляют работники, имеющие опыт работы в авиационной промышленности и цветной металлургии;
- удаленность от границ.

На Урале таковыми были определены Березниковский магниевый завод (БМЗ, БТМЗ, БТМК, Молотовская область, в настоящее время — Пермский край) и заводы № 95 и № 519 (после объединения в 1957 г. — Верхнесалдинский металлообрабатывающий завод — ВСМОЗ, ВСМПО) Верхняя Салда, Свердловская область).

В соответствии с постановлением СМ СССР, принятом в июне 1956 г., заводу № 95 предстояло стать крупнейшим в стране по переработке практически всей титановой губки на изделия [17]. Первый титановый слиток массой 4 кг на заводе № 95 был выплавлен в феврале 1957 года. До этого в небольших объемах слитки плавил на ПХМЗ и Ступинском металлургическом заводе [4, с. 5]. Уже в 1958 г. завод № 95 догнал по объему производства слитков передовые заводы Великобритании и США [18]. В конце 1950-х гг. помимо авиастроения на сцену вышел новый мощный игрок — судостроение, с проектами более металлоемких конструкций — подводных лодок с титановым корпусом. Широкое использование морских титановых сплавов для кораблестроения явилось ярким проявлением НТР [5, с. 221].

В августе 1962 г. на БТМЗ в эксплуатацию вступил цех плавки титановых концентратов, в результате чего полностью замкнулась технологическая цепочка титанового передела первой очереди. С этого момента завод стал одним из основных поставщиков металлического титана для дальнейшей переработки на ВСМОЗ (ВСМПО). Тот, в свою очередь, благодаря совершенствованию технологии и оборудования, сокращению затрат в 3-м квартале 1960 г. впервые достиг рентабельности выпуска титана [19].

Важным фактором, способствующим быстрому развитию отрасли, стало расширение комплекса научных учреждений, занимающихся вопросами титана. Кроме того, сами предприятия вели исследования и являлись научно-производственными структурами.

В начале 1960-х гг. завершилась опытно-промышленная стадия производства металлического титана и полуфабрикатов и начался постепенный переход к крупносерийному выпуску продукции. Были определены направления дальнейшего развития, заложены основы производственной, кадровой, социально-культурной базы титановых предприятий Урала. Уже на первом этапе развития титановой отрасли по базовому показателю — производству слитков — только одно уральское предприятие опередило все титанопроизводящие фирмы США.

Характерными чертами второго этапа развития титанового производства на Урале, берущего отсчет с начала 1960-х гг., являлись концентрация всей переработки губчатого титана в изделия на ВСМПО; создание объективных предпосылок объединения ВСМПО и БТМК как звеньев единого производственного цикла; непрерывный, планомерный количественный и качественный рост производства металлического титана. При этом до 80% структуры его потребления занимали авиакосмос и судостроение.

К концу 1990 г. выпуск слитков на ВСМПО превысил проектную мощность более чем в два раза. Предприятие являлось крупнейшим в мире по этому показателю [4, с. 12]. Коренной реконструкции подверглись все основные производственные переделы: плавильный, кузнечно-штамповочный, листо- и сортопрокатный, трубопрофильный. Серьезные шаги в совершенствовании технологии производства на БТМК позволили ему войти в число мировых лидеров по производству титановой губки.

На данном этапе титановая отрасль развивалась в условиях социалистической административно-командной системы управления в рамках единого экономического пространства. Было налажено крупномасштабное производство титана и полуфабрикатов на уровне, соответствующем, а в ряде случаев превосходящем мировые стандарты.

В 1990 г. в СССР было произведено около 100 тыс. т титановой губки, что примерно в 1,9 раза больше аналогичного показателя стран «свободного мира» и в четыре раза выше показателя США [6, с. 60]. Из них порядка 40% приходилось на долю БТМК. Практически вся переработка губки на полуфабрикаты (листы, плиты, прутки трубы,

профили, штамповки и поковки) сконцентрировалась на ВСМПО, где выпускалось примерно в 1,5 раза больше аналогичной продукции, чем на всех титановых фирмах мира [7, с. 51].

Титановые сплавы нашли широкое применение в космических аппаратах, энергетике, атомной, химической промышленности, судостроении и т. д. Общая масса титановых деталей в самолетах, выпускавшихся в 1970–1980-х гг., была примерно в два раза больше, чем в технике 1960-х годов. Сопоставление массы летательных аппаратов различных поколений показывает, что доля титановых изделий росла от 2% от массы планера на Ту-154 до 9% на Ту-204 и 8,7% на Ту-334. В конструкции сверхзвукового Ту-144 использовалось 7780 кг титановых деталей — 19,4% его массы [8, с.132]. На самолетах Ил-76Т, Ил-86, Ил-96-300 достигнут наиболее высокий в мировой практике процент использования сплавов титана в конструкциях планера и систем для дозвуковых магистральных и тяжелых транспортных самолетов. Эти цифры соответственно составляют 12,9 и 9,5% [9, с. 52]. Тенденция к росту использования титановых изделий в самолето- и двигателестроении сохраняется в мире и в настоящее время. Например, Boeing 787 имеет массу титановых деталей, превышающую 20% полетного веса. В военном самолете F-22 она составляет более 4000 кг, или 42%. В современных авиационных газотурбинных двигателях доля титановых деталей приближается к 40%, при этом в компрессоре она может составлять почти 90% [10, с. 10; 11, с. 50].

Процесс становления и развития титанового производства в СССР и на Урале проходил в два этапа, осуществляемых в русле решения задачи развития материально-технической базы советской экономики:

- середина 1950-х гг. – начало 1960-х гг.
- начало 1960-х гг. – 1991 г.

Советский Союз, приступив к созданию титановой промышленности почти на десятилетие позднее, чем развитые в индустриальном отношении страны, использовал мобилизационный ресурс, преимущества социалистической плановой системы и за 15 лет создал мощную отрасль, основной потенциал которой был сосредоточен на Урале. Создание здесь титанового производства позволило в условиях «холодной войны» преодолеть отставание от развитых капиталистических стран и по ряду показателей опередить их.

В 1950–1980-е гг. ВСМПО и БТМК не только обеспечили важным материалом высокотехнологичные отрасли промышленности, но и оказали серьезное влияние на социально-культурные, демогра-

фические и другие процессы в таком значимом регионе, как Урал, выдвинув «титановый фактор» в качестве одного из главных, оказывающих существенное влияние на стратегическое развитие и обороноспособность государства.

В значительной степени такое положение сохраняется в настоящее время. Оба предприятия, объединенные в 2005 г. в Корпорацию ВСМПО–АВИСМА, производят более 90% титановой продукции в России и поставляют на мировой рынок порядка 30% титановых изделий глубокой переработки авиационного назначения [12, с. 16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Titanium: Past, Perfect, Future [Text]*. — Washington D.C.: National Academy Press, 1983. — 209 p.
2. *Научное совещание по металлургии, химии и электрохимии титана [Текст] // Известия АН СССР. Металлургия и топливо. — 1960. — № 2. — С. 167–168.*
3. **Симонов, М.А.** Развитие Уральского экономического района в проекте генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1970 гг. [Текст] / М.А. Симонов // *Исторические вызовы и экономическое развитие России : мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. — Екатеринбург: «Альфа-Принт», 2019. — С. 470–476.*
4. **Ежов, А.О.** Становление и развитие производства титановых слитков в ВСМПО [Текст] : новые страницы истории : 1957–1991 гг. / А.О. Ежов // *Титан. — 2017. — № 3 (57). — С. 4–14.*
5. **Горынин, И.В.** *Размышления с оптимизмом [Текст] : 75-летию Центрального научно-исследовательского института конструкционных материалов «Прометей» посвящается / Игорь Горынин. — СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2014. — 526 с.*
6. **Levine, R.M., Gambogi, J., Bond, A.R.** *Titanium Resources of the Commonwealth of Independent States [Text] / R.M. Levine, J. Gambogi, A.R. Bond // International Geology Review. — Vol. 37. — 1995. — P. 51–62.*
7. **Ежов, А.О.** *Титановая промышленность Урала в XX в.: особенности и перспективы развития [Текст] / А.О. Ежов // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVII–XXI вв. : мат-лы XII всерос. науч. конф. : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. — С. 47–56.*
8. **Братухин, А.Г., Колачев, Б.А., Садков, В.В. и др.** *Технология производства титановых самолетных конструкций / [А.Г. Братухин, Б.А. Колачев, В.В. Садков и др.]. — М. : Машиностроение, 1995. — 448 с.*

9. Братухин, А.Г., Новожилов, Г.В., Мишин, В.И. и др. Применение сплавов титана в конструкциях магистральных пассажирских и тяжелых транспортных самолетов [Текст] / А.Г. Братухин, Г.В. Новожилов, В.И. Мишин и др. // Титан. — 1996. — № 1(9). — С. 52–59.

10. Wood, J.R. Recent Titanium Development in the USA [Text] / J.R. Wood // Titanium 2003: Science and Technology: Proc. 10th World Conf. on Titanium, 13–18 July 2003, Hamburg, Germany. — Wiley-VCH Verlag GmbH & Co. KGaA, 2003. — V. 1. — P. 1–13.

11. Мاستушкин, М.Ю., Кусакина, Ю.Н., Федорова, Л.В. Развитие титановой отрасли в России как один из технологических факторов обеспечения национальной безопасности [Текст] / М.Ю. Мاستушкин, Ю.Н. Кусакина, Л.В. Федорова // Титан. — 2018. — № 3 (61). — С. 48–57.

12. Годовой отчет по результатам работы за 2018 год [Текст] / ПАО «Корпорация ВСМПО–АВИСМА»; ген. дир. М.В. Воеводин. — Верхняя Салда, 2019. — С. 1–89.

13. РГАЭ. Ф. 4086. Оп.2. Д. 2855.

14. РГАЭ. Ф. 8018. Оп. 1. Д.74.

15. ГА РФ. Ф. Р-5446сч. Оп. 106с. Д. 515.

16. ГА РФ. Ф. Р-5446сч. Оп. 106с. Д. 937.

17. ГА РФ. Ф. Р-5446сч. Оп. 106с. Д. 1071. Л. 271–309.

18. ЦДООСО. Ф. 2400. Оп. 4. Д. 204. Л. 54.

19. ЦДООСО. Ф. 2400. Оп. 4. Д. 282. Л. 31.

A.O. Yezhov

Titanium Production in the Urals in 1950–1980s.

Yezhov Arkady Olegovich, Candidate of Sciences in History, Head of the Museum and Exhibition Center of PSC VSMPO–AVISMA Corporation. Verkhnyaya Salda, Russia; e-mail: ezhov.ao@mail.ru.

Abstract. *The author analyzes the prerequisites, causes and characteristics of the formation of the titanium industry in the Urals, the base «titanium region» of the country in 1950–1980s, determines the periodization of the development of titanium production. The USSR, having begun the development of titanium almost a decade later than the industrialized countries, was well ahead of them, and in less than fifteen years had created a powerful new strategic industry — the titanium industry.*

Keywords: *titanium production, formation and development of the titanium industry, periodization, the Urals, VSMPO–AVISMA Corporation.*

УДК 94.369

М.А. КЛИНОВА¹

ДИНАМИКА КОМПЕНСИРУЮЩИХ ВЫПЛАТ ГОРОЖАНАМ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Аннотация. *В статье предпринят анализ динамики компенсирующих выплат горожанам в период 1946–1948 гг. (стипендий, пенсий, пособий и пр.). Выявлено, что выплаты, полагающиеся количественно преобладающим социально незащищенным, низкооплачиваемым и малообеспеченным категориям горожан, были минимальными, в то время как пособия и пенсии членам семей управленцев, видных деятелей науки и культуры, а также работникам приоритетных для государства отраслей индустрии были существенно выше. В 1948 г. многие компенсирующие выплаты низкооплачиваемым и малообеспеченным категориям горожан были еще сокращены.*

Ключевые слова: *компенсирующие выплаты, стипендии, пенсии, пособия, вторая половина 1940-х гг.*

Важным аспектом в изучении проблематики благосостояния населения является рассмотрение объемов доходов граждан. В отечественной историографии анализ данной проблематики, как правило, сводится к исследованию объемов заработной платы различных групп городского социума [1, 2, 3], в то время как выплаты компенсирующего характера (надбавки к заработной плате, пособия, пенсии и пр.) не получили самостоятельного изучения в исторических разработках. В данной работе рассмотрены компенсирующие выплаты, получаемые представителями различных категорий городского социума, а также проанализирована динамика их объемов в первые послевоенные годы.

Компенсирующие выплаты были значительно дифференцированы как по объекту их назначения, так и по объему. В связи с увеличением пайковых цен осенью 1946 г. рабочим и служащим, получавшим менее 900 руб. в месяц, были увеличены оклады за счет введения ежемесячных пайковых надбавок от 80 до 110 руб. в зависимости от объема заработка. Гражданам, получающим зарплату объемом до 300 руб. надбавка составляла 110 руб. в месяц;

¹ Клинова Марина Александровна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург; e-mail: klinova.m@yandex.ru.

до 500 руб. — 100 руб.; до 700 руб. — 90 руб.; до 900 руб. — 80 руб. [7]. Объем пайковых надбавок не компенсировал удорожания жизни, произошедшего вследствие роста цен.

В послевоенный период сохраняется размер стипендий студентов, установленный Постановлением СНК СССР от 15 сентября 1943 г. № 996 «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию». Для успевающих студентов, обучающихся в важнейших промышленных и транспортных высших учебных заведениях (прилагаемый список которых включал в себя 87 вузов СССР), устанавливалась стипендия от 210 до 315 руб. (в зависимости от курса); студентам промышленных вузов, обучающихся по подземным, горячим и химическим специальностям — 315–400 руб.; студентам сельскохозяйственных, педагогических, медицинских и других высших учебных заведений — 140–210 руб. (при условии отличной учебы размер стипендии увеличивался на 25%). Для студентов промышленных и транспортных техникумов (13 по СССР) размер стипендии составлял 125–200 руб., для обучающихся на горячих, подземных и химических специальностях — 225–330 руб.; сельскохозяйственных, педагогических, медицинских и других техникумов — 80–140 руб. Размер стипендии для аспирантов важнейших промышленных, транспортных вузов страны и Академии наук СССР составлял 700 руб., для остальных вузов и НИИ — 600 руб. Осенью 1946 г. стипендия студентов вузов была увеличена на 80 руб., техникумов на 60 руб.

Размер пенсии по старости для большинства горожан составлял 25% от средней заработной платы, но для рабочих, ИТР и руководящих работников приоритетных отраслей индустрии (угольной, горной промышленности, черной и цветной металлургии) действовали льготы, повышающие объем пенсии по старости до 50% от заработной платы [8, л. 114–119; 9; 10, л. 161–164]. Пенсионный возраст для мужчин составлял 60 лет, для женщин — 55 лет (на предприятиях приоритетных отраслей индустрии пенсионный возраст составлял 50 лет, при наличии стажа в данных отраслях не менее 20 лет). Осенью 1946 г. пенсионерам начала выплачиваться пайковая надбавка — 60 руб. в месяц.

Достаточно низкими были пособия многодетным и одиноким матерям, объем которых был зафиксирован в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 г. «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» (табл. 1).

Таблица 1

Размеры пособий многодетным и одиноким матерям (руб.)¹

Категория населения	Единоновременно	Ежемесячно
Матери, имеющие трех детей, при рождении четвертого ребенка	65	4
Матери, имеющие четырех детей, при рождении пятого ребенка	85	6
Матери, имеющие пятерых детей, при рождении шестого ребенка	100	7
Матери, имеющие шестерых детей, при рождении седьмого ребенка	125	10
Матери, имеющие семерых детей, при рождении восьмого ребенка	125	10
Матери, имеющие восьмерых детей, при рождении девятого ребенка	175	12,5
Матери, имеющие девятерых детей, при рождении десятого ребенка	175	12,5
Матери, имеющие десятерых детей, при рождении каждого следующего ребенка	250	15

Компенсирующий характер носила выплата пособий по временной нетрудоспособности. Для членов профсоюза при непрерывном стаже на предприятии более 6 лет размер пособия составлял 100% заработка; от 3 до 6 лет — 80%; от 2 до 3 лет — 60%; до 2 лет — 50%. Работникам, не состоящим в профсоюзе, выплачивалось 50% заработка, вне зависимости от стажа. На предприятиях приоритетных для государства отраслей индустрии объемы выплат были выше: членам профсоюза при непрерывном стаже работы на предприятии не менее одного года — 100% заработка; до одного года — 60% заработка (если временная нетрудоспособность была вызвана профессиональным заболеванием, пострадавшему выплачивалось пособие в размере 100% заработка, вне зависимости от стажа). Гражданам, не состоящим в профсоюзе, пособие выплачивалось в размере половины заработка. Устанавливался предельный объем заработка, из которого исчислялись пенсии по инвалидности и по случаю

¹ Источник — Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 – июль 1956 гг. [4, с. 389–390]

потери кормильца — 600 руб., дополнительно вводилось исчисление пенсии из остальной части заработка до 1500 руб. [8, л. 129–134; 9; 10, л. 168–175].

Если компенсирующие выплаты социально незащищенным и малообеспеченным категориям граждан являлись достаточно низкими, то пенсии и пособия представителей более статусных социальных групп городского социума были большего размера. Размеры персональных пенсий, устанавливаемых членам семей умерших хозяйственных руководителей, военных, деятелей науки и искусства, варьировались в зависимости от занимаемой должности и личных заслуг покойного. В ознаменование 20-летия Государственного театра имени Е.Б. Вахтангова в 1946 г. была установлена пожизненная пенсия его жене Н.М. Вахтанговой и жене народного артиста Б.В. Шукина — Т.М. Шукиной-Шухминой в размере 1000 руб. [11, л. 300]. Еще выше были выплаты членам семей умерших министров и их заместителей. В сентябре 1948 г. жене и сыну С.Г. Лукина (заместителя министра легкой промышленности СССР, депутата Верховного Совета СССР) была назначена пенсия в 2000 руб. и 700 руб. соответственно, выплачено единовременное пособие в размере 50 000 руб. [10, л. 265]. Персональные пенсии республиканского и местного значения назначались уходящим с должностей представителям советского партийного и хозяйственного руководства. Так, персональная пожизненная пенсия, назначенная бывшему директору Ново-Тульского металлургического завода, составляла 1000 руб. в месяц [12].

Весной – летом 1948 г. правительство издало ряд постановлений, согласно которым были уменьшены объемы компенсирующих выплат. 28 июля 1948 г. было издано Постановление Совета Министров СССР № 2796 «О персональных пенсиях республиканского и местного значения», согласно которому пенсия республиканского значения не должна была превышать 600 руб., а местного значения — 300 руб. Советам Министров союзных республик предлагалось не только в дальнейшем руководствоваться данным требованием, но и пересмотреть ранее принятые решения об установлении персональных пенсий республиканского значения [13].

В августе 1948 г. Советом Министров СССР были приняты постановления, касающиеся начисления стипендий студентам вузов и техникумов. В первом семестре первого курса стипендия выплачивалась только студентам, окончившим школу с золотой или серебряной медалью (для вузов), имеющим отличные оценки по всем предметам за седьмой класс (для техникумов) [14, л. 63].

Был утвержден список вузов, где выплата стипендии успевающим первокурсникам была обязательной (регулируясь ранее принятым постановлением 1943 г.). В него вошли только горные, металлургические, химические и сельскохозяйственные факультеты и институты страны. Стипендия составляла от 210 до 400 руб. Выплаты стипендий первокурсникам техникумов сохранялись в горных, нефтяных, металлургических, химических и сельскохозяйственных (агронических, зооветеринарных, механизации и мелиорации) техникумах [10, л. 177–178]. Важно отметить, что для студентов факультетов и специальностей, выпускники которых поступали в распоряжение Первого главного управления при Совете Министров СССР, курировавшего атомный проект, в 1949 г. были установлены специальные стипендии, объем которых значительно превышал выплаты обучающихся на других направлениях, составляя от 450 до 600 руб. Для аспирантов, обучающихся по специальностям Первого главного управления (количество которых составляло 70 чел. в год), устанавливалась повышенная стипендия — 1300 руб. [5, с. 243]. В целом сокращение выплат студентам, предпринятое в конце 1940-х гг., не коснулось обучающихся на приоритетных для государства направлениях и специальностях.

В 1948 г. были сокращены выплаты пенсионерам-инвалидам 3-й группы. В случае если заработок и пенсия в сумме превышали размер заработка до перехода на инвалидность, пенсия снижалась на сумму, составляющую эту разницу [14, л. 85]. Размер пособий по временной нетрудоспособности был снижен за счет увеличения стажа, необходимого для данных выплат: более 8 лет — 100% заработка; от 5 до 8 лет — 80%; от 3 до 5 лет — 60%; до 3 лет — 50%. Постановлением Совета Министров СССР № 3008 от 9 августа 1948 г. устанавливалось, что пособие по временной нетрудоспособности (кроме пособий по беременности и родам) не может превышать 160 руб. [14, л. 92]. (Сокращение выплат не коснулось работников угольной, горной промышленности и строительства угольных шахт, черной и цветной металлургии, где сохранялся льготный порядок выплат данных пособий.)

В отношении пенсий по старости, надбавка, установленная в связи с повышением пайковых цен в 1946 г. (60 руб.), была сохранена. Но по вновь назначаемым пенсиям данная надбавка устанавливалась только неработающим пенсионерам, проживающим в городах и рабочих поселках, а также работающим пенсионерам при оставлении ими работы [15]. В результате сокращения выплат пенсионерам

сумма экономии бюджетных средств составила в 1948 г. по СССР — 149 млн руб., из них по РСФСР — 90 млн руб. [16, л. 112–114].

Реализация курса на сокращение различных выплат и льгот, предоставляемых трудящимся, коснулась и системы социального страхования. Были уменьшены льготы, предоставляемые работникам предприятий. В Постановлении Совета Министров СССР от 7 мая 1948 г. № 1482 «Об уточнении бюджета Государственного социального страхования на 1948 г.» устанавливалось требование, что «с 15 июня 1948 г. количество бесплатных путевок за счет соцстраха не должно превышать: в санатории и профилактории 20% и в домах отдыха — 10% всего количества путевок, выдаваемых профсоюзами» [16, л. 117]. В результате сокращения расходов на санаторно-курортное обслуживание рабочих и служащих предполагалось сэкономить за три квартала 1948 г. 105 млн руб. (за счет уменьшения дотаций Курортному управлению ВЦСПС на покрытие разницы между себестоимостью путевки и ее продажной стоимостью) и 9 млн руб. (выделенные на оплату проезда трудящихся в санатории) [16, л. 114]. Также в тексте данного постановления было обозначено сокращение расходов социального страхования в 1948 г. по следующим статьям: на выдачу пособий по беременности и родам — на 120 млн руб.; по уходу за новорожденными и на кормление ребенка — на 6 млн руб.; по единовременным пособиям родителям — на 20 млн руб.; по пособиям по временной нетрудоспособности — на 150 млн руб.; на дотации профсоюзам по внешкольному обслуживанию детей — на 10 млн руб.; восстановление клубов, физкультурных площадок и туристических баз — на 30 млн руб. [16, л. 113].

Сокращение различного рода выплат гражданам, реализуемое в 1948 г., проявилось и в снижении объемов командировочных расходов. В Постановлении Совета Министров СССР от 29 мая 1948 г. № 1829 «О наведении порядка и ликвидации излишеств в расходовании средств на командировки» утверждалось требование: «Сократить ассигнования на командировки в 1948 году по сметам учреждений, состоящих на союзном и республиканских бюджетах, на 8% и по сметам хозяйственных организаций и предприятий союзного, республиканского и местного подчинения — на 10%» [17].

Важно отметить, что предпринятое в 1948 г. снижение компенсирующих выплат не коснулось пенсий, назначаемых членам семей скончавшихся советских управленцев, выдающихся деятелей науки и культуры и пр.

Таким образом, анализ объемов компенсирующих выплат, назначаемых различным категориям городского социума, позво-

ляет говорить об их значительной дифференциации. Выплаты, полагающиеся количественно преобладающим социально незащищенным, низкооплачиваемым и малообеспеченным категориям горожан (студентам, пенсионерам, матерям-одиночкам и пр.), были минимальными, в то время как пособия и пенсии, полагающиеся членам семей управленцев, видных деятелей науки и культуры, а также работникам приоритетных для государства отраслей индустрии были существенно выше. Данный факт позволяет говорить о сохранении в послевоенные годы принципа «ставки на сильных» [6, с. 294], фиксируемого в качестве лейтмотива социальной политики еще в 1930-е годы. Вследствие объективных экономических сложностей, а также в связи с необходимостью сокращения денежной массы, находящейся на руках у населения, в 1948 г. государством были предприняты меры, направленные на сокращение объемов выплат горожанам. Масштабное снижение компенсирующих выплат затронуло в основном социально незащищенные и низкооплачиваемые группы городского социума. Были частично сокращены объемы пенсий и стипендий, выплаты инвалидам, уменьшены государственные расходы на санаторно-курортное обслуживание трудящихся и пр. Важно отметить, что данное сокращение компенсирующих выплат фактически не коснулось пенсий, назначаемых членам семей скончавшихся советских управленцев, выдающихся деятелей науки и культуры и пр., что еще раз свидетельствует о сохранении социальной дифференциации, являющейся важной составляющей социально-экономической политики «сталинского» периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Боровикова, З.В.** *Изменение структуры и уровня доходов и расходов населения Кузбасса во второй половине 1940-х – 1950-е годы [Текст] / З.В. Боровикова // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. — 2015. — № 1–3 (61). — С. 121–127.*
2. **Баканов, С.А., Попов, А.А.** *Как шахтеры стали «аристократами»: социальные эффекты развития угледобычи в СССР и Польше (1945–1970-е гг.) [Текст] / С.А. Баканов, А.А. Попов // Вестн. Томского гос. ун-та. История. — 2017. — № 47. — С. 87–96.*
3. **Туриянова, О.Н.** *Повседневная жизнь городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы : 1945–1953 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Туриянова Ольга Николаевна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. — Уфа, 2013. — 25 с.*

4. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР : 1938 – июль 1956 гг. [Текст] / Сост.: М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко. — М.: Госюриздат, 1956. — 500 с.
5. Атомный проект СССР [Текст] : Документы и материалы : в 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. — М.; Саров, 1998-2009.
Т. II. Атомная бомба : 1945–1954. — Книга 4. — Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003. — 816 с.
6. Роговин, В.З. Сталинский неонеп [Текст] / Вадим Роговин. — (М., 1994). — 382 с.
7. Правда. — 1946. — 16 сентября. — № 221.
8. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311.
9. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 314. Л. 312–314.
10. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 344.
11. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 289.
12. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 115.
13. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 341. Л. 15.
14. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342.
15. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 345. Л. 273.
16. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 333.
17. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 335. Л. 253.

М.А. Klinova

Dynamics of Compensatory Payments to Citizens in the first post-war Years

Klinova Marina Alexandrovna, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Ural state University of Economics, Ekaterinburg;

e-mail: klinowa.m@yandex.ru.

Abstract. *The article analyzes the dynamics of compensating payments of citizens in 1946–1948 (scholarships, pensions, allowances, etc.). It was revealed that the payments that are assigned to the numerically prevailing socially unprotected, low-paid and low-income categories of citizens were minimal, while benefits and pensions to family members of managers, prominent figures of science and culture, as well as employees of priority industries for the state, were significantly higher. In 1948, many compensatory payments to low-paid and low-income categories of citizens were still reduced.*

Keywords: *compensating payments, scholarships, pensions, allowances, the second half of the 1940s.*

УДК 378.6:629.423

А.А. КОНОВ¹

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ УРАЛА В 1956–1991 ГОДЫ

Аннотация. Автор исследует процесс формирования новых инженерных специальностей в связи с модернизацией железнодорожного транспорта на базе электрификации. В период модернизации появились новые железнодорожные специальности, связанные с электрификацией железных дорог. Модернизация транспорта привела к повышению образовательного уровня железнодорожников Урала.

Ключевые слова: железная дорога, железнодорожный институт, инженер, электрификация, модернизация.

Железнодорожный транспорт обладает самой большой и самой сложной по структуре материально-технической базой. Поэтому потребности железнодорожного транспорта в специалистах с высшим и средним техническим образованием особенно велики и для его развития весьма значимы. В период модернизации железнодорожного транспорта инженерно-технические кадры непосредственно участвуют в освоении новой техники и внедрении новых технологий перевозочного процесса.

В 1956 г. советское правительство приняло Генеральный план электрификации железных дорог, по которому намечалось к 1970 г. электрифицировать 40 тыс. км путей. Предусматривалось ускоренное внедрение автоматики и телемеханики, улучшение средств связи, введение в эксплуатацию вторых и новых путей, переход на электрическую и тепловозную тягу. Везде нужны были люди с глубокими знаниями, основательной теоретической подготовкой [1, с. 6, 8].

На протяжении многих лет железные дороги Урала испытывали дефицит инженерных кадров из-за их большой текучести. Отсутствие жилья на Урале, суровые природно-климатические условия района мешали увеличению состава инженерно-технических кадров. Необходимость притока инженерных кадров на железные дороги Урала диктовалась также задачами ускорен-

¹ Конов Алексей Александрович, канд. ист. наук, докторант ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург;
e-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

ной ликвидации негативных последствий войны — износа рельсов и парка локомотивов [2, с. 6].

Постановлением Совета Министров СССР от 23 июня 1956 г. был открыт Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (УЭМИИТ), который возглавил заместитель начальника Свердловской дороги, ректор И.В. Уткин. Первые специальности, открытые для приема студентов, были непосредственно связаны с модернизационными процессами на железных дорогах Урала: на специальность «электрификация железнодорожного транспорта» прием составил 75 человек, на специальность «подвижной состав и тяга поездов» — 75 человек и «автоматика, телемеханика и связь» — 75 [2, с. 222]. Выпускники института направлялись на Свердловскую и Южно-Уральскую железные дороги, в Ижевское и Кировское отделения Горьковской железной дороги.

Институту требовались педагогические кадры, базой для подготовки которых он пока не располагал. На первом этапе основной педагогический корпус института составили высококвалифицированные производственники с большим опытом инженерной и организаторской деятельности (Г.И. Вишневу, Ю.А. Кириченко, Б.Д. Никифоров, Н.В. Одинцова). Кроме того, в педагогический коллектив УЭМИИТ влились научные сотрудники Уральского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (ВНИИЖТ). На втором этапе было решено использовать внешние источники формирования педагогического коллектива, то есть приглашали на работу преподавателей из других вузов Свердловска, Москвы, Ленинграда. В комплектовании педагогических кадров существенную помощь оказали Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ), Московский институт инженеров транспорта. На третьем этапе основным источником пополнения преподавательского корпуса стали выпускники самого Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта. Лучших из них институт направлял в аспирантуру вузов Министерства путей сообщения [3, с. 14].

В 1959 г. был организован заочный факультет для подготовки инженерных кадров без отрыва от производства для Свердловской и Южно-Уральской железных дорог и транспортных предприятий Уральского региона. Для создания базы обучения студентов-заочников, повышения качества их подготовки были организованы учебно-консультационные пункты в Перми (1960 г.), Нижнем Тагиле (1963 г.), Тюмени (1964 г.). В 1961 г. для удовлетворения потребности Южно-

Уральской дороги в квалифицированных кадрах был создан Челябинский филиал вуза. В 1968 г. в филиале обучалось 1900 студентов (1650 — заочное и 250 — вечернее обучение). В подчинении филиала находились три учебно-консультационных пункта — в Златоусте, Кургане, Каргалахе [2, с. 14].

Контингент студентов-заочников быстро увеличивался, становясь важным источником пополнения инженерными кадрами транспорта Урала: если в 1959 г. количество студентов составляло 604 человека, то к концу 1962 г. количество обучающихся заочно возросло до 2002 человек. Занятия со студентами-заочниками в учебно-консультационных пунктах вели преподаватели УЭМИИТ, а также местные преподаватели из политехнических и педагогических институтов [4].

На первом этапе своего развития институт был вузом узкого профиля. Он имел всего две специальности — «электрификация железнодорожного транспорта» и «автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте». В 1958 г. на их базе были созданы электромеханический и электротехнический факультеты [2, с. 98–99].

В 1962 г. на базе электротехнического факультета была открыта специальность «строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство» и в этом же году проведен набор 50 человек. Приказом Министерства путей сообщения от 14 февраля 1966 г. в УЭМИИТ был открыт строительный факультет. Подготовка инженеров путей сообщения и инженеров-строителей проводилась по следующим направлениям: изыскание и проектирование железных дорог; устройство земляного полотна в сложных инженерно-геологических условиях; совершенствование системы путевого хозяйства; теория железобетонных конструкций и методы расчета строительных конструкций на динамические воздействия; создание нового класса строительных конструкций с антирезонансными свойствами [2, с. 135].

Электрификация увеличила и ускорила движение грузовых и пассажирских потоков на Урале. В 1964 г. в институте на базе электротехнического факультета был открыт прием на специальность «Эксплуатация железных дорог». 1 февраля 1968 г. организован специальный факультет управления процессами перевозок. Факультет начал выпускать инженеров путей сообщения по организации и управлению на железнодорожном транспорте. В сферу деятельности инженеров входили: организация движения грузовых и пассажирских поездов на сети железных дорог; планирование грузовых и пассажирских пере-

возок; разработка технологических процессов грузовых и пассажирских станций; разработка технических условий погрузки и крепления грузов; составление единых технологических процессов работы станций, подъездных путей промышленных предприятий [3, с. 214].

В 1968 г. на электромеханическом факультете был открыт прием студентов на специальность «вагоностроение и вагонное хозяйство». 1 сентября 1971 г. на базе специальности образован механический факультет. За 1968–1991 гг. факультет подготовил более двух тысяч специалистов в области ремонта, производства и технического обслуживания вагонов. Ежегодно студентами механического факультета становились 100 человек [3, с. 241]. В 1970-е гг. на базе специальности «вагоностроение и вагонное хозяйство» организована подготовка специалистов по ремонту и эксплуатации рефрижераторного подвижного состава и специалистов по устройству, ремонту и эксплуатации электрооборудования пассажирских вагонов. Для студентов стали преподаваться новые дисциплины «Материаловедение», «Взаимозаменяемость и технические измерения», «Основы теории надежности и долговечности подвижного состава», увеличена продолжительность специальной технологической практики с 8 до 12 недель с обучением студентов технологиям сварочного производства и обработки металлов резанием [5, 7].

Таким образом, в 1956–1991 гг. появились новые инженерные специальности: программисты, автоматика, телемеханика, управленцы, электромеханики электровазозов и тепловозов, инженеры-электрики. При этом наиболее высокой доля инженеров была в самых технически оснащенных службах, связанных с электрификацией железных дорог — эксплуатация железных дорог, электроподвижной состав, автоматика, телемеханика и связь, путевое хозяйство.

Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта оказался не в состоянии полностью обеспечить специалистами железнодорожный транспорт Урала. Потребность в инженерах исчислялась даже не сотнями, а тысячами, но молодые специалисты на железные дороги региона направлялись десятками, причем год от года число их даже снижалось (много выпускников направлялось на дороги-новостройки, да и просто на другие дороги сети, где нужда в кадрах тоже была велика). В 1970–1980-х гг. половина всех специалистов, направляемых на Байкало-Амурскую магистраль, должна была состоять из выпускников вузов, находящихся на востоке страны, в районах Урала и Сибири. В 1990 г. в железнодорожных вузах было отменено государственное

распределение молодых специалистов на работу. В результате железные дороги стали получать меньше выпускников [6, с. 578].

В целом мероприятия, направленные на увеличение подготовки инженерных кадров для транспорта в 1956–1991 гг., дали заметный эффект. Прежде всего это проявилось в повышении образовательного уровня командного состава железных дорог СССР. В 1965 г. специалисты с высшим и средним специальным образованием составили среди начальников дорог и их заместителей 98 %, среди начальников отделений и их заместителей — 98,7 %; начальников станций, локомотивных и вагонных депо, дистанций пути — 94 %. Если в конце 1950-х гг. 25,6 % мастеров в локомотивных и вагонных депо стали инженерами и техниками, то в середине 1960-х гг. — 56,6 %. Удельный вес инженерного труда в управлении и на производстве резко увеличился, постепенно вытеснив труд практиков [6, с. 318].

Инженерные кадры первыми осваивали новую технику и проводили огромную работу по распространению новых технических знаний среди работников массовых профессий. Вместе с тем железнодорожный транспорт Урала не был полностью обеспечен инженерами в силу недостаточного развития материальной базы обучения специалистов, направления работников на транспортные новостройки, недостатка квалифицированного научно-педагогического состава. Но созданные транспортные специальности оказались перспективными и совпали с намеченными направлениями инновационного развития железнодорожного транспорта в XXI веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Электрификация железных дорог России [Текст] : 1929–1999 гг. / Под ред. П.М. Шилкина. — М.: Интекст, 1999. — 280 с.*
2. *Уральская государственная академия путей сообщения [Текст] : Очерк истории, 1956–1996 гг. / [М.Т. Крючков (рук.), Т.В. Бочкарева, Т.В. Дмитриева и др.; редкол.: А.В. Ефимов и др.]. — Екатеринбург, 1996.*
3. *Дорога — это жизнь [Текст] : 50 лет Уральскому государственному университету путей сообщения: ист. очерк, 1956–2006 / [под общ. ред. А.В. Ефимова] / — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 432 с.*
4. ГАСО. Ф. р-2476. Оп. 1. Д. 87. Л. 97–98.
5. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 75. Д. 914. Л. 14.
6. *История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3: 1945–1991 гг. — М.: Моск. гос. ун-т путей сообщения, 2004. — 631 с.*
7. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 75. Д. 949. Л. 45.

А.А. Konov

Training the Railway Engineers on the Ural Railway Transport in 1956–1991

Konov Alexey Alexandrovich, Candidate of Sciences in History, doctoral candidate, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;

e-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

Abstract. *The author studies the process of forming the new engineer specialities connected with electrification of the railroads. In the period of modernization all the railway specialities stood out from the engineer speciality on electrification. As the result of modernization the educational level of the Ural railroaders became high enough.*

Keywords: *railroad, railway institute, engineer, electrification, modernization.*

УДК 94(470.5)

Г.Е. КОРНИЛОВ¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ НА УРАЛЕ В 1930-Е ГОДЫ

Аннотация. *В статье анализируются изменения в жизни крестьян — колхозников Урала, наступившие после коллективизации сельского хозяйства. На основе архивных материалов, в первую очередь бюджетных обследований крестьянских семей, сделан вывод, что трансформировалось соотношение земледельческих и неземледельческих занятий крестьянства, ликвидировалась система отходничества, изменились статус и роль женщин в сельской жизни.*

Ключевые слова: *колхоз, коллективизация, отходничество, набор, земледельческие и неземледельческие занятия, Урал.*

1930-е годы представляют собой один из этапов аграрного перехода (перехода от традиционного общества к индустриальному). Как форма ведения сельского хозяйства коллективное хозяйство, или колхоз, насаждались в первой половине 1930-х гг. Коллективизация сельского

¹ Корнилов Геннадий Егорович, д-р ист. наук, профессор, заведующий Центром экономической истории ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: genakorn@mail.ru.

хозяйства являлась частью сталинской индустриализации, в рамках которой она служила двум главным целям: повышению товарности сельского хозяйства и ликвидации крестьянских «мелкособственнических производителей» как класса, который мог противостоять социалистической реконструкции народного хозяйства и общества.

В отечественной историографии основное внимание уделяется процессам массовой коллективизации, ее темпам, размаху, последствиям. Изменение уклада сельской жизни практически не получило широкого отражения в научной литературе. В статье анализируются три компонента явных и скорых трансформаций в жизни крестьянства Урала в 1930-е гг.: изменение в соотношении земледельческих и неземледельческих занятий, отказ от отходничества, трансформация роли сельских женщин. Эти три процесса, получившие распространение в ходе и результате коллективизации сельского хозяйства, стали основой дальнейшей жизни колхозной деревни в сталинский период. Базу исследования составили бюджетные обследования хозяйств колхозников Свердловской области.

Противостояние крестьянства и государства продолжалось до середины 1930-х гг. и закончилось победой властей. Фактором «смирения» крестьянства с колхозом стала определенная смена государственной политики по отношению к селу после окончания голода в 1933 г. Стержнем политики либерализации стало воплощение положений Примерного устава сельхозартели, принятого II Всесоюзным съездом колхозников-ударников в феврале 1935 г. [1, с. 519–530]. Компромисс о землепользовании, заложенный в нем, являлся основой отношений между властями и крестьянством на протяжении всего оставшегося сталинского периода.

Коллективизация заложила основы изменений сельской жизни. Колхоз стал дополнением к индивидуальной домашней экономике крестьянского двора. Крестьянство было лишено ее главных компонентов сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности, индивидуальный крестьянский двор остался в основном неповрежденным. Здания, хозяйственные постройки, домашний скот, простые орудия труда, утварь не были переданы в колхоз. Они стали основой, фундаментом семейного хозяйства, которое получило название «подсобное». Оно давало возможность ограниченного, но достаточно широкого диапазона действий — и земледельческих, и неземледельческих.

Не получая достаточных средств за работу в колхозе, колхозники вынуждены были вести личное хозяйство, чтобы выжить.

Уставом сельхозартели 1935 г. крестьянское хозяйство и его ядро — личное подсобное хозяйство (ЛПХ), приусадебный участок были официально признаны как основа крестьянского пропитания и источника дополнительного дохода, при этом право пользования приусадебными участками зависело от членства в колхозе. Часть произведенной продукции в ЛПХ должна была передаваться государству (или прямые натуральные поставки, или в форме налогов). По данным Свердловского облуправления нархозучета, в бюджете колхозного хозяйства за 1938 г. доля доходов от личного хозяйства в денежном выражении составляла 45,6% (36,8 % от животноводства, 8,8 % от усадебного участка) и 54,4 % от колхоза, в 1939 г — соответственно: 41 и 59% [2, с. 108].

Лишившись посевов, колхозники могли получать хлеб только из одного источника — из колхоза на трудодни. Чтобы «стимулировать» трудовую активность колхозников, в 1939 г. был введен обязательный минимум трудодней, что на практике означало, что право на ведение подсобного хозяйства было поставлено в зависимость не только от членства в колхозе, но также от участия в общественном производстве. В этой системе главным рычагом управления властей колхозниками стали меры, направленные на расширение или, наоборот, на сокращение подсобного хозяйства. В 1939–1940 гг. под лозунгом борьбы с «частнособственническими устремлениями, рвачами и хапугами» прошла волна ограничений и произошло обрезание земельных участков у колхозников и единоличников. К концу ноября 1939 г. по Свердловской области были отрезаны излишки земель площадью 10898,5 га (у 37340 дворов колхозников, у 3817 — единоличников, у 30814 — прочих нечленов колхозов) [2, с. 119]. Одновременно завершилось сселение хуторов. К концу 1939 г. сселению подверглись 2059 хозяйств (1533 колхозников, 301 — единоличников, 225 — других нечленов колхозов) [2, с. 124].

В пределах крестьянского двора произошли изменения в распределении трудового времени. В корреляции с повышением сельской миграции в начале 1930-х гг. увеличилась важность отходничества по сравнению с периодом предколлективизации. Но в отличие 1920-х гг. это не было признаком экономического динамизма и модернизации. Страшная потребность теперь стала главной движущей силой для отхода — получение заработка в другом месте для пропитания крестьянской семьи. В 1930-е гг. доход от работы вне колхоза сокращался и уже не имел столь сильного воздействия на домашнее процветание. С ликвидацией артелей отходников

и превращением сезонных работ в круглогодичные действия, крестьянские чернорабочие миграции потеряли преимущества, которые давал рынок, когда позволялось отходникам определять сроки работ, договариваться о хорошей зарплате, условиях проживания. Данные бюджетных обследований за 1938 г. по Свердловской области позволяют выяснить трудовые затраты в личное и общественное хозяйство в среднем на один колхозный двор. Из общего рабочего времени труд в колхозе занимал 69,6 % у всех колхозников области, в МТС — 2,5 %, в работе по найму — 6,4 %, в своем подсобном хозяйстве — 21,5 %. Существенная разница фиксировалась в общих затратах времени у женщин и мужчин. Если женщины в колхозных работах затратили 61 % времени, то мужчины 69,9 %, в ЛПХ — соответственно: 34,9 и 4,2; в работах МТС: 0,1 и 6,2; в работе по найму: 4 и 10,1 [2, с. 110].

В конце 1920-х – 1930-е гг. основным источником кадров для обеспечения нужд промышленности, особенно строительства, было крестьянство. Материалы профсоюзной переписи, проведенной в 1932–1933 гг., показали, что практически во всех отраслях промышленности на Урале более половины занятых составляли бывшие крестьяне. Перепись зафиксировала и крестьян, которые сохранили связь с сельским хозяйством [3, с. 208].

Отток из деревни в начале 1930-х гг. усилился. Советское государство попыталось регулировать отходничество, связать его с задачами индустриализации страны. Чтобы остановить ставший неуправляемым отток из деревни, в основном из-за голода, и попытаться направить самотек в «нужное русло», было принято несколько спецпостановлений ЦИК и СНК СССР в 1930–1934 гг., которые изменили суть отходничества, превратив его в организованный набор рабочей силы из деревень. Так, по постановлению «О порядке отходничества из колхозов» (17 марта 1933 г.) отходниками теперь считались лишь те лица, которые заключили договор с хозяйственной организацией [4, с. 221].

Другой мерой, призванной оградить города от наплыва самовольных переселенцев, стало введение с 1 июля 1933 г. на территории Уральской области паспортной системы с обязательной пропиской по месту жительства [5, л. 27]. В сельской местности паспортов не вводили, сделав оговорку «в случаях, когда лица, проживающие в сельских местностях, выбывшие на длительное или постоянное место жительства в местностях, где введена паспортная система, они получали паспорта в районных или городских управлениях рабоче-кре-

стьянской милиции сроком на 1 год» [6, ст. 221]. Колхозники-отходники, самовольно бросившие работу на предприятии или уволенные за нарушение трудовой дисциплины, лишались права проживания в данной местности и подлежали выселению в административном порядке. Эти нововведения нашли отражение в постановлении СНК СССР от 19 сентября 1934 г. «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами» [7, с. 707].

После практической «ликвидации» отходничества масштабный уход крестьян был фактически бегством из деревни. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г. запрещало исключать колхозников из колхозов [8, л. 21]. По Свердловской области за 1937–1938 гг. было исключено из колхозов 2138 хозяйств. Основная причина — самовольный уход на производство в город, в кадровый состав лесозаготовок, в сельские государственные и кооперативные учреждения. Выход из колхоза, а затем отъезд из деревни грозил ликвидацией сельхозартелей. В колхозе им. Сталина Таборинского района из 27 дворов осталось 10. Пришлось нанимать вольнонаемных для проведения сельхозработ. Колхоз практически развалился [9, л. 178–187]. За первое полугодие 1938 г. выходы и исключения из колхозов в ряде районов приняли огромные размеры. В Полевском районе выбыло 16 % хозяйств, в Висимском — 12,7, в Первоуральском — 8,3 %. Из колхоза уходили чаще всего без уведомления правления, никто не требовал каких-либо компенсаций за переданный колхозу скот и инструменты, поскольку ушедших из колхоза исключали [10, л. 22–24].

В постановлении СНК СССР «Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов» от 21 июля 1938 г. отмечалось, что учет отходников поставлен плохо, в ряде колхозов Свердловской области не хватает рабочих рук. С 1 сентября 1939 г. Комиссия по оргнабору рабочей силы при СНК РСФСР стала выделять наряды на вербовку рабочей силы только для нужд строительства, лесозаготовок, угольной, торфяной и рудной промышленности, рыбных промыслов и сахарных заводов [11, с. 95, 96]. К концу 1930-х гг. отходничество как несельскохозяйственное занятие, приносящее доход, перестало существовать.

По данным бюджетов крестьянских семей приход денег от работы вне своего хозяйства, лично-промысловых занятий в Свердловской области (в административных границах 1937 г.) в 1927/28 г. составлял 25,7% от всего денежного дохода, а в 1936 г. — 0,4% [12, л. 52].

Снижение дохода от отхода, который после коллективизации перерос практически в повинность колхозников (трудгужевая повинность, лесозаготовки, торфозаготовки, содержание дорог), низкая оплата труда в колхозах заставляли колхозников концентрироваться на сельскохозяйственной работе в своем ЛПХ. В 1939 г. в Свердловской области работа по найму давала 15,1% от всего денежного дохода крестьянской семьи; работа в МТС соответственно — 4,7%. Основным источником поступления денег являлась продажа продуктов сельского хозяйства (43,7%) и скота (13,9%) [2, с. 275]. Продажа овощей, картофеля, молочных продуктов, мяса городскому населению через городские базары привела к тому, что заработки вне сельского хозяйства стали менее привлекательными.

В 1930-е гг. заметна трансформация роли женщин в домашней крестьянской экономике и сельской жизни. С исчезновением больших крестьянских дворов и декларированием фактического равенства супругов постепенно исчезало понятие «семейного главенства». Домохозяин превратился из «кормильца» в представителя двора по хозяйственным делам, на имя которого записывались средства производства и ответственность за выполнение налоговых обязательств. Эти сдвиги обуславливались интенсивным оттоком мужчин из сельского хозяйства и изменением социального статуса женщин, вбивавших в себя не только роли организаторов семейного быта, но и производственные функции. Женщины-колхозницы несли «тройную» нагрузку, которая включала: 1) уход за детьми, традиционные женские занятия в доме, ухаживали за домашним скотом, в первую очередь за коровой; 2) труд на приусадебном участке; 3) обязательную работу в общественном хозяйстве. Женщины стали выполнять тяжелые полевые работы в колхозе, поскольку большое количество мужчин находилось в отходе. Во второй половине 1930-х гг., наоборот, женщины в определенной степени ушли от работы в колхозе, за исключением периода уборки урожая, все их усилия были направлены на приусадебные участки и на заботу о домашнем скоте. Бюджет времени колхозников Свердловской области за 1936 г. показывает, что мужчины трудились 40% всего времени суток, женщины — 52%. Расход времени мужчин на производственный труд (в предприятиях социалистического сектора и в личном хозяйстве) составлял 7 часов в сутки, непроизводственный (обслуживание семьи, учеба и самообразование, участие в общественной жизни) занимал 2,3 часа в сутки на одно лицо. Женщины были заняты в производственном труде 7,2 часа в сутки, в непроизводственном — 5,2 часа.

При этом на ЛПХ мужчины тратили в среднем 0,85 часа в сутки, то женщины — в четыре раза больше — 3,2 часа. Еще большая разница фиксируется во времени обслуживания семьи: мужчины тратили на это 0,2 часа в сутки, а женщины — 4,87 часа [2, с 158–159]. Бюджеты подтверждают рост доли женщин в доход крестьянской семьи. Это имело далеко идущее значение для женского статуса и для отношений между полами в сельской местности.

Аграрная сфера в 1930-е гг. подверглась существенной трансформации. Одни процессы носили объективный характер, другие были вызваны ситуацией, определявшейся политикой государства. Традиционный уклад деревенской жизни, при котором в определенном сочетании находились земледельческие и неземледельческие занятия, был практически ликвидирован, постепенно исчезала работа колхозников вне колхоза, отходничество, изменилась роль и статус женщин, сельскохозяйственные занятия стали основными в получении дохода и в хозяйственной деятельности колхозников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам [Текст] : сборник документов за 50 лет : в 16 т. Т. 2 / сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. — М. : Политиздат, 1967. — С.519–530.
2. Колхозная жизнь на Урале, 1935–1953 [Текст] / Сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. — М.: РОССПЭН, 2006. — 912 с. (Документы советской истории).
3. Корнилов, Г.Е. Восточный поворот миграции населения на Урал и с Урала в XX веке [Текст] / Г.Е. Корнилов // Демографическая история России и регионов: сб. науч. тр. / отв. ред. Г.Е. Корнилов. — Вып. II: миграции населения. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2018. — С. 198–226.
4. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933 г. [Текст]. — М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. — № 16. — 937 с.
5. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 63.
6. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. [Текст]. — М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. — № 16.
7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. [Текст]. — М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. — № 49.

8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 24. Д. 265.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 30.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 265.
11. Плановое хозяйство. — 1939. — № 11.
12. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 170.

G.Y. Kornilov

Rural Life Transformation at the Urals in the 1930s

Kornilov Gennady Yegorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;
e-mail: genakorn@mail.ru.

Abstract. The article analyzes the changes in the life of farmers-collective farmers of the Urals, which occurred after the collectivization of agriculture. On the basis of archival materials, primarily budget surveys of peasant families, it is concluded that the ratio of agricultural and non-agricultural occupations of the peasantry was transformed in the first place, the system of waste management was eliminated, and the status and role of women in rural life changed.

Keywords: collective farm, collectivization, organized recruitment, agricultural and non-agricultural occupations, the Urals.

УДК 94(47)+373

Ю.В. ЛАПТЕВА¹

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 ГОДАХ: сеть и контингент учащихся

Аннотация. В статье анализируются проблемы, с которыми столкнулись общеобразовательные школы области в условиях Великой Отечественной войны. Автор выявил основные тенденции изменения школьной сети: передача школьных зданий на нужды войны, рационализация сети, изменение соотношения количества разных типов школ. На основе архивных материалов раскрывается, как сохранялась сеть, а также причины движения контингентов.

¹ Лаптева Юлия Владимировна, соискатель, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: julya-kot@yandex.ru.

Ключевые слова: *общеобразовательные школы, Свердловская область, Великая Отечественная война, сеть, контингент учащихся.*

В условиях Великой Отечественной войны в школах осуществлялся поиск оптимального решения обострившихся проблем, связанных с нехваткой ресурсов, необычайным движением контингента. Школы Свердловской области столкнулись с проблемами охвата обучением детей, в том числе эвакуированных, и сохранения числа учащихся. Отдельные сюжеты этих проблем нашли отражение в работах историков Урала З.И. Гузненко [1], Г.Е. Корнилова [2, 3, 4], Н.П. Палецких [5], А.В. Сперанского [6]. В данной статье основное внимание обращено на школы как системы, которые должны были найти оптимальные ответы на вызовы, связанные с движениями в общеобразовательной сети и изменением контингента.

Сеть общеобразовательных школ испытывала трансформации в связи с военным положением. В процессе изменения сети в годы войны можно условно выделить следующие тенденции: во-первых, передача школьных зданий на нужды войны; во-вторых, рационализация сети; в-третьих, проблема «карликовых» школ.

Война внесла коррективы в существующую школьную сеть. Заведующий Свердловским областным отделом народного образования Н.Ф. Хлесткин в докладной записке сообщает Народному комиссару просвещения РСФСР В.П. Потемкину, что по требованию военного времени изменился радиус обслуживания населения, появились «школы-гиганты», некоторые школы переместились в приспособленные помещения или слились [7, л. 1]. Уже в первом военном учебном году встала проблема нехватки школьных зданий. За первое полугодие 26 средних школ по городам области было изъято для нужд военного ведомства, 14 начальных школ были переданы под интернаты для эвакуированных детей [7, л. 3]. Появилась проблема трехсменности обучения: на 5 октября 1941 г. в третью смену занимались 4262 учащихся [8, л.14]. Пик пришелся на 1943 год — на 9 февраля в третью смену выходили 6641 детей [9, л. 18], затем количество постепенно уменьшалось. Всего за начальный период войны было передано свыше 100 зданий для специальных целей [10, л. 2]. Так, в 1942 г. из 27 госпиталей Свердловского гарнизона 8 располагались в зданиях школ [11, л. 30–30 об.].

Другой проблемой, вызванной военными условиями и обострившейся уже осенью 1941 г., была рационализация сети. На конец 1940/41 учебного года число всех типов школ составило

2115, из них: начальных школ — 1554, неполных средних — 368, средних школ — 193. На 15 октября 1941 года общее количество школ — 2048, из них: начальных школ — 1507, неполных средних — 381, средних школ — 160 [7, л. 3]. Резкое снижение количества начальных школ объясняли следующие причины: передача городских школьных зданий для нужд других ведомств, закрытие части сельских школ в связи с недокомплектом учащихся, реорганизация в неполные средние школы. Количество средних школ было снижено: часть зданий изъято, часть школ реорганизована в неполные средние в связи с уменьшением количества учащихся 8–10 классов. Соответственно количество неполных средних школ возросло на 13 [8, л. 3]. В развитии сети на третье пятилетие планировались противоположные тенденции.

Еще до начала войны было принято решение об укрупнении школьной сети, малокомплектные школы закрывались. В первый военный учебный год в сельской местности были закрыты 33 начальные школы, которые были признаны «карликовыми», нерационально расходующими ресурсы [8, л. 3]. Дети были переведены в другие школы, радиус не превышал 2,5 километра [7, л. 3].

Однако практика показала, что в условиях войны осуществлять подвоз детей трудно из-за проблем с транспортом. Облоно на 1942/43 учебный год разрешил «открывать» однокомплектные школы-карлики в населенных пунктах с контингентом учащихся 10–20 человек» [12, л. 8]. Появилось 198 карликовых школ с охватом до 6000 ребят, в облоно их работа оценена положительно [13, л. 9]. В 1943/44 учебном году по области числилось 165 карликовых школ [14, л. 5]. В 1944/45 учебном году насчитывалось 175 таких школ с охватом 3600 человек [15, л. 3 об.]. Однако заведующая облоно А.И. Борисова отрицательно отзывалась о работе карликовых школ, заявляя, что они очень дорого обходятся государству. Такие школы оттягивали ресурсы, не имели достаточно средств обучения, облоно не мог в полной мере обеспечить их кадрами. Соответственно названные факторы сказывались на качестве обучения [16, л.23 об.].

Тем не менее малокомплектные школы в условиях войны способствовали выполнению закона о всеобщем обучении в Свердловской области. Проблемы отсева, сложности с подвозом детей к месту учебы, организация и обеспечение функционирования интернатов, решались в том числе через открытие филиалов и карликовых школ.

Годы войны характеризуются большим движением контингентов учащихся. К концу 1941 г. в Свердловскую область из западных

районов СССР было эвакуировано 16 тысяч детей. Школы должны были быстро учитывать выбывающих и вновь прибывающих детей, вовлекать их в школу, обеспечивать условия их обучения. Несмотря на большой приток детей школьного возраста за счет эвакуированных, количество учащихся снизилось в сравнении с 1940/41 учебным годом. На 1 сентября 1940 г. — 432600 учащихся, на 15 октября 1941 г. — 398301 [7, л.3 об.]. На конец года отсева составлял 67,7 тыс. учащихся [15, л. 2 об.]. Большое количество детей (9465) оставили учебу ради работы на производстве [10, л. 4].

В 1942/43 учебном году проблема закрепления контингентов учащихся обострилась. На 1 октября в школах области насчитывалось 356,5 тысяч человек, что оказалось значительно меньше плана на этот учебный год и особенно ярко иллюстрирует тяжелое положение в народном образовании, меньше фактического наличия детей на октябрь 1941 г. [8, л. 10]. Уровень отсева в отчетах за 1942/43 учебный год разнится от 52,9 тыс. [12, л. 4] до 54 тыс. человек [17, л. 2 об.].

Движение контингентов в школах области оставалось высоким, что ставило под угрозу возможность выполнить закон о всеобщем обязательном обучении. Проблемы всеобуча неоднократно обсуждались на уровне партийных организаций, отделов народного образования. Большое внимание при этом уделялось причинам отсева и поискам путей их устранения, этому служили «выезд на места» руководства, оказание помощи детям, горячее питание в школах, мастерские по пошиву одежды и обуви [10, л. 4–7]. 14 июля 1943 г. СНК РСФСР утвердил инструкцию по организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении [118, л. 99–101].

Несмотря на все меры, движение контингентов в 1943/44 учебном году было больше, чем в предыдущем, из школ выбыли 70713 человек [15, л. 2 об.]. Главными причинами явились реэвакуация и тяжелое материальное положение. По нашим подсчетам, школы, в связи с отъездом из области, покинули 31255 учащихся, что составляло 44,2% всех выбывших. Образование ради работы оставили 18,7 тысяч детей (26,5%) [18, л. 3–3 об.]. Среди других причин движения в отчетах ОНО называются болезнь (9,4% от числа выбывших), призывы в школы ФЗО, переходы в другие учебные заведения (15,1%), отсутствие одежды и обуви у учащихся (4,8%) [19, л. 66].

В 1944/45 учебном году движение контингентов характеризуется снижением уровня отсева. Из школ области выбыло 33,3 тыс. человек: 14178 — переведены в другие школы области, 5604 ребенка реэваку-

ировано, 4846 человека ушли на производство, 3656 детей не имели одежды и обуви, 2627 учащихся убыло по длительной болезни, 2052 — призваны в школы ФЗО [15, л. 4 об. – 5]. Процент отсеявшихся по материальным причинам оставался высоким, несмотря на оказываемую помощь. Вместе с тем следует подчеркнуть, что все принимаемые меры работали на снижение движения контингентов и в 1945 г. уровень отсева был ниже, чем в другие годы войны.

Великая Отечественная война внесла изменения в существование общеобразовательных школ, школам как системам, как общественным организациям были предъявлены повышенные требования. Продолжая учебно-воспитательный процесс, осуществляя общественно-полезную деятельность, школы должны были сохранить сети при необычайном движении детских контингентов. Отделы народного образования решали вопросы нехватки школьных зданий, связанных с изъятием помещений на военные нужды и притоком эвакуированных детей, через организацию учебного процесса в три смены, приспособление помещений. Некоторые школы изменили свой тип. Проблему приближения школ к населению решали через открытие филиалов школ, карликовых школы с контингентом 10–20 детей. На протяжении всех военных лет оставался актуальным высокий уровень движения контингентов, связанный с эвакуационными процессами и материальным положением населения. Несмотря на трудности, учебный процесс продолжался, школы работали на протяжении всех военных лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гузненко, З.И.** Школьный всеобуч в годы Великой Отечественной войны [Текст] / З.И. Гузненко // Урал в военной истории России: традиции и современность : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. — С. 304–306.
2. **Корнилов, Г.Е.** Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Г.Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 4 (49). — С. 112–121.
3. **Корнилов, Г.Е.** Население Свердловска в военные годы [Текст] / Г.Е. Корнилов // Российская история. — 2010. — № 4. — С. 94–107.
4. **Корнилов, Г.Е., Чернышева, И.И.** Ликвидация неграмотности взрослого населения Свердловской области в 1946–1958 гг. [Текст] / Г.Е. Корнилов, И.И. Чернышева // Гуманитарные науки в Сибири. — 2018. — Т. 25. — № 2. — С. 25–32.

5. Палецких, Н.П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны : монография / Н.П. Палецких. — Челябинск : Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2007. — 167 с.

6. Сперанский, А.В. На войне, как на войне : Свердловская область в 1941–1945 гг. [Текст] / А.В. Сперанский. — Екатеринбург: Сократ, 2012. — 408 с.

7. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 124.

8. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 621.

9. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 14. Л. 18.

10. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 12. Л. 2.

11. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1469. Л. 30–30 об.

12. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 126. Л. 8.

13. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 17. Л. 9.

14. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 130. Л. 5.

15. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 132. Л. 3 об.

16. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 32. Л. 23 об.

17. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 3. Д. 23. Л. 2 об.

18. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 99–101.

19. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1877. Л. 66.

Y.V. Lapteva

The Sverdlovsk Region general Educational Schools in 1941–1945: Network and Students Contingent

Lapteva Yulia Vladimirovna, Candidate of Sciences degree seeking applicant, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;

e-mail: julya-kot@yandex.ru.

Abstract. *The article analyzes the problems faced by the general educational schools in the region in the conditions of the great Patriotic war. The author identified the main trends in the school network: the transfer of school buildings to the needs of the war, the rationalization of the network, the change in the ratio of the number of different types of schools. On the basis of archival materials, it is revealed how the network was maintained and the reasons for the movement of contingents.*

Keywords: *general educational school, Sverdlovsk region, the Great Patriotic war, network, contingent of students.*

УДК 94(47).084.8

Н.Н. МЕЛЬНИКОВ¹

ПРОМЫШЛЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА УРАЛЬСКОМ ТАНКОВОМ ЗАВОДЕ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ²

Аннотация. *Автор поднимает основные проблемы строительной сферы в условиях войны. На примере Уральского танкового завода (Нижний Тагил) показаны основные факторы развития отрасли, трудности и проблемы строительства в системе танковой промышленности СССР.*

Ключевые слова: *строительство, танковая промышленность, Великая Отечественная война.*

В условиях Великой Отечественной войны восточные тыловые районы, столкнувшись с необходимостью увеличить выпуск вооружений, были вынуждены развивать промышленное строительство. Советская танковая промышленность, являясь одной из основных отраслей народного хозяйства военного времени, привлекала значимую часть ресурсов сферы строительства. Однако узость ресурсной базы строительной отрасли не позволяла надеяться на скорейшее завершение работ.

С лета 1941 г. все восточные танковые заводы находились в стадии перманентного строительства. И этот процесс не был закончен в следующем году, как того следовало ожидать в рамках завершения восстановления эвакуированной промышленности. Наоборот, он развивался и продолжался вплоть до конца войны. Дефицит всех основных стройматериалов, техники и рабочих рук предопределили резкое отставание темпов строительства от заданных планов. Особенности строительной сферы военных лет позволяет рассмотреть ситуацию на одном отдельном заводе танковой промышленности — Уральском танковом заводе № 183 (Уралвагонзавод).

Первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианов в ноябре 1942 г. направил в ГКО справку, где достаточно

¹ Мельников Никита Николаевич, канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: meln2011kit@gmail.com.

² Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-09-00050 «Производственные ресурсы советской танковой промышленности в условиях Великой Отечественной войны».

подробно описал необходимые подготовительные мероприятия на заводе № 183 для его выхода на выпуск 1 тыс. машин в месяц к весне 1943 года. Главная проблема, по его мнению, это развитие заготовительных цехов, которые, помимо всего прочего, страдали от недостатка производственных площадей. Всего заводу не хватало 12–15 тыс. кв. м для литейных цехов и 15–20 тыс. кв. м для бронекорпусного производства. Эти площади можно было получить в основном за счет выведения с территории УТЗ авиационных производств. Дело в том, что еще летом 1941 г. на площадях завода были размещены ленинградские заводы № 120, 380 и 381 Наркомата авиапромышленности. Ими было занято 5 тыс. кв. м в цехах крупного литья, 3 тыс. кв. м в кузнице и 17 тыс. кв. м в главном корпусе завода [2, л. 113–115]. Но даже при условии вывода авиационных производств дефицит площадей на заводе оставался.

Другими словами, на УТЗ необходимо было провести крупномасштабную реконструкцию производственной инфраструктуры, по объемам сравнимую со стройками первых пятилеток. Перечисление только строек вспомогательных цехов, железнодорожного строительства и других мощностей заняло у В.М. Андрианова более страницы машинописного текста [2, л. 116–118]. Ни такого объема строительных материалов, ни рабочей силы, ни оборудования у завода и подрядных организаций просто не было.

Еще летом 1942 г., по решению ГКО, на заводе № 183 должно было начаться массовое промышленное строительство. Намечалось расширение цеха мелкого стального литья № 550 (выплавка в электропечах стали для траков и деталей подвески) на 6 тыс. кв. м, в рамках которого строительство должно было идти в две очереди. В рамках первой очереди планировалось запустить плавильное отделение с электропечами № 7 и 8 к 15 октября 1942 г., а в рамках второй очереди — формовочно-заливочно-очистное отделение и электропечи № 9 и 10 к 1 декабря 1942 г. Все эти работы не были закончены в положенный срок и перешли на следующий год.

По состоянию на конец февраля 1943 г. работы первой очереди все еще продолжались: была сдана коробка цеха, заканчивались работы по подстанциям и фундаментам, шло сооружение водопроводов, водостоков, освещения скрапного пролета, полов по всей площади и крыши. Но при этом сумели запустить печь № 7 в декабре 1942 г. и печь № 8 в феврале 1943 года. Окончание работ второй очереди ГКО перенес на май 1943 г., но реально они даже не начинались: по состоянию на март 1943 г. отсутствовали механизмы для новых

электропечей и электрооборудование для подстанций. Всю эту материальную базу еще предстояло найти [3].

Видимо, окончательное строительство цеха до конца войны так и не состоялось. В своей работе, посвященной развитию Уралвагонзавода в годы войны, исследователь С.В. Устьянцев говорит только о строительстве печей № 7 и 8. Про планируемые печи № 9 и 10 даже не упоминает. Автор утверждает, что в 1943 г. цех № 550 получил новый пристрой на 2,3 тыс. кв. м [1, с. 57, 59]. Следовательно, плановые задачи (строительство 6 тыс. кв. м промышленных площадей, новое оборудование) были выполнены лишь частично.

Однако на 1944 г. строительство на УТЗ планировалось в гораздо больших масштабах. Эти работы должна была выполнять особая строительномонтажная часть (ОСМЧ) «Уралмашстрой». Помимо дальнейшего расширения цеха № 550 и строительства мартенов № 7 и 8, на заводе № 183 к осени 1944 г. должны были появиться огнерезно-сдаточный цех на 6 тыс. кв. м, экспериментальный цех № 540 на 3,6 тыс. кв. м, новые отжигательные печи, построены вторая и третья нитки водовода (4 км), реконструированы и расширены железнодорожные пути завода. Строительство огнерезно-сдаточного цеха и 12 отжигательных печей было отнесено к категории «главнейших строек» по Наркомату танковой промышленности в Свердловской области [4, л. 123].

Но в течение первого полугодия ОСМЧ «Уралмашстрой» заканчивала и сдавала в основном старые объекты, завершение которых планировалось еще ранее: реконструкция броневых цехов, фундаменты под оборудование по цехам, пятая и шестая секции брызгального бассейна, мультышарнирный кран и другое оборудование [4, л. 106 об.; 5]. Между танковым заводом и городом наконец-то должна была появиться возможность свободного автомобильного сообщения: ОСМЧ должна была построить дорогу УВЗ – Нижний Тагил [4, л. 108].

С.В. Устьянцев в своем исследовании достаточно подробно описал работу всех производственных объектов, подразделений и служб нижнетагильского завода № 183 в годы войны. В начале своего повествования автор говорит о завершении строительства двух новых цехов в конце 1942 г. [1, с. 50]. Далее есть отрывочные сведения о площадях, занимаемых тем или иным цехом, иногда встречается информация об их увеличении или уменьшении [1, с. 63, 75, 80, 88, 92, 98]. Но из текста совершенно не следует, по каким причинам эти площади появились или исчезли. Автор просто ограничивается констатацией фактов.

В книге есть сведения об объемах капитального строительства на УТЗ, взятые из рукописи по истории танкостроения на заводе

№ 183 в годы войны. В части строительства производственных площадей эти сведения дают очень важную информацию: в 1942 г. было возведено 25 тыс. кв. м, в 1943 г. — 15 тыс., а в последующие годы фактически ничего построено не было [1, с. 278]. Уточним, что здесь речь идет только о новых площадях. Реконструкция и отремонтированные сооружения в это число не входят. Следовательно (если эти данные верны), все планы по строительству в последние полтора военных года действительно реализованы не были.

Дефицит строительных ресурсов, господствовавший все военные годы, не позволил Уральскому танковому заводу и строительным организациям осуществить программу развития производственной инфраструктуры. Были созданы лишь отдельные объекты, которые, как правило, сдавались не в положенный срок. Следовательно, те производственные задания, которые выполнял УТЗ в условиях войны, были им реализованы за счет мощностей и на производственных площадях, воздвигнутых еще в довоенный период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устьянцев, С.В. *Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 2. Уральский танковый завод № 183.* — Нижний Тагил: ЗАО «РЕПРИНТ», 2010. — 351 с.
2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 289.
3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 414. Л. 32.
4. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 623.
5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 627. Л. 240.

N.N. Melnikov

Industrial Construction at the Ural Tank Factory during the war Years

Melnikov Nikita Nikolaevich, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;
e-mail: meln2011kit@gmail.com.

Abstract. *The author writes about the main problems of the construction sector in the conditions of war. The example of the Ural tank factory (Nizhny Tagil) shows the main reasons for incomplete construction plans in the tank industry of the USSR.*

Keywords: *construction, tank industry, war.*

УДК 321.933:63(471.5)(09)

В.П. МОТРЕВИЧ¹

РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БАШКИРСКОЙ АССР В 1940–1950 ГОДЫ (численность и состав)

Аннотация. *Рассматривается проблема изменения численности и состава рабочих и служащих сельского хозяйства Башкирии в динамике на протяжении двадцатилетнего периода. Приводятся сведения о численности занятых в машинно-тракторных станциях, совхозах и подсобных хозяйствах и обслуживании сельского хозяйства.*

Ключевые слова: *Башкирия, Великая Отечественная война, послевоенные годы, колхозники, рабочие и служащие, машинно-тракторные станции, совхозы, подсобные хозяйства, ветеринария.*

В настоящее время исследователями достаточно глубоко изучен круг вопросов, связанных с историей крестьянства и сельского хозяйства Башкирии. Аграрная история края тех лет получила свое освещение как в общих трудах по истории крестьянства и сельского хозяйства СССР [3; 4; 7; 9], так и в работах, написанных по материалам Урала [10; 11; 12, 14] и Башкирской АССР [1; 2; 8]. Однако в сельской местности проживали не только колхозники, но и трудившиеся в аграрном секторе рабочие и служащие. Они были заняты в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии, работали в МТС, совхозах и подсобных хозяйствах предприятий, учреждений и организаций. Вместе с тем анализ научной литературы по проблеме показывает, что историки-аграрники занятыми в сельском хозяйстве Башкирии рабочими и служащими практически не занимались. Исследование сводилось, как правило, к изучению крестьянства. В результате в научной литературе содержатся лишь отрывочные сведения об аграрных рабочих в Башкирской АССР, хотя советская деревня в послевоенные годы уже не была «чисто крестьянской». В 1940–1950-е гг. колхозное крестьянство — это лишь часть сельского населения Советского Союза. Значительную его долю составляли работники государственных предприятий, в том числе и сельскохозяйственных.

До Великой Отечественной войны большая часть трудоспособного населения Башкирии была занята в сельском хозяйстве. Данные

¹ Мотревич Владимир Павлович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», г. Екатеринбург; e-mail: vladimir.motrivic@mail.ru.

Таблица № 1

Численность рабочих и служащих в Башкирской АССР
(на конец года)¹

Отрасли хозяйства	Год				
	1940	1945	1950	1955	1960
Промышленность	73,6	131,7	160,5	216,9	275,5
Строительство	15,6	10,2	56,1	69,5	81,1
Сельское хозяйство	42,0	50,0	58,8	127,1	90,5
Лесное хозяйство	7,6	4,9	9,0	10,9	7,7
Транспорт	29,2	24,4	47,3	61,3	77,1
Торговля и общепит	34,9	34,6	40,9	44,5	60,8
Здравоохранение	13,3	16,1	20,6	27,1	39,5
Народное образование	43,4	41,2	53,3	64,0	73,7
Аппарат управления	21,5	20,2	21,3	16,5	18,7
Прочие отрасли	33,4	36,5	64,9	78,3	105,7
По всем отраслям	314,5	369,8	532,7	716,1	830,3

Таблица № 2

Численность рабочих и служащих в сельском хозяйстве Башкирской АССР
(на конец года)²

Сельское хозяйство	Год				
	1940	1945	1950	1955	1960
Машинно-тракторные станции	13543	8030	16639	84736	6823
Совхозы и подсобные хозяйства	26619	40399	40045	41175	79884
Обслуживание с.-х. и ветеринария	1795	1533	2071	1215	3806
Всего	41957	49962	58755	127126	90513

1 Источник: Российский государственный архив экономики [21, 22]

2 Источник: Российский государственный архив экономики [21, 22]

Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. показывают, что в Башкирии из 1121,8 тыс. занятых в народном хозяйстве республики 896,3 тыс. трудились в сельском хозяйстве. Это составляло 79,9% занятого населения. Основную часть работников сельского хозяйства Башкирии составляли сельские жители, однако помимо сельчан в отрасли было занято и 15,8 тыс. горожан. Среди занятых в сельском хозяйстве 824,1 тыс. человек (91,9%) составляли колхозники [11, с. 79–81]. Таким образом, по численности занятого населения сельское хозяйство занимало первое место в республике, значительно опережая другие отрасли народного хозяйства. Помимо крестьян в сельском хозяйстве республики трудилось и значительное число рабочих и служащих. Данные табл. № 1 показывают, что по численности занятых в хозяйстве Башкирии рабочих и служащих сельское хозяйство находилось на третьем месте после промышленности и народного образования. По сведениям на конец 1940 г. в сельском хозяйстве Башкирии трудилось 42,0 тыс. рабочих и служащих. Из них 13543 человека работали в 124 имевшихся в республике машинно-тракторных станциях, 26619 — в совхозах и подсобных хозяйствах промышленных предприятий, организаций и учреждений, 1795 человек заняты в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии (табл. № 2).

В начальный период Великой Отечественной войны в СССР произошла массовая эвакуация на Восток страны, в том числе и в Башкирию. Эвакуированные предприятия и население размещались прежде всего в городской местности. В результате численность занятых в промышленности рабочих и служащих возросла в республике с 73,6 тыс. человек в 1940 г. до 131,7 тыс. в 1945 г. (табл. 1).

В годы войны количество совхозов в Башкирии сократилось, но заметно возросла численность занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих. Это произошло, несмотря на массовый призыв сельчан в РККА и мобилизацию на работу в промышленность. Однако рост численности был достигнут только за счет занятых в подсобных хозяйствах, что явилось следствием развития продовольственной базы вокруг промышленных центров Урала. В годы войны для ее укрепления была частично реорганизована структура государственных сельскохозяйственных предприятий. Многие совхозы были переданы предприятиям для создания на их базе подсобных хозяйств. Одновременно подсобные хозяйства предприятий, организаций и учреждений организовывались на землях государственного фонда, а также на неиспользуемых землях колхозов. В 1944 г. по данным 43 министерств и ведомств в республике

было учтено 547 подсобных хозяйств. По их числу Башкирия лидировала среди других республик и областей Уральского региона [18]. Определенную роль в увеличении численности занятых в сельском хозяйстве работников сыграли и эвакуированные. По данным Переселенческого отдела СНК БАССР в 1942 г. в сельском хозяйстве республики трудились приблизительно 45,0 тыс. эвакуированных граждан [13, 15, 16].

В то же время данные табл. 2 показывают, что число работавших в МТС рабочих и служащих сократилось за годы войны почти на четверть, а число занятых в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии с 1,8 тыс. до 1,5 тыс. человек. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны число занятых в сельском хозяйстве Башкирии рабочих и служащих заметно возросло, что было результатом развития продовольственной базы вокруг промышленных центров республики. Одновременно увеличилась численность работников в промышленности, здравоохранении, строительстве, аппарате управления и на транспорте, что было следствием размещения в БАССР эвакуированных предприятий и учреждений.

После окончания Великой Отечественной войны демобилизация и реэвакуация заметно повлияли на движение рабочих кадров. Динамика их численности носила противоречивый характер. Прежде всего в первые послевоенные годы в республике резко сократилось число подсобных хозяйств. Если в 1945 г. в Башкирии насчитывалось 575 подсобных хозяйств, то в 1950 г. их осталось всего 43 [19, 20]. Соответственно уменьшилась и численность работающего в них персонала. Сокращение было вызвано реализацией мер, направленных на укрепление колхозного строя.

В сентябре 1946 г. Совмин СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В соответствии с ним предприятия и учреждения должны были вернуть неиспользуемые колхозные земли [6, с. 91–97]. Одновременно происходило постепенное восстановление совхозного сектора. Однако и в 1950 г. в республике насчитывалось всего 50 советских хозяйств против 57 в 1940 г. [11, с. 34]. В результате численность занятых в совхозах и подсобных хозяйствах рабочих и служащих на протяжении четвертой пятилетки практически не изменилась (табл. 2).

В первые послевоенные годы в республике также заметно выросла численность работников МТС, что было обусловлено курсом государства на укрепление колхозного строя. При этом большое

внимание уделялось машинно-тракторным станциям, которые являлись основой материально-технической базы коллективных хозяйств. За годы четвертой пятилетки число МТС в республике выросло со 133 в 1945 до 144 в 1950 г., значительно превысив при этом довоенный уровень. В результате число занятых в МТС рабочих и служащих возросло с 8,0 тыс. в 1945 г. до 16,6 тыс. в 1950 г., то есть вдвое, и заметно превысило довоенный уровень. Также превысило довоенный уровень и число лиц, занятых в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии (табл. 2).

В послевоенные годы в сельском хозяйстве СССР происходили многочисленные преобразования, призванные обеспечить восстановление и дальнейшее развитие отрасли. Среди них было и массовое преобразование колхозов в совхозы. Массовое преобразование артелей в совхозы началось в СССР в 1954 г., а на Урале несколько позже — в 1957 году. В этот год на их базе в регионе было организовано 58, в 1958 г. — 9, в 1959 г. — 6, а в 1960 г. — 67 совхозов. Всего за эти годы на Урале на базе 1207 колхозов было создано 140 совхозов. В них трудилось примерно 150,0 тыс. человек, в основном бывших колхозников [5]. Расширение совхозной системы происходило и в Башкирии. Помимо преобразования колхозов в совхозы, в республике создавались и целинные совхозы. Среди них зерносовхозы «Урал» и «Хайбуллинский» [17, 25]. В результате, если в 1954 г. в республике имелись 52 совхоза, и в их основном производстве были заняты 23,5 тыс. работников, то в 1960 г. насчитывалось уже 70 совхозов. В основном производстве этих хозяйств трудилось 69,3 тыс. человек [23, 24].

Больше всего возросла численность работников машинно-тракторных станций, на протяжении 1951–1955 гг. она увеличилась в Башкирии в 4,5 раза. Однако вскоре начинается резкое сокращение численности персонала МТС, что было связано с реорганизацией машинно-тракторных станций. В Башкирии численность персонала уменьшилась с 84,7 тыс. человек в 1955 г. до 6,8 тыс. в 1960 г. (табл. 2) Изменение социального статуса бывших работников МТС привело к тому, что многие из них стали уходить из колхозов и перебираться в города.

Таким образом, на протяжении 1940–1950-х гг. численность рабочих и служащих в Башкирии постоянно увеличивалась. Наиболее интенсивно росли кадры промышленности, а также совхозов и МТС. Темпы роста численности занятых в сельском хозяйстве Башкирии были достаточно высокими, однако этот процесс шел скачкообразно.

Наиболее высокие темпы роста характерны для 1941–1945 и 1954–1957 гг. и были вызваны чрезвычайными мерами по укреплению сельского хозяйства. Быстрый рост числа занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих при одновременном сокращении численности колхозников означал дальнейшее снижение социально-экономической роли крестьянства. Административное, по преимуществу, превращение колхозника в рабочего явилось продолжением начатого в годы коллективизации «раскрестьянивания» сельских тружеников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Ахмадиева, Н.В.** Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945–1965 годы [Текст] / Н.В. Ахмадиева. — Уфа : Гилем, 2008. — 174 с.
2. **Ахмадиева, Н.В.** Башкирская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) [Текст] / Н.В. Ахмадиева. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. — 180 с.
3. **Богденко, М.Л.** Совхозы СССР : 1951–1958 [Текст] / М.Л. Богденко. — М. : Наука, 1972. — 376 с.
4. **Вылцан, М.А.** Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958) [Текст] / М.А. Вылцан. — М. : Мысль, 1976. — 263 с.
5. ГА РФ. Ф. 262. Оп. 8. Д. 1026. Л. 24.
6. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам : 1917–1957 гг. [Текст] : сб. док. : [В 4 т.]. Т. 3. / [сост. В.Н. Малин, А.В. Коробов] / — М. : Госполитиздат, 1957–1958. — 863 с.
7. **Зеленин, И.Е.** Совхозы в СССР : 1941–1950 [Текст] / И.Е. Зеленин. — М. : Наука, 1969. — 344 с.
8. **Илишев, Г.Ш.** Башкирская деревня в первые послевоенные годы : 1946–1950 гг. [Текст] / Г.Ш. Илишев. — Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1988. — 163 с.
9. История советского крестьянства [Текст] : в 5 т. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / [М.Л. Богденко, О.М. Вербицкая, И.М. Волков и др.]. — М. : Наука, 1988. — 395 с.
10. **Корнилов, Г.Е.** Уральская деревня в период Великой Отечественной войны : 1941–1945 гг. [Текст] / Г.Е. Корнилов. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 203 с.
11. **Мотревич, В.П.** Сельское хозяйство Урала в показателях статистики : 1941–1950 гг. [Текст] / В.П. Мотревич. — Екатеринбург : Наука, Урал. отд-ние, 1993. — 307 с.

12. **Мотревич, В.П.** Валовая продукция сельского хозяйства Урала : 1941–1960 гг. [Текст] : препринт / В.П. Мотревич. — Свердловск : Б. и., 1991. — 72 с.
13. ГА РФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 375. Л. 28–30, 125.
14. **Хисамутдинова, Р.Р.** Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны : Малоизвестные страницы [Текст] / Р.Р. Хисамутдинова. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2002. — 299 с. — 300 с.
15. ГА РФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 376. Л. 4, 5, 20.
16. ГА РФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 379. Л. 4.
17. ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 4582. Л. 160.
18. ГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 1250. Л. 3.
19. ГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 1596. Л. 2.
20. ГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 3651. Л. 13.
21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 3733. Л. 67.
22. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 6036. Л. 62.
23. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5444. Л. 19.
24. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 7168. Л. 15.
25. РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 6. Д. 1125. Л. 86.

V.P. Motrevich

Bashkir Autonomous Soviet socialist Republic Agricultural Workers and employees in the 1940–1950s (the number and composition of)

Motrevich Vladimir Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the History of State and Law Department of the Ural State Law University; e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru.

Abstract. The problem of changing the number and composition of workers and employees of agriculture in Bashkiria in dynamics over a twenty-year period is considered. Information is provided on the number of people employed in machine and tractor stations, state farms and subsidiary farms, and agricultural services.

Keywords: Bashkiria, the Great Patriotic War, the postwar years, collective farmers, workers and office workers, machine and tractor stations, state farms, subsidiary plots, veterinary medicine.

БОРЬБА С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ²

Аннотация. В статье показан рост преступности хозяйственного характера в годы Великой Отечественной войны, вызванный дефицитом ресурсов и снижением уровня жизни людей. Охарактеризованы виды преступлений на промышленных предприятиях: нарушения законности в расходовании и хранении вспомогательных материалов и отходов производства, хищения и разбазаривание продуктов питания, материалов и оборудования в ведомственных ОРСах, столовых, магазинах-распределителях, рабочих общежитиях, кражи имущества предприятия отдельными работниками. Показано, что борьбу с нарушениями законности вели не только правоохранительные органы, но и контрольно-ревизионные службы, партийные и профсоюзные организации. Выявлены факторы, снижавшие эффективность работы правоохранительных органов: нарушение принципов неотвратимости наказания и равенства всех перед законом, низкий уровень квалификации судей и работников правоохранительной системы, лояльное отношение к девиантности в массовом сознании населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, экономическая преступность, промышленные предприятия, Челябинская область.

В экстремальных условиях Великой Отечественной войны возросло количество преступлений экономического характера, поскольку обострение проблемы дефицита ресурсов способствовало ужесточению борьбы за них. Изучение исторического опыта борьбы с экономическими преступлениями позволит определить масштабы, механизмы, способы противодействия и оценить, как позитивные, так и негативные их последствия. Целью данной статьи является изучение видов экономических преступлений на промышленных предприятиях, трудностей работы правоохранительных органов и ответственности по противодействию противозаконных действий в годы

¹ Потемкина Марина Николаевна, д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск; e-mail: tpotemkina@mail.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00185.

Великой Отечественной войны. Источниковую основу исследования составили документы по Челябинской области, извлеченные из центральных и региональных архивов [1].

Наиболее типичными видами преступлений на промышленных предприятиях уральского тыла в годы войны были: незаконное расходование вспомогательных материалов и отходов производства, хищения и разбазаривание продуктов питания, материалов и оборудования в ведомственных ОРСах (отделах рабочего снабжения), столовых, магазинах-распределителях, рабочих общежитиях, кражи имущества предприятия отдельными работниками.

Вспомогательные материалы на предприятиях расходовались не по нормам, а «по факту», оформлялись в лучшем случае распоряжениями директора или начальников цехов. В начале 1943 г. были введены требования документированного учета к использованию и хранению вспомогательных материалов. Но в силу объективных (нехватка счетных работников, отсутствие дополнительных складских помещений) и субъективных причин выполнялись они неудовлетворительно. Летом – осенью 1944 г. органами Государственного Контроля СССР была произведена масштабная проверка промышленных предприятий Наркомата черной металлургии на предмет учета и хранения вспомогательных материалов. Проверка выявила многочисленные нарушения в учете и хранении таких материалов, как бензин, бензол, уголь, мазут, кокс, фанера, картон. Если погрешности в учете (если это не было связано с хищением) подпадали под административную ответственность, то использование отходов производства и вспомогательных материалов вне промышленного предприятия квалифицировалось как «незаконный отпуск на сторону» в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 10.02.1941г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» [2, л. 43].

Так, на Магнитогорском металлургическом комбинате за 2-е полугодие 1943г. и 1-й квартал 1944г. было отпущено разных материалов и изделий (бензин, керосин, бензол, цемент, каустическая сода, электролампы, серная и соляная кислота, спецодежда, обувь, посуда и др.) на 708,9 тыс. руб. в большинстве своем без разрешения Наркомчермета [2, л. 43]. В данном конкретном случае директору комбината Г.И. Носову было «поставлено на вид». Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что, как правило, руководители и ответственные работники заводов не привлекались к уголовной ответственности, им предлагалось действовать впредь с соблюдением

законности, иногда применялись административные виды наказаний. Контролирующие и судебные органы понимали специфику военного положения и важность выполнения промышленными предприятиями заказов фронта и действовали, руководствуясь принципом целесообразности [3].

В годы войны были воссозданы ОРСы на предприятиях, призванные способствовать улучшению обеспечения работников предприятий продуктами питания и товарами первой необходимости. Но в процессе функционирования выявился целый ряд недостатков в их работе, одним из которых стали многочисленные хищения и растраты продуктов питания. Так, на Челябинском металлургическом заводе часть талонов УДП (усиленное дополнительное питание), предназначенных для работников, перевыполнявших норму, расходовалась не по назначению; проверки обнаружили недостачу продуктов в столовых, на складе, в подсобном хозяйстве, от перевозки продуктов из совхозов в ОРС [4, л. 101–112]. Аналогичные нарушения существовали повсеместно. Виновные выявлялись, уголовные дела передавались в суд. Но следует отметить, что зачастую наказывались рядовые работники, а руководителям ОРСов и их подразделений удавалось избежать уголовного наказания. Если их снимали с работы, то вскоре руководство предприятий, как правило, снова принимало их на те же должности. Наличие массовых недостач и хищений в ОРСах в аналитических записках военного времени объяснялось неупорядоченностью учета, недостаточным проведением периодических и внезапных ревизий, отсутствием работы с кадрами [5, л. 38]. В дополнение следует отметить, что часто сами руководители неофициально инициировали нарушения, превращая ОРСы (а также закрытые спецмагазины и пр.) в инструмент перераспределения товаров в пользу руководящего состава и обслуживающего персонала. Дело было не в личности руководителя, а в системе сложившихся производственных взаимоотношений между различными структурными подразделениями. Значительное количество нормированных товаров приходилось расходовать на стимулирование заготовок, в уплату за услуги, оказываемые отдельным заводам и ОРСам, на устройство вечеров и банкетов для приезжавшего с проверками вышестоящего начальства и т. д.

Одним из видов преступлений были мелкие хищения на промышленных предприятиях. Их доля среди уголовных дел, рассматриваемых народными судами, была достаточно велика. Например, из 504 дел, поступивших в народные суды г. Магнитогорска за 4-й квартал 1942г., 79 были делами этой категории, из 496 дел,

поступивших в 1-м квартале 1943г., — 87 дел соответственно [6, л. 22]. В основном это были: незаконное списание с последующим присвоением предметов быта в рабочих общежитиях, кражи денег и личных вещей в заводских столовых, раздевалках, мелкие кражи из цехов или производственных складов [7, 8, 9]. Меры наказания по делам такой категории варьировались тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, иногда применялись конфискация имущества и поражение в правах. Гражданин Б. будучи кастеляном производственного общежития, списывал белье как утиль, а сам торговал им, чем нанес ущерб на 18320 рублей. Приговорен судом 16 сентября 1943 года по статье 109 УК РСФСР к 4 годам с конфискацией имущества [8, л. 1–5]. Гражданин К. украл деньги и личные вещи в гардеробе заводской столовой, за что был приговорен к 2 годам тюремного заключения. Нередкими были кражи с территории предприятия. Так, 13 мая 1944 года работник металлургического комбината гражданин Ц. в сговоре с водителем П. вывезли с территории предприятия 150 листов металла и переложили их в автомобиль шофера молочной базы гражданина П. В дальнейшем планировали обменять краденое на продукты питания в сельской местности. Суд квалифицировал преступление по ст. 162 УК РСФСР и приговорил подсудимых к 5 годам тюремного заключения [9, л. 9]. Случаи мелких краж с целью обмена на продукты питания были типичны для военного времени и продиктованы полуголодным существованием жителей советского тыла. Следует заметить, что общественное мнение лояльно относилось к такому рода проявлениям девиантности. Показателен в этом отношении случай, произошедший в пятой столовой треста Магнитострой в начале 1943 г. Хлеборезчица гражданка Х. установила у себя недостачу хлеба и, желая ее покрыть, начала отписываться талонами образца 1942 г., которые у нее имелись в запасе дома. Во время следствия и на судебном заседании все сотрудники столовой, включая заведующую, пытались защитить обвиняемую. Но суд не принял во внимание смягчающие обстоятельства и осудил гражданку Х. к 3 годам лишения свободы. В аналитической записке в Магнитогорский горком партии этот пример был приведен как «безобразный случай, когда отдельные работники общественного питания, вместо того чтобы разоблачать расхитителей, становятся на сторону их защиты» [6, л. 45]. Анализ многочисленных судебных дел о мелких кражах на предприятиях демонстрирует чрезмерную жестокость применяемых наказаний в период военного времени. Показателен следующий пример. Гражданин Т., начальник участка цеха 14 завода

№ 250 г. Златоуста, пытался 9 февраля 1942 г. вынести с предприятия поллитра спирта, похищенного им в цехе, на проходной был задержан, спирт был отобран. Гражданин Т. был исключен из рядов ВКП(б), решением суда осужден сроком на 1 год лишения свободы. Но в то же время, очевидно нехватка квалифицированных кадров приводила к тому, что судимость не являлась препятствием для восстановления на прежних должностях на тех же промышленных предприятиях. В данном конкретном случае гражданин Т. после отбытия наказания продолжил работать на заводе в должности председателя цехкома цеха № 13 и в апреле 1944 г. был восстановлен в партии [10, л. 23].

Однако центральное и местное руководство прекрасно понимало, что одни репрессивные меры не способны обеспечить борьбу с этим видом преступлений. Поэтому, помимо ревизионных проверок инспекторов Госконтроля и прокуратуры, ежедневной работы правоохранительных и судебных органов, в деятельность по выявлению преступлений хозяйственного характера на промышленных предприятиях активно включались партийные и профсоюзные организации, организовывавшие проверки с помощью общественных контролеров, а также проводившие разъяснительную работу.

Таким образом, количество преступлений экономического характера на промышленных предприятиях в годы Великой Отечественной войны увеличилось в силу роста дефицита производственных и продовольственных ресурсов. Борьбу с нарушениями законности вели не только правоохранительные органы, но и контрольно-ревизионные службы, партийные и профсоюзные организации. Эффективность работы по выявлению и предотвращению экономических преступлений снижалась вследствие следующих факторов: нарушения принципов неотвратимости наказания и равенства всех перед законом (что проявлялось в чрезмерно жестоком наказании рядовых работников за мелкие хищения и освобождением от наказания руководителей предприятий и их подразделений), низкого уровня квалификации судей и работников правоохранительной системы, лояльного отношения к девиантности в массовом сознании населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Потемкина, М.Н. *Экономическая преступность в Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны: информационный потенциал исторических источников [Текст] / М.Н. Потемкина // Вестн. Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. — 2019. — Т. 29. — № 4. — С. 656–659.*

2. ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 18. Д. 30.
3. Пасс, А.А. *Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны [Текст] : по страницам журнала «Социалистическая законность» 1941–1945 гг. / А.А. Пасс // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2019. — Т. 19. — № 2. — С. 29–34.*
4. ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 18. Д. 14.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.121. Д. 310.
6. ОГАЧО. Ф. П-234. Оп.17. Д. 88.
7. МКУ «Государственный архив» г. Магнитогорска. Ф. 140. Оп.1. Д. 7.
8. МКУ «Государственный архив» г. Магнитогорска. Ф. 140. Оп.1. Д. 14.
9. МКУ «Государственный архив» г. Магнитогорска. Ф. 140. Оп.1. Д. 169.
10. РГАСПИ. Ф. 589. Оп.5. Д. 924.

M.N. Potemkina

The fight against Economic Crime at the Chelyabinsk Region Enterprises during the Great Patriotic war

Potemkina Marina Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World history, Nosov Magnitogorsk State Technical University;

e-mail: mpotemkina@mail.ru.

Abstract. *The article shows the growth of economic crime during the great Patriotic war, caused by a shortage of resources and a decrease in the standard of living of people. The types of crimes in industrial enterprises are characterized: violations of the law in the expenditure and storage of auxiliary materials and production waste, theft and squandering of food, materials and equipment in departmental Offices, canteens, distribution stores, working dormitories, theft of enterprise property by individual employees. It is shown that not only law enforcement agencies, but also control and audit services, party and trade Union organizations fought against violations of the law. The factors that reduced the effectiveness of law enforcement agencies were identified: violation of the principles of inevitability of punishment and equality of all before the law, low level of qualification of judges and law enforcement officials, loyal attitude to deviance in the mass consciousness of the population.*

Keywords: *Great Patriotic war, economic crime, industrial enterprises, Chelyabinsk region.*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ТАГИЛА В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА²

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в половозрастном составе населения города Нижний Тагил, произошедшие в период 2002-2010 гг. Автором выявлены тенденции старения населения города, а также усиления диспропорции между полами из-за более высокой смертности мужчин.

Ключевые слова: население Нижнего Тагила, половозрастная структура населения.

Начиная с 1990-х годов, одной из преобладающих демографических тенденций в г. Нижний Тагил является сокращение численности его жителей. За период с 1991 по 2018 г. население города уменьшилось на 70 тысяч человек (на 16,5%)³. Свой вклад в данную тенденцию внесли и естественное и механическое движение тагильчан, но естественная убыль населения повлияла более существенно. Пониманию причин неблагоприятной демографической ситуации, наблюдающейся в Нижнем Тагиле и в настоящее время, может способствовать анализ изменения половозрастной структуры населения города, которая меняется под влиянием предшествующих демографических событий, но и сама, в свою очередь, активно влияет на все демографические показатели.

Половозрастная структура тагильчан, сформировавшаяся к началу 2000-х гг., была зафиксирована Всероссийской переписью населения 2002 г. (см. табл. 1). Согласно ее данным, в Нижнем Тагиле проживало 179975 мужчин и 210523 женщины, т. е. на 100 женщин приходилось 86 мужчин.

По сравнению с 1989 г., когда на 100 женщин в городе в среднем приходилось 90 мужчин, диспропорция между полами увеличилась.

¹ Тараканов Максим Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры Общественных дисциплин, Филиал ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения» в г. Нижний Тагил; e-mail: katar.mik@rambler.ru.

² Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №20-09-00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX – начале XXI вв.: региональный аспект».

³ Подсчитано по данным Российского статистического ежегодника [1, 6].

В составе постоянного населения «женский перевес» за 13 лет вырос с 23851 человека до 30548 человек, а удельный вес числа мужчин уменьшился на 2,5% – до 46,1%.

Таблица 1

Половозрастная структура постоянного населения г. Нижний Тагил по данным переписи 2002 г.¹

Возраст, лет	Мужской пол	Женский пол	Число мужчин на 100 женщин
0–4	8122	7706	105
5–9	8170	7797	105
10–14	12275	11610	106
15–19	17005	16995	100
20–24	16494	16417	101
25–29	17197	16226	106
30–34	13981	13315	105
35–39	12745	13049	98
40–44	15525	17132	91
45–49	14936	17516	85
50–54	13431	16197	83
55–59	6420	8344	77
60–64	8172	12765	64
65–69	6179	11138	56
70–74	5248	11080	47
75–79	2714	7959	34
80 лет и старше	1198	5111	23
Неизвестный возраст	163	166	98
Итого	179975	210523	86

Аналогичная тенденция наблюдалась и на областном уровне. Среди городского населения Свердловской области удельный вес лиц мужского пола сократился за 1989–2002 годы с 46,4 до 45,9%.

¹ Источник: статистический сборник [2, с. 121]

Увеличение разрыва в удельном весе полов стало следствием более высокой смертности мужчин, особенно в трудоспособном возрасте. Среди общего числа умерших в 2000–2002 гг. тагильчан доля лиц мужского пола колебалась в диапазоне от 55,1 до 58,5%. При этом, если в трудоспособном возрасте умирало 13–16% женщин, то мужчин 45–47%¹ [3, 7, 8, 9].

Важную роль в увеличении разрыва между полами сыграло и снижение рождаемости в 1990-х годах. Поскольку мальчиков среди новорожденных всегда больше, чем девочек, то увеличение чисел родившихся, как и их сокращение, влияет на изменение доли мужчин в населении. Если в 1989 г. в Нижнем Тагиле в возрастной группе младше 10 лет мальчиков было больше, чем девочек на 1437 человек, то в 2002 г. — уже только на 789 человек.

Перепись 2002 г. зафиксировала в Нижнем Тагиле преобладание мужчин в половозрастном составе населения до 35-летнего возраста (исключением являлась возрастная группа 15–19 лет — в ней наблюдалось равновесие между полами). В остальных возрастных группах преобладали женщины. Особенно большой разрыв начинался с возраста 70–74 года, который увеличивался вплоть до самых старших возрастов. Если в возрастной группе 70–74 года женщин было в 2,1 раза больше, чем мужчин, то в возрасте 75–79 лет уже в 2,9 раза больше, а в возрастной группе от 80 лет и старше — в 4,3 раза. Таким образом, наиболее сильная диспропорция между полами отмечалась у поколений, которые принимали участие в военных действиях в годы Великой Отечественной войны и понесли огромные потери. Кроме того, оказал свое влияние на соотношение между полами и более низкий показатель продолжительности жизни у мужчин, чем у женщин.

По своей возрастной структуре население Нижнего Тагила было старым уже в конце 1980-х годов. В соответствии со шкалой демографического старения ООН, население считается молодым, если в его составе доля лиц в возрасте 65 лет и старше менее 4%. Если доля составляет 4–7%, то население находится на пороге старости, а если равна 7% и более, то население считается старым. В Нижнем Тагиле в 1989 г. в указанном возрасте находились 8,6% жителей. Молодежь до 30 лет в городе составляла менее половины всего населения — 43,7%.

¹ Подсчитано по данным МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив» [3, 7, 8, 9].

Перепись 2002 г. зафиксировала дальнейшее развитие процесса старения населения Нижнего Тагила. Удельный вес горожан в возрасте от 65 лет и старше вырос по сравнению с 1989 г. в 1,5 раза (до 13%). Доля возрастной группы 0–9 лет за период между переписями сократилась с 15,1 до 8,1%.

Данные переписи 2002 г. позволяют определить тип возрастной структуры тагильчан, сложившейся к началу 2000-х годов. В демографии выделяют три типа возрастной структуры населения: прогрессивный, стационарный и регрессивный. Прогрессивная возрастная структура характеризуется резким перевесом возрастной группы 0–14 лет над группой 50 лет и старше, стационарная — небольшим перевесом группы 0–14 лет, а регрессивная — перевесом группы 50 лет и старше над группой 0–14 лет. Прогрессивный тип обеспечивает численный рост населения, причем каждый последующий год приносит все большее число рождений. При стационарной структуре ежегодное число рождений равно ежегодному числу смертей, а в каждом последующем году рождаемость численно равна рождаемости предыдущего года. Регрессивный тип вследствие понижающегося из года в год уровня рождаемости и повышения уровня смертности в последующих поколениях приводит к постепенному уменьшению численности населения — депопуляции.

В Нижнем Тагиле в 2002 г. наблюдался двукратный перевес возрастной группы 50 лет и старше (ее удельный вес равнялся 29,7%) над возрастной группой 0–14 лет (с удельным весом 14,2%), т. е. возрастная структура жителей города относилась к ярко выраженному регрессивному типу, для которого характерна естественная убыль населения. В 2000–2002 гг. город ежегодно терял от отрицательного естественного прироста более 3000 жителей.

Вторая перепись, проведенная в рассматриваемый период — Всероссийская перепись 2010 г., отразила сохранение основных негативных тенденций в изменении половозрастного состава тагильчан.

В половой структуре жителей города было отмечено новое увеличение диспропорции между мужчинами и женщинами (см. табл. 2). Несмотря на то что, по сравнению с 2002 г., в городе снизилась и численность женщин (на 6,2%) и численность мужчин (на 8,7%), количество последних из-за высокой преждевременной смертности сокращалось более быстрыми темпами. В результате численность женщин превысила численность мужчин на 33069 человек, а удельный вес лиц мужского пола в составе населения города уменьшился

на 1,5% — до 45,4%. В 2010 г. в Нижнем Тагиле на 100 женщин, в среднем, приходилось уже только 83 мужчины.

Таблица 2

**Половозрастная структура постоянного населения
г. Нижний Тагил по данным переписи 2010 г.¹**

Возраст, лет	Мужской пол	Женский пол	Число мужчин на 100 женщин
0–4	9904	9586	103
5–9	9067	8662	105
10–14	7507	7221	104
15–19	8740	8914	98
20–24	14357	14280	101
25–29	16636	15818	105
30–34	15541	15180	102
35–39	13846	14025	99
40–44	10831	11616	93
45–49	11653	13638	85
50–54	12480	15991	78
55–59	11710	16220	72
60–64	8533	12885	66
65–69	3504	6308	56
70–74	5088	11403	45
75–79	2602	7003	37
80 лет и старше	2282	8563	27
Неизвестный возраст	90	127	71
Итого	164371	197440	83

Такие изменения в половой структуре тагильчан полностью дублировали ситуацию, сложившуюся на областном уровне. Среди

1 Источник: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [4]

городского населения Свердловской области удельный вес лиц мужского пола снизился, по сравнению с 2002 г., на 1% (до 45,4%), и на 100 женщин, в среднем, также уже приходилось 83 мужчины.

Дальнейшая деформация половозрастной структуры населения проявилась в том, что к 2010 г. в Нижнем Тагиле было утрачено равновесие между полами в возрастной группе 15–19 лет, а также значительно усилилась диспропорция между ними в сторону преобладания женщин в возрастных группах 50–54 года и 55–59 лет. Перевес мужчин в возрастах 0–4 года, 10–14 лет и 30–34 года заметно сократился.

Демографическое будущее населения напрямую связано с числом потенциальных матерей — женщин в репродуктивном возрасте (15–49 лет). Последняя из проведенных на данный момент переписей, зафиксировала уменьшение среди жителей Нижнего Тагила удельного веса женщин фертильного возраста. По сравнению с 2002 г. он снизился на 8,8% (до 25,8%). Численность женщин репродуктивного общества сократилась на 17179 человек.

В 2010 г. в городе сохранялся регрессивный тип возрастной структуры населения. Возрастная группа 50 лет и старше по своему удельному весу превосходила возрастную группу 0–14 лет уже в 2,4 раза. Основную роль в увеличении перевеса сыграло значительное возрастание доли возрастной группы 50 лет и старше, по сравнению с 2002 г., выросшей на 15,8%.

Период между переписями 2002 и 2010 г. характеризовался продолжающимся процессом демографического старения населения Нижнего Тагила (см. табл. 3). За 2002–2010 гг. количество жителей города в возрасте старше трудоспособного увеличилось на 4483 человека (на 5,6%).

Таблица 3

**Динамика численности населения г. Нижний Тагил
по основным возрастным группам в 2002–2010 гг.**

Население в возрасте	Годы			
	2002		2010	
	человек	%	человек	%
моложе трудоспособного	62311	16,0	55186	15,3
в трудоспособном	247950	63,5	222017	61,4
старше трудоспособного	79908	20,5	84391	23,3

Численность тагильчан моложе трудоспособного возраста сократилась на 7125 человек (на 11,4%), в связи с выходом из данной возрастной группы относительно многочисленного поколения родившихся в конце 1980-х гг. и вступлением в нее малочисленного поколения, родившихся в конце 1990-х гг., когда уровень рождаемости в городе был самым низким за весь XX век. На этом фоне, небольшим позитивным моментом стало увеличение, по сравнению с 2002 г., доли возрастной группы 0–9 лет на 27,2% (до 10,3%) в связи с ростом рождаемости в 2000-х годах.

Численность населения в трудоспособном возрасте в Нижнем Тагиле за 8 лет сократилась на 25933 человека (на 10,5%). Одним из следствий такого сокращения стало увеличение показателя демографической нагрузки — числа лиц нетрудоспособного возраста, приходящихся на лиц трудоспособного возраста. Если в 2002 г. на 1000 жителей города трудоспособного возраста приходилось 574 человека нетрудоспособного возраста, то к 2010 г. демографическая нагрузка выросла до 629 человек.

Серьезную тревогу вызывает то, что данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Согласно данным областной статистики по состоянию на 1 января 2019 г. в Нижнем Тагиле численность населения в трудоспособном возрасте составляла уже только 192207 человек, а его удельный вес равнялся 54,6% [5]. В очередной раз выросла и демографическая нагрузка — до 832 человек, что негативно влияет на социальную и экономическую ситуацию в городе.

Подводя итог, следует отметить, что та половозрастная структура, которая сложилась в городе в 2002–2010 гг. не способствует преодолению депопуляционной тенденции в Нижнем Тагиле и снижает эффект от мер демографической политики, направленной на повышение рождаемости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Российский статистический ежегодник [Текст] : стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России); [Редкол.: В.Л. Соколин — пред. и др.]. — Офиц. изд. — М. : Гос. комитет РФ по статистике, 2001. — С. 99.*
2. *Половозрастной состав населения Свердловской области : итоги Всероссийской переписи населения 2002 года [Текст]: стат. сб. / Федер. служба гос. стат., Территор. орган федер. службы гос. стат. по Свердл. обл. — Екатеринбург, 2004. — 291 с.*
3. НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 835. Л. 67.

4. *Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года по Свердловской области : в 11 т. Т. 2 : Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Упр. Федер. службы гос. стат. по Свердловской области и Курганской области [сайт]. — 2012. — URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/34568> (дата обращения 14.01.2020).*

5. *Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования : Городские округа Свердловской области : Город Нижний Тагил за 2019 год : Территория [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. стат. [сайт]. — 2020. — URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=657510002019 (дата обращения 14.01.2020).*

6. *Российский статистический ежегодник [Текст]: Стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России); [Редкол.: В.Л. Соколин — пред. и др.]. — Офиц. изд. — М. : Гос. ком. Рос. Федерации по статистике. — С. 93.*

7. НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 858. Л. 146.

8. НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 28.

9. НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 910. Л. 57.

M.Y. Tarakanov

The Population of Nizhny Tagil Demographic Structure at the Beginning of the XXI Century

Tarakanov Maksim Yuryevich, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, the Department of General Scientific Disciplines of Ural State University of Railway Transport, the Nizhny Tagil branch;

e-mail: katar.mik@rambler.ru.

Abstract. *The article deals with the changes in gender and age structure of the population which took place in the town of Nizhny Tagil within 2002–2010. The author revealed the tendency of population ageing in the town and the intensification of disproportion between the genders due to a higher male mortality rate.*

Keywords: *the population of Nizhny Tagil, gender and age structure of the population.*

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ²

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты исследования городской повседневности позднесоветской эпохи в современной историографии. Обращается внимание на основные концептуальные подходы, возможности междисциплинарной коммуникации, вариативной исследовательской оптики.

Ключевые слова: историография, позднесоветская эпоха, история повседневности, визуальная антропология.

В современной историографии для осмысления позднесоветской истории используется обширный инструментарий социальной, политической, экономической, глобальной, культуральной, антропологической истории, микроистории, имагологии, визуальной антропологии, урбанистики и др. теоретико-методологических подходов.

Исследователями используется ряд концептов, объясняющих историю Советского Союза от Великой Победы до распада государства (тоталитаризм, советская цивилизация, советская модернизация, мобилизационная система, реальный социализм, индустриальный социализм, советский проект и др.). Существенное воздействие на общественные (и отчасти научные) представления оказывает мифологическая составляющая: «сталинский тоталитаризм», «красная империя», «брежневский застой», «золотой век советского социализма», «катастрофка» и др. В пространстве исторической памяти среди различных теоретических построений и мифологем наиболее востребованы три образа недавнего советского прошлого: «оптимистический», «пессимистический», «прагматический».

Первый из них, в значительной мере продолжая советскую историографическую традицию, базируется на признании СССР одной из ведущих мировых держав в истории второй поло-

¹ Трофимов Андрей Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург; e-mail: 2519612@rambler.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ».

вины XX в., для которой. необходимой платой за сохранение своего геополитического положения в мире в условиях «холодной войны» являлась мобилизационная модель развития общества во главе с сильным, идеологически ориентированным на построение социализма и коммунизма государством, «красной империей». «Пессимистический» образ основан на констатации имманентно присущего советскому проекту исторической бесперспективности, «утопии у власти», не выдержавшей конкуренции с Западом как в силу избыточных внешнеполитических амбиций, так и в силу внутренней неэффективности, неспособность обеспечить достойный уровень и качество жизни населения. «Прагматический» образ строится вокруг утверждения о движении СССР от традиционного к современному обществу отличным от Запада путем, что подтверждается модернизационными трансформациями в политической, экономической, социокультурной сферах. Социалистический проект был непосредственно связан с проблемой преодоления отставания от западных стран в уровне социально-экономического развития, а советская модернизация органично вписывалась в традиционную, мобилизационно-распределительную модель развития российского общества.

В русле междисциплинарного диалога исследователи обращаются к проблемам межличностного и межгруппового взаимодействия, рассмотрению происходящих процессов с позиции их участников; исследованию различных видов социальных практик политической, экономической, поведенческой культуры; интерпретации эго-источников и др. Значительное внимание в современной историографии уделяется разработке методологических аспектов истории повседневности, определению структуры повседневности и основных направлений в ее изучении, использованию в исследованиях микроисторических подходов.

При изучении хода, содержания, специфики урбанизационных процессов значительное внимание уделяется проблематике городской повседневности, посредством выявления общих характеристик повседневной жизни в целом и советской в частности. Если для советской историографии был характерен акцент на сознательности людей, заинтересованности в результатах своего труда и стремлении в кратчайшие сроки построить «светлое будущее», то в современных исследованиях на первый план выходит рассмотрение внутренних противоречий, присущих советскому обществу. К проблемным полям исследований советской повседневности относят [1, с. 34]

формирование советского «ландшафта»; изменение публичного и частного жилищного пространства горожанина; качество жизни советского человека; гендерные аспекты советской повседневности; советское детство: школа и детская литература, детское кино и театр; миграция как фактор повседневности: бегство и высылка, переселение и переезд, «покорение Севера» и распределение.

В современной историографии при исследовании различных групп советского социума и отдельных феноменов советской городской повседневности применяются методология социокультурного подхода и методы исторической антропологии, активно изучаются источники личного происхождения. На их основе показываются противоречия в создании и реформировании инфраструктуры учреждений и организаций заботы и контроля, усилия властей по конструированию аномалий и девиаций, привлечению общественности к возведению границ между «своими» и «чужими», нормированию и упорядочению социальных идентичностей, стратегий, практик и отношений в городской повседневности, выявляются представления, настроения и ожидания граждан, востребованные модели трудовой деятельности, свободного времени, отдыха, потребления [1–11]. Появились работы, посвященные изучению феномена коммунальных жилых пространств, являвшихся как минимум до середины 1960-х гг. существенной частью повседневной жизни основной массы городского населения. В них исследователи описывают типичные структуры коммунальных квартир, бытовой уклад и правила жизни в них, специфику взаимоотношения жильцов и т. п. [12–15].

Исследования социальной политики в СССР с позиций феноменологического подхода ведутся в контексте культуры и ее бытования в повседневности, в данном ракурсе рассматриваются локальные микроистории социального реформирования и социальной помощи, выявляются существовавшие в подсоветском социополитическом и культурном пространстве подходы к определению социальных проблем и способов их разрешения, нормированию и упорядочению социальных идентичностей [10, 16–18].

В современных исследованиях позднесоветской городской повседневности видны результаты визуального поворота исторической науки, о чем свидетельствует как широкое использование понятий «образ», «облик», «картина», «ландшафт» и др., так и включение визуальных источников (кинодокументов, теле-, видеозаписей, фотодокументов) в исторические исследования [19, с. 104].

Являясь инструментом анализа истории повседневности, визуальная антропология используется современными исследователями для изучения таких тем, как: «политическая инструментализация визуальных образов», «столкновение культур: специфика визуальной репрезентации», «образы власти в визуальном конструировании пространства», «образы повседневности и культура потребления» [20]. Помимо исследований визуальной составляющей советской жизни в пределах визуальной антропологии существуют и традиционные исследования, главным образом художественной визуальной культуры, ключевым объектом которых выступает феномен социалистического реализма, его характерные черты и эволюция во времени, положение автора в системе идеологополитического заказа и т. д. [21, 22, 23]. Визуальная антропология за последние годы стала важным инструментом познания советской действительности, человеческой жизни в Советском Союзе во многих ее аспектах, с особо пристальным вниманием к практикам повседневности.

Существующие в современном историографическом пространстве теоретико-методологические подходы (концепты «советской модернизации», «советской повседневности», «визуальной антропологии»), междисциплинарная коммуникация, вариативная исследовательская оптика, разнообразная и обширная источниковая база позволили существенно расширить представления о «феномене СССР» на всем протяжении его истории. Перспективы исследований позднесоветской городской повседневности, продолжение научных дискуссий о его природе и концептуальных образах связаны с сочетанием макро- и микроподходов, компаративным анализом различных периодов советской истории, использованием инструментария визуальной антропологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Орлов, И.Б. *Советская повседневность [Текст] : исторический и социологический аспекты становления* / И.Б. Орлов. — М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. — 320 с.
2. Гурова, О.Ю. *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью [Текст]* / Ольга Гурова. — М. : Новое лит. обозрение, 2008. — 288 с.
3. Иванова, А.С. *Магазины «Березка» : парадоксы потребления в позднем СССР [Текст]* / Анна Иванова. — М. : Новое лит. обозрение, 2017. — 304 с.

4. **Клинова, М.А.** Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие [Текст] / М.А. Клинова. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. — 428 с.

5. **Зубкова, Е.Ю.** Послевоенное советское общество : политика и повседневность : 1945–1953 [Текст] / Елена Зубкова. — М. : Изд-во «Полит. Энцикл.», 1999. — 229 с.

6. **Лебина, Н.Б.** Повседневность эпохи космоса и кукурузы [Текст] : деструкция большого стиля, Ленинград 1950–1960-е годы / Наталия Лебина. — СПб. : Книга : Победа, 2015. — 481 с.

7. **Лебина, Н.Б.** Мужчина и женщина: тело, мода, культура [Текст] : СССР — оттепель : [исследование] / Наталия Лебина. — М. : Новое лит. обозрение, 2014. — 208 с.

8. **Лебина, Н.Б.** Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю [Текст] / Наталия Лебина. — М.: Новое лит. обозрение, 2015. — 483 с.

9. **Васькин, А.А.** Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежневле [Текст] / Александр Васькин. — М. : Молодая гвардия, 2017. — 671 с.

10. **Ярская-Смирнова, Е.Р., Романов, П.В., Фицпатрик, Ш. и др.** Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 [Текст] : [монография] / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов, Ш. Фицпатрик и др. — М.: Вариант, 2008. — 373 с.

11. **Патрушев, В.Д.** Жизнь горожанина : 1965–1998 [Текст] / В.Д. Патрушев. — М. : Асадетиа, 2000. — 182 с.

12. **Бойм, С.** Общие места [Текст] : мифология повседневной жизни : [пер. с английского] / Светлана Бойм. — М. : Новое лит. обозрение, 2002. — 320 с.

13. **Вербина, О.В.** Повседневное пространство коммуналки: стратегии и практики проживания [Текст] / О.В. Вербина // Наука. Искусство. Культура. — 2015. — Вып. 3 (7). — С. 190–196.

14. **Герасимова, Е.Ю.** Советская коммунальная квартира [Текст] / Е.Ю. Герасимова // Социологический журнал. — 1998. — №1/2. — С. 224–243.

15. **Утехин, И.В.** Очерки коммунального быта [Текст] : 2-е изд., дополн. / И.В. Утехин. — М.: ОГИ, 2004. — 310 с.

16. Визуальная антропология: режимы видимости при социализме [Текст] / Под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — 444 с. — (Б-ка Журн. исслед. социальной политики).

17. **Сальникова, Е.В.** Советская культура в движении : от середины 1930-х к середине 1980-х : Визуальные образы, герои, сюжеты [Текст] : 3-е изд. / Е.В. Сальникова. — М. : URSS, 2014. — 480 с.

18. **Ткач, О.А.** Патриархат по-советски, или Большая семья на большом экране [Электронный ресурс] / О.А. Ткач // www.doc.knigi-x.ru [сайт]. — 2017. — URL: <http://doc.knigi-x.ru/22raznoe/98349-1-tkach-patriarhat-po-sovetski-ili-bolshaya-semya-bolshom-ekrane-vvedenie-patriarhat-odno.php> (дата обращения 19.01.2020).

19. **Мазур, Л.Н.** «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX—XXI вв.: в поисках новых методов [Текст] / Л.Н. Мазур // Диалог со временем. — 2014. — № 46. — С. 95–108.

20. Очевидная история [Текст] : проблемы визуальной истории России XX столетия : сборник статей / [редкол.: И.В. Нарский и др.]. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — 479 с.

21. **Круглова, Т.А.** Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма [Текст] / Т.А. Круглова. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. — 384 с.

22. **Янковская, Г.А.** Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма [Текст] : монография / Г.А. Янковская. — Пермь : Пермский гос. ун-т, 2007. — 312 с.

23. **Борев, Ю.Б.** Социалистический реализм : взгляд современника и современный взгляд [Текст] / Ю.Б. Борев. — М.: АСТ, 2008. — 478 с.

A.V. Trofimov

Urban Everyday Life of the late Soviet Era in Modern Historiography

Trofimov Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department history and philosophy, Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg;

e-mail: 2519612@rambler.ru.

Abstract. The paper deals with some aspects of the study of urban everyday life of the late Soviet era in modern historiography. Attention is drawn to the main conceptual approaches, the possibilities of interdisciplinary communication, and variable research optics.

Keywords: historiography, late Soviet era, history of everyday life, visual anthropology.

СЕКЦИЯ 3. Историко-культурное и индустриальное наследие — проблемы сохранения, изучения и музеефикации

УДК 738.1+73.03

А.Н. АФАНАСЬЕВА¹, Л.А. БУДРИНА²

ПЛАСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА 1920-Х ГОДОВ В СОБРАНИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Аннотация. В статье анализируются три фарфоровые скульптуры из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств, выполненные на Государственном фарфоровом заводе в 1920-х гг., в контексте их создания, рассматривается история их поступления, выявляется место этих произведений в собрании фарфоровой пластики музея.

Ключевые слова: Государственный фарфоровый завод, фарфоровая скульптура, Екатеринбургский музей изобразительных искусств, фарфор, агитфарфор.

Собрание Свердловской картинной галереи (в настоящее время — Екатеринбургского музея изобразительных искусств) начинает формироваться в 1936 г. на основе фондов художественного отдела Государственного областного музея, преемника существовавшего в Екатеринбурге с 1870 г. собрания Уральского общества любителей обществознания (УОЛЕ). В момент основания картинной галереи ее фонды

¹ Афанасьева Анна Николаевна, науч. сотр. отдела декоративно-прикладного искусства, МАУК «Екатеринбургский музей изобразительных искусств», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: aafanaseva009@gmail.com.

² Будрина Людмила Алексеевна, канд. искусствоведения, доц. кафедры истории искусств и музееведения, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

насчитывали около 1200 предметов, чуть более сотни из них составляли коллекцию произведений из фарфора и стекла [1, с. 31].

В настоящее время собрание Екатеринбургского музея изобразительных искусств насчитывает более 1000 предметов из фарфора. Значительное место (около одной трети) составляют произведения малой пластики. Произведения фарфоровой скульптуры, представленные в коллекции музея, отражают все этапы развития главного фарфорового производства России — Императорского, после 1917 г. — Государственного, а затем, с 1925 г., Ленинградского фарфорового завода.

Послереволюционный период в истории развития русского искусства, в том числе и в сфере художественного производства, по праву считается переломным. В 1917 г. Императорский фарфоровый завод в Петербурге, существующий под патронатом царского дома Романовых со времен своего основания в 1744 г., становится частью производственных мощностей Советского Союза и переименовывается в Государственный. В это время, когда заказы двора и русской аристократии перестали спонсировать главное фарфоровое производство страны, перед творческим коллективом завода были поставлены новые цели: создание массовой, доступной для трудящегося человека художественной продукции и пропаганда через ее декор идей советской власти. Однако ввиду отсутствия сырья работники зачастую прибегали к использованию старого дореволюционного «белья», т. е. готовых фарфоровых отливок, еще не прошедших стадии росписи и нанесения глазури, хранящихся в заводских кладовых [2, с. 113].

Фарфоровая скульптура 1920-х гг. отличается большим разнообразием форм и сюжетов, несмотря на целенаправленный программный курс советской пропаганды. Это зависело не только от развития художественных идей скульпторов, но и от трудоемкости и продолжительности процесса изготовления фарфоровых изделий: модели и композиции, созданные еще в начале XX в., нередко воспроизводились и в ранний советский период.

Данный этап развития фарфоровой пластики на Государственном фарфоровом заводе представлен в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств хоть и необширно — всего три фигурки, но знаково и интересно.

Скульптурная группа «Влюбленные» (инв. № Ф-344), выполненная на Ленинградском фарфоровом заводе им. Ломоносова — яркий пример воспроизведения проверенных дореволюционных моделей.

В 1968 г. по приказу городского отдела культуры скульптура была передана в собрание Свердловской картинной галереи.

Задуманная художником К.А. Сомовым в период его работы на Императорском фарфоровом заводе в 1905–1906 гг. композиция выпускалась и до революции. В 1928 г. эта проверенная модель, вероятно, из еще оставшихся на складе завода запасов заготовок, была расписана и предложена на экспорт, о чем свидетельствует маркировка предмета. Примером дореволюционной отливки может служить аналогичная скульптурная группа выпуска 1905 г., хранящаяся в Государственном Эрмитаже в коллекции Императорского фарфорового завода.

Константин Андреевич Сомов (1869–1934), художник-«мирискусник», страстно увлеченный фарфором, был привлечен к работе на Императорском фарфоровом заводе в середине 1900-х гг. В это время он создает серию куртуазных скульптур в стилистике третьего рококо, столь любимой художником. Фигуры скульптурной группы Сомова трактованы в нарочито манерных позах с элементом гротеска, характерных для существующей в рамках искусства модерна очередной интерпретации художественных форм XVIII века. «Влюбленные» — своеобразная дань художника эпохе рококо с присущей этому времени игровой формой выражения любви. По всей видимости, эта изящная театральность «Влюбленных» на контрасте с монументальностью и суровостью статуэткой агитфарфора пользовалась большим успехом за пределами России и направлялась на экспорт, о чем свидетельствует клеймо — *Made in Russia*, выполненное красным цветом на обороте рядом с заводской маркой, вдавленной в тесто с изображением серпа, молота и части шестерни с указанием года выпуска — подобная маркировка применялась заводом в период 1920-х гг. [3, с. 354].

Скульптурой, представляющей другое художественное направление в пластике изделий Государственного фарфорового завода 1920-х гг., является «Буржуйка, продающая вещи» А.Я. Брускетти-Митрохиной (инв. № Ф-701). В 1994 году она была передана в собрание музея в качестве дара владельцем Х.И. Гординой.

Фарфоровые изделия первых лет советской власти наиболее полно отразили приметы новой жизни города. Так, наряду с агитационными изображениями красноармейцев и рабочих (скульптуры Н. Данько), появляется образ буржуйки как одна из граней действительности послереволюционной жизни.

В 1918 г. Алиса Яковлевна Брускетти-Митрохина (1872–1942) создает для Государственного фарфорового завода целый цикл

фигурок, характерных для жизни Петербурга того времени. Из этой серии лишь одна, получившая на заводе название «Буржуйка, продающая вещи», была выпущена в фарфоре [4, с. 75]. Год выпуска музейной статуэтки (1923) легко определяется по юбилейной марке в честь пятилетия со дня передачи завода в ведение Наркомпроса (Комиссариата народного просвещения). На ней изображены: скрещенные серп и молот, часть шестерни, цифра «5», монограмма «КНП» и даты 1918, 1923. Марка наносилась от руки черной краской и ставилась с 23 марта 1923 г. в течение 12 месяцев [4, с. 97].

«Буржуйка» является олицетворением судьбы прошедшей эпохи. И хоть в названии произведения звучат насмешка и пренебрежение к данному типу людей, встречающихся на улицах Петербурга, но в вылепленной осанке и повороте головы, а также в тонкой прорисовке черт лица угадывается сочувствие автора к людям, столкнувшимся с тяготами новой жизни.

Среди предметов, составлявших костяк новой музейной коллекции Свердловской галереи, находилась фарфоровая скульптура, поступившая в 1936 г. из Государственного областного музея под названием «Конек-горбунок» (инв. № Ф-47), авторство и годы создания не были указаны. Опираясь на вдавленную в массу дна марку с изображением серпа, молота и части шестерни [3, с. 350], а также на более поздние издания, такие как каталог Государственного музея керамики и «Усадьбы Кусково XVIII века» «Советский художественный фарфор 1918–1923» [4]; каталог выставки Государственного Эрмитажа «Поднесение к Рождеству: В некотором царстве...» [5], можно сделать вывод, что это достаточно известная скульптурная группа, выпущенная в 1920-х гг.

Модель для этой небольшой композиции (16 см в высоту) была создана в 1918 г. Василием Васильевичем Кузнецовым (1881–1923), скульптором-монументалистом, который заведовал скульптурным отделом Государственного фарфорового завода с 1914 г. [4, с. 41]. Она была задумана автором по мотивам сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок» и носит закрепленное название «Иванушка-дурачок и конек-горбунок» [5, с. 65]. В это и более позднее время сказка Ершова неоднократно и многогранно воплощалась в фарфоре как на крупных столичных, так и на более мелких провинциальных заводах СССР.

Сказочные мотивы были популяризированы еще «мирискусниками» и художниками Серебряного века. Многие из них активно сотрудничали с Императорским фарфоровым заводом, а после революции с Государственным, придумывая свои эскизы для росписи

посудных форм, а также для создания фарфоровых фигурок [5, с. 9]. Подобные сказочные скульптуры — выразительные, а порой гротескные, иллюстрирующие русскую авторскую сказку, быстро становятся популярными среди коллекционеров и любителей фарфора, а впоследствии как бы предвосхищают собой более позднее увлечение литературной тематикой, также отразившейся в фарфоровой пластике.

Таким образом, рассмотренные произведения дают представление о развитии пластики Государственного фарфорового завода в 1920-х гг. Они иллюстрируют насыщенную художественными поисками жизнь завода этого времени. В музее данный этап развития отечественной фарфоровой скульптуры представлен всего тремя небольшими композициями, но они полно раскрывают его разноплановость и показывают формирование разных направлений в пластике: экспортные изделия, которые воспроизводились по более ранним образцам в стилистике Серебряного века; авангардное направление, раскрывающее социальные аспекты действительности; изделия для внутреннего рынка, иллюстрирующие и популяризирующие русскую народную и литературную сказку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будрина, Л.А. Источники поступлений в фонды Уральского областного государственного музея. К вопросу о провенансе фарфора из коллекции ЕМИИ [Текст] / Л.А. Будрина // Музей и революция 1917 г. в России: судьбы людей, коллекций, зданий (из цикла «Музей и война»): сб. докл. Всерос. конф., 15–17 ноября 2017 года / Гос. Эрмитаж, Екатеринбургский музей изобразительных искусств. — Екатеринбург, 2017. — С. 31–32.
2. Императорский фарфор 1744–1917 : альбом [Изоматериал] / авт.-сост. В.В. Левшенков. — СПб.: Санкт-Петербург Оркестр, 2009. — 143 с.
3. Марки российского фарфора и фаянса 1750–1960 [Изоматериал] / сост. Т.И. Дулькина. — М.: Изд-во И. Касаткиной, 2003. — 421 с.
4. Советский художественный фарфор, 1918–1923 [Изоматериал]: каталог / Гос. музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»; [сост. Б.И. Алексеев и др.]. — М.: Акад. художеств СССР, 1962. — 116 с.
5. Поднесение к Рождеству: в некотором царстве [Изоматериал]: каталог выставки, 25 декабря 2015 г. – 3 апреля 2016 г. / Гос. Эрмитаж. — СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. — 295 с.

Anna Afanasyeva, Ludmila Budrina Porcelain Figurines of the State Porcelain Factory of the 1920s in the Collection of the Ekaterinburg Museum of Fine Arts

Anna Afanasyeva, Researcher of the Decorative Art Department, Ekaterinburg Museum of Fine Arts; the Department of History of Art and Museology, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin; e-mail: aafanaseva009@gmail.com.

Ludmila Budrina, Candidate of Sciences in History of Arts, Associate Professor, Chair of History of Art and Museology, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin; e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

Abstract. The article analyzes three porcelain figurines created at the State Porcelain Factory in the 1920s. and now held in the collection of the Ekaterinburg Museum of Fine Arts. The authors cover the history of their arrival, reveal the place of these works in the collection of porcelain figurines of the museum.

Keywords: State Porcelain Factory, porcelain sculpture, Ekaterinburg Museum of Fine Arts, porcelain, a soviet propaganda porcelain.

УДК 769.2(09)+75.056:7.035(44)

Е.В. БОРЩ¹

ФРАНЦУЗСКИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ГОЛУБЦОВЫХ В СОБРАНИИ СОКМ: опыт художественной экспертизы

Аннотация. В статье публикуются результаты научного описания французских иллюстрированных книг XVIII – первой трети XIX в., происходящих из домашней коллекции уральских помещиков Голубцовых, фрагмент которой хранится в Свердловском областном краеведческом

¹ Борщ Елена Викторовна, канд. искусствоведения, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства, ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет», г. Екатеринбург; e-mail: ev_borshch@lenta.ru.

музею (Екатеринбург). Наиболее важная часть описания — атрибуция гравюр, определение имен рисовальщиков иллюстраций и гравюров.

Ключевые слова: французская книга с гравюрами; французская книжная гравюра; библиотека Голубцовых.

В ходе сплошного просмотра французских изданий XVIII – первой трети XIX в. из фондов Свердловского областного краеведческого музея (далее СОКМ) нами были замечены книги с экслибри-сом уральского помещика В.В. Голубцова.

Редкие иностранные издания из коллекции Голубцовых не были до сих пор предметом исследования. Изучением библиотеки Голубцовых (с. Александровское Красноуфимского уезда Пермской губернии) занималась Е.П. Пирогова [1]. Сравнительно недавно М.Б. Ларионова опубликовала ценный источник — «Дневник слуги» В.П. Голубцова (1832–1887), затрагивающий тему увлечений семейства [2].

Самым известным коллекционером был Владимир Владимирович Голубцов (1856–1892). В 1880-е гг. его библиотека прославилась благодаря «книжным редкостям», включая французские издания [3]. После Октябрьской революции 1917 г. экспонаты коллекции оказались рассеяны по разным уральским собраниям.

В СОКМ было обнаружено порядка 120 французских книг из 62 изданий XVIII – первой трети XIX в., принадлежавших Голубцовым. Происхождение большинства книг было установлено благодаря наклейкам «Библиотека Красноуфимского музея» на верхних переплетных крышках. Лишь несколько книг сохранили экслибрис В.В. Голубцова с девизом «Крест — моя надежда и честь» [4].

Наибольший интерес с точки зрения искусства книги представляют 42 экземпляра из 21-го издания. Обратимся к их описанию по тематике и хронологии.

Голубцовым принадлежало редкое издание справочного характера «Новый словарь французской академии» 1718 г. [5]. В первом томе есть гравированный фронтиспис в «большом стиле» и заставка на тему наук и искусств по рисунку Корнейя (Corneille).

Даже в философской книге «Искусство покоя» А. Сараза 1764 г. помещен пейзажно-аллегорический фронтиспис: гравюра по рисунку Ф. Хайсига (F.C. Heissig) [6].

Книги путешествий отличаются разнообразием тематики: Запад, Россия, Восток. Гравированные планы Рима, Парижа и Мадрида можно найти в книге «Руководство путешественников по Европе» Г. Рейхарда 1819 г. [7].

В книге «Философское и литературное путешествие, совершенное в Россию в 1788 и 1789 гг.» П.-Н. Шантро (1794) находится карта России и гравюра с изображением «Медного всадника» в Санкт-Петербурге, которые мало соответствуют реалиям [8].

Издание путевых заметок А.-Л. Кастеллена «Письма с Мореи, Геллеспонта и Константинополя» (1820) сопровождают карта, фронтиспис и 13 рисунков автора. Виды Стамбула выполнены в романтической манере [9]. Книгу путешествий в Африку «Кораблекрушение французского брига "София"» Ш. Кошеле 1820 г. иллюстрируют литографии, среди которых есть эскизы автора (Cochelet) [10]. Романтическое настроение навевают пейзажи Сахары, Танжера и этнотипажи.

Книгу «Путешествие в Армению и Персию» А. Жобера (1821) также иллюстрируют литографии [11]. Кроме большой карты, книга содержит 9 литографий, среди которых есть портреты, пейзажи, фигуры аборигенов, батальные и жанровые сцены.

Гордостью библиотеки Голубцовых были французские издания по русской истории. В книге «Физическая и моральная история древней России» Н.-Г. Леклерка (1783–1784) сохранились 22 портрета русских князей — гравюры по рисункам Шевалье (Chevalier). Продолжающее предыдущее издание «Физическая и моральная история новой России» Леклерка (1783–1793) также было в коллекции Голубцовых [13]. Сохранился том с шестью гравированными портретами императоров XVIII в., которые исполнили те же авторы.

Труд полковника наполеоновской армии — «История экспедиции в Россию» Ж. де Шамбре (1825) почти не имеет иллюстраций [14]. Исключение составляет гравюра «Вид на переход через Березину», имеющая горизонтальный формат и вклеенная в книжный блок вертикально. Она довольно карикатурно передает этот драматический эпизод.

То же можно заметить по поводу издания речей английских политиков У. Питта и Ч.Д. Фокса 1819–1820 гг. с литографскими фронтисписами [15]. Портрет Питта пародирует торжественные фронтисписы эпохи Просвещения.

Книги по землеустройству отвечали практическим интересам Голубцовых, которые обращались к теме межевания [16, с. 28, 59]. В СОКМ находится «Руководство по межеванию» С.-Ф. Лакруа (1826) с документальными гравюрами Гиге (Guignet) [17].

Как и многие землевладельцы, Голубцовы обладали справочником «Новый Сельский дом, или Сельское хозяйство» Ж.-Ф. Бастьена

в переиздании 1805 г. [18]. Книга содержит стандартный набор документальных гравюр с предметными изображениями.

Коллекционное значение имела энциклопедия фруктовых деревьев «Pomona franconica» И.П. Майера (1776–1801) с параллельным текстом на французском и немецком языках [19]. Согласно записи, книга была приобретена В.В. Голубцовым в 1877 г., во время турецкого похода, из которого он привез на «8 вьючных лошадях» различные экспонаты для своей коллекции [16, с. 42]. Неоспоримое достоинство книги — 40 раскрашенных листов гравюр с изображениями плодов яблони. Благодаря раскраске гравюры напоминают натюрморты.

Книги по естественным наукам составляют значительную и по своему ценную часть коллекции Голубцовых в СОКМ. Среди них и научные, и популярные, и детские издания.

Голубцовы обладали редким изданием «Естественная история Сенегала» М. Адансона 1757 г., где есть карта и 19 листов с изображениями ракушек [21].

Энтомологические пристрастия В.В. Голубцова объясняют наличие в домашней библиотеке увража «Бабочки Европы» Ж. Энграмеля (1779–1793) [22]. Коллекционер с детства интересовался бабочками, о чем свидетельствует запись в «Дневнике слуги» от 17 июля 1873 г. [2, с. 170]. Кроме того, он был автором научной статьи по энтомологии [16, с. 46]. В СОКМ хранятся 7 томов увража с гравюрами ручной раскраски: это 3 титульных листа по рисунку Жерардена (Gérardin) и 288 листов с изображениями бабочек.

Книга «Кабинет натуралиста», выпущенная в первой четверти XIX в., предназначалась для детской аудитории [25]. Ее иллюстрации с изображениями детей и животных были исполнены в технике торцевой ксилографии Мараданом (F. Maradan).

Литературные издания с сюжетно-повествовательными, гравированными на меди иллюстрациями — самая ценная с точки зрения книжного искусства часть библиотеки Голубцовых. В СОКМ хранятся разрозненные тома из нескольких многотомников последней четверти XVIII в., которые, впрочем, по числу гравюр трудно отнести к разряду «роскошных», т. е. сугубо коллекционных. Они могли быть приобретены владельцами как для чтения, так и в качестве библиофильских.

Наибольший интерес представляет «Полное собрание сочинений» Ж.-Ж. Руссо в 38 томах, выпущенное в 1788–1793 гг. [26]. Известно, что его дополняли 43 листа гравюр [27]. В СОКМ хранятся 13 томов издания с гравированными титульными листами и сюжетными иллюстрациями.

Среди авторов титульных листов — Ф. Буше (Boucher), С. Леклерк (Leclerc), К.-П. Марилье (Marillier), Ш. Монне (Monnet), Б. Нежон (Naigeon). Тома данного издания включают 15 жанровых иллюстраций по эскизам Ж.-Ф.-Ж. Лебарбье (Lebarbier), Ш. Монне (Monnet), Ж.-М. Моро-мл. (Moreau le jeune), которые исполнили 16 гравюров. Наряду с подписанными гравюрами тома включают пробные гравюры без подписей.

У Голубцовых было переиздание еще одного бестселлера 1780-х гг.: «Сочинения» А. Прево в 39 тт. 1823 г. [24]. Первое издание 1783–1785 гг. включало 78 иллюстраций по рисункам К.-П. Марилье (Marillier) [27, с. 993]. В экземплярах СОКМ сохранились 4 гравюры, которые были напечатаны с оригинальных досок.

В состав библиотеки Голубцовых входило также издание «Элегий» Тибулла в переводе Мирабо 1798 г. [23]. Гравюры для него были исполнены по рисункам А. Бореля (Borel) [27, с. 825]. В наличии — портрет-фронтиспис и две иллюстрации.

В библиотеке Голубцовых находилась, кроме того, поэма «Беседа» Ж. Делиля в издании 1812 г. [20]. Она была проиллюстрирована во вкусе неоклассицизма и ампира. Например, сюжетный фронтиспис со сценой из времен античности, гравированный по рисунку Жироде (Girodet). Две иллюстрации в тексте — жанровые «салонные» сцены.

К числу литературных изданий принадлежал археологический роман «Дворец Савра, или Описание римского дома» Ф. Мазуа 1822 г. [12]. Книгу проиллюстрировал сам автор текста, специалист по археологии Помпей, поэтому все 12 иллюстраций дают документальные изображения артефактов.

Итак, среди французских книг, принадлежавших помещикам Голубцовым, в собрании СОКМ оказались экземпляры семи изданий XVIII в. и четырнадцати первой трети XIX в. Сюжетные и документальные иллюстрации книг исполнены в техниках гравюры на металле (17 изданий), литографии (3 издания) и ксилографии (одно издание). Художественными достоинствами обладают литературные иллюстрации изданий аббата Прево, Ж.-Ж. Руссо и Тибулла, а также документальные гравюры ручной раскраски из увражей И. Майера и Ж. Энграмеля. Названные издания — редкие и хорошо известны коллекционерам и специалистам антикварных домов.

Благодарности. Выражаю признательность Валентине Николаевне Оносовой, хранителю коллекции редкой книги, старшему научному сотруднику фондов СОКМ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Пирогова, Е.П.** Уральские помещики Голубцовы и их родовая библиотека [Текст] // Книжные собрания Российской провинции : проблемы реконструкции. — Екатеринбург, 1994. — С. 211–242.
2. Повседневная жизнь провинциального имения [Текст]: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых, 1872–1875 гг. / [науч. ред. Н.В. Суржикова]; предисл., подгот. текста, коммент. М.Б. Ларионой. — Екатеринбург, 2013. — 400 с.
3. **Дмитриев, А.А.** Библиотека Владимира Владимировича Голубцова, в селе Александровском Красноуфимского уезда, Пермской губернии [Текст] / сост. А.А. Дмитриев. — Пермь: тип. губ. правления, 1887. — 22 с.
4. Книжные знаки в собраниях Урала [Текст] / Обл. гос. учреждение культуры «Свердловская обл. унив. науч. б-ка им. В.Г. Белинского»; [под общ. ред. Е.П. Пироговой]. — Екатеринбург, 2011.
5. *Nouveau Dictionnaire de l'Académie Française* [Text]: 2 vol. — Paris: Coignard, 1718.
Vol. 1. — 922 p.
Vol. 2. — 820 p.
6. **Sarasa A.A., de.** *L'Art de se tranquilliser dans tous les évènements de la vie* [Text] / Strasbourg: A. König, 1764. — 278 p.
7. **Reichard, H.A.O.** *Guide des voyageurs en Europe* [Text] — Paris: H. Langlois, 1819. — Vol. 2. — [855 p.].
8. **Chantreau, P.-N.** *Voyage philosophique, politique et littéraire fait en Russie* [Text]. — Hambourg: P.F. Fauche, 1794. — Vol.1. — [334 p.].
9. **Castellan, A.-L.** *Lettres sur la Morée, l'Hellespont et Constantinople* [Text]. — Paris: Le Normant, 1820. — Vol. 2. — 298 p.
10. **Cochelet, C.** *Naufrage du brick français «La Sophie»* [Text]: 2 vol. — Paris: P. Mongie aîné, 1821. — Vol. 2. — 369 p.
11. **Jaubert, A.** *Voyage en Arménie et en Perse* [Text] — Paris: Pélicier et Neveu, 1821. — 506 p.
12. **[Mazois, F.]**. *Le Palais de Scaurus* [Text]. — Paris: F. Didrot, 1822. — 308 p.
13. **Le Clerc N.-G.** *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie modern* [Text]: 3 vol. — Paris: Froullé, 1783–1793. — Vol. 2. — 619 p.
14. **Chambray, G.de.** *Histoire de l'expédition de Russie* [Text]: 4 vol. — Paris: Pillet, 1825. — T.3. — 504 p.
15. **Fox, C. J., Pitt, W.** *Recueil de discours prononcés au Parlement d'Angleterre* [Text]: 12 vol. — Paris: Le Normant, 1819–1820. — Vol. 4. — 403 p.

16. **Ларионова, М.Б.** *История повседневности, помещики Голубцовы и их слуга Матвей Андреев: к публикации одного дневника* [Текст] / М.Б. Ларионова // Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых, 1872–1875 гг. — Екатеринбург, 2013.
17. **Lacroix, S.F.** *Manuel d'arpentage* [Text]. — Paris: Roret, 1826. — 187 p.
18. **Bastien, J.F.** *La Nouvelle Maison rustique* [Text]: 2 vol. — Paris: Deterville, 1805.
Vol. 1. — 890 p.
Vol. 2. — 899 p.
19. **Mayer, J.** *Pomona franconica* [Text]: 3 vol. — Nürnberg: Winterschmidt, 1776–1801. — Vol.3. — 172 p.
20. **Delille, J.** *La Conversation* [Text]. — Paris: Michaud frères, 1812. — 240 p.
21. **Adanson, M.** *Histoire naturelle du Sénégal* [Text]: 2 vol. — Paris C.-J.-B. Bauche, 1757.
Vol. 1. — 190 p.
Vol. 2. — 275 p.
22. **Engramelle, M.-D.-J.** *Papillons d'Europe* [Text] // 8 vol. — Paris: Ernst, De Laguette, Bazan et Poignant, s.d. [1779–1793].
Vol. 1 (P. I). — 206 p.
Vol. 2 (P. 1). — pp. 205–344.
Vol. 3 (P. 1). — 132 p.
Vol. 4 (P. 2). — 218 p.
Vol. 5 (P. 2). — 153 p.
Vol. 6 (P. 2). — 176 p.
Vol. 7 (P. 2). — 1790. — 66 p.
23. **Tibulle.** *Elégies de Tibulle* [Text]: 3 vol. — Paris: [Berry], 1798. — T. 1. — 375 p.
24. **Prévost, A. F.** *Oeuvres* [Text]: 39 vol. — Paris: Boulland-Tardieu, 1823.
Vol. 6. — 568 p.
Vol. 14. — 544 p.
25. **[Smith, T.]**. *Le Cabinet du naturaliste* [Text]: [6 vol.]. — Paris: Ledoux et Tenré, [1818]. Vol. 6. — 364 p.
26. **Rousseau, J.-J.** *Œuvres complètes* [Text]: 38 vol. — [Paris: Poinçot], [1788–1793].
Vol. 7. — 479 p.
Vol. 9. — 459 p.

- Vol. 13. — 384 p.
 Vol. 16. — 476 p.
 Vol. 18. — 444 p.
 Vol. 20. — 462 p.
 Vol. 22. — 397 p.
 Vol. 24. — 408 p.
 Vol. 25. — 414 p.
 Vol. 28. — 408 p.
 Vol. 31. — 480 p.
 Vol. 32. — 428 p.
 Vol. 35. — 334 p.

27. **Cohen, H.** *Guide de l'amateur de livres à gravures du XVIII s. [Text].* — Paris: A. Rouquette, 1912. — P. 910–911.

E.V. Borshch

French illustrated Books from the Golubcov' Library in the Collection of Sverdlovsk regional Museum of local Lore : Artistic Examination (1700–1830)

Borshch Elena Victorovna, Candidate of Sciences in History of Arts, Professor of the Department of Arts and Crafts, Ural State University of Architecture and Arts, Ekaterinburg, Russia;

e-mail: ev_borshch@lenta.ru.

Abstract. Results of research of French illustrated books of the 18th – first third of the 19th century from collection of the Ural landowners Golubcov are published in this article. Now items from this collection are stored in Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore (Ekaterinburg). The important result of research is attribution of engravings, and defining the names of illustrators and engravers.

Keywords: French book with engraving; French book engraving; the Golubcov' library.

УДК 72.03

К.Д. БУГРОВ¹

КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ КЛУБЫ БОЛЬШОГО УРАЛА: ТИПОЛОГИЯ И РАЗМЕЩЕНИЕ²

Аннотация. В настоящей работе предложена типология 25 выявленных конструктивистских клубных зданий Уральского региона по их экстерьеру и урбанистическому расположению. Разнообразие клубной архитектуры вместе с четкой логикой размещения позволяют говорить о едином конструктивистском наследии индустриального Урала, не ограничивающемся рамками Екатеринбурга-Свердловска.

Ключевые слова: рабочий клуб, индустрия, Урал, конструктивизм.

Грандиозные социальные перемены, осуществленные в межвоенном СССР в эпоху индустриализации и «культурной революции», привели, кроме прочего, к реконструкции большей части промышленных центров. Несмотря на то что полновесной «городской революции» в СССР межвоенного периода не произошло — как в демографическом (доля городского населения за годы первых пятилеток выросла вдвое, однако к 1940 г. составила лишь 30% от общего населения страны), так и в инфраструктурном (нехватка ресурсов, спровоцированная стремлением сталинского руководства одним ударом решить все трудности и усугубленная неэффективным управлением) отношении, — сдвиги в градостроительной и урбанистической сферах были велики. В особенности это верно для тех частей СССР, которые были относительно более слабо затронуты урбанизацией в предреволюционные годы, например для Урала. (Речь идет о Большом Урале — экономико-географическом районе, включающем территории бывшей Уральской области — ныне Свердловскую, Пермскую, Челябинскую и Курганскую области, а также экономически связанные с ними части Башкортостана и Оренбургской области). Зримым выражением этого «нового градостроения» были крупные рабочие клубы (дома культуры), создававшиеся как

¹ Бугров Константин Дмитриевич, д-р ист. наук, ведущий науч. сотрудник, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: k.d.bugrov@gmail.com.

² Настоящая статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»

культурные центры реконструируемых городов. Клубы, как правило, были сложными сооружениями, сочетавшими в себе функции концертных залов и повседневной кружковой работы. Современные исследователи Л.Н. Смирнов и А.В. Бушмина выделяют три основных типа объемно-планировочных решений клубной архитектуры: компактное, развитое и павильонное [1, с. 34]. Этой классификации мы и будем придерживаться.

Ниже мы приводим составленный нами перечень уральских клубов с кратким описанием. Для каждого клуба мы указываем объемно-планировочное решение.

1. Клуб поселка Калиец, 1930-е гг. (Соликамск, ул. Клубная, 13). Объемно-планировочное решение — компактное. В настоящее время заброшен.

2. Клуб имени Ленина, 1932 г. (Березники, пр. Ленина, 50). Объемно-планировочное решение — развитое. Подвергся «обогащающей» перестройке в послевоенный период. В настоящее время носит имя ДК «Азот». Рядом с дворцом разбит парк.

3. Клуб имени Артема, 1932 г. (Ис, близ пересечения улиц Ленина и Орджоникидзе). Объемно-планировочное решение — развитое. Рядом с дворцом разбит парк [2]. Не сохранился.

4. Клуб целлюлозно-бумажного комбината (Новая Ляля, пер. Клубный, 1). Объемно-планировочное решение — компактное. По стилистическому решению клуб отличается от большинства остальных проектов, тяготея не к функционализму, а к симметричным формам модерна начала 1920-х гг. Рядом с дворцом разбит парк.

5. Клуб имени Ленина в Лысьве, 1931 г. (Лысьва, ул. Ленина, 2). Построен при Лысьвенском металлургическом заводе имени газеты «За индустриализацию». Объемно-планировочное решение — павильонное. Подвергся «обогащающей» перестройке в послевоенный период [3]. Рядом с дворцом разбит парк.

6. Дворец культуры металлургов имени Лепсе, 1927–1930 гг. (Серов, пл. Металлургов, 1; архитектор В.Д. Соколов). Объемно-планировочное решение — развитое. Отличается от большинства остальных рабочих клубов по своей стилистике и планировке, больше напоминающей о модернизме начала XX в., чем о конструктивистских павильонных структурах эпохи первых пятилеток. Рядом с дворцом разбит парк [4, с. 126].

7. Клуб цветников, 1931–1934 гг. (Красноуральск, ул. Советская, 2). Объемно-планировочное решение — павильонное. Рядом с дворцом был разбит парк. Был частично перестроен в конце XX в. [5].

8. Клуб имени Ленина, 1927 г. (Пермь, район остановки «Микро-район Камский» — угол ул. Адлеровской и Октябрьской). Объемно-планировочное решение — компактное. Был открыт при Пермском суперфосфатном заводе. В настоящее время утрачен.

9. Клуб имени Ленина, начало 1930-х гг. (Нижняя Салда, ул. Карла Маркса, 2; архитекторы А. Васильев, А. Мурзавецкий). Объемно-планировочное решение — развитое. Клуб выстроен при Нижнесалдинском металлургическом заводе. Проект Васильева и Мурзавецкого в 1928 г. был утвержден к реализации профсоюзом металлистов и опубликован в соответствующем альбоме [6, с. 33]. Проект был применен несколько раз — в 1929 г. в Туле (ул. Степанова, 54), в Верхней Салде, в Твери (Петербургское шоссе, д. 33; здание пострадало в годы войны и было реконструировано в неоклассическом стиле) и в Кусе (см. ниже). Надо отметить, что лишь в Нижней Салде здание сохранилось в оригинальном виде и продолжает выполнять функцию клуба.

10. Клуб ИТР, середина 1930-х гг. (Нижний Тагил, ул. Ильича, 37). Объемно-планировочное решение — компактное. Клуб был выстроен для персонала Уральского вагоностроительного завода, позднее был занят Молодежным театром [7, с. 91].

11. Клуб цветников, середина 1930-х гг. (Кировград, ул. Ленина, 29). Объемно-планировочное решение — павильонное. Клуб был построен при медеплавильном заводе имени Кирова и ориентирован на проходную этого предприятия, однако в послевоенный период эта градостроительная роль была искажена из-за размещения в непосредственной близости от клуба нового завода твердых сплавов.

12. Клуб имени Горького, 1931 г. (Асбест). Объемно-планировочное решение — павильонное. Крупное клубное здание было утрачено в связи с расширением большого асбестового карьера, фактического уничтожившего значительную часть довоенного центра Асбеста.

13. Клуб пиццевиков имени Горького, 1926–1927 гг. (Екатеринбург, ул. Первомайская, 24а; архитектор И.П. Антонов). Объемно-планировочное решение — павильонное. В здании сохранился ряд оригинальных интерьеров.

14. Клуб советслужащих имени Профинтерна, 1928 г. (Екатеринбург, ул. Антона Валека, 7; архитектор И. Янковский, инженер К. Коржинский). Объемно-планировочное решение — компактное. В более поздний период клубу было присвоено имя Свердлова. Здание было построено в 1916–1917 гг. для православного церков-

ного Братства святого праведного Симеона, в 1928 г. расширено и перестроено [8].

15. Клуб железнодорожников имени Андреева, 1929–1933, 1936–1938 гг. (Екатеринбург, ул. Свердлова, 35; архитектор К.Т. Бабыкин). Объемно-планировочное решение — павильонное. Поскольку первая (зрелищная) и вторая (кружковая) очереди были завершены в разное время, две части единого архитектурного решения оформлены по-разному — в лаконичной конструктивистской манере и в «украшенной» манере постконструктивизма. Вид второй очереди клуба и интерьеров был помещен в альбоме «Советская архитектура за XXX лет. РСФСР», с указанием авторства Е.С. Балакшиной и А.Ю. Ехаузкина [9, ил. 275–278].

16. Клуб имени Дзержинского, 1931–1932 гг. (Екатеринбург, пр. Ленина, 69; архитекторы И.П. Антонов, В.Д. Соколов). Объемно-планировочное решение — компактное. Клуб являлся частью жилого комплекса НКВД — знаменитого Городка чекистов [10].

17. Клуб строителей, 1929–1930 гг. (Екатеринбург, пр. Ленина, 50; архитектор Я.А. Корнфельд). Объемно-планировочное решение — павильонное. В послевоенный период здание занимала Свердловская киностудия, а в настоящее время приспособлено под торговый центр [11].

18. Клуб металлистов, 1932–1941 гг. (Екатеринбург, ул. Нагорная, 16; архитекторы Г.И. Потапов, Л.В. Шишов). Объемно-планировочное решение — павильонное. Строительство клуба растянулось почти на десятилетие; в годы Великой Отечественной войны клубное здание было занято эвакуированным кабельным заводом [1, с. 36].

19. Клуб Рабпроса, 1932–1941 гг. (Екатеринбург, ул. Первомайская, 27, архитекторы В.В. Емельянов, Е.Н. Коротков, И.И. Робачевский). Объемно-планировочное решение — павильонное. Строительство началось в 1932 г., но было законсервировано, а в конце 1930-х гг. здание сменило ведомственную принадлежность, став Домом Красной Армии; функцию армейского клуба оно выполняет и сегодня. Виды клуба и его интерьеров были помещены в альбоме «Советская архитектура за XXX лет. РСФСР» [9, ил. 279–282].

20. Дом обороны, 1933–1934 гг. (Екатеринбург, ул. Малышева, 31д; архитектор Г.П. Валенков). Объемно-планировочное решение — павильонное. Фрагмент нереализованного плана строительства крупного клубно-административного комплекса, который включал административно-кружковый корпус, жилое зда-

ние, спортивный зал и зрелищный корпус (этот последний не был реализован) [7, с. 72–73].

21. Клуб имени Ленина, 1931 г. (Первоуральск, ул. Театральная, 1). Объемно-планировочное решение — развитое. Клуб построен при хромпиковом заводе, здание соединено со спортивным стадионом (единственный проект такого рода из известных нам на Урале). Рядом с дворцом разбит парк.

22. Клуб цветников, 2-я половина 1930-х гг. (Ревда, ул. Энгельса, 47). Объемно-планировочное решение — компактное. Возможно, при создании носил имя заместителя наркома тяжелой промышленности Г.Я. Пятакова [12], курировавшего медную промышленность Урала. В настоящее время — культурно-досуговый центр «Цветники».

23. Клуб Челябинского ферросплавного завода, 1932–1933 гг. (Челябинск, ул. Российская, 24). Объемно-планировочное решение — компактное.

24. Клуб Челябинского тракторного завода, 1931–1933 гг. (Челябинск, пр. Ленина 8; архитектор А.К. Буров). Объемно-планировочное решение — компактное. Среди уральских клубов данный культурный комплекс по своей сложности сравним только со свердловским Домом обороны: «По первоначальному проекту клуб ЧТЗ должен был разместиться в нескольких композиционно связанных между собой зданиях с разнообразным функциональным назначением и выполненных в стилистике конструктивизма, с применением нового для того времени сплошного остекления фасадов. Однако было реально воплощено только одно здание» [13, с. 175].

25. Клуб угольщиков, 1933 г. (Копейск, ул. Борьбы, 14). Объемно-планировочное решение — развитое.

26. Дворец труда в Златоусте, 1930–1932 гг. (Златоуст, ул. Ленина, 1). Объемно-планировочное решение — развитое. В основе проекта лежит, очевидно, проект клуба архитектора В.Д. Кокорина, утвержденный профсоюзом металлистов к постройке в Златоусте в 1928 г. [6, с. 33] Сегодня это ДК «Булат».

27. Клуб металлургов, начало 1930-х гг. (Куса, ул. Михаила Бубнова, 11/7, архитекторы А. Васильев, А. Мурзавецкий). Объемно-планировочное решение — развитое. Здание построено по неоднократно применявшемуся проекту, рекомендованному в 1928 г. в качестве типового: его аналоги имеются в Нижней Салде, Твери и Туле. В 1942 г. в здании клуба был размещен эвакуированный из Петергофа завод точных технических камней.

28. Клуб паровозоремонтного завода, 1-я половина 1930-х гг. (Уфа, ул. Карла Маркса, 50). Объемно-планировочное решение — компактное. В настоящее время носит имя ДК железнодорожников. Рядом с дворцом был разбит парк.

29. Дворец культуры металлургов, 1933 г. (Белорецк, ул. Ленина, 18). Объемно-планировочное решение — павильонное. Рядом с дворцом был разбит парк. Здание стало одной из архитектурных доминант Белорецка [14, с. 262].

30. Клуб имени Маяковского, 1935–1938 г. (Магнитогорск, пр. Пушкина, 19; архитекторы П.И. Бронников, М.Г. Куповский). Объемно-планировочное решение — павильонное. Крупнейшее клубное здание межвоенного Урала. Включено в альбом «Советская архитектура за XXX лет» [9, ил. 303].

31. Клуб имени Ленина, 1934 г. (Орск, ул. Советская, 67). Объемно-планировочное решение — компактное. Позднее в здании клуба располагались театр имени Октябрьской революции, кинотеатр «Октябрь» [15]. Рядом с дворцом был разбит парк. В настоящее время здание приспособлено под торговый центр.

В данный список не включены театральные здания, кинотеатры и спортивные комплексы. Не попали в список и клубные здания, спроектированные не для клубов, такие, как клуб Уральского завода тяжелого машиностроения (Екатеринбург, бульвар Культуры, 3), располагающийся в здании бывшей фабрики-кухни УЗТМ. Мы учитывали только капитальные специализированные здания; всего только в Свердловской и Челябинской областях на 1937 г. была 661 клубная организация [16, с. 81], однако специализированными зданиями располагали — по нашим данным — лишь 29 клубов (около 4%).

Подводя итоги, следует заметить: чрезвычайно разнообразные по своей архитектуре и весьма многочисленные (только приведенный выше список включает 31 наименование, а он, безусловно, может быть уточнен) рабочие клубы стали архитектурными доминантами нового советского города, часто в непосредственной близости от них располагался городской парк культуры. Можно говорить об уникальной плотности застройки Урала крупными конструктивистскими клубами самых различных конфигураций. В этом смысле клубные здания следует считать неотъемлемой частью культурного ландшафта уральского промышленного города, своего рода узлами складывания локальной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Смирнов, Л.Н., Бушмина, А.В.** Архитектура конструктивистских клубов Екатеринбурга 1920–1930-х годов [Текст] / Л.Н. Смирнов, А.В. Бушмина // Академический вестн. УралНИИпроект РАСН. — 2015. — № 1. — С. 32–37.
2. **Мосин, К.И.** На Исовских приисках [Электронный ресурс] // Поселок Ис : краеведческий сайт Среднего Урала [сайт]. — URL: http://www.is.poselokis.com/mosin_is_priisk.html (дата обращения 20.12.2019).
3. **Бугров, К.Д.** Архитектура авангарда в Лысьве эпохи первых пятилеток: стилистика, размещение и градостроительная роль [Текст] / К.Д. Бугров // Культурный код. — 2019. — № 3. — С. 13–25.
4. **Фомичев, И.А.** Город Надеждинск 1893–1940 гг. [Текст] / И.А. Фомичев. — Екатеринбург, 2013. — 572 с.
5. **Бугров, К.Д.** Красноуральск — забытый соцгород первой пятилетки // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации [Текст]: сб. науч. трудов / К.Д. Бугров. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — С. 353–364.
6. **Чепкунова, И.В.** Клубы, построенные по программе профсоюзов 1927–1930 [Текст] / И. Чепкунова. — М.: Гос. музей архитектуры им. А.В. Щусева, 2006. — 148 с. — (Архитектурный авангард Подмосковья / Науч.-исслед. Музей архитектуры им. А.В. Щусева (МУАР)).
7. **Смирнов, Л.Н.** Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области [Текст] / Л.Н. Смирнов. — Екатеринбург, 2008. — 157 с.
8. **Дегтева, Л.** Клуб «Профинтерн»: Екатеринбург, Володарского, 9: 1913–1928: Иван Янковский, К. Коржинский, архитектор и инженер [Текст] / Л. Дегтева. — Екатеринбург: Татлин, 2017. — 48 с.
9. Советская архитектура за XXX лет РСФСР [Изоматериал]: [альбом] / [под ред. В.А. Шкварикова. — М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. — 28 с., 175 цв. ил.
10. **Токменинова, Л.** Жилой комплекс НКВД: Екатеринбург, проспект Ленина, 69 [Текст] : Городок чекистов, 1929–1936 : архитекторы Иван Антонов, Вениамин Соколов, Арсений Тумбасов, Александр Стельмащук / Л. Токменинова. — Екатеринбург: Татлин, 2012. — 48 с.
11. **Токменинова, Л.** Клуб строителей : Екатеринбург, проспект Ленина, 50 (1929–1933) [Текст] : Архитектор Яков Корнфельд / Л. Токменинова. — Екатеринбург: Татлин, 2016. — 56 с.
12. **Агафонов, А.** Навстречу юбилею «Цветников» [Электронный ресурс] // Городской портал «Ревда-Новости» [сайт]. — 7 февраля

2016. — URL: <http://www.old.revda-novosti.ru/news/kultura/4029.html> (дата обращения: 20.12.2019).

13. **Конышева, Е.В.** Буров Андрей Константинович, архитектор [Текст] : 115 лет со дня рождения / Е.В. Конышева // Календарь знаменательных и памятных дат: Челябинская область / Е.В. Конышева. — Челябинск, 2014. — С. 173–177.

14. **Алферов, Р.** Прочнее стали [Текст] : Ист.-художественный очерк: [О белорецких металлургах] / Р. Алферов. — Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1954. — 263 с.

15. **Лещенко, П.** Орские «очаги культуры» вчера и сегодня : как изменилось лицо города за десятилетия? [Электронный ресурс] // Урал56.ру [сайт]. — 06.11.2017. — URL: <https://www.ural56.ru/news/561537/> (дата обращения 14.01.2020).

16. **Журавлева, В.А.** Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. [Текст]: монография / В.А. Журавлева. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 133 с.

K.D. Bugrov

Constructivist Clubs of the Greater Urals: Typology and Placement

Bugrov Konstantin Dmitrievich, Doctor of Historical sciences, leading researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg;
e-mail: k.d.bugrov@gmail.com.

Abstract. The paper proposes the typology of 25 constructivist club buildings of the Ural region, considering their exterior, planning and urban role. The variety of club architecture along with the clear logic of placement allows us to see these clubs as elements of the shared constructivist heritage of industrial Urals beyond the boundary of Ekaterinburg-Sverdlovsk.

Keywords: workers' club, industry, Urals, constructivism.

УДК 351.852.14

О.А. БУХАРКИНА¹, Л.А. ДВИНСКИХ²

«С ДАЛЕКОГО СЕВЕРА, ОТ ПАПЫ...» — КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ ОТКРЫТОК РЕПРЕССИРОВАННОГО УРАЛЬСКОГО ИНЖЕНЕРА П.М. АФАНАСЬЕВА В СОБРАНИИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. Авторы на примере судьбы уральского инженера Петра Михайловича Афанасьева (1896–1980) раскрывают тему политических репрессий в СССР в 1930-е годы. Рассматриваются вопросы истории повседневности, складывавшейся в этот драматический период. Делается акцент на сохранении семейных и нравственных ценностей людей, подвергшихся репрессиям.

Ключевые слова: политические репрессии, документальная коллекция, рукописные открытки, семья, дети.

Знакомство с историей страны через судьбы ее граждан в настоящее время является одним из важных направлений музейной работы. Живые и яркие подробности, искренние переживания, детали быта и семейных отношений приближают к нашим современникам давно прошедшие годы, превращая факты со страниц учебников в факты биографий.

Документальная коллекция Свердловского областного краеведческого музея располагает значительным количеством предметов, собранных в семьях уральцев, однако большинство из них, несмотря на свое происхождение, носят, если можно так сказать, «официальный» характер (дипломы об образовании, удостоверения личности, трудовые и расчетные книжки, почетные грамоты и свидетельства о наградах, выписки из приказов и протоколов, авторские свидетельства на изобретения). Меньшую часть составляют материалы, содержащие информацию действительно лич-

1 Бухаркина Ольга Алексеевна, заведующая документальным отделом фондов, ГАУК СО «Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера», г. Екатеринбург; e-mail: fond-sokm@rambler.ru.

2 Двинских Любовь Аркадьевна, главный научный сотрудник отдела истории, ГАУК СО «Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера», г. Екатеринбург; e-mail: ioule.museum@mail.ru.

ную, пронизанную подлинными чувствами, отражающую движения души (дневники, мемуары, личная переписка). Несомненной жемчужиной этой части собрания является коллекция из 17 рукописных открыток Петра Михайловича Афанасьева, поступившая в музей в 1994 году.

П.М. Афанасьев пострадал от репрессий в 1937 г. Факты его биографии можно уточнить в архивно-следственном деле, которое в настоящее время хранится в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

П.М. Афанасьев родился 28 сентября 1896 г. в с. Таватуй Пермской губернии. Образование получил сначала в Верх-Нейвинском высшем начальном училище, затем в Уральском горном училище, которое закончил в 1918 г. [1, л. 10, 64]. Еще будучи учеником он трудился на Верхнеуфалейском металлургическом заводе (1915–1917). В молодом возрасте проникся идеями большевизма, принял Октябрьскую революцию и в 1917 г. вступил в Красную гвардию. В 1919 г. Афанасьев стал членом ВКП(б). В Гражданскую войну сражался на стороне красных и принимал участие в становлении советской власти в Верхнем Уфалее. Там он был комиссаром народного образования, в 1920–1921 гг. служил народным судьей, а с 1923 по 1925 г. работал прокурором Верхнего Уфалая. Петр Михайлович занимал, кроме того, должность инструктора уездного комитета ВКП(б).

В начале 1929 г. Афанасьев задумался о продолжении образования и в 1932 г. окончил Уральский институт цветных металлов [1, л. 66]. Он работал инженером в трестах «Севгипроцветмет» и «Уралмедьруда», в 1936 г. был избран депутатом Свердловского горсовета. В эти же годы Афанасьев женился на Нине Михайловне Гиттельсон, а в 1935 г. в молодой семье родилась дочь Ирина.

Успешную карьеру и счастливую семейную жизнь оборвал 1937 год. В июле инженеру Афанасьеву поручили возглавить специальную «Комиссию по ликвидации последствий вредительства в Карабаше». Через месяц Петр Михайлович вернулся в Свердловск, чтобы отправиться в очередной отпуск, но в ночь с 13 на 14 августа его арестовали.

В опубликованных в 1988 г. в журнале «Уральский следопыт» воспоминаниях Афанасьев подробно описывает арест, первые дни заключения, пребывание в тюрьме и лагере, много сообщает о своих товарищах по несчастью, партийных и хозяйственных работниках Урала. Обвинение было стандартным: «...являлся участником троц-

кистской террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей в системе треста «Уралмедьруда... будучи главным инженером отдела капитального строительства треста, занимался вредительской деятельностью, направленной к созданию условий для подземных пожаров на медных рудниках» Приговор: 12 лет тюрьмы, 5 лет поражения в политических правах, конфискация личного имущества.

В сентябре 1938 г. начался долгий тюремно-лагерный путь уральского инженера. В Свердловске остались 24-летняя жена Нина, 2-летняя дочь Ирина и родившийся уже в отсутствие отца сын Борис.

Сначала Афанасьев попал в Соловецкий лагерь, затем, в 1939 г. его перевезли за Полярный круг — строить Норильский комбинат. Здесь он работал, применяя свои знания, проектировал горные объекты Норильскникеля. Именно из Норильска Михаил Петрович посылал трогательные весточки родным. Афанасьевы оставались семьей, жена помнила и любила мужа, дети знали, что у них есть далекий и дорогой отец (хотя младший сын его даже никогда не видел).

Все документы, находящиеся сегодня в коллекции музея, являются самодельными рукописными открытками, адресованными Ирочке и Бореньке Афанасьевым. Датировано только шесть из них (январь 1943 г. – март 1947 г.), можно полагать, что и остальные относятся к 1940-м годам. Место отправления не указано, но это, конечно же, Норильск, тем более что в текстах встречаются фразы: «Сегодня, 10 февраля, после длительного перерыва, в первый раз увидел солнце. Какое оно детки, прекрасное, даже в Заполярье» [2]. «Вторая половина июня стоит прямо знойная. Можно и за Полярным кругом загореть» [3].

Тексты посланий полны отеческой любовью, заботой и надеждой на встречу. В кратких весточках Петр Михайлович старается дать советы, наставить на путь, стимулировать к освоению знаний. Так, дочке Ирочке он рекомендует начинать писать «обычно, а не печатными буквами»; сына Бореньку, получившего две тройки в табеле, просит подробнее сообщить, по каким предметам, и выражает уверенность, что недостатки будут исправлены; наказывает брату и сестре заботиться друг о друге: «Ты, Ирочка, писала, что тебе хорошо в детском садике. Рад за тебя, но не забывай, чтоб и Бореньке тоже было хорошо» [4]. Афанасьев спрашивает детей, какие им нравятся стихи и рассказы, хвалит за посланный ему

рисунок Кремля. Он с нежностью упоминает о жене и бабушке ребятишек.

Особо следует сказать об оформлении открыток. Все они написаны от руки пером, тушью или чернилами. На каждой, на лицевой стороне, помещен рисунок, либо цветной — акварелью, карандашом, либо черно-белый — пером. Большинство сюжетов детские (животные, дети, жанровые сценки), есть изображения ягод, цветов, птиц. На нескольких открытках под рисунком помещены короткие стихи.

Практически во всех открытках Петр Михайлович Афанасьев высказывает надежду на то, что семья обязательно будет вместе: «В том домике, который Ирочка нарисовала, мы будем жить, когда я приеду...» [5]. Надежды сбылись в 1947 г. В июле жена Афанасьева, Нина Михайловна, прибыла в Норильск вместе с детьми. 10-летний Боря увидел отца первый раз в жизни. Однако на спокойную жизнь рассчитывать пока не приходилось. В 1950 г. заполярный город решили очистить от бывших заключенных, и Афанасьев вынужден был перебраться в Красноярск, где его снова арестовали и по прежнему делу отправили в ссылку в отдаленные районы Сибири. Петр Михайлович попал в Енисейск, откуда в 1951 г. ему удалось вернуться в уже почти родной Норильск.

В 1954 г. инженер Афанасьев был реабилитирован, а в 1956 г. семья вернулась в Свердловск. Петра Михайловича восстановили в партии, сохранив партийный стаж.

После пережитых испытаний Петр Михайлович Афанасьев и его верная супруга имели полное право на спокойную старость. Адресаты трогательных отцовских открыток, Нина с Борисом, получили высшее образование, а затем — ученые степени.

С 1968 г. по год своей смерти, 1980-й, Афанасьев руководил секцией совета ветеранов партии и комсомола при Свердловском обкоме ВЛКСМ, он твердо верил в правоту коммунистической идеи и торжество ленинизма, считая только сталинские репрессии «преступным прошлым», к которому нет возврата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГААОСО. Ф. р-1. Оп.2. Д. 3867.
2. СОКМ. СМ-24862/14.
3. СОКМ. СМ-25862/4.
4. СОКМ. СМ-24862/9.
5. СОКМ. СМ-24862/3.

О.А. Bukharkina, L.A. Dvinskikh «From the far North, from the Father...» — handwritten Postcard Collection of the Repressed Ural Engineer P.M. Afanasyev to his Children in the Sverdlovsk regional Museum

Bukharkina Olga Alekseevna, head of the documentary data department, The Sverdlovsk Regional Museum of Local History n. a. O.Ye. Kler; e-mail: fond-sokm@rambler.ru.

Dvinskikh Lubov Arkadjevna, chief researcher of the history department, The Sverdlovsk Regional Museum of Local History n. a. O.Ye. Kler; e-mail: lad2805@mail.ru.

Abstract. *The authors describe the period of political repression in the 1930s USSR from a perspective of Peter Mikhailovich Afanasyev giving in his handwritten postcards, which have been borrowed from his family. Aspects of daily routine during that dramatic period are being considered. Family traditions and moral principles of repressed people are mostly pointed out in the following article.*

Keywords: *political repressions, museum, documentary collection, handwritten postcards, family, children.*

УДК 93/94

М.К. ЕЛИСАФЕНКО¹

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО КАК АКТОРЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ В 1860–1870-е ГОДЫ

Аннотация. *В статье автор рассуждает о соотношении роли государственных и общественных структур в процессе развития системы образования. Автор подчеркивает неэффективность конкуренции за приоритетное влияние на жизнь учебных заведений между*

¹ Елисафенко Марина Константиновна, канд. истор. наук, доцент, заведующая кафедрой истории России, Институт общественных наук, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: elisafenko@bk.ru.

всеми заинтересованными в развитии средств просвещения населения сторонами. Для достижения положительных результатов реформирования современной системы образования необходимо обращаться к историческому опыту. Отмечается, что образование является важным средством формирования личности, а не сферой услуг, направленной на удовлетворение потребностей, возникающих помимо взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова: государство, земство, образование, расходы, управление.

Практика последних двух столетий убедительно доказывает, что изменение стратегии государства по отношению к системе образования является индикатором смены внутривластного курса. Обычно реформаторский эксперимент начинается именно с образования. В этой связи изучение трансформаций системы просвещения позволяет спрогнозировать характер внутренней политики на разных исторических этапах.

Следует иметь в виду и тот факт, что образование является «полем сражения» за приоритеты между центральной властью и общественностью, обе стороны стремятся оказать максимальное влияние на процесс становления личности ученика в стенах школы. Возможности получить приоритетные позиции в этом деле зависят от правоты и функциональности учебных заведений. Другими словами, требуется разобраться, кто в школе хозяин. Если мы хотим понять, куда идет современное образование, а значит, и страна, нам следует обратиться к опыту прошлого.

Становление массовой и относительно доступной школы в дореволюционной России пришлось на вторую половину XIX в. «Великие реформы» положили начало масштабным переменам в разных сферах жизни общества, одна из них — образование. Вызовы времени предъявили к человеку новые требования: успешным смог быть только тот, кто осознал несостоятельность старых приемов хозяйствования в условиях утверждения товарных отношений, кто осознал значимость своего труда в масштабах региональной, а может быть, и общероссийской экономики. Изменить сознание, сформировать личность нового типа можно было средствами просвещения. Необходимость и полезность грамотности были осознаны, как на уровне государства, так и широкой общественности.

В 1864 г. общественные организации и частные лица получили право открывать начальные народные училища, которые они

должны были и финансировать. При этом формирование содержания образовательного процесса, контроль за ним сохранились в руках государства.

Общественными организациями, которые взяли на себя заботы о материальном содержании самого массового типа учебных заведений — начальных народных училищ, — были органы местного самоуправления. Эти учебные заведения были предназначены, в первую очередь, для ликвидации безграмотности среди крестьянства. Однако решения земских гласных по этому вопросу в большей степени зависели не от волеизъявления избирателей, а от мнений чиновников различного ранга, от чего многие постановления земских собраний тормозились или вообще были заблокированы.

Законодатель изначально утвердил управленческий дуализм в отечественной начальной школе: в руках государства был сосредоточен общий контроль за процессом обучения, в руках учредителя — повседневные заботы о бесперебойном функционировании начальных учебных заведений.

С середины 1860-х и до начала 1870-х гг. расходы на народное образование в земских губерниях составили 4 млн рублей, из которых более 300 тыс. рублей (8% от общероссийского показателя) составил вклад органов самоуправления Вятской и Пермской губерний [1]. Это очень высокий показатель при условии, что земства в Вятской губернии были учреждены в 1868 г., а в Пермской — только в 1870 г.

Все последующие годы Вятское и Пермское земства занимали ведущие позиции по суммам, затраченным на народное образование. По данным 1882 г., из земского бюджета в разных регионах Российской империи на образование одного жителя были выделены следующие суммы: в Пермской губернии — 21 копейка, Новгородской — 15,9 копейки, Вятской — 15,4 копейки, Курской — 14,5 копейки, Тверской — 10 копеек, Казанской — 9,4 копейки, в остальных еще меньше [2, с. 183]. Затраты на формирование грамотности у самой многочисленной категории россиян — крестьянства — были скромными, но существенно превысили расходы в центральных губерниях, казалось бы, более «продвинутых».

Выделяя значительные средства (до 10 %) из скромного земского бюджета на развитие системы образования Уральского региона, гласные стремились выйти за рамки простых статистов в этом процессе. Роль «золотого теленка» для просвещения населения, уготованная земствам государством, их не устроила, они попытались

поднять статус органов земского самоуправления до положения одного из основных «игроков», который смог бы оказать влияние как на организацию школы, так и на содержание образовательного процесса. Добиться этого можно было лишь через официальные каналы, поэтому земские собрания разных губерний обратились в Министерство народного просвещения с ходатайствами об увеличении числа земских гласных в училищных советах. Например, за 1865–1884 гг. было подано 18 обращений со стороны губернских и уездных земств Урала [3, с. 32–38].

В частности, в 1873 г. Вятское губернское земское собрание обратилось с просьбой ввести в состав училищных советов председателей и членов земских управ и передать земствам право решать все кадровые вопросы, касающиеся учителей начальных училищ, а также право выдавать свидетельства о воинской льготе выпускникам начальных народных училищ.

В 1876 г. по решению того же собрания в Министерство народного просвещения была направлена просьба передать уездным земским собраниям право назначать своих председателей руководителями училищных советов «за неимением в Вятской губернии уездных предводителей дворянства» [3, с. 36].

В 1874 г. с предложением предоставить органам местного самоуправления право решать вопросы приема и увольнения учителей начальных народных училищ в Министерство народного просвещения обратились гласные Глазовского уездного земского собрания.

В 1877 г. одним из результатов работы Екатеринбургского уездного земского собрания стало обращение за разрешением выбирать неограниченное число членов училищного совета из числа земских гласных при условии одновременного участия в работе его заседаний не более двух земцев.

Государство последовательно охраняло свой монопольный контроль за содержанием образовательного процесса от широкого влияния общественности, поэтому все ходатайства были отклонены. В Министерстве считали, что «права училищных советов... слишком важны, чтобы предоставить их в руки лиц, избираемых земством, особенно при шаткости установившихся понятий о земских и общественных выборах» [3, с. 37].

Земства не смирились с неудачами в попытках расширить свою роль в деле народного просвещения и попытались оказать влияние на образовательный процесс не напрямую, а косвенно. Они взяли за решение задачи профессиональной подготовки учителей. Из зем-

ских бюджетов были выделены стипендии гимназистам, готовым в дальнейшем посвятить себя учительской профессии, финансировались женские гимназии с восьмым педагогическим классом, одновременно были организованы временные педагогические курсы и съезды, создавшие условия для общения, обмена опытом, профессионального обучения уже работавших учителей.

Чиновники быстро отреагировали на эту инициативу, уже в 1869 г. порядок открытия курсов был усложнен и стал полностью зависеть от местной школьной администрации — директоров и инспекторов народных училищ.

Земским гласным ничего другого не осталось, как фактически подкупить этих чиновников, сделать зависимыми от земского бюджета. Инспекторы народных училищ стали получать вознаграждение от земских органов самоуправления. Стремление не упустить материальную выгоду заставило их быть более лояльными в ходе проверок начальных народных училищ, не замечать превышения полномочий со стороны земств.

В заключение хотелось бы обратить внимание на устойчивость мифа «история — учительница жизни», к сожалению, он хорош лишь для профориентационной работы для привлечения абитуриентов на исторический профиль.

Сравнительно недавнее прошлое продемонстрировало нам неэффективность занятия государством позиции как стороннего наблюдателя, так и ментора по отношению к системе образования. Положительный результат в деле просвещения населения можно ожидать только в случае объединения усилий всех заинтересованных сторон, включая администрацию, местные органы самоуправления, педагогов и родителей обучающихся. Не следует жестко регламентировать степень участия каждой из них, но не стоит и приносить просветительское подвижничество до уровня сферы услуг, как это определил федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» 2012 года [4].

История земских учреждений представляет интерес и как прикладная, и как научно-исследовательская проблема, поскольку способствует поиску оптимальных условий деятельности регионального звена управления, его взаимодействия с центральной властью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Звягинцев, Е.А.** *Полвека земской деятельности по народному образованию [Текст] / Е.А. Звягинцев. — М., 1917. — 88 с.*

2. Сборник Пермского земства, издаваемый Пермскою Губернскою земскою управою [Текст]. — 1884. — N 9–10.

3. Карышев, Н.А. Земские ходатайства 1865–1884 гг. [Текст] / Николай Карышев. — М.: А.А. Ланг, 1900. — 272 с.

4. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. — 2012. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 14.11.2019).

Marina K. Elisafenko

State and Society as Actors within System Transformation in Education of Post-reform Russia, 1860–70s

Marina K. Elisafenko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Institute of Social Sciences, the Ural State Pedagogical University;
e-mail: elisafenko@bk.ru.

Abstract. *In the article, the author discusses the correlation between the role of state and public structures in the development of the education system. The author emphasizes the inefficiency of competition for priority influence on the life of educational institutions between all parties interested in the development of public education. To achieve positive results of reforming the modern education system, it is necessary to refer to historical experience. The article points out that education is the important mean for personality formation, and does not belong to the service sector aimed at meeting the needs, which appear regardless of the interaction of all participants in the education process.*

Keywords: *state, zemstvo, education, expenses, management.*

УДК 679.8

Л.А. БУДРИНА¹, К.Е. КАЗАКЕВИЧ²

«ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ КАМНЕРЕЗНАЯ МАСТЕРСКАЯ»³: основные этапы развития

Аннотация. В статье рассматривается история одного из сложившихся в 1990-х годах в Екатеринбурге творческих объединений камнерезов, выделяются основные этапы его существования, анализируются произведения и делаются выводы о зависимости направления и объемов работы от существующего контекста.

Ключевые слова: Екатеринбургская камнерезная мастерская, объемная мозаика, камнерезное искусство Урала.

Популярность объемной камнерезной мозаики в 1990-е годы и технологические особенности ее производства привели к появлению на Урале множества мастерских. Одной из них стало предприятие современного камнереза Евгения Казакевича, основателя «Екатеринбургской камнерезной мастерской».

Традиция объемной мозаики — скульптурных произведений, созданных из мозаичного набора разных цветных камней, пережила небывалый расцвет в XVI веке в ренессансной Тоскане [1]. Позднее она распространялась по Европе, в том числе и в России. Региональная уральская традиция начала складываться в середине XX в., когда эта техника получила распространение в художественно-ремесленном училище № 42, где с момента создания училища в 1946 г. на протяжении долгих лет выполнение объемной мозаики из камня оставалась обязательным этапом обучения. Многие выпускники училища стали выдающимися мастерами этого направления.

Одновременно заканчивают училище № 42 Илья Боровиков, Алексей Зефирин и Евгений Казакевич. Во второй половине

1 Будрина Людмила Алексеевна, канд. искусствоведения, доцент Кафедры истории искусства и музееведения, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург;
e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

2 Казакевич Ксения Евгеньевна, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург;
e-mail: kazan717070700@mail.ru.

3 «Екатеринбургская камнерезная мастерская» — екатеринбургская творческая камнерезная мастерская под руководством Евгения Александровича Казакевича.

1990-х годов они начали работать в «Уральской камнерезной мастерской», руководителем которой стал Илья Боровиков [2]. Бывшие камнерезы этой мастерской создавали новые объединения. Некоторые из них быстро исчезли, другие выросли в самостоятельные предприятия и работают до сих пор, например Студия камнерезного искусства «Святогор» или «Камнерезный дом Алексея Антонова» [3]. Одним из таких успешных проектов стала «Екатеринбургская камнерезная мастерская» [4] Евгения Казакевича.

Казакевич Евгений Александрович родился в 1977 г. в Свердловске, в 1992–1995 гг. обучался в СПХТУ №42, в группе РК (резчик камня). С 2004 г. мастерская начинает принимать участие в различных международных выставках («Новый русский стиль» Москва, «Junwex» Санкт-Петербург, «Белые ночи» Санкт-Петербург, «Ювелир» Санкт-Петербург, «Ювелирный салон» Одесса, «Ювелирная выставка» Киев и др.). Работы мастерской находятся в коллекции музея «Самоцветы» в Москве, а также в частных коллекциях (Мищенко А.В. и др.).

Основным направлением работы художников «Екатеринбургской камнерезной мастерской» стало исполнение резных камнерезных скульптур в технике объемной мозаики на сюжетные темы. Ряд произведений раннего периода не только отталкивались от стилистики работ Фаберже, но и повторяли некоторые из них. С течением времени изменялись подходы к работе, появлялись новые станки и технологии.

Сегодня перешагнувшая двадцатилетний рубеж история «Екатеринбургской камнерезной мастерской» позволяет выделить основные этапы развития предприятия и проанализировать основные направления ее деятельности.

Первый этап существования мастерской охватывает период до 1999 года. В это время камнерезы — будущие участники объединения — работали в мастерской Ильи Боровикова на его станках. Это период, когда складывается собственный стиль, оттачиваются технические навыки, идет поиск особых подходов к работе. Создаются работы «Мясник», «Гусар», «Бильярдист» (все — 1998 г.) и созданная годом позже работа «Барин с бульдогом».

Второй этап охватывает время с 1999 по 2004 год. Это время, когда начинается самостоятельное существование нового объединения. В 1999 г. появляется название «Екатеринбургская камнерезная мастерская», вокруг Евгения Казакевича и Алексея Зефилова собираются молодые камнерезы. Среди них — В.А. Бабинцев,

С.В. Веснин, А.В. Волков, И.М. Новиков, В.В. Ожегов, Г.И. Чернаков. На этом этапе появляются собственные методы работы, поиск своего собственного творческого стиля. Совместно с другими мастерами и мастерами (мастерские Владимира Григорьева, Андрея Волкова, Константина Кожухова и Александра Лаврова) в 2000–2003 гг. были созданы работы «Барин», «Мужик с бочкой и кружкой пива», «Артиллерист 1812», «Улан 1812». Главный заказ «Екатеринбургской камнерезной мастерской» в данный период — «Хозяйка медной горы» на 300-летие Санкт-Петербурга (2003), а также работы в частные коллекции — «Дед на скамейке» (в коллекцию И.Д. Кобзона), «Боярин с указом», «Охотник» и другие.

Третий этап с 2004–2010 годы, можно назвать временем расцвета мастерской: в этот период создаются выдающиеся работы, которые попадают в коллекцию музея «Самоцветы» в Москве [5]. Произведения этих лет публикуют в журнале «Platinum» [6, 7, 8]. Это — наиболее продуктивный период в истории «Екатеринбургской камнерезной мастерской», у нее появляются постоянные покупатели. В этот период создаются работы «Конная прогулка. Николай II» (Зефилов А.В., 2006 г.), «Боярин» (Чернаков Г.И., 2005 г.), «Звездочет» (Николаевский О. совместно с Казакевичем Е.А., 2007 г.) и многие другие.

На четвертом этапе (2010–2017 гг.) происходит постепенное снижение активности предприятия: большая часть камнерезов уходит в другие мастерские, некоторые начинают работать в других видах декоративно-прикладного искусства, осваивают новые для себя материалы. Мастерская постепенно теряет свой престиж, существенно сокращается и количество заказов.

Пятый этап — с 2017 г. по настоящее время — характеризуется поиском новых направлений. Мастера переходят от объемной мозаики к созданию произведений из одного блока цветного камня, осваивают художественную обработку металла. Сейчас в мастерской небольшой состав: есть несколько полировщиков, литейщиков. Среди последних выделяется Алексей Самолов (работа в технике художественного металла «Дровосек»). Кроме того, можно назвать также работы в привычной для мастерской технике Е.А. Казакевича «Контрабасист» и «Антикварщик».

Таким образом, история «Екатеринбургской камнерезной мастерской» может служить ярким примером эволюции небольших камнерезных мастерских, появившихся на Среднем Урале в конце XX в. на волне новых экономических реалий и высокого интереса к работам фирмы Фаберже.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будрина, Л.А. Объемная мозаика в камнерезном искусстве: европейская традиция до и после Фаберже [Текст] / Л.А. Будрина // Известия Урал. федерального ун-та: Серия 2. Гуманитарные науки. — 2012. — № 1 (99). — С. 6–24.
2. Боровиков Илья Дмитриевич [Электронный ресурс] // Энциклопедия камнерезного искусства : художники-камнерезы / stoncarvers.ru [сайт]. — 2015. — URL: <https://stoncarvers.ru/мастера-камнерезного-искусства/уральская-школа/боровиков-илья-дмитриевич/> (дата обращения 21.01.2020).
3. Будрина, Л.А. Пять столетий объемной мозаики [Текст] / Л.А. Будрина // Heroes: history in Ural Stone Curving / Alexander Shmotiev, Ludmila Budrina, Tatiana Muntian, Serguey Shokarev. — [Vaduz] Ekaterinburg: Liechtensteinisches Landesmuseum & Zoom Zoom Family, 2016. — P. 12–43.
4. Казакевич, Е. Екатеринбургская камнерезная школа [Текст] / Е. Казакевич // К. Фаберже и его продолжатели: камнерезные фигурки «Русские типы»: коллективная монография / Валентин Скурлов, Татьяна Фаберже, Виктор Илюхин. — СПб., 2009. — С. 530–535.
5. «Подлиза Мурка» [Электронный ресурс]: скульптура из камня автор Г.И. Чернаков, 2003 // Музей «Самоцветы» [сайт]. — 2012. — URL: <http://gemmuseum.ru/?object=galery&catid=3&lang=rus#> (дата обращения 21.01.2020).
6. Салмин, Л. Живые черты [Текст] / Л. Салмин // Графо PLATINUM. — 2004. — №6(15). — С. 56–57.
7. Салмин, Л. Новые работы [Текст] / Л. Салмин // Графо PLATINUM. — 2005. — №1(16). — С. 32–35.
8. Салмин, Л. Новые работы [Текст] / Л. Салмин // Графо PLATINUM. — 2006. — №1(22). — С. 48–49.

L.A. Budrina, K.E. Kazakevich
«Ekaterinburg Stone Curving Workshop» the main Stages of Development

Budrina Ludmila Alekseevna, Candidate of Sciences in History of Arts, Associate Professor of the Department of Art History and Museology, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg; e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

Kazakevich Ksenia Evgenevna, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg;

e-mail: kazan717070700@mail.ru.

Abstract. The article tells about the history of one of the creative communities of stone carvers, appeared in Ekaterinburg in the 1990s. The text highlights the main stages of its development, analyzes the pieces of art and demonstrates the relations between the directions and sizes of the production in the historical context.

Keywords: «Ekaterinburg stone-cutting workshop», three-dimensional stone mosaic, stone-cutting art of the Urals.

УДК 94(47).083 = 94(47).084

А.Н. КАРФИДОВ¹

**«МОЛОДОЙ, НО МНОГООБЕЩАЮЩИЙ
И ЦЕННЫЙ НЕВЬЯНСКИЙ МУЗЕЙ...».**
История Невьянского музея в 1909–1941 годы

Аннотация. Автор рассматривает в статье первый, до недавнего времени малоизученный, период истории Невьянского музея (1909–1941 гг.). Приводится история создания в Невьянске музея наглядных пособий, позднее преобразованного в краеведческий. Отражена деятельность заведующей А.Г. Вогулкиной, внесшей большой вклад в развитие музея.

Ключевые слова: Невьянск, Невьянский музей наглядных пособий, Невьянский краеведческий музей, А.Г. Вогулкина.

15 октября 2019 г. музейное сообщество Невьянска отметило юбилей — 110-летие Невьянского государственного историко-архитектурного музея.

История музея с 1947 г. — когда он был вновь открыт после Великой Отечественной войны — известна довольно хорошо. О предшествующем же периоде до недавнего времени имелись лишь обрывочные сведения. Архивные изыскания позволили заполнить этот пробел. Их результатом стала реконструкция первого периода истории Невьянского музея (1909–1941 гг.), который представлен в настоящей статье.

1909 г., 2 (15) октября. На заседании Екатеринбургского уездного земского собрания рассмотрено ходатайство учительницы

¹ Карфидов Алексей Николаевич, старший научный сотрудник, ГАУК СО «Невьянский государственный историко-архитектурный музей», г. Невьянск; e-mail: metodic@museumnev.ru.

Верхнетагильской школы Е.П. Поповой о предоставлении ей кредита «на устройство подвижного школьного музея». Елизавета Прокопьевна писала, что она «предполагала приобрести пособия на свои средства, уплачивая стоимость их по частям. Однако осуществить такое намерение не представилось возможности вследствие несогласия магазина отпустить пособия с рассрочкой платежа за них». Просьба Е.П. Поповой была удовлетворена. Собрание постановило «ассигновать 140 р. на устройство музея для Невьянского района, в состав которого входят и Верхне-Тагильские школы» [1, с. 14].

Музеи наглядных пособий (Верхнетагильский музей был вторым, а всего их в Екатеринбургском уезде к 1917 году стало 30) хранили учебные пособия по школьным предметам и предоставляли их для занятий преподавателям местных школ, приписанных к тому или иному музею.

Земские власти считали, что «музеи, снабженные коллекциями по различным отраслям знаний явятся наилучшими проводниками знаний в среду народа... Ни одна книжка, хотя бы идеально написанная, никогда не сделает того, что делает живое слово, особенно в аудитории народной, слишком мало привычной к отвлеченному языку. Нужно предоставить научные факты, то есть предметы и явления в распоряжение широкой публики — приди, трогай, изучай» [2, с. 15].

1911 г., октябрь. Верхнетагильский музей по предложению земства был переведен в Невьянский завод «как более центральный пункт» [2, с. 15]. Вслед за музеем в Невьянск переехала его первая заведующая Е.П. Попова.

1913 г., 3 (16) февраля. На заседании Екатеринбургского уездного земского собрания предложено «в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых» построить в Невьянском заводе «здание для помещения в нем народной библиотеки-читальни и научно-показательного музея с наименованием этих учреждений "Романовскими"». Предполагалось выделить 6 тысяч рублей на строительство и еще тысячу рублей на обустройство музея. Планировалось, что новый музей станет методическим центром для районных музеев наглядных пособий, находящихся в северной части Екатеринбургского уезда [3, с. 16].

1914 г., 25 ноября (8 декабря). На заседании Екатеринбургского уездного земского собрания «постройка здания для библиотеки-музея в Невьянске в виду настоящих военных событий (началась Первая мировая война) отложена до более благоприятного вре-

мени» [4, с. 116]. Но хотя научно-показательный музей с названием «Романовский» в Невьянске открыт не был, продолжал действовать районный музей наглядных пособий.

1919 г., 22 октября. Невьянский музей возобновил свою работу после революционных событий и Гражданской войны. Но работал музей нерегулярно, он то открывался, то закрывался [5, с. 8].

1923 г. Музей находился в школе II ступени (сейчас средняя школа №1). Руководство было поручено учительнице школы О.Е. Тумаковой (возглавляла музей до лета того же года) [6, с. 18].

1927 г., 15 января. В Невьянский музей назначена новая заведующая — воспитательница Шуралинского детского дома Александра Герасимовна Вогулкина (возглавляла учреждение до начала 1930-х гг.) [7, с. 3]. С ее именем связан новый период в истории учреждения.

1927 г., июнь. Музей получил краеведческий профиль и новое наименование — Музей местного края. Согласно отчету о работе музея, в нем числилось 2735 экспонатов, посетителей в месяц — свыше 700 человек. Велось комплектование коллекций по природе края, кустарному производству, крупной промышленности, «собирались сведения о местном быте (старообрядчестве) и революционном времени в местном районе». Был составлен и разослан в избы-читальни «вопросник быта», который охватывал «различные статистико-экономические данные, географическую обстановку, благоустройство селений, промышленность и промыслы, одежду, фольклор». Это начинание было высоко оценено Уральским областным бюро краеведения: «Если работники просвещения отзовутся на предложение музея и отнесутся серьезно к вопросам изучения быта, то может быть собран ценнейший материал как для монографического описания Невьянского района, так и вещевой — для музейной экспозиции» [8, с. 18].

1928 г., 10 и 12 апреля. Совершено несколько попыток ограбления Невьянского музея, о чем заведующая А.Г. Вогулкина сообщила в письме на имя Л.М. Каптерева, инспектора по делам музеев при Ураломо.

«Многоуважаемый Леонид Михайлович! Спешу сообщить Вам следующее: 10 апреля в 9 часов вечера в музей забрались два вора, замок был открыт подобранным ключом. Один вор похитил у сторожихи шубу и скрылся, другой же связал в узел сарафаны, но был задержан сторожихой и оказался местный Беляев Владимир. Затем 12 апреля, в то время, как сторожихи мыли пол, забрался опять вор, взломав замок. Он собрал в узел кожу, сапоги и овчину, но был тоже

задержан и отправлен в милицию. Причем после него в музее обнаружен большой финский нож. После всего случившегося сторожихи отказались жить при музее, и мною был для охраны нанят сторож, но по распоряжению политпросвет инструктора сторожу пришлось отказать, и в настоящее время музей находится под замком без охраны. Между прочим, и при стороже было тоже покушение, но последний отогнал воров, вооружившись старинной винтовкой, которая хранится в музее как экспонат.

Прошу Вашего совета, как мне поступить в этом случае, так как музей не гарантирован от ограбления и во время работы мне опасно там находиться.

Невьянск. А. Вогулкина. 14/IV 28 г.» [9, с. 71].

Вскоре пришел ответ.

«Невьянскому районному исполнительному комитету

Невьянский музей сообщил нам о происшедших 10 и 12 апреля двух дерзких покушениях на кражу музейного имущества. Налеты любителей чужой собственности заставили сторожиху музея отказаться от службы. Не знаем, чем было вызвано распоряжение Вашего политпросвет-инспектора уволить вновь нанятого сторожа и повесить на двери музея замок, иначе говоря, подвергнуть музей еще большей, чем раньше, опасности ограбления.

УралОНО просит районный исполнительный комитет принять срочные меры к действительной охране молодого, но многообещающего и ценного Невьянского музея. Лучшим выходом из положения является, по нашему мнению, перевод музея в хорошее, отвечающее музейным целям, помещение в центре города, где имеется, по крайней мере, надежная наружная охрана.

Инспектор по делам музеев Каптерев» [9, с. 78].

1929 г., май, декабрь. Заведующая Невьянским музеем А.Г. Вогулкина приняла участие в расширенном Пленуме Уральского областного бюро краеведения, где выступила с сообщением о работе музея, и в Четвертой Уральской областной краеведческой конференции. Оба научных мероприятия проходили в Свердловске [10, с. 10, 26].

1930 г., ноябрь. Невьянский музей переведен в каменное одноэтажное здание по ул. К. Маркса (бывшая купеческая лавка). Работал он ежедневно с 14 до 18 часов с одним выходным [11, с. 2].

1937 г. В Невьянке создано отделение Общества изучения Свердловской области, возглавила которое новая заведующая музеем Анна Ивановна Маташкова [12, с. 21].

1939 г., март. Образована новая краеведческая организация — Свердловский областной совет краеведения. В первом, организационном, заседании в числе директоров трех областных и восьми районных музеев приняла участие и директор Невьянского музея А.И. Маташкова [13, с. 136].

1940 г., 28 декабря. В местной газете «Кировградский рабочий» опубликована статья М. Закатова «В краеведческом музее». В ней описаны музейные экспонаты тех лет: «исполненный масляными красками портрет Никиты Демидова, фотографии с портретов Акинфия Демидова и Яковлева. Есть старинное вооружение: пистолеты, оружие ермаковских времен, чугунные ядра. Большую ценность представляет фотография старого Невьянска». Автор призвал помогать музею «делом и советом», так как Невьянск «имеет богатые возможности создать хороший краеведческий музей» [14, с. 2].

1941 г., лето. С началом Великой Отечественной войны Невьянский музей был закрыт, а его фонды эвакуированы из здания и переданы в школы города. В здании музея разместился кондитерский цех пищекомбината. Только в июле 1947 г. по требованию общественности местные власти вновь открыли музей, который с тех пор (сейчас он называется Невьянский государственный историко-архитектурный музей) работает непрерывно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания... и доклады Уездной земской управы и комиссий 40 очередной сессии 1909 года. — Екатеринбург, 1910.
2. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания... и доклады Уездной земской управы и комиссий 42 очередной сессии 1911 года. — Екатеринбург, 1912.
3. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания... и доклады Уездной земской управы и комиссий 32 и 33 чрезвычайных сессий (1913 года). — Екатеринбург, 1914.
4. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания... и доклады Уездной земской управы и комиссий 45 очередной сессии 1914 года. — Екатеринбург, 1915.
5. ГАСО. Ф. р-79. Оп. 2. Д. 152. Л. 8.
6. ГАСО. Ф. р-170. Оп. 2. Д. 31. Л. 18.
7. ГАСО. Ф. р-170. Оп. 2. Д. 181. Л. 3.
8. На местах [Текст] // Информ. бюллетень краеведческой работы на Урале. — 1928. — № 9–11. — С. 18.

9. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 1140. Л. 71, 78.
 10. Прения по докладу [Текст] // Информ. бюллетень краеведческой работы на Урале. — 1929. — №6. — С. 26.
 11. Невьянский музей краеведения [Текст] // Красный ударник. — 1930. — №23. — С. 2.
 12. ГАСО. Ф. р-678. Оп. 1. Д. 69. Л. 21.
 13. ГАСО. Ф. р-678. Оп. 1. Д. 88. Л. 166.
 14. **Закатов, М.** В краеведческом музее [Текст] / М. Закатов // Кировградский рабочий. — 1940. — № 290. — С. 2.

A.N. Karfidov

«A Yong, but Promising and Valuable Nevyansk Museum...» the History of the Nevyansk Museum in 1909–1941

Karfidov Alexey, senior researcher, Nevyansk State Historical and Architectural Museum, Nevyansk, Russia; e-mail: metodic@museumnev.ru.

Abstract. The author considers in the article the first, until recently, little-studied period in the history of the museum (1909–1941). He tells the story of the creation of the Nevyansk museum of visual aids, which was later transformed into a museum of local history. The report describes the activities of A. Vogulkina, the head of the museum, who made a great contribution to the development of the museum.

Keywords: Nevyansk, Nevyansk museum of visual aids, Nevyansk museum of local history, A.G. Vogulkina.

УДК 908(470.5)

Г.А. КРУГЛИКОВА¹

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ: к постановке проблемы

Аннотация. Автор поднимает теоретические проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия на современном этапе. Прослеживаются особенности государственной политики в этом отношении, определяется динамика и проблемы в области

¹ Кругликова Галина Александровна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

сохранения культурного и индустриального наследия в рамках процессов модернизации. Показан региональный опыт Урала в деле изучения и использования культурного наследия в рамках сохранения исторической и социальной памяти.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, сохранение памятников, памятники истории, историческая память, государственная культурная политика, модернизация.

Внимание к проблемам культуры России и регионов, особенностям их исторического развития, их роли и значению в жизни страны связано с целым комплексом причин. Культурная политика государства основана на признании того, что Россия — это многообразие народов, наций, а также социально-культурных связей, способов хозяйствования и жизнедеятельности. Процессы модернизации поставили во главу угла изучение и использование региональной специфики территорий. Сохранение политического, экономического и культурного единства страны требует углубленного понимания процесса ее формирования на протяжении исторического времени.

Процессы информатизации и глобализации XX–XXI вв. поставили ряд важных проблем: изучение культурного, индустриального наследия края, его сохранение и включение в современную городскую среду. Внимание к этой сфере обусловлено тенденциями унификации мира под влиянием глобализационных процессов и перехода к информационному обществу, отрицательно влияющих на процессы формирования и поддержания национально-культурной идентичности.

Уральский регион обладает не только большим количеством исторических, культурных и религиозных и промышленных памятников. Интеграция Урала в состав Российского государства в XVIII в. явилась знаменательной вехой в истории развития региона. По мнению И.В. Побережникова, был дан мощный импульс социально-экономическому и культурному прогрессу края. Расширилась сеть городов, быстрое развитие получили ремесла и торговля, существенно выросли масштабы аграрного и промышленного освоения региона. Преобладавшая традиционная культура в основе локальных историко-культурных образований в Уральском регионе определила особенности модернизационного процесса на Урале. Более благоприятные для модернизации условия способствовали превращению Урала уже в XVIII в. в одного из лидеров протоинду-

стриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки до завершения [1].

В Федеральном законе Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ была прописана система регулирования отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. В основу поставлена цель сохранения и развития культурно-национальной самобытности, защита, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защита и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры [2]. В 2010 г. В.В. Путиным было подписано поручение № ВП-П44-5133 от 28.07.2010 г., в котором особое внимание уделялось вопросам сохранности культурного наследия в России.

С 2009 по 2011 г. по инициативе Президиума РАН была реализована Программа фундаментальных исследований «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». В реализации программы приняли участие исследователи научных учреждений РАН. В числе основных направлений были: древнейшее наследие и истоки творческих начал человека; археологические древности России; традиции и новации в культуре народов; историко-культурное наследие в языке, литературе, фольклоре; философское осмысление историко-культурного наследия; музейные и архивные фонды. По итогам работы в свет вышел сборник научных трудов по данным проблемам [3]. Несомненно, он внес весомый вклад в теоретическую разработку изучения и сохранения историко-культурного наследия. Ученые предложили исторические оценки, связанные с потребностями развития России и ее новым геополитическим положением. Было показано мировое значение отечественного историко-культурного наследия и высокие стандарты духовных ценностей русского народа.

Несмотря на принятые документы, ситуацию с сохранением историко-культурного наследия можно назвать критической. Все говорят о его высочайшем потенциале, необходимости сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов экономики. Однако на деле ежегодно фиксируется непрекращающийся процесс утраты памятников истории и культуры, их разрушение и уничтожение. Безусловно, исчезновение культурного наследия ведет к разрыву исторической памяти, обеспечивающей связь поколений, их преемственности. В данной статье предпринята попытка актуализировать необходимость изучения

и сохранения культурного наследия в целях предупреждения процесса разрушения и уничтожения национального богатства России. И в этой связи рассмотрение процесса охраны культурного наследия нельзя рассматривать вне мирового опыта в данной области.

В декабре 2017 г. на Европейском культурном форуме, состоявшемся в Милане (Италия) было принято решение объявить 2018 год в Европе — Годом культурного наследия. Объявление о запуске года культурного наследия совпало с публикацией новых исследований крупнейшего социологического мониторинга в Европе — «Евробарометр», посвященного культурному наследию и его роли в восприятии европейцев. Исследователи показали, что 8 из 10 жителей Европы считают, что культурное наследие может улучшить качество жизни, оно важно не только для них лично, но и для их сообщества, региона, страны. Более того, 9 из 10 опрошенных сочли возможным включение в образовательные программы дисциплин, связанных с историей культурного наследия Европы.

Лозунгом года была объявлено «Наше наследие — где прошлое встречается с будущим». На протяжении всего года прошел ряд мероприятий, направленных на привлечение внимания населения к культурному наследию, формирующему идентичность и определяющему ход повседневной жизни. Европейская комиссия в сотрудничестве с Советом Европы, ЮНЕСКО запустило десять долгосрочных проектов, направленных на исследования об инновационных решениях по использованию исторических зданий, борьбу с нелегальным перемещением культурных ценностей. Наиболее интересные связаны с предложениями, касающимися молодежи. Наследие — школьникам: дети изучают шедевры и традиции европейских стран; молодежь для наследия: будущее поколение дает культурному наследию новую жизнь [4].

Изучение зарубежного опыта сохранения культурного наследия продолжает оставаться актуальным для выявления положительных моментов этого рода деятельности и возможного дальнейшего его использования. Особое место в мировом опыте сохранения культурного наследия занимают европейские страны (Франция, Италия, Великобритания), которые за вековую практику выработали эффективные механизмы охранной деятельности государства.

В декабре 2018 г. состоялось заседание при президенте РФ по культуре и искусству, на котором было принято решение проверить эффективность осуществления региональными органами власти переданных им федеральных полномочий в сфере охраны

объектов культурного наследия, а также внедрения «системы непрерывного мониторинга» за этим процессом.

В мае 2019 г. президент России В. Путин, выступая на медиафоруме «Правда и справедливость», объявил «ревизию национальной системы охраны наследия». По итогам Президент издал поручение Правительству РФ: подготовить при участии экспертного сообщества и представить предложения по «стимулированию привлечения инвестиций для финансирования мероприятий по сохранению, содержанию и использованию объектов культурного наследия», а также «на пересмотр требований к сохранению, содержанию и использованию этих объектов» [5].

В июне 2019 г. коллегия Министерства культуры РФ одобрила Концепцию сохранения памятников деревянного зодчества, рассчитанную до 2025 года. И совпало это событие со сносом подмосковной дачи «Сказки» — деревянной дачи начала XX в., которую отчаянно пытались спасти подмосковные градозащитники.

И наконец, в конце 2019 г. в Государственную Думу внесены предложения по внесению изменения ФЗ-73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Данный текст уже вызвал широкий общественный резонанс как в среде профессионалов, так и в общественных организациях. Опасения вызвали изменения, касающиеся государственной историко-культурной экспертизы, необязательной в случае ремонта, противоаварийных работ. Но гораздо больше опасений вызвал пункт законопроекта в отношении «освоения подземного пространства». По мнению градозащитников, такую деятельность стоит разрешить только в целях обеспечения физической сохранности памятника.

Ситуация с сохранением историко-культурного наследия в нашей стране выглядит весьма противоречиво. С одной стороны, в июле 2019 г. на 43-й сессии Комитета Всемирного наследия в Баку была единогласно одобрена российская номинация, получившая название «Храмы Псковской архитектурной школы», в которую были включены десять средневековых псковских церквей и соборов. В сентябре 2019 г. было официально объявлено о включении Спасо-Преображенского и Городского вала Переяславля-Залесского в Предварительный список объектов Всемирного наследия.

С другой стороны, в августе 2019 г. был разобран деревянный главный дом XVIII в. в усадьбе Монрепо близ Выборга. Все попытки петербургских экспертов ИКОМОС и ВООПИК не совершать неправомерного, остались без внимания. И совсем вопиющий факт —

в октябре 2019 г. власти Сахалинской области официально заявили о ликвидации региональной Госинспекции по охране объектов культурного наследия. Это прямое нарушение федерального закона, предписывающего им иметь специализированный орган охраны культурного наследия.

Столице Среднего Урала — городу Екатеринбургу, к сожалению, в области охраны памятников нечем похвастать. Достаточно было прочитать информацию, опубликованную в сети Интернет 18 апреля 2019 г. (в День памятников, установленный Ассамблеей Международного совета по вопросам охраны памятников и достопримечательных мест ЮНЕСКО), об уничтоженных и потерянных памятниках истории и культуры.

В 2008 г. наблюдался, пожалуй, самый громкий снос исторического памятника в Екатеринбурге. Ночью в самом центре города уничтожили дом горного землемера Г.С. Ярутина. В 2011 г. строители разрушили флигель старинной усадьбы Панфилова, расположенной по ул. Р. Люксембург. Сначала речь шла о реконструкции бывшей палаты мер и весов. Но потом выяснилось, что на ее месте просто построили новое здание. В 2013 г. под несмолкающий общественный резонанс несли старое здание «Пассажа», построенного в первой четверти XX в. по проекту основателя архитектурной школы на Урале К. Бабыкина. Также в 2013 г. в самом центре Екатеринбурга, на ул. Луначарского, 210, разобрали памятник архитектуры, носившим название «Дом А.А. Волкова», построенного в 1880-е гг. и входившего в Перечень объектов культурного наследия [6].

За последние 10 лет в Екатеринбурге были утрачены десятки памятников культурного и индустриального наследия. Большая часть из них рассыпается и разрушается в силу отсутствия должного ухода за ними.

300-летие Екатеринбурга в 2023 г. — новый повод восстановить исторические здания: объекты культурного наследия, особняки, усадьбы, большинство из которых находится на гостевых маршрутах в центре Екатеринбурга. План восстановления и сметы расходов составлены. Остается надеяться, что все работы будут выполнены профессионально и в срок.

В Екатеринбурге в 2019 г. в рамках Уральского культурного форума была организована секция «Сохранение культурного наследия». Участники приняли решение о создании единого социокультурного пространства Уральского федерального округа, определили

перспективы развития социально-культурной сферы и художественного образования в регионах [7].

Разработанные проекты и программы направлены, с одной стороны, на решение фундаментальной научной проблемы, связанной с реконструкцией традиционной культуры народов Урала, его адаптации к условиям модернизации в процесс межкультурного взаимодействия; с другой — на дальнейшее развитие научного и культурного потенциала региона. Популяризация в печатных и электронных СМИ результатов академических исследований культурного наследия, интенсивное использование музейных ресурсов в научно-просветительской и образовательной деятельности будет способствовать эстетическому и духовному воспитанию молодежи, удовлетворению культурных потребностей населения региона.

Таким образом, степень историко-культурного и индустриального потенциала Уральского региона является мотивированным основанием для желания посетить данную территорию с туристическими целями, особенно иностранным туристам, проявляющим интерес к истории, культуре, экономике нашей страны, ее промышленному наследию, к производимой продукции. Все это позволяет поставить вопрос об изучении и сохранении культурного и индустриального наследия как важнейшего условия гармоничного развития общества и всех его систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Побережников, И.В.** Фронтирная модернизация на востоке Российской империи : региональные вариации [Текст] / И.В. Побережников // Урал. ист. вестн. — 2018. — 4(61). — С. 72–80.
2. **Федеральный закон Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ** [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. — 2002. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 03.01.2020).
3. **Историко-культурное наследие и духовные ценности России** [Текст]: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук : [сб. ст.] / Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук ; отв. редакторы: А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. — М.: РОССПЭН, 2012. — 642 с.
4. 2018 — Год культурного наследия в Европе [Электронный ресурс] // European Union [сайт]. — 2017. — URL: <https://eeas.europa.eu/>

eu/headquarters/headquarters-homepage/38295/ (дата обращения 03.01.2020).

5. 19 историй 2019 года [Электронный ресурс] // Хранители наследия [сайт]. — 30.12.2019. — URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/19-istoriy-2019-goda/> (дата обращения 02.01.2020).

6. Уничтоженный Екатеринбург : Что понастроили за десять лет на месте исторических памятников [Электронный ресурс] // 66.ru [сайт]. — 18.04.2019. — URL: <https://66.ru/realty/news/221108/> (дата обращения 03.01.2020).

7. Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области [Электронный ресурс] // Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области [сайт]. — 2020. — URL: <https://okn.midural.ru/> (дата обращения 03.01.2020).

G.A. Kruglikova

The Ural Historical and Cultural Heritage and Modernization Processes: to the Statement of a Problem

Kruglikova Galina Aleksandrovna, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History of Russia, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia;
e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

Abstract. The author raises the theoretical problems of studying and preserving of the historical and cultural heritage at present. The features of state policy regarding cultural heritage are traced. The dynamics and problems in the field of preservation of cultural and industrial heritage at the present stage in the framework of modernization processes are determined. The regional experience of the Urals in the study and use of cultural heritage in the framework of the preservation of historical and social memory is shown.

Keywords: historical and cultural heritage, preservation of monuments, historical monuments, historical memory, state cultural policy, modernization.

ОБ АРХИТЕКТУРЕ И АРХИТЕКТОРАХ СТАРОГО И НОВОГО КОСТЕЛОВ СВЯТОЙ АННЫ (Екатеринбург)

Аннотация. В статье рассматривается история польской диаспоры в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX вв. и история строительства первого католического костела в Екатеринбурге. В качестве предполагаемого автора костела называется имя инженера Р.И. Карвовского, поляка по происхождению. Анализируется архитектура костела конца XIX в. и современного восстановленного костела.

Ключевые слова: архитектура, церковная архитектура, церковь, костел, польская диаспора, история Урала конца XIX – начала XX веков.

В 1876 г. количество лиц католического вероисповедания в Екатеринбурге увеличились в три раза по сравнению с тем числом, которое зафиксировала предыдущая перепись населения 1839 г. и составило примерно 300 человек» [1, с. 26]. По данным переписей, в 1889 г. католиков в Екатеринбурге насчитывалось уже 675 человек [2, с. 11]. Это давало право городу создать свой католический приход. Он был создан в Екатеринбурге в 1876 году. Для управления делами прихода были избраны синдики: статский советник Альфонс Фомич Поклевский-Козелл, дворянин, инспектор Российского страхового общества Здислав Миткевич и Валерий Зашклевич. В 1876 году была организована католическая часовня, расположенная пока еще в частном доме. Первым священнослужителем стал ксендз Франтишек Буткевич [1, с. 9].

В екатеринбургскую городскую думу членами католической общины было подано прошение об устройстве католического костела. В государственном архиве Свердловской области сохранилась подробная переписка, связанная со строительством костела. Сохранились прошения синдигов, ответы екатеринбургской думы и соответствующие резолюции, которые делала Пермь, а также планы строительства [7]. Екатеринбургская городская управа в ответ на прошение попросила «синдикам Вашкевичу и Миткевичу» сообщить в городскую Управу «о месте», где надлежит расположить церковь» [7, л. 2]. В ответ синдики сообщили: «честь имеем

¹ Мамаева Наталия Николаевна, искусствовед, г. Екатеринбург;
e-mail: nataliyamaeva@yandex.ru.

ответить, что указать место для постройки римско-католической церкви мы не считаем себя в праве, дабы городская дума нашла возможным отвести место на Покровском проспекте, в крайнем случае, на площади за лютеранской церковью» [7, л. 4]. Лютеранская кирха в то время располагалась на Главном проспекте между современными улицами К. Либкнехта и Луначарского. Сейчас на этом месте находится дом по адресу ул. Ленина, 46.

Первоначально действительно предполагалось расположить церковь рядом с лютеранской церковью. Однако рассмотревший прошение инженер Р.И. Карвовский заметил, что гораздо лучше выстроить церковь «для красоты города... на Покровском проспекте, на площади пересечения его с Большой Вознесенской улицей» [7, л. 4]. Разрешение на строительство собора было получено от Министерства внутренних дел через пермского губернатора [7, л. 19]. Закладка собора состоялась 27 июня 1882 г.

Собор не влез в отведенную для него первоначально площадь, поэтому синдики написали очередное прошение с просьбой увеличить место, отведенное под строительство с 247 кв. саженей до 331 и 5/7 кв. саженей [7, л. 15]. Екатеринбургская дума дала свое разрешение [7, л. 15]. Вообще из всего тона переписки следует, что екатеринбургская дума отнеслась к идее строительства костела достаточно сочувственно. Под строительство было выделено место на центральной улице города. При этом сразу было очевидно, что польский костел наряду с православными церквями Екатеринбурга станет значимой городской доминантой, что, по-видимому, не смутило городские власти.

Собор был построен через два года после получения разрешения в 1884 году. В документах сообщалось, что «предполагаемая церковь будет каменная в весьма изящном, готическом стиле» [7, л. 1]. В действительности готический стиль в здании был выражен весьма умеренно. Достаточно сравнить его с обликом неоготических костелов, которые в это время воздвигались в Европе и даже с теми костелами, которые строились в городах Поволжья или в Иркутске. Если судить по дореволюционным фотографиям и тем фотографиям перестроенного костела, которые сохранились от советского времени [8; 9; 10; 11; 12; 7, л. 15], можно сделать вывод, что костел скорее напоминал русские церкви первой половины XIX века, выстроенные в модном неоготическом стиле.

До настоящего времени так и не выяснено имя автора костела. Поскольку разрешение на строительство костела подписывал город-

ской архитектор М.Л. Реутов, можно предположить, что и автором проекта являлся именно он [7, л. 5]. В его пользу свидетельствует и то, что дом Поклевских-Козелл на Покровском проспекте также проектировал М.Л. Реутов. С другой стороны, М.Л. Реутов, будучи городским архитектором, ставил свою подпись на всех проектах, и можно даже предположить, что сейчас здания, которые атрибутированы как выстроенные Реутовым (а таких зданий в Екатеринбурге насчитывается несколько десятков), в действительности не всегда проектировались им.

Попытаемся определить имя архитектора исходя из имеющихся в нашем распоряжении сведений. Обратимся для этого к истории строительства пермского костела, выстроенного на 9 лет раньше в 1875 г. Первый проект пермского костела был составлен архитектором Эдмундом Фриком и забракован за ярко выраженную готическую конфигурацию здания, не свойственную, по мнению чиновников, общему архитектурному облику города Перми [3, с. 34]. В 1873 г. городской архитектор Рудольф Карвовский доработал первоначальный проект Э. Фрика. В пермских архивах хранится этот проект с резолюцией «согласен» министра внутренних дел. В скобочках следует отметить, что, например, в книге «Памятники истории и культуры Пермской области» в качестве архитектора костела фигурирует Г.Ю. Боссе [4, с. 46]. Впрочем, во всех других монографиях, статьях и справочных изданиях говорится о Фрике, поэтому, вероятно, следует считать упоминание имени Боссе ошибкой. По косвенным сведениям, можно сделать вывод, что Э. Фрик также был поляком. В городке Россоны Витебской области находится спроектированный Эдмундом Фриком дом пана Станислава Гласко (1904). Возможно, речь идет об этом же самом архитекторе [5].

В окончательном варианте пермского костела готические элементы были смягчены. Выстроенное по проекту Р.И. Карвовского здание костела представляло скорее молитвенный дом, нежели полноценный католический храм, хотя символика католического костела была соблюдена. Собственно говоря, вся «готика» сводится к слабо прорисованному вимпергу над входом в костел. От вимперга вверх отходят трапециевидные ветви лепнины. Над ними находится горизонтальная линия с тройными зубцами, которая естественно ограничивает устремленность портала вверх. Выше расположены три узких стрельчатых окна. Между окнами находятся миниатюрные колонны ионического ордера. Под карнизом западного портала идет скромный аркатурный пояс. Действительно, в проекте

Р.И. Карвовского «готическая конфигурация» здания выражена более чем слабо. Если бы не кресты, здание вполне можно было бы принять за светское сооружение, например за зал общественного собрания или театр.

С бокового южного фасада стену храма прорезают пять больших арочных окон без всякого намека на ланцетовидность или стреловидность. Между ними расположены классицистские пилястры. Боковой карниз также украшает аркатурный пояс.

В восточной части костела имеется пристрой, украшениями которого служат двойные ложные окна, фланкируют которые двойные пилястры. Таким образом, костел выстроен не в неоготическом, а в классицистическом стиле. Характерная для костелов устремленность вверх в нем отсутствует. Нет даже намека на башню, столь характерную для католической архитектуры.

Если обратиться к архитектуре костела Святой Анны, то можно заметить те же тенденции. «Готичность» костела Святой Анны чуть более выражена, но тем не менее также является весьма умеренной. По плану костел скорее напоминает православный храм-корабль петровского времени с высокой колокольней, увенчанной шатром. В данном случае можно говорить именно о шатре, а не о шпилье. Колокольня также представляет собой совершенно классический четверик, характерный для русских церквей. Шпиль со всех сторон окружают небольшие выступы с островерхими завершениями, больше напоминающие русские кокошники, нежели западноевропейские пинакли и фиалы. В целом облик костела очень близок облику русских церквей конца XVIII – первой половины XIX века. Слабые намеки на готику и средневековую архитектуру содержатся только в стреловидности оконных проемов и в небольших башенках, окаймляющих парапет центрального объема собора.

При сравнении облика пермского костела в честь Непорочного Зачатия Девы Марии и екатеринбургского костела Святой Анны бросается в глаза явное их сходство в том плане, что и тот и другой не слишком напоминали католические храмы. Ни один из них нельзя отнести к стилю неоготики или псевдоготики. Исходя из того, что именно Р. И. Карвовский фактически строил пермский костел, из явной «неготичности» сооружений, из того, что Р.И. Карвовский весьма сочувственно отнесся к идее сооружения екатеринбургского костела и даже предложил разместить его на одном из центральных проспектов города, следует, что возможно, именно Рудольф Иосифович был автором костела Святой Анны. В этом случае его жела-

ние поставить церковь на одной из центральных улиц «для красоты города...» вполне естественно. Разумеется, любому архитектору хочется, чтобы его творение смотрелось выигрышно и эффектно.

В пользу этого предположения говорит и еще один факт. В Перми, помимо польского костела, имелась лютеранская кирха. Автором проекта был архитектор Г.Ю. Боссе, однако за строительством надзирал все тот же Р.И. Карвовский. Средневековый историзм этой кирхи также является весьма умеренным. Здесь присутствует такой же шатер, как и на костеле Святой Анны, такой же «приземленный» характер главной башни, решение западного фасада, очень близкое к западному фасаду пермского костела. Вполне возможно, что именно облик пермского костела и кирхи вдохновил Карвовского на создание архитектурного решения костела Святой Анны.

Следует также отметить, что с атрибуцией построек Р.И. Карвовского имеются значительные проблемы. Очень часто разные авторы указывают разные годы строительства. При этом даты могут отличаться на 10–15 лет. Возникают проблемы и с атрибуцией отдельных зданий. Неудивительно, что в такой «исторической» неразберихе установить авторство построек Р.И. Карвовского было затруднительно.

Наконец, обратимся для подтверждения данной мысли к его творческой биографии.

Рудольф Иосифович (Рудольф Осипович) Карвовский в 1878 г. был определен на должность пермского губернского инженера. При этом карьера его была отнюдь не блестящей, и он полагал, что его несправедливо обходят, не повышая в звании [6, с. 52]. Стремясь то ли решить денежные проблемы, то ли «произвести впечатление» на начальство, Карвовский одновременно принимал участие в работе над десятками сооружений, но очень редко являлся их автором. В связи с этим рассмотрим «хронологические» доказательства. Время работы Карвовского над различными проектами более-менее известно. Костел Святой Анны в Екатеринбурге возводился в 1882–1884 гг. В этот период, судя по достоверно атрибутируемым Карвовскому сооружениям, архитектор не был слишком занят. В 1880 г. он закончил работу над пермским оперным театром, а следующие его работы 1883 г. касались строительства каланчи пожарной части в Перми и собственного дома. Следовательно, располагая свободным временем, Карвовский вполне мог в этот период курировать строительство екатеринбургского костела.

Впоследствии, уже в начале 1900 г., сын Альфонса Фомича Поклевского-Козелл синдик В.А. Поклевский-Козелл пожертво-

вал деньги на покупку церковного подворья (плебании) — усадьбы на ул. Гоголя, 9. В 1992 г. в Екатеринбурге была вновь зарегистрирована римско-католическая община. В 1996 г., в ответ на обращение приходской общины, городские власти приняли решение о возвращении бывшей собственности прихода — домов, расположенных на улице Гоголя, — обратно в ведение общины. На месте бывшей конюшни был построен новый католический храм. Строительство началось в мае 1996 г. и закончилась в 2000 г. Проект разработали архитектор из Словакии Мартин Гольдбик и прихожанин А.В. Гусельников. Вновь выстроенное здание можно отнести к архитектурным сооружениям лишь с большой натяжкой. Следует признать, что если старый костел Святой Анны, не будучи выдающимся архитектурным сооружением, тем не менее являлся определенной высотной доминантой в старом Екатеринбурге, то новый костел не представляет собой ничего выдающегося ни в плане его градостроительной роли, ни в плане архитектурного решения. Впрочем, сам факт строительства костела несомненно является значимым фактом в религиозной жизни города и его польской диаспоры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мосунова, Т.П. Под покровительством Св. Анны: к 120-летию со дня основания прихода римско-католической церкви г. Екатеринбурга [Текст] / Т. Мосунова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. — 24 с.
2. Мосунова, Т.П. Богатства водочного короля: [династия Поклевских-Козелл в истории Талицы] [Текст] / Т. Мосунова // Веси. — 2002. — №3. — С. 11–14.
3. Вяткин, В.В. Пермской епархии 200 лет [Текст]: краткий ист. очерк / В.В. Вяткин. — Пермь, 1999.
4. Памятники истории и культуры Пермской области [Текст]: [каталог]: в 2 т. Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства / авт.-сост. А.Б. Киселев, В.И. Сузутов. — Пермь: Арабеск, 1993. — 236 с.
5. Россоны // Регионавтика [сайт]. — 05.11.2013. — URL: http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=4312 (дата обращения 07.09.19).
6. Семенов, В.Л. Архитектор Р.И. Карвовский: жизнь и творчество [Текст]: монография / В.Л. Семенов. — Пермь: Изд-во Богатырев П.Г., 2011. — 132 с.
7. ГАСО. Ф. 62. Оп.1. Д. 79.
8. ГАСО. № 0-6441.

9. ГАСО. № 0-6442.
10. ГАСО. № 2476-м.р.
11. ГАСО. № 0-15059.
12. ГАСО. № I-435.

N. Mamaeva

Architecture and Architects of the old and new roman catholic Church of st. Anne (Ekaterinburg)

Natalia Mamaeva, art critic; e-mail: nataliyamamaeva@yandex.ru.

Abstract. *The article discusses the history of the Polish diaspora in Ekaterinburg in the late 19th – early 20th centuries and the history of the construction of the first Catholic church in Ekaterinburg. It is assumed that the author was an engineer R.I. Karvovsky, a Pole by birth. The article analyzes the architecture of the church of the late 19th century and architecture of the modern restored church.*

Keywords: *architecture, church architecture, church, roman catholic church, Polish diaspora, history of the Urals, late XIX – early XX centuries.*

УДК 72.03

О.С. МАРЧЕНКОВА¹

СПОРТИВНАЯ АРХИТЕКТУРА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ: этапы развития

Аннотация. *Статья посвящена основным этапам развития спортивной архитектуры на Среднем Урале в советскую эпоху. Автор выделяет два основных этапа. На первом (1920–1950-е гг.) доминировали стадионы и спорткомплексы под открытым небом; наиболее ранние были выдержаны в лаконичном конструктивистском стиле, более поздние — в стиле неоклассики. На втором этапе (1960–1980-е гг.) появляются специализированные здания для занятия спортом в закрытых помещениях (спортзалы, бассейны). Кратко охарактеризованы наиболее значимые примеры сооружений каждого этапа.*

Ключевые слова: *спортивная архитектура, стадион, Средний Урал, физическая культура.*

¹ Марченкова Ольга Сергеевна, преподаватель, ГАПОУ СО «Свердловский областной педагогический колледж», г. Екатеринбург; e-mail: o.s.marchenkova@yandex.ru.

Обычно историю спорта в Свердловской области изучают в контексте биографий спортсменов и тренеров. Однако не меньшим культурным и просветительским потенциалом обладают объекты спортивной архитектуры. Изучение этих объектов требует их классифицирования по стилю, периоду создания, градостроительной роли, функциональной специфике. Учет этих аспектов позволяет выделить два крупнейших этапа.

Первый этап охватывает 1920–1950-е годы. Спортивные сооружения этого времени — преимущественно стадионы и спорткомплексы под открытым небом, помещающиеся в парках отдыха или вблизи заводских проходных. Они выдержаны в конструктивистском либо неоклассическом стилях. Примеры первого стиля — спортивный комплекс «Динамо» (Свердловск), стадион хромпикового завода при клубе имени Ленина (Первоуральск), стадион Уралмаша (Свердловск), большой трамплин на Уктусе (Свердловск). Примеры второго — стадионы «Центральный» (Свердловск), «Металлург Востока» (Первоуральск), «Строитель» (Нижний Тагил), «Металлург» (Каменск-Уральский), «Геолог» (Асбест). Акцент делался на массовое спортивное действие, такое, как сдача норм ГТО [1, с. 74].

Рассмотрим наиболее типичные образцы подробнее. Стадион «Авангард» Уральского завода тяжелого машиностроения — яркий пример размещения спортивной инфраструктуры на базе промышленного предприятия, характерного для советского градостроения. Стадион был открыт в 1934 г., здесь проводились соревнования по волейболу, футболу, легкой атлетике; здание являлось ярким примером конструктивистской архитектуры, обогащенной элементами неоклассики [2, с. 56–57]. В том же году вступил в строй горнолыжный комплекс на Уктусских горах с самым большим в стране прыжковым трамплином, уже в 1934 г. принявший первый Всесоюзный горнолыжный праздник с участием представителей рабочих спортивных союзов Австрии, Швейцарии, Норвегии, Швеции и Чехословакии [3, с. 30].

Важным исключением из общего правила (доминирование открытых стадионов) является спортивный комплекс «Динамо» (Дом физкультуры). Его начали строить в 1929 г. по проекту архитектора В. Д. Соколова. К Урало-Кузбасской спартакиаде 1932 г. был построен только административный корпус, водная станция и деревянный стадион. Спортивный же корпус сдали позднее; впоследствии перестроили и арену, сделав ее капитальной. Комплекс «Динамо» имел спортивный зал и крытый бассейн [4, с. 82].

Ряд крупных комплексов был создан за пределами областной столицы — Свердловска. Так, одним из крупнейших спортивных комплексов области довоенного периода был стадион «Хромпик» в Первоуральске. Его история началась в 1919 г., когда недалеко от проходной Хромпикового завода было оборудовано первое футбольное поле. В 1929 г. построен первый стадион, в 1936 г. — спортпавильон [5]. Другой крупный спортивный комплекс — стадион «Строитель» — был создан в городе Асбест во 2-й половине 1930-х гг. при активном участии горожан. Стадион, архитектурное оформление которого было выдержано в неоклассическом стиле, постигла та же судьба, что и остальные здания довоенного центра Асбеста: из-за расширения асбестового карьера стадион был заброшен, и в настоящее время от него сохранилась лишь обветшавшая входная арка, за которой сейчас скрывается гаражный комплекс, а через несколько десятков метров начинается карьер. В 1927–1928 гг. в Нижнем Тагиле был построен стадион «Локомотив», позднее перешедший на баланс треста «Тагилстрой», ведшего строительство громадного Ново-Тагильского металлургического комбината (НТМК). С 1948 г. стадион, переименованный в «Строитель», стал базой для команды НТМК по хоккею с мячом «Металлург». Именно здесь начинал свою карьеру знаменитый «король бенди» Н. Дураков. Стадион (сегодня носящий имя «Юность») подвергся позднейшим перестройкам, однако на стенах арок главного входа сохранились барельефы, представляющие большую историко-культурную ценность. Эти барельефы изображают славные страницы истории: игру в бенди и футбольный матч. Ведь именно на стадионе «Строитель» начиналась история самого знаменитого тагильского футбольного клуба «Уралец», также находившегося на попечении НТМК [6]. Свой стадион имелся в Красноуральске, где работал крупный медеплавильный завод — строители этого стадиона в годы массовых репрессий были обвинены во «вредительстве»: стадион был якобы выстроен так, чтобы солнце светило зрителям в глаза [7, с. 308].

Ярким примером послевоенной спортивной архитектуры Среднего Урала может считаться стадион «Уральский трубник», выстроенный в 1953–1955 гг. в Первоуральске при Новотрубном заводе по проекту архитектора Макаренко. В строительстве сооружения приняли участие не только активисты и горожане, но и военнопленные немцы [8, с. 12].

Процесс перехода от первого этапа ко второму воплотило здание спортивного комплекса «Салют» (архитектор Ю.Н. Рабей), выстроенного в Каменске-Уральском в 1961 г. силами Уральского алюми-

ниевого завода. Здание двухэтажное, кирпичное и шлакоблочное, прямоугольное в плане; на первом этаже с трех сторон размещались галереи с колоннадами, однако в 1970-е гг. интерколумнии были заложены кирпичом. Как отмечает современная исследовательница С.И. Гаврилова, «спорткомплекс «Салют» — один из немногочисленных в Уральском регионе, представляющих тип спортивного сооружения в парадном варианте форм поздней советской неоклассики» [9, с. 2]. В этом смысле «Салют» может считаться уникальным.

Второй этап в развитии спортивной архитектуры охватывает 1960–1980-е гг., когда строятся многопрофильные спортивные залы и бассейны, часто размещающиеся рядом с уже выстроенными ранее стадионами и выдержанные в строго функционалистском (а то и бруталистском) стиле: например, ледовая арена и бассейн (Первоуральск), спорткомплексы «Урал» и «Калининец» (Свердловск), дворец спорта Верх-Исетского завода (Свердловск), стадион и спорткомплекс «Горняк» (Качканар), спортивный комплекс «Маяк» (Краснотурьинск), спортивный комплекс «Кедр» (Новоуральск). Все перечисленные спортивные комплексы были частью инфраструктурных проектов крупных и успешных производств в различных отраслях тяжелой промышленности. Своей инфраструктурой обзаводятся учебные заведения, появляются спортивные школы.

Собственными спортивными мощностями в 1967 г. обзавелся Уральский политехнический институт (УПИ) — зимний стадион имени 50-летия ВЛКСМ был выполнен по уникальному проекту доцентов УПИ Б.М. Давидсона и Л.П. Ждахина [10, с. 370]. Мозаики на тему спорта, которыми было оформлено здание стадиона, стали первыми мозаиками Среднего Урала, примененными для украшения спортивных зданий [11, с. 23]; ранее эту роль играли барельефы и статуи.

На втором этапе расширяются спортивные комплексы, выстроенные на первом этапе. Так, в 1966 г., к II Спартакиаде народов СССР, вступил в строй большой 70-метровый трамплин на Уктусе, ставший центром целого горнолыжного комплекса ДСО «Труд» [3, с. 92]. В 1969 г. введен в эксплуатацию Дом спорта хромпикового завода в Первоуральске [5].

Ход развития спортивной архитектуры от первого ко второму этапу ярко демонстрирует история спортивной инфраструктуры Уральского вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле. Еще в 1934 г. здесь, в непосредственной близости от проходных завода, был выстроен примитивный спортивный комплекс

под открытым небом — «барак и футбольное поле». В 1960-х гг. стадион был реконструирован и расширен до 12 тысяч мест, выстроены тир и легкоатлетический манеж; в 1982 г. сдан плавательный бассейн с 50-метровой дорожкой, а в 1987 г. — дворец ледового спорта, получивший имя директора УВЗ В.К. Сотникова [11, с. 18–19].

Наиболее же ярким примером архитектуры второго этапа следует признать спортивный комплекс «Калининец», реализованный на средства машиностроительного завода имени Калинина в Орджоникидзевском районе Свердловска в 1970–1980-х гг. Этот комплекс выдержан в функциональном стиле, он объединяет здания Дворца водного спорта (на базе измененного типового проекта 50-метрового бассейна), гостиницу, ДЮСШ, заводской профилакторий, легкоатлетический манеж, лыжную базу и футбольный стадион [11, с. 17].

На обоих этапах спортивная инфраструктура зависит от размещения крупных производств, воспроизводя их географию и иерархию. Однако именно на втором этапе эта закономерность становится особенно явной: размещение спортивных объектов на карте Среднего Урала с 1960-х гг. точно соответствовало размещению спортивных коллективов, которые, в свою очередь, были «привязаны» к наиболее важным промышленным предприятиям [12, с. 57]. Крупнейшие из спортивных комплексов, созданных на втором этапе (включают, как правило, стадион, легкоатлетический манеж, большой плавательный бассейн, ледовый дворец) — комплексы Качканарского ГОКа («Горняк»), Уральского вагоностроительного завода, Первоуральского новотрубного завода имени Калинина (Свердловск), Уральского электромеханического завода (Свердловск, ныне СК «Урал») — довольно точно отражают хозяйственно-административную иерархию Среднего Урала, сложившуюся к 1980-м гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Попов, М.В., Рапопорт, Л.А., Харитонова, Е.В.** *Комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) и развитие физкультурно-массовой работы на Урале в 1931–1941 годах [Текст] / М.В. Попов, Л.А. Рапопорт, Е.В. Харитонова // Пед. образование в России. — 2014. — № 9. — С. 73–80.*
2. *Архитектурный путеводитель по Екатеринбургу: 1920–1940 [Текст] / ред.-сост.: А. Елизарьева, Э. Кубенский. — Екатеринбург: Tatlin, 2015. — 360 с.*
3. **Цыганов, В., Зыкова, В., Захарова, И.** *Спортивные традиции уральской столицы [Текст] / сост.: В. Цыганов, В. Зыкова, И. Захарова. — Екатеринбург: Баско, 2008. — 192 с.*

4. **Токменинова, Л.** *Дом физкультуры : Екатеринбург, ул. Еремينا, 12. Архитектор Вениамин Соколов, 1929–1934 [Текст] : спорт-городок «Динамо» / Людмила Токменинова. — Екатеринбург: Tatlin, 2012. — 104 с.*
5. **Акифьева, Н.В.** *Поселок в долине Кронских гор [Текст] / Н.В. Акифьева // Новая еженедельная газета. — 2014. — 10 октября. — № 40. — С. 31.*
6. **Кужильный, Д., Волков, С.** *Проспект Мира : где разбились мечты о спортивном городке, но появился кумир миллионов «король бенди» [Текст] : часть 3 // Агентство новостей «Между строк» [сайт]. — 09.12.2017. — URL: <https://mstrok.ru/news/prospekt-mira-gde-razbilis-mechty-o-sportivnom-gorodke-no-royavilsya-kumir-millionov-korol> (дата обращения: 19.01.2020).*
7. **Бугров, К.Д.** *Соцгорода Большого Урала / К.Д. Бугров. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 472 с.*
8. **Курганова, Т.** *Как «Металлург» стал «Уральским трубником» [Текст] / Т. Курганова // Толкучка. — 2017. — 27 октября. — № 82. — С. 12.*
9. **Гаврилова, С.И.** *Архитектура 1940–1950-х гг. соцгорода УАЗа в г. Каменске-Уральском [Электронный ресурс] // Архитектон : извещения вузов [сайт]. — 2010. — № 1 (29). — С. 2. — URL: http://archvuz.ru/2010_1/2/ (дата обращения 30.01.2020).*
10. *Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова (Свердловск) [Текст] : ист. очерк: 1920–1970 / Свердловск, 1970. — 403 с.*
11. **Задорин, Ю.М., Цыганов, В.Н.** *Физкультура и спорт на Среднем Урале [Текст] : в 2 т. Т. II / Ю.М. Задорин, В.Н. Цыганов. — Екатеринбург: Баско, 2004. — 240 с.*
12. **Задорин, Ю.М., Цыганов, В.Н.** *Физкультура и спорт на Среднем Урале [Текст] : в 2 т. Т. I / Ю.М. Задорин, В.Н. Цыганов. — Екатеринбург: Баско, 2004. — 180 с.*

O.S. Marchenkova The Soviet Era Sports Architecture in the Middle Urals: Stages of Development

Marchenkova Olga Sergeevna, lecturer, Sverdlovsk Regional Pedagogical College, Ekaterinburg, Russia; e-mail: o.s.marchenkova@yandex.ru.

Abstract. *The paper deals with the main stages of development of sport architecture in the Middle Urals in Soviet era. The first stage (1920s–50s) was dominated by open stadium and sport complexes; the early structures were*

laconically constructivist, while the later projects were mainly neo-classical. The second stage (1960s–80s) introduced specialized buildings for sport in closed spaces (gym halls, swimming pools). The key examples from both stages are characterized in brief.

Keywords: *sport architecture, stadium, Middle Urals, physical culture.*

УДК 796.032.2

И.А. НОВИКОВ¹

«СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ» В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Аннотация. В статье рассмотрен первый полет в космос, совершенный 12 апреля 1961 г. Ю.А. Гагариным и его оценка студентами и преподавателями Челябинского государственного педагогического института. Приведены примеры небывалого эмоционального подъема и впечатлений, сохранившихся на страницах газеты «Молодой учитель» и в архивном деле ОГАЧО. Доказывается, что данное событие необходимо использовать в современном образовании.

Ключевые слова: Гагарин Ю.А., космос, ЧГПИ, Аменд А.Ф., «Молодой учитель», ОГАЧО.

В 2019 г. Челябинской области исполнилось 85 лет. Ровесником области является и Челябинский государственный педагогический институт (ЧГПИ, сейчас Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет). В юбилейный год в области и университете благодаря введению в научный оборот неизвестных ранее архивных документов опубликованы работы [1, 2, 3, 4], которые будут способствовать дальнейшей реализации Историко-культурного стандарта: «Курс отечественной истории должен сочетать историю Российского государства и населяющих его народов, историю регионов и локальную историю (прошлое родного города, села)» [10]. В соответствии с ИКС в регионе подготовлены методи-

¹ Новиков Игорь Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и права, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск; e-mail: novikovia69@mail.ru.

ческие пособия для педагогов [5, 6, 7]. При подготовке юбилейных изданий в фонде «Челябинский государственный педагогический университет» Объединенного государственного архива Челябинской области был обнаружен любопытный документ, который и дал толчок для данного исследования.

Утро 12 апреля 1961 г. для жителей нашей страны, да и всего мира наступило с ошеломляющей новостью — «Человек в космосе». 58 лет назад Ю.А. Гагарин совершил первый в мире космический полет. По воспоминанию А.Ф. Аменда, ректора нашего университета в 1994–2000 гг., а в 1961 г. — директора школы-новостройки № 80 Челябинска: «Я вел урок. Помню, что кто-то из коридора заглянул в дверь и что-то сказал. Что именно, я не расслышал. Тем неожиданней для меня стали дальнейшие события. Через мгновение вдруг все ученики повскакивали с парт и побежали на школьный двор. Послышались крики "Ура!", в воздух полетели фуражки. "Гагарин в космосе!" — эта весть объединила школу, все бросились обниматься, целоваться. Помню, что была необыкновенная радость за себя, за страну. Занятия в этот день оказались сорванными. Но на это никто уже не обратил внимания» [8, с. 200].

«Советский человек в космосе» — с таким заголовком на первой полосе 14 апреля 1961 г. вышла газета Челябинского пединститута «Молодой учитель». Вся первая полоса была посвящена полету Ю.А. Гагарина в космос.

На первой странице на весь разворот помещена статья «Институт рукоплещет»: «Радостная, необыкновенная, изумительная весть ворвалась в институт, в его аудитории, кабинеты, лаборатории. Прекращены лекции, семинары, практические занятия. Все — и студенты, и преподаватели, и рабочие, и служащие нашего института охвачены единым порывом радости, гордости на нашу Родину, за наш народ. Актовый зал полон. Заместитель секретаря партбюро института А.И. Лазарев открывает митинг, посвященный полету первого советского человека в космос. Советский человек в космосе! Эти слова, сколько бы раз они ни произносились, вызывают гром аплодисментов, бурю оваций.

Выступает преподаватель Е.Г. Пономарев. Он кратко излагает содержание только что переданных сообщений ТАСС. Его речь то и дело прерывается аплодисментами. ... На трибуне студент 1-го курса физико-математического факультета Л. Львов. Он читает свои стихи, посвященные историческому событию. Эти стихи родились только что, у микрофона. Они от сердца! Пусть они не так уж совер-

шенны, но непосредственность, горячее чувство, необыкновенное волнение — их отличительные черты.

Час назад словами Левитана

Радио обрадовало нас

О победе новой известило

Небольшое сообщение ТАСС.

Слышишь ли ты нас, Уэльс-мечтатель?

Ты пророчил нам запущенность и тьму.

Были мы у космоса на старте,

А сегодня мчимся ввысь к нему.

Нет! Не сэр, не гангстерский молодчик —

Разве им такое по плечу! —

То майор Гагарин — русский летчик

Шлет сигнал в эфир: Лечу! Лечу!

Бурно приветствует зал своего поэта, всем сердцем присоединяется к его стихотворной речи. ...На митинге единодушно были приняты приветственные телеграммы ЦК КПСС, Первому секретарю ЦК Н.С. Хрущеву, первому в мире космонавту Ю.А. Гагарину, Академии наук СССР. Митинг закончился песней "Широка страна моя родная" [11].

В приветственной телеграмме Ю.А. Гагарину были такие строки: «Восхищены и гордимся вашим мужеством и героизмом. Слава вам, первому советскому человеку, победившему космос, дружески, сердечно обнимаем вас» [12]. Через неделю, 21 апреля 1961 г., «Молодой учитель» опубликовал фотографию Ю.А. Гагарина [13], а 29 апреля в праздничном первомайском номере поместил на первую страницу рисунок с полетом корабля «Восток» вокруг Земли и стихотворение институтского поэта А. Куницына, а также праздничные интервью [14].

Особый интерес представляют кем-то записанные «Мысли вслух» — восторженные отклики студентов и преподавателей о полете Ю.А. Гагарина. Собиратель не только записал, опубликовав некоторые из них в «Молодом учителе», но и сохранил для потомков, аккуратно подшив, с ними любой желающий может познакомиться в Объединенном государственном архиве Челябинской области, в фонде ЧГПУ: «Молодцы, хорошо организовали!» (Рожков, истфил 2-й курс); «Почему-то хочется плакать» (Ахлюстина, истфил 2-й курс); «Здорово!» (Аня Готина, секретарь-машинистка партбюро) «Девчонки, я так ревела» (Харитоновна, истфил 3-й курс); «Одно меня радует, скучно ему там одному, но я думаю, что там

скоро будет много» (неизвестный студент); «Братцы! Вы представляете, значит, через какой-нибудь год мы все полетим» (неизвестный студент); «Чудо! Не хватает слов!» (Конькова, истфил 4-й курс); «Была взволнована, потрясена, не могла даже читать "Капитал"» (неизвестная студентка); «Я никак не ждала, думала, года через три, а тут... Поразительно!» (Осипова, истфил 2-й курс); «Теперь знаем, куда будем распределяться — на Луну!» (Каширская, 4-й курс истфила); «Сбылась мечта человечества! Гражданин первого в мире социалистического государства совершил полет в космос. Радостно, великолепно! Хочется крикнуть на весь мир вслед за В. Маяковским: "Читайте, завидуйте нам, гражданам Советского Союза!". В.Н. Елисеева зав. кафедрой истории СССР» [15].

Наша прославленная олимпийская чемпионка Л.П. Скобликова, которая неоднократно встречалась с Ю.А. Гагариным не только на торжественных приемах и мероприятиях, но и в неформальной обстановке. В 1964 г., после олимпийского триумфа, она вместе с супругом А.Г. Полозковым были приглашены в Звездный городок. Лидия Павловна оставила свои первые впечатления о Ю.А. Гагарине: «В 1964 г. приехали мы в Звездный городок на встречу с космонавтами. Я волновалась больше, чем во время олимпийских стартов. Огромный зал Дворца культуры был забит до отказа. Я на сцене. Как всегда, меня кто-то должен представить. И вдруг... не верю своим глазам: из-за кулис выходит Юрий Гагарин. Улыбается своей неповторимой улыбкой, приветливый такой, ну просто излучает доброту. Обнял меня, расцеловал. Я была так ошеломлена, что даже не запомнила, что он тогда говорил. Потом взял меня под руку и подвел к микрофону. Все мои волнения вдруг как рукой сняло. Почувствовала, что здесь в зале, сидят не звезды космоса, а простые мои добрые болельщики. Мне стало с ними легко и просто. ...Вечером Валентина (Терешкова) пригласила в гости друзей-космонавтов. Поскольку ей заниматься хозяйством было уже трудно, я с удовольствием взяла на себя обязанности по кухне. Нарезала закуски, пожарила бифштексы, накрыла стол. В тот вечер 'к нам' в гости пришли Юрий Гагарин, Герман Титов, Валерий Быковский. Их жены. Пришла мама Павла Поповича — сам он в то время был почетным гостем на Олимпиаде в Инсбруке. Было очень душевно. Мы пели песни, рассказывали забавные истории. Нас объединяло многое. Прежде всего — любовь к спорту, который помогает космонавтам овладеть их уникальной профессией. Никто не строил из себя героя. Вроде бы самые обычные люди. А среди них был Юрий Гагарин» [9, с. 75–76].

Лидию Павловну часто спрашивают, о чем она говорила с Юрием Гагариным: «Мне даже трудно ответить... Был чисто человеческий разговор, как в любой другой компании — с шутками, подначками, анекдотами. Какой же он был умница! С врожденным чувством такта. Сколько юмора было в его шутках! Какие смешные детали он подмечал, в том числе и у себя. Мы смеялись от души. ...Мы встречались с ним еще несколько раз — на концертах, на хоккее. Вместе сидели на трибунах Дворца спорта в Лужниках, вместе болели за наших ребят. Как хорошие друзья мы с Юрой общались друг к другу на ты. ...Это были "судьбой дарованные встречи"» [9, с. 77].

Таким образом, приведенные примеры из газеты «Молодой учитель», «Мыслей вслух», сохранившихся в ОГАЧО, воспоминаний А.Ф. Аменда и «уральской молнии» Л.П. Скобликовой подтверждают факт небывалого эмоционального подъема, охватившего советских людей в связи с полетом Ю.А. Гагарина в космос, это необходимо использовать на уроках и во внеурочной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алферова, К.В.** «Краткий очерк истории Челябинской области» — уникальный обобщающий труд по истории Южного Урала [Текст] / К.В. Алферова // Архив в социуме — социум в архиве : мат-лы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н.А. Антипин. — Челябинск, 2019. — С. 298–300.
2. **Гордость Южного Урала: Почетные граждане Челябинской области: энциклопедия** / [ред. кол. И.И. Вишев и др.]. — Челябинск: ЧПО «Книга», 2019. — 590 с.
3. **Южный Урал: Край, заслуживший свои победы** [Текст] / сост.: Н.А. Антипин, Г.Х. Самигулов. — Челябинск, 2019. — 204 с.
4. **Новиков, И.А.** «Уральская молния» Л.П. Скобликова в архивных документах Челябинской области [Текст] / И.А. Новиков // Архив в социуме — социум в архиве : мат-лы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н.А. Антипин. — Челябинск, 2019. — С. 286–290.
5. **История: Челябинская область: 5–7 (8) классы** [Текст]: методическое пособие для учителей общеобразовательных организаций по проектированию учебного предмета с учетом национальных, региональных и этнокультурных особенностей территории / [В.М. Кузнецов и др.; под ред. В.М. Кузнецова]. — Челябинск: ЧИППКРО, 2015. — 128 с.
6. **История: Челябинская область: 8(9) класс** [Текст]: методическое пособие для учителей общеобразовательных организаций по проектированию учебного предмета с учетом национальных, регио-

нальных и этнокультурных особенностей территории / [А.В. Ражев, Е.Ю. Захарова, Д.И. Никитин и др.; под ред. В.М. Кузнецова]. — Челябинск: ЧИППКРО, 2016. — 144 с.

7. **Челябинской области — 85 лет** [Электронный ресурс]: методическое пособие для учителей общественно-научных дисциплин / Г.Н. Кибиткина, Е.Ю. Захарова, А.А. Кротова и др.; под ред. Н.А. Антипина, В.М. Кузнецова // ЧИППКРО [сайт]. — 2019. — URL: <https://ipk74.ru/study/docs/chelyabinskoy-oblasti-85-let/> (дата обращения 14.01.2020).

8. **Скрипов, А.С.** Челябинск. XX век : 1901–2000 [Текст] / Александр Скрипов. — Челябинск, 2000. — 328 с.

9. **Скобликова, Л.** Уральская молния. [Текст] / Лидия Скобликова. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. — 180 с.

10. **Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории** [Электронный ресурс] // nsportal.ru [сайт]. — 21.01.2018. — URL: <https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2018/01/24/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po> (дата обращения 14.01.2020).

11. **Институт рукоплещет** [Текст] // Молодой учитель. — 1961. — 14 апреля.

12. **Приветственная телеграмма** [Текст] // Молодой учитель. — 1961. — 14 апреля.

13. **Фотография Ю.А. Гагарина** [Изоматериал] // Молодой учитель. — 1961. — 21 апреля.

14. **Молодой учитель** [Текст]: малотираж. газ. / Южно-Урал. гос. гуманитарно-пед. ун-т. — 1961. — 29 апр.

15. ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 496. Л. 5, 8.

I.A. Novikov

«A Soviet Man in Space» from the Students and Teachers of the Chelyabinsk State Pedagogical Institute Perspective

Novikov Igor Aleksandrovich, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of domestic history and law, South Ural State Humanitarifn-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia;
e-mail: novikovia69@mail.ru.

Abstract. The article considers the first flight into space on April 12, 1961, Y.A. Gagarin and his assessment by students and teachers of the Chelyabinsk State Pedagogical Institute. Examples of an unprecedented emotional upsurge and impressions preserved on the pages of the newspaper «Young teacher»

and in the archives of OGACHO are given. It is proved that this event must be used in modern education.

Keywords: Gagarin Y.A., outerspace, CSPI, Amend A.F., «Young Teacher», OGACHO.

УДК 745.511

Г.А. ПУДОВ¹

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В СУНДУЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются проблемы взаимодействия сундучных производств России и Швеции. Привлекались несколько видов изделий. Несмотря на подобие их конструкций, размеров и назначения, они отличаются. Вещи были изготовлены в разной художественной среде.

Ключевые слова: сундук, шкатулка, русско-шведские связи, культурное взаимодействие, художественный стиль, музейное собрание.

Русско-шведские отношения имеют многовековую историю. На протяжении столетий между странами развивались не только социально-экономические, но и культурные связи [1]. Известны многочисленные факты взаимодействия русских и шведских мастеров. Например, в строительстве Петергофа принимали участие шведские столяры и плотники [2; с. 56, 62]. Надо отметить, что они были среди ремесленников, обучавших русских мастеров своему ремеслу. Особое значение деятельность шведов приобрела для Урала. Они фигурируют среди помощников В.Н. Татищева. Многие мастера работали на уральских заводах. Таким образом, на протяжении столетий между Россией и Швецией существовали крепкие связи в разных областях культуры. Не стало исключением и производство сундучных изделий.

Литература по этой теме отсутствует. В научных работах нет указаний на русско-шведские связи в области сундучного дела. И в русских (Н.Н. Гончарова, А.А. Сванидзе, Г.А. Пудов) и шведских

¹ Пудов Глеб Александрович, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник отдела народного искусства ФГБУК «Государственный Русский музей», г. Санкт-Петербург; e-mail: narodnik80@list.ru.

статьях и книгах (G. von Schoultz, H. Arbman, G. Arwidsson, G. Berg, A.M. Franzen, J. Knutsson и др.) есть упоминания о подобии западноевропейских и русских и западноевропейских и шведских видов изделий. О русских и шведских речь не идет. Настоящая работа не претендует на полное исчерпание темы, отражая лишь определенный этап исследования.

Параллели прослеживаются уже на уровне этимологии слов, обозначающих те или иные сундучные изделия, а также связанные с ними предметы. Русское слово «ларь» происходит от древнешведского *lår* («ящик, «сундук») [3, с. 460]. По другим сведениям, шведское слово само могло быть заимствовано из древнерусского языка [4, с. 468]. Так или иначе, этимология слова «ларь» свидетельствует о существовании с раннего времени русско-шведских связей в сфере использования сундучных изделий, а возможно, их производства.

В 2004 г. в Пскове, в одном из захоронений эпохи викингов, были обнаружены остатки деревянного ларца, который датируется X в. [5, с. 493–496]. Аналогии ему обнаружены в шведской фактории Бирке. Ларец свидетельствует о путях попадания шведских изделий в Россию и об их бытовании здесь с раннего времени. Последнее обеспечивало возможность непосредственного взаимодействия русских и шведских традиций в производстве сундучных изделий. Рассмотрим несколько их типов.

В российских музеях хранятся предметы, которые именуется баулами. Их брали с собой в поездки. Баулы имеют разные размеры. Корпус их цилиндрической формы, крышка находится сверху, на боковых сторонах — небольшие литые ручки. Как правило, такие вещи покрывались шкурой морских животных, обивались прорезными железными полосами. Спереди находилась фигурная железная пластина, которая защищала отверстие для ключа. В собрании отдела народного искусства Государственного Русского музея (далее — ОНИ ГРМ) находится подобный предмет, датируемый XVIII в. (инв. № М-504). На его дубовую основу прикреплены пять железных полос с прорезным орнаментом, состоящим из ряда «огурцов», спереди — литая петля.

Множество аналогичных предметов, изготовленных в Швеции и называемых сундуками (*kista*), находится в музеях разных городов этой страны, например в музее Уппланда и в Кальмаре. Изделие из Кальмарского музея (инв. № KLM 016538) имеет цилиндрическую форму, покрыто шкурой тюленя. Сверху прибиты тонкие железные

полосы, по краям — широкие. Прорезного орнамента на них нет. Посередине находится металлическая пластина, замок отсутствует. С каждой стороны — ручка из кованого железа. Внутренняя часть сундука обита неокрашенной льняной тканью.

При полном подобии конструкций русских и скандинавских вещей просматриваются отличия в декорировании. Прорезной орнамент российских баулов состоит из орнаментальных мотивов, заимствованных с восточных тканей, в обилии поступавших в Россию в XVII веке. На шведских изделиях прорезной орнамент отсутствует (за исключением нескольких дат, включенных в полосы; их можно рассматривать как разновидность украшения). Орнаментация сосредоточена на широких полосах, которые размещены по краям изделий: им приданы волнообразные очертания.

Необходимо также упомянуть о шкатулках. Вещь из коллекции ОНИ ГРМ датируется XIX веком. Она прямоугольной формы, имеет плоскую крышку (инв. № М-350). Все поверхности обиты тонкими металлическими полосами «в клетку», под которые подложен синий бархат. В углах крышки — квадратные прорезные пластины с растительным орнаментом, в центре — круглая пластина. Подобный орнамент, состоящий из переплетающихся завитков, украшает и личину. На крышке прикреплены скобовидная ручка и кольцо. Вещей такого рода делалось много в Великом Устюге, о чем свидетельствует не только коллекция Русского, но и других музеев.

В собрании музея города Кальмара находится подобная шкатулка, которая датируется XVII в. (инв. № KLM 39255:144). Она прямоугольной формы, крышка слегка выпуклая, углы скруглены. Шкатулка обита железными полосами. На крышке прикреплена ручка, по углам крышки — прорезные пластины с орнаментом, напоминающим лист клевера (под ними — цветные подкладки). На лицевой стороне расположены три замка с фигурными личинами, причем средняя больше боковых. Изнутри шкатулка обита зеленой тканью.

Несмотря на подобие конструкции, техник декорирования и общего художественного решения, в стиле произведений есть принципиальные отличия. Шкатулки различаются по художественной сути. Если первые имеют непосредственное отношение к традиционному искусству, то вторые — принадлежность «высокого» профессионального искусства, они находятся в рамках господствующего художественного стиля. Внутренняя суть первых — сказочность, жизнерадостность народного творчества, роднящая их с росписями

Русского Севера, вторых — стремление к монархической торжественности и величию.

Другим типом шкатулок, широко распространенных в России и Швеции, были вещи небольшого размера, с покатою крышкой. Они использовались во время путешествий. В шкатулке из собрания ОНИ ГРМ реализуется традиционный принцип покрытия деревянной основы другим материалом, в данном случае — это фигурные оловянные полосы-накладки и слюда (инв. № М-355). Узор полос, обрамляющих крышку и стенки, выполнен в виде волнистой гирлянды из завитков с трилистниками между двумя рифлеными полосками. На крышке и на лицевой стенке — по две таких же рифленых полосы. Под слюду подложены вырезанные из бумаги картинки с изображениями бытовых сцен. Внутри шкатулка обита зеленой бумагой с растительным узором. Художественное решение вещи имеет яркий, декоративный характер.

Шкатулка из музея Кальмара значительно больше русской размерам, но имеет одинаковые пропорции (датируется XVII в., инв. № KLM 12221). Она покрыта кожей и обита пятью железными прорезными полосами. На лицевой стороне — фигурная личина, замок внутренний. На боковых сторонах — маленькие литые ручки. Изнутри шкатулка оклеена грубой тканью.

Как и в предыдущем случае, несмотря на подобие форм и пропорций, произведения значительно отличаются друг от друга по сути. Первое изделие находится в контексте развития отечественного прикладного искусства XVII–XVIII вв. и отражает русское понимание декоративности с его многоцветностью, блеском, сочетаниями различных материалов, явным предпочтением растительного орнамента геометрическому. Вторая шкатулка по своему художественному решению близка шведским сундукам того же периода, она имеет мало общего с аналогичной русской вещью в плане декоративного убранства.

Надо также упомянуть т. н. «саркофаговые» сундуки, которые делались и в России, и в Швеции. Они использовались для хранения зерна. Украшение их было минимально и заключалось в простом геометрическом орнаменте, нанесенном в технике резьбы. Конструкция таких изделий совпадала в России и Швеции. Сундуки состояли из четырех ножек, которые одновременно являлись и опорными столпами. В них вставлялись доски, образующие стенки. При этом следует отметить такую примечательную деталь, как конструкция крышки. И в русских, и в шведских сундуках она скреплялась изну-

три дугообразной доской, в то время как в других странах крышка крепилась двумя досками по краям.

Можно вспомнить и о таком виде изделий, которые в России называются подголовниками, а в Швеции *skrin*. Они делались чаще всего из дуба. По форме это ящики со скошенной крышкой. Крышка состоит из двух частей, которые соединялись шарнирами: узкой, расположенной параллельно дну, и широкой наклонной. Изнутри сундук разделялся деревянными пластинками на несколько отделений, нередко на внутренние стенки навешивались полочки, снабженные дополнительной системой запоров. На боковых стенках — литые ручки. Как и в вышеприведенных примерах, несмотря на совпадение конструкций, русские и шведские изделия отличаются по содержанию. В некоторых случаях имело место стадильное несоответствие: если стиль ранних шведских вещей находится еще в рамках «высокого» искусства, то русские изделия (более поздние) — произведения народного искусства.

Следует коснуться вопросов техники и материалов, употреблявшихся русскими и шведскими мастерами. И те и другие использовали ковку, литье, прорезь; вещи изготавливались из дерева, железа, кожи, шкур морских животных, изнутри предметы оклеивались тканями. На русских вещах, в отличие от шведских, встречается слюда.

В заключение необходимо упомянуть о других аспектах истории сундучного дела в России и Швеции. В Швеции оно было специализированным: мастера изготавливали свадебные, морские, церковные сундуки, сундуки для хранения женских платьев и военной амуниции, сейфы, баулы, т. н. *nattlåda*, и т. д. В России ряд сундучных изделий имел более узкое и стабильное назначение. В сундучном деле Швеции, в отличие от России, большое значение имели цеха (они сложились в XV в.). Кроме того, на творчество скандинавских мастеров значительное влияние оказало искусство Западной Европы, в частности Северной Германии. В России важную роль сыграли не только эти художественные импульсы, но и другие, например, искусство Византии и соседних славянских стран.

На некоторых видах сундучных изделий наблюдается столь тесное переплетение художественных традиций, что русские вещи сложно отличить от скандинавских¹. Тем не менее следует констати-

¹ Это признают и шведские специалисты, в частности Ханна Вильгельмсон, хранитель некоторых рассмотренных шведских изделий (письмо автору настоящей работы).

ровать, что, несмотря на подобие конструкций, размеров и назначения, русские и шведские изделия отличаются. Они были изготовлены в разной художественной среде и являются плодами разных культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Некрасов, Г.А. *Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. [Текст] / Г.А. Некрасов. — М.: Наука, 1993. — 270 с.*
2. Янгфельдт, Б. *Шведские пути в Санкт-Петербург [Текст] : главы из истории о шведах на берегах Невы / Бенгт Янгфельдт; пер. со шведского Ю.Н. Беспятых. — Стокгольм: Шведский ин-т; Санкт-Петербург: Блиц, 2003. — 359 с.*
3. Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / Макс Фасмер; пер. с немецкого и доп. О.Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1967. — Т. 2.*
4. Черных, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] : [в 2 т.] / П.Я. Черных. — [2-е изд., стереотипное]. — М.: Рус. яз., 1994. — Т.1.*
5. Михайлов, А.В., Салмин, С.А. *Ларец из камерного погребения 2-го Старовознесенского раскопа в Пскове [Текст] : опыт реконструкции / А.В. Михайлов, С.А. Салмин // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной : Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. — СПб.: Нестор-История, 2010.*

G.A. Pudov

Russian-swedish Art Relations in Chest Production

Gleb Pudov, Candidate of Sciences in History of Arts, senior researcher of the folk art department, the State Russian museum; e-mail: narodnik80@list.ru.

Abstract. *The paper deals with the problems of interaction between chest production in Russia and Sweden. The author has examined several types of items. Despite the similarity of their designs, sizes and purposes, they are different. These items were made in different artistic environments.*

Keywords: *chest, casket, Russian-Swedish relations, cultural interaction, art style, museum collection.*

СЕКЦИЯ 4. Личность, общество, власть в региональном измерении

УДК 94(470.5)

Ю.В. ДЕРЯБИНА¹

ГОРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ XVIII ВЕКА — ИВАН ИЛЬИЧ СУСОРОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию биографии уральского горного деятеля XVIII в. И.И. Сусорова. Ключевой обозначается проблема его становления как профессионала, обладающего универсальными навыками и обширным опытом и задействованного во многих сферах жизни Урала XVIII века. Рассмотрены основные проекты И.И. Сусорова, подчеркнута его связь с другими горными деятелями, оценено влияние на развитие Уральского региона.

Ключевые слова: история Урала, горное дело, Сусоров, Бахорев.

XVIII в. принято считать поворотной точкой в развитии Уральского региона. В этот период Урал становится важным центром горнодобывающего и металлургического дела в России, главным поставщиком металла как на военные, так и на мирные цели — этому способствовало и от того зависело развитие горнозаводской деятельности. Описание новых месторождений, съемка территорий, отвод места под строительство рудников и заводов, строительство крепостей, дорог и гидросооружений, отвод лесов и сенокосов, нужды военной картографии, межевание земель, а также горные работы требовали не только умелой организации, но и качественного исполнения. Проведение подобного рода работ на Урале в XVIII в. легло на плечи множества талантливых деятелей, одним из которых был Иван Ильич Сусоров.

О дате рождения И.И. Сусорова нет единого мнения — историк Н.С. Корепанов относит рождение Ивана Ильича к 1720 г., исто-

рик А.Г. Козлов отдает предпочтение 1721 г. [1, с. 135]. А.М. Сафронова ставит под сомнение приведенные выше даты, поскольку «...среди учащихся екатеринбургских школ в начале 30-х гг. Сусоров не числился» [2, с. 202]. Таким образом, единого мнения относительно года рождения И.И. Сусорова нет.

И.И. Сусоров был рожден в г. Верхотурье в казачьей семье. Воспитывался в Екатеринбурге у дяди, служившего подьячим, после чего прошел обучение в Екатеринбургской арифметической школе [1, с. 135]. В начале 1734 г. числился в копиистах Екатеринбургской приписной конторы — этот факт дает основание предполагать, что И.И. Сусоров отличался успехами не только в грамоте, но и в арифметике [2, с. 202]., будучи при этом одним из самых юных учеников (на момент 1734 г. ему было около 14 лет). В 1735 г. была зафиксирована просьба И.И. Сусорова о продолжении обучения в сфере маркшейдерского дела или механики. Просьба была рассмотрена уральским начальством, которое постановило продолжить обучение геометрии в школе, после чего «и машинной мастер сюда будет» [3, 9].

На Урале с 1730-х гг. помимо Екатеринбургской арифметической школы действовали особые профессионально-технические школы — механическая и геодезическая. Механической школой руководил заводской механик Никита Петрович Бахорев. Получив образование в столичных академиях, уже в 1729 г. Н.П. Бахорев начинает работу в Екатеринбурге в качестве надзирателя завода, подмастерья, машинного мастера, механика, с 1736 по 1740 г. преподает в горной школе. Н.П. Бахорев принял участие в строительстве и описании уральских горных заводов, занимал административные должности. Н.П. Бахорева принято считать первым штатным механиком Урала [1, с. 135]. Именно он и обучал И.И. Сусорова геометрии, тригонометрии и механике в период с 1735 по 1741 год. Необходимо отметить, что И.И. Сусорова Н.П. Бахорев выбрал сам, так же как и С. Костромина, Я. Галкина и Л. Лешукова из арифметической школы. Обучение у Н.П. Бахорева предполагало получение не только теоретических знаний, но и закрепление их на практике — так, например, чуть меньше двух месяцев И.И. Сусоров провел в Тобольске, куда был послан для прокладывания дороги [4]. Такое положение дел было характерно для всей Екатеринбургской арифметической школы, которая действовала в рамках принципов профессионального обучения — наличия практических занятий после определенной подготовки; тесной взаимосвязи теоретических и практических занятий; внимания к физическим возмож-

¹ Дeryабина Юлия Вячеславовна, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: deryabina.julia.v@gmail.com.

ностям и склонностям учеников; повышения мотивации к обучению путем введения оплаты ученического труда, распределения на вакантные места [5, с. 108–109].

12 июля 1735 г. было издано Решение Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов о сочинении чертежей всем заводам, рудникам, фабрикам, в котором говорилось, что «надлежит всем заводам, рудникам, фабрикам, казенным строениям и положениям мест чертежи вновь сделать на равной александровской бумаге с правильною мерою, как возможно наилучше, и оные собрать по начальствам в разные книги, дабы вновь прибавляющиеся без помешания номеров и порядка каждый к своему начальству в разные книги мог внести» [6, с. 89–90]. Решение правления Сибирских и Казанских заводов было направлено на восстановление утраченных картографических документов и унификацию уже имевшихся и вновь созданных карт. Для этого были выбраны исполнители — «в Катеринском начальстве — горному межевщику Михаилу Кутузову, в Пермском — Андрею Татищеву, Казанским и Вятским — Ивану Сусорову велеть те чертежи сочинять с крайним прилежанием, верно и чисто, для которого послать им бумагу потребное число, чтоб могли каждый втрое сделать, по два прислать сюда, а третьи таковы же иметь в тех начальствах» [6, с. 89–90]. Кроме того, И.И. Сусорову предлагалось взять из Казанской губернии двух или трех детей, «к научению способных», и заняться их обучением.

К 1739 г., по мнению Н. Клеопина, И.И. Сусоров уже считался опытным техником. Это подтверждает тот факт, что в начале 1740-х гг. он не только сконструировал собственную модель весов «к приему руд», но и изготовил их образец. Однако получение новых знаний и совершенствование навыков продолжалось: в феврале 1742 г. И.И. Сусоров стал машинным подмастерьем, а в 1742–1744 гг. был привлечен к составлению чертежей Гороблагодатских заводов (было составлено более 50 штук), в 1744–1750 гг. преподавал в екатеринбургских школах [2, с. 207].

По собственным чертежам и моделям в 40-х гг. XVIII в. И.И. Сусоров построил «камнерезные мельницы» с водяными машинами в Екатеринбурге, а также внес ощутимый вклад в строительство Екатеринбургской гранитной фабрики, трудился управителем на разных заводах. Его радетьельные и полезные труды не остались незамеченными, в 1746 г. И.И. Сусорову был присвоен чин унтершихтмейстера, позже шихтмейстера, а в 1754 г. — гитенфорвалтера [1, с. 135].

И.И. Сусоров и Н.П. Бахорев нередко работали вместе — так, в 1746 г. оба деятеля принимали участие в организации строительства Екатеринбургской каменорезной фабрики.

В 1750 г. И.И. Сусоров посетил Санкт-Петербург для ознакомления с камнерезным оборудованием, находящимся в Петергофе. Как итог — строительство Екатеринбургской гранитной фабрики, осуществленное после данной поездки. Уже буквально через год И.И. Сусоров возглавлял Екатеринбургское каменно-мраморное дело и участвовал в проектировании плотины Сусанского Верхнего и Березовского золотопромышленных заводов.

Известны заслуги его как организатора поиска и разработки месторождений мрамора на Урале. Занимался И.И. Сусоров и картографической деятельностью — активно участвовал в межевании заводских земель, в 1752–1757 гг. ежегодно намечал улицы в Екатеринбурге за чертой крепости.

В 1757 г. при Главном правлении была учреждена вторая по счету Временная комиссия по сбору и рассмотрению технических новаций. Ее предшественница, первая Комиссия горных и заводских дел, была создана в 1750 г. и возглавлялась Н.П. Бахоревым. Руководство новой Комиссией было возложено на плечи И.И. Сусорова [7].

Сусоров Иван Ильич скончался в 1760 г. в Екатеринбурге [8]. Незадолго до смерти он добился снятия рекрутского обложения со всех мастеров, подмастерьев и учеников своей фабрики [7]. Имя И.И. Сусорова — горного деятеля, конструктора, механика, картографа, межевщика, преподавателя — неразрывно связано с историей Урала. Именно такие деятели в XVIII в. создавали основания для дальнейшего развития региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Козлов, А.Г.** *Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века [Текст]: Биограф. справ. / А.Г. Козлов. — Свердловск, 1981.*
2. **Сафронова, А.М.** *В.Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения [Текст] / А.М. Сафронова. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. — 298 с.*
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 563.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 470.
5. **Леднев, В.П.** *Становление общего и профессионального образования на Урале (XVII–XIX вв.) [Текст] / В.П. Леднев // Образование и наука: Известия УРО РАО. — 2003. — №1 (19). — С. 105–118.*

6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 222.

7. **Корепанов, Н.С.** В раннем Екатеринбурге: 1723–1781 гг.

[Текст]: учебное пособие / Николай Корепанов. — 2-е изд. — Екатеринбург, 1998.

8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 521. Л. 7.

9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 216. Л. 295.

Y.V. Deryabina

Mining Engineer of the Eighteenth Century — Ivan Ilyich Susorov

Deryabina Yuliya Vyacheslavovna, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin; e-mail: deryabina.julia.v@gmail.com.

Abstract. *The article is devoted to the biography of Ivan Ilyich Susorov, an Ural mining engineer of the 18th century. The process of personal development of I.I. Susorov as a professional with universal skills and extensive experience, which has been working in many areas of life in the Urals of the 18th century, is considered. The main projects of I. I. Susorov are considered, the connection of I.I. Susorov with other mining engineers is analyzed, the influence of I.I. Susorov on the development of the Ural region is evaluated.*

Keywords: *History of the Urals, mining, Susorov, Bakhorev.*

УДК 929

В.Г. КАРЕЛИН¹

УРАЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ А. РЕГУЛИ (к 200-летию со дня рождения)

Аннотация. Венгерский путешественник Антал Регули в середине XIX века совершил уникальную поездку на Северный Урал. Он собрал материалы, подтверждающие языковое родство манси, хантов с венграми. Регули совершил два географических открытия на Северном Урале, впервые зафиксировав на изготовленной им гео-

¹ Карелин Владислав Георгиевич, канд. техн. наук, ведущий научный сотрудник ОАО «Научно-исследовательский институт металлургической теплотехники» (ОАО «ВНИИМТ»), г. Екатеринбург; e-mail: karelin@lab62.vniimt.ru.

графической карте район высших гор Урала и самую высокую уральскую вершину — Поэнг-Ур (Народная).

Ключевые слова: Антал Регули, Северный Урал, географическое открытие, высшая уральская вершина, Поэнг-Ур (Народная).

Венгерский путешественник Антал Регули в 1843–1845 гг. совершил уникальное путешествие вдоль Уральского хребта, от широты Пермь – Екатеринбург до побережья Северного Ледовитого океана, туда и обратно.

Родился А. Регули 11 июля 1819 г. в небольшом городке Зирце, находящемся поблизости от Будапешта. Учился в будапештском университете. Планировал пойти по стопам отца-юриста. Однако судьба увела его совсем в другую профессиональную область. Еще в студенческие годы он увлекся путешествиями и историей Венгрии.

Из старинных венгерских хроник, составленных в XII–XIV веках, известно, что в 896 г. венгры пришли в Подунавье из восточного района Скифии, где осталась часть венгров, именуемых дентумогер [1]. В 1235–1237 гг. Magna Hungary (Великую Венгрию — прародину венгров) разыскивал монах Юлиан [2], который «близ большой реки Этиль» нашел народ, разговаривавший на венгерском языке [3].

После окончания университета Регули путешествовал по Европе. И в Швеции он получил информацию о том, что на Урале проживают манси, которые имеют языковые родственные связи с венграми. Такая мысль увлекла его и, как путеводная звезда, привела в 1841 г. в Россию. В Петербурге почти два года он собирал информацию о манси и хантах, проживающих на Северном Урале. А в 1843 г. он отправился на Урал. Его уральское путешествие началось в Перми, куда он приехал 7 ноября 1843 г., и закончилось 12 марта 1845 г. также в Перми. Он проехал на лошадях и оленях, проплыл на лодке и прошел пешком вдоль Уральского хребта, преодолев расстояние около 10 000 км. После завершения своего уральского путешествия Регули в районе Казани и Нижнего Новгорода собирал материалы по языкам местных мари, чувашей и мордвы. И 26 августа 1846 г. он возвратился в Петербург, где по просьбе Русского географического общества составил «Этнографо-географическую карту Северного Урала...» [4]. После уральской поездки состояние его здоровья ухудшилось. Он из Петербурга уехал в Германию, где около трех лет лечился на водолечебницах. В 1850 г. он приступил к работе в должности хранителя библиотеки в будапештском университете. Он вел обработку своих уральских материалов. Но, к сожалению, практи-

чески ничего не смог опубликовать. Умер Регули 23 августа 1858 г. в Будапеште. Часть материалов, собранных Регули в России, была опубликована его последователями. Однако до сих пор значительная часть его рукописей не опубликована.

Архив А. Регули хранится в рукописном отделе библиотеки Венгерской академии наук, и мне посчастливилось с этим архивом поработать. Опубликован «Календариум» (Дневник) уральской поездки Регули [5] (на венгерском и русском языках). Значительная часть архива Регули посвящена географическим, топонимическим вопросам. На карте Северного Урала, составленной Регули, записано около 1500 топонимов, в том числе 414 названий гор, список которых опубликован [6]. В письме к академику П. Кеппену, характеризуя свою карту, Регули писал: «...что касается до имен и названий мест, то они обозначены со всею полнотою там, где живут вогулы. Нет ни одной деревеньки, ни одной вогульской жилой лачуги, которая не была бы показана на карте» [7]. Карта Регули была литографирована в Петербурге и сослужила добрую службу участникам Североуральской экспедиции Русского географического общества в 1847–1850 гг. Э. Гофманн, руководитель этой экспедиции, писал: «Но особым счастьем для нашей экспедиции было то, что в это время Антал Регули на возвратном пути из северного своего путешествия увиделся с нами в Петербурге... Дневник его, кроме виденного им самим, включает в себе драгоценное собрание сведений обо всем Северном Урале... Карта его принесла экспедиции величайшую пользу в том отношении, что на ней было обозначено множество названий гор и рек» [8]. Тираж карты был небольшим, в основном для участников экспедиции, поэтому карта Регули не попала в широкий научный оборот.

Среди рукописных материалов Регули, хранящихся в Будапеште, мне удалось отыскать шесть рукописных карт, изготовленных Регули. Особый интерес представляет «Карта речной области Северной Сосьвы», составленная по сообщениям Алексея Касимова во Всеволодоблагодатском в январе 1844 г. На этой карте показаны реки и горы в районе, который ныне именуется Приполярным Уралом, где находятся высшие уральские вершины. Именно в этом месте со слов Алексея Касимова Регули сделал надпись: «Здесь Урал есть наивысший». Тем самым Регули сделал географическое открытие — письменно зафиксировал район высших гор Урала.

По ходу своего уральского маршрута Регули пробрался в этот район высших уральских вершин. В верховьях реки Мань-Хобею

он остановился лагерем. Целую неделю обследовал он эту местность и составил карту района. Позднее, в Петербурге, на своей карте Северного Урала он поместил вставку, на которой изобразил реки и горы в районе верховьев рек Народа и Манья (на восточном склоне Урала) и Косью и Вангыр (на западном склоне). Среди гор, указанных на такой вставке, одна вершина соответствует положению самой высокой горы с современным названием — Народная. А на карте Регули эта вершина имеет мансийское название — Поэнг-Ур. Среди архивных рукописей Регули находится манси-русский словник. В нем удалось отыскать это мансийское слово: поэнг — высший, главный. Таким образом Регули совершил второе уральское географическое открытие — впервые нанес на карту высшую гору Урала [9]. И сохранил для мансийской и мировой культуры название высшей уральской вершины — Поэнг-Ур. Название это в рукописях Регули записано более десятка раз. И больше нигде, ни у кого название это не встречается. Однако ороним «Поэнг-Ур» не утвердился на географических картах. А в 1927 г. С. Янченко, топограф североуральской экспедиции Уралплана и Академии наук СССР, геодезическими измерениями определил высотное первенство на Урале горы, которую назвали — Народная. Таким образом, высшая уральская вершина была открыта трижды. В XVI–XVII вв., а может быть и ранее, известный манси глазомерно определил высшую вершину и дал ей название — Поэнг-Ур (высшая, главная гора). Но у манси тогда не было своей письменности. Из уст в уста это знание передавалось из рода в род. В середине XIX в. этот факт со слов манси зафиксировал Регули. Он письменно записал эту информацию и нанес высшую вершину на карту. И, наконец, С. Янченко в 1927 г геодезическими определениями научно доказал приоритет высоты горы Поэнг-Ур (Народной), подтвердив правоту Регули и неизвестного манси [10].

Среди архивных материалов Регули находятся словники различных финно-угорских языков (манси, ханты, мордва), а также записи мифов и преданий этих народов. Регули показал близкое языковое родство между венграми и манси, ханты. На Северном Урале он собрал большую коллекцию этнографических изделий (одежда, обувь и пр.). Часть его коллекции экспонируется ныне в этнографическом музее в Будапеште.

На родине Регули, в городке Зирц, установлены два памятника Регули. И буквально в прошлом году там был открыт музей Регули. В 1990 г. на Приполярном Урале была проведена советско-венгер-

ская экспедиция. Базовый лагерь был расположен там, где когда-то Регули обследовал уральские горы. Участники экспедиции совершили восхождение на вершину с отметкой высоты 1711 м и дали название ей — пик Регули. У подножия вершинного бастиона горы были установлены две памятные плиты с текстами на русском и венгерском языках, повествующих о заслугах венгерского путешественника Антала Регули.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Овчинникова, Б., Дьёни, Г.** Протовенгры на Урале в трудах российских и венгерских исследователей [Текст] / Б.Б. Овчинникова, Г. Дьёни. — Екатеринбург, 2008. — 196 с.
2. **Аннинский, С.А.** Известия венгерских миссионеров XIII–IV вв. о татарах и Восточной Европе [Текст] / С.А. Аннинский // Ист. архив. — 1940. — Т. III. — С. 71–112.
3. **Карелин В.Г.** Мансийские оронимы на Южном Урале [Текст] / В.Г. Карелин. — Екатеринбург, 2018. — 139 с.
4. *Ethnographisch-geographische Karte des nordischen Ural Gebietes, entworfen auf eine Reise in den Jahren 1844 und 1845 von Antal Reguly / исполн. А. Reguly.* — 1846. — СПб., б-ка Русского географического общества. — Рукоп. 278. — К-17774. — Отд. VII. — № 35.
5. **Регули, А.** Календарий: Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г.: Путешествие по России: Петербург — Урал — Петербург [Текст] / Антал Регули, пер. Н.С. Болотова. — Budapest, 2008. — 80 с.
6. **Karelin, V.G.** Hegyneek Reguly Antal Eszaki-Ural terkepen (a XIX század kozelpe) [Text] / V.G. Karelin // Foldrajzi kozlemenyek. — 1991. — CXV (XXXIX) kotet. — № 1–2. — sz. 37–47.
7. **Регули, А.** Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского географического общества академику П.И. Кеппену [Текст] / Антал Регули // Зап. Русского геогр. общ-ва. — СПб., 1849. — Кн.3. — С. 159–175.
8. **Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой [Текст]: Исслед. экспедиции, снаряж. Имп. Рус. геогр. общ-вом в 1847, 1848 и 1850 годах / [Е.К. Гофман].** — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1853–1856. — Т. 1. — 376 с.
9. **Карелин, В.Г.** Географические открытия венгра А. Регули на Урале [Текст] / В.Г. Карелин // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 1996. — № 5. — С. 146–151.
10. **Карелин, В.Г.** Поэнг-Ур — высшая уральская гора [Текст] / В.Г. Карелин. — Екатеринбург, 2016. — 80 с.

V.G. Karelin

A. Reguly's Journey to the Urals (to the bicentenary of the birth)

Karelin Vladislav Georgievich, Candidate of Sciences in Technology, leading researcher, Research Institute of metallurgical heat engineering, Ekaterinburg; e-mail: karelin@lab62.vniimt.ru.

Abstract. In the Mid of the XIX century the Hungarian traveler Antal Reguly made a unique journey to the Middle Urals. He collected materials proving the relationship of the Khanty, Mansi and Hungarian languages. Reguly made two geographical discoveries in the Northern Urals, being the first who mapped the region of the highest Ural Mountains and the highest summit Poeng-Urr (Narodnaya).

Keywords: Antal Reguly, the Northern Urals, the highest Ural summit Poeng-Urr (Narodnaya), geographical discovery.

УДК 94(470.54-25)«192/193»+342.815.1

А.П. КИЛИН¹

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ: КНИГОТОРГОВЕЦ И «ЛИШЕНЕЦ» В.И. Лагуткин (1883–1933)

Аннотация. Механизмы социальной мобильности и негативной социальной селекции в раннесоветском обществе рассматриваются на примере биографии конкретного человека — Василия Ивановича Лагуткина. Реконструкция судьбы человека производится на основе анализа личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении избирательных прав, лишенных за занятие торговлей.

Ключевые слова: раннесоветское общество, нэп, лишение избирательных прав, автобиография, социальная мобильность, социальная стратификация.

¹ Килин Алексей Павлович, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург; e-mail: alexey.kilin@urfu.ru.

После октября 1917 г. экономические преобразования были подчинены политическим целям — удержанию власти, социальному переустройству старого и формированию нового общества. Одним из методов классовой борьбы в условиях новой экономической политики было внесудебное ограничение в гражданских правах значительной части населения, в том числе на основании их профессиональной принадлежности.

Большевики, «диалектически» сочетая идеологический догматизм и прагматизм в оперативном управлении, с одной стороны, декларировали демократические принципы, а с другой — подвергали дискриминации значительную часть населения. Нельзя утверждать, что в данном случае был реализован принцип «кто был ничем, тот станет всем», поскольку, помимо «бывших», ряды маргиналов пополнили новые «неполноправные свободные» [1].

Механизм внесудебного лишения избирательных прав позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах не только «бывших», но и «неблагонадежных». Среди представителей последних были как те, кто эксплуатировал чужой труд, так и те, кто занимался торговлей. Лишение частных предпринимателей избирательных прав, т. е. дискриминация граждан по признаку профессиональной деятельности, заслуживает особого внимания в свете того обстоятельства, что торговля являлась легальным занятием, а торговцы платили налоги.

Парадокс политики большевиков заключался в том, что ограничениям подвергались не только представители «бывших» и «враждебных классов», но и «новые» предприниматели, деятельность которых была не только легальной, но и необходимой для восстановления хозяйства региона и страны в целом. Дискриминация этой наиболее экономически активной части населения заключалась в лишении избирательных прав (ст. 23 и 65 Конституции РСФСР 1918 г.), а также сопровождалась комплексом ограничительных мер, в том числе крайне одиозного и произвольного характера [2].

Необходимо отметить особую роль городов в процессе социальной стратификации раннесоветского общества, поскольку процессы урбанизации и рурализации шли параллельно [3]. Рассмотреть процесс конструирования «нового советского» человека», а также инструменты негативной социальной селекции возможно на примере биографии отдельного человека. Взаимное обогащение и интеграция микро- и макроистории позволяют воссоздать картину прошлого с большей полнотой и достоверностью. Воссоздать

жизненный путь человека позволяют данные, содержащиеся в личном деле гражданина, возбуждавшего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, утраченных за занятие частной торговлей. Личное дело — комплексный и сложносоставной исторический источник [4], в его структуре в качестве самостоятельного документа (автобиография), либо в тексте заявления гражданина содержатся биографические данные. По определению Ю.П. Зарецкого, это «делопроизводственная автобиография», которая, формируясь под воздействием внешних формальных требований, создается с целью реализации определенных прав гражданина, что и предопределяет ее структуру и содержание [5].

Биографические данные В.И. Лагуткина содержатся в материалах двух личных дел — его собственного [7] и его жены — Марии Васильевны Лагуткиной, которая была лишена избирательных прав как находящаяся на иждивении мужа, но затем восстановленная в правах [8].

В.И. Лагуткин упоминается в «Списке лиц, не имеющих права избирать и быть избранными в Екатеринбургский городской совет, Екатеринбургского округа, Уральской области, согласно Конституции РСФСР и инструкции о выборах», составленном 15 октября 1924 г. [9, л. 30].

Василий Иванович Лагуткин, на момент написания заявления с просьбой о восстановлении в избирательных правах, проживал в Свердловске, в Верх-Исетске (ВИЗ), на ул. Нагорной в д. 32, кв. 1. По происхождению — крестьянин деревни Кинеево, Миротинская волости, Алексинского уезда, Тульской губернии. До занятия самостоятельной торговлей в 1921 г., на протяжении 25 лет он работал по найму в частных организациях, занимающихся производством и реализацией книжной продукции. После революции с 1919 по 1921 г. работал в должности заведующего губернским книжным складом Екатеринбургского губернского Отдела народного образования. Эта должность могла открыть для него карьерные перспективы в советских учреждениях, однако по состоянию здоровья (или иным, не известным нам причинам), он был с этой должности уволен и будучи безработным занялся торговлей «книжно-печатными и другими товарами по патенту 3-го разряда». Торговля продолжалась длительное время с 1921 по 1930 год. Это косвенно свидетельствует о том, что торговля велась профессионально и была достаточно успешной, позволявшей как обеспечивать средствами к существованию членов семьи (жена и пятеро детей), так

и уплачивать налоги. В 1930 г. в рамках кампании по свертыванию частной торговли его предприятие было закрыто, скорее всего в силу резко возросшего налогового бремени. И с этого момента начинаются как поиски работы, как правило, не связанной с основной специальностью, так и борьба за восстановление в избирательных правах. Все эти перемены негативно повлияли на состояние его здоровья. В.И. Лагуткин умер 29 октября 1933 г. в Камышловое, в возрасте 50 лет, от психического расстройства. Решение об окончательном отказе в восстановлении в избирательных правах было принято 20 мая 1934 г. уже после смерти заявителя. В нем говорилось: «В.И. Лагуткин <...> лишен как бывший торговец <...> проситель с 1921 по 1930 год включительно занимался торговлей по патенту третьего разряда, с 1931 года работает счетоводом, учитывая, что торговля велась в течение 9 лет, по своим размерам относилась к разряду крупной и проситель с момента ликвидации таковой не имеет пятилетнего трудового стажа — отказать» [7, л. 1].

В.И. Лагуткин, будучи грамотным и начитанным человеком, четко и ясно излагал свою позицию, приводил целый ряд аргументов в пользу решения о его восстановлении в избирательных правах. Его письменная речь образна, ярка и эмоциональна, что может свидетельствовать как об использовании литературных приемов, так и о чрезвычайно высоком психологическом напряжении просителя в момент создания текстов.

Аргументы, содержащиеся в заявлениях В.И. Лагуткина, мы подразделяем на три группы: 1) идеологического плана, свидетельствующие о классовом родстве (классовой близости, лояльности) просителя с новой властью; 2) базирующиеся на знании нормативно-правовых актов; 3) аргументы, вытекающие из материальных условий, а также 4) основанные на оценке состояния здоровья просителя. Его позицию, согласно предложенной нами классификации, можно отнести к «наступательной стратегии» [6].

Восстановление в правах являлось насущной необходимостью в условиях ликвидации многоукладной экономики, поскольку найти иные средства к существованию, помимо государственного сектора, не представлялось возможным.

В.И. Лагуткин так оценивал свое положение: «Исходя из вышеизложенного, я имею право претендовать на ту обиду, которая наносится мне к концу ликвидации частной торговли вообще: лишившись своего дела, а также и средств, находившихся в моем распоряжении, я, естественно, должен где-то работать, но и этой

прелести я как лишенец получить нигде не могу. Несмотря на то, что мной сделаны попытки работать не только по своей специальности, но и по другим видам работ, где меня, как лишенца, снимают с работы, и для наглядности прилагаю удостоверение о моей работе, с которых я снят <...> Скажите, какое преступление мной сделано? И заявляю, если я действительно являюсь преступным элементом, отдайте под суд, и если заслужил, то расстреляйте. Это будет лучшая расплата за свой грех, чем быть манекеном и быть заживо погребенным в тот момент, когда есть работа и нужны люди. Еще раз настоятельно прошу восстановить в правах гражданства, чтобы я мог еще поработать на этом культурно-просветительном фронте» [7, л. 15 об].

Материалы биографий частных торговых предпринимателей демонстрируют тенденцию, при которой наиболее активные в экономическом плане индивидуумы, дискриминируются в политическом плане, превращаются в маргиналов, таким образом осуществлялась нисходящая социальная мобильность гражданина. Специфика биографии В.И. Лагуткина заключается в том, что переход из крестьян в торговцы произошел еще до революции, а торговая деятельность рассматривалась им как вполне престижная и социально значимая, а не ущербная или дискриминируемая. Деградация социального статуса произошла резко и повлекла за собой необходимость быстрой адаптации к новым условиям в непривычной для него среде и в несвойственной ему роли. Состояние здоровья и психологические перегрузки привели к трагическому финалу.

Анализ личных дел «лишенцев» позволяет констатировать наличие негативной социальной селекции, которая систематически осуществлялась в советском обществе. «Негативной», с точки зрения прав и свобод личности, возможности ее автономного существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Alexopoulos Golfo.** *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State 1926–1936 [Text] / Golfo Alexopoulos.* — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. — P. 243.
2. **Килин, А.П.** *Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты [Текст]: монография / А.П. Килин.* — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 606 с.
3. **Килин, А.П.** «Красный город»: симбиоз аграрного и индустриального укладов в уральской провинции [Текст] / А.П. Килин // Доку-

мент. Архив. История. Современность. — 2017. — Вып. 17. — С. 177–194.

4. **Килин А.П.** Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей [Текст] / А.П. Килин // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2018. — № 433. — С. 70–77.

5. **Зарецкий, Ю.П.** Моя жизнь для Государства: Массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми [Текст] / Юрий Зарецкий // Новое литературное обозрение. — 2019. — № 3 (157).

6. **Килин, А.П.** Автобиография как средство реабилитации [Текст] : на материалах личных дел «лишенцев» / А.П. Килин // Диалог со временем. — 2018. — № 63. — С. 279–283.

7. ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 6. Д. 4289.

8. ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 6. Д. 4292.

9. ГАСО. Ф. 88-р. Оп. 9. Д. 2.

A.P. Kilin

The Fate of Man in a Critical Era : Bookseller and “Lishenets” V.I. Lagutkin (1883–1933)

Kilin Alexey Pavlovich, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of records management, archival science and history of public administration, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg;

e-mail: alexey.kilin@urfu.ru.

Abstract. *The mechanics of social mobility and negative social selection in early Soviet society are investigated on the example of the biography of a particular person — Vasily Ivanovich Lagutkin. The reconstruction of the person's fate is made on the basis of the analysis of the personal file of the citizen who initiated a petition for the restoration of electoral rights deprived for engaging in trade.*

Keywords: *early Soviet society, NEP, disenfranchisement, autobiography, social mobility, social stratification.*

УДК 929

М.Б. ЛАРИОНОВА¹

СУДЬБА ПЕРМСКОГО ЧИНОВНИКА А.С. ЛИСТОВСКОГО

Аннотация. *Статья посвящена жизни и деятельности Андрея Степановича Листовского, пермского чиновника, помещика, много сделавшего для развития Пермской губернии и Уральского региона.*

Ключевые слова: *Пермская губерния, Урал, Листовские, провинциальные чиновники.*

Дворянский род Листовских известен в Уфе: один из его представителей — Александр Степанович (1838–1899) — был губернским предводителем дворянства, с 1860-х гг. владел в губернском городе знаменитым домом Зубовых-Аксаковых (ныне — музей С.Т. Аксакова); его брат, Иван Степанович Листовский (1831–1912), оставил мемуары «Из недавней старины», опубликованные на страницах журнала «Русский архив» в период с 1870 по 1900 гг., описывающие быт и нравы Уфы и губернии первой половины XIX века. Известно, что их прабабка Матрена Ивановна Басина, в замужестве Левшина, владела имением в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Пермским помещиком был и их дед, Андрей Степанович Листовский (ок. 1757–1823), который занимал важные посты в государственной службе и много сделал для развития Перми, Екатеринбурга и Пермской губернии в целом.

Из формулярного списка о службе 1823 г., мы узнаем, что Андрей Степанович рано поступил (скорее всего, был просто записан) на военную службу. Служил он с 1767 по 1785 г., когда вышел в отставку с награждением чином капитана. Иван Степанович Листовский вспоминал, что в 14 лет его дед был уже офицером и адъютантом генерал-майора Павла Сергеевича Потемкина, который в 1774 г. был вызван из армии графа Румянцева и направлен в Казань незадолго до начала штурма города пугачевцами: «...Во время знаменитой его вылазки в Казани и схватки с пугачевской шайкой на Арском поле, деду было пятнадцать лет. Для такого юноши день этот оказался не по силам, и он, как только полчища Пугачева были разбиты, упал от изнеможения тут же и заснул... и дед, пока собирали раненых

¹ Ларионова Марина Бариевна, канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: marin.lar@mail.ru.

и убитых, спал безмятежно» [1]. Вместе с тем формулярный список о службе Листовского говорит нам о том, что Андрей Степанович служил в Сибирском корпусе Ревельского драгунского полка, в 1769 г. он был прапорщиком, в 1770 г. — вахмистром. В 1773–1774 гг. А.С. Листовский действительно выступил вместе с полком против отрядов Пугачева, но далее Сибирской и Оренбургской губерний полк не выдвигался [2, л. 2–3]. Следовательно, описанный внуком сюжет о взятии Казани неправдоподобен.

Уже после восстания Е. Пугачева, в 1776 г. Андрея Степановича перевели в Юго-Егерский полк в легкие полевые командиры, здесь он прослужил пять лет, получив чины старшего сержанта, а затем — прапорщика. В 1781 г. его перевели вновь в родной Сибирский корпус Ревельского драгунского полка и только в этом году произвели в адъютанты, а затем — в поручики. Через четыре года, в 1785 г., он вышел в отставку в чине капитана [2, л. 2 об.–3].

После выхода в отставку Андрей Степанович Листовский перешел на гражданскую службу, был определен в июле 1785 г. в Ирбитскую нижнюю земскую расправу судьей. Прослужил он в Ирбите два года. Здесь в Ирбите и Ирбитском уезде жила его бездетная сестра Вера Степановна, которой от мужа Александра Григорьевича Иванова досталась земля и крепостные Фефиловского имения при деревне Самойловой, «Каменщикова тож» Краснослободской волости, владельцем которых по наследству от нее стал А.С. Листовский [2, л. 2].

В январе 1787 года Андрея Степановича переводят в Екатеринбург и определяют в екатеринбургский губернский магистрат на должность прокурора. В 1792 г. он получил чин надворного советника. Прослужил он прокурором города Екатеринбурга 10 лет, до 1797 г., когда губернский магистрат упразднили. Его направили обратно в Ирбит на должность судьи. Однако уже через пять лет, то есть в 1801 г., его вновь вернули в Екатеринбург «к управлению городнической должности и тамошнего градского полициею прикомандирован». В 1803 г. он получил чин коллежского советника, а через три года — статского советника. Наконец, в 1805 г. Андрея Степановича определяют советником в Пермское губернское правление. В следующем, 1806 г. он становится статским советником. В 1810 г. его назначают председателем Пермской палаты гражданского суда [2, л. 3 об. – 4]. Произошло это по инициативе пермского губернатора К.Ф. Модераха, который писал, что «...статский советник Пермского губернского правления Листовский как чиновник известный

по доброму его поведению и деятельности...» [3, л. 1–1 об.]. Действительно Андрей Степанович служил исправно и отличался от других чиновников честностью и ответственностью. Так, его способности были замечены Модерахом еще в 1802 г., когда пермский губернатор представил двух способных чиновников, которые за «особенное прилежание и усердие к службе, заслуживают по самой справедливости отличное награждение». В их числе оказался и Андрей Степанович: «ирбитский уездный судья надворный советник Листовский, — писал К. Модерах, — успешным по тому суду исправлением дел, и особливо к оным способностью, и ревностью, также от прочих уездных судей отличается ибо был командирован двукратно в г. Екатеринбург к исправлению городнической должности, по расторопности своей не щадя себя и особенным трудом привел сделанные от данным под суд бывшим городничим Вансловым в делах беспорядки и немалые хищения в самое короткое время в должном порядке и от переезду понес чувствительный убыток» [4, л. 1 об.–2]. Известно, что за успешное ведение им дел палата суда шесть раз была удостоена монарших благословений (в 1812, 1817, 1818, 1819, 1820, 1821 гг.). Сам же Андрей Степанович был награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. равноапостольного князя Владимира 3-й степени.

Наконец, высшей из заслуг Андрея Степановича стало доверие ему исполнения обязанностей пермского губернатора. Произошло это не один раз: «во время отбытия пермского гражданского губернатора за обозрением губернии» с 26 февраля по 26 марта 1818 г.; с 20 октября по 1 ноября 1818 г., а также в период «отбытия губернатора в отпуск в чужие края» с 4 января по 1 сентября, с 21 сентября по 11 октября 1820 г.; наконец, с 29 октября по 10 декабря 1820 г. «во время отбытия губернатора в Екатеринбург для приема рекрутов» [2, л. 5 об. – 6]. Умер Андрей Степанович 13 мая 1823 г. в Перми в возрасте 66 лет.

Его вдова в противоположность мужу была активной, энергичной и цепкой женщиной. Она несколько раз на имя пермского губернатора подавала прошения с просьбой за заслуги мужа перед Отечеством определить ей пожизненное содержание: «...Василиса Самойловна по данному прошению, — писал пермский губернатор Антон Карлович Криденер, — описывая недостаточное ее состояние и оставшиеся после мужа долги, просит по уважению долговременной и беспорочной службы мужа ее исходатайствовать ей от щедрот Государя пенсию, полное получаемое мужем ее по последнему месту

жалования по 840 руб. в год ассигнациями. В полной признательности к заслугам чиновника сего и в уважении известного мне весьма недостаточного состояния жены его осмеливаюсь представить пред вашим сиятельством о награждении ее о пенсионе вдовам заслуженных гражданских чиновников. Но хоть единовременно выдачею ею годового мужа ее оклада» [2, л. 1]. Ей выдали 25 января 1824 г. единовременное пособие в размере 840 руб. [2, л. 13], но она не успокоилась и во время посещения в 1824 г. Перми императором Александром I вновь подала прошение на его имя с просьбой выделить ей ежегодный пансион [2, л. 15]. Но администрация пермского губернатора в этот раз отказала ей. И на этом она не успокоилась и продолжала подавать прошения в пермскую администрацию, пока наконец в 1828 г. ее требование удовлетворили и она стала получать пенсию в 420 руб. в год [5].

У А.С. и В.С. Листовских родился в 1791 г. единственный сын Степан. Когда умер его отец, Степан Андреевич не работал, «находился в увольнении от службы», но был уже в чине коллежского секретаря. По воспоминаниям Ивана Степановича Листовского, отец «несколько лет служил уездным судьей и предводителем в городке Оханске Пермской губернии; мать — Софья Степановна, которой едва минуло 18 лет, открыла в своем доме странноприимный дом для идущих через город богомольцев. В Оханске, состоявшем из одной улицы и одной церкви и где «ни одного человека положительно не оказалось, с кем можно было бы поговорить», находился пересыльный острог, в него после декабрьских событий 1825 г., по пути в Сибирь, стало прибывать очень много политических ссыльных. ...Отец, посещая каждую партию ссыльных, знакомился с людьми образованными, иногда очень хороших фамилий, и они по желанию отца отмечались большими и оставались до следующей партии, иногда на месяц и более. Весь день они проводили у отца, а вечером возвращались в острог» [1]. В конце 1820-х гг. семья С.А. Листовского переехала в Уфу, она была большой, он имел пять сыновей: Ивана, Николая, Андрея, Петра, Александра. Все они получили образование в Казанской гимназии.

Подведя итоги, хотелось бы отметить, что Андрей Степанович Листовский — типичный представитель служилого дворянства, провел всю свою сознательную жизнь на государственной службе чиновником, отличался порядочностью и ответственностью, имел репутацию честного человека, что было редкостью для провинциальных чиновников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Свице, Я.** Уфа и уфимцы в первой половине XIX в.: По запискам И.С. Листовского [Электронный ресурс] / Янина Свице // *livejournal.com* [сайт]. — 2013. — URL: <https://janinas.livejournal.com/39006.html> (дата обращения 14.01.2020).
2. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 297. Оп. 1. Д. 395.
3. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 297. Оп. 2. Д. 1236.
4. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 297. Оп. 2. Д. 843.
5. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 297. Оп. 2. Д. 1347. Л. 6.

М.В. Larionova

The Fate of the Perm official A.S. Listovsky

Larionova Marina Barievna, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department, Russian State Vocational-Pedagogical University, Ekaterinburg; e-mail: marin.lar@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the life and work of Andrei Stepanovich Listovsky, a Perm official, a landowner who has done a lot for the development of the Perm province and the Urals region.

Keywords: Perm province, Urals, Listovsky, provincial officials.

УДК 929

М.Б. ОГНЕТОВА¹

Б.Б. КАФЕНГАУЗ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ДЕМИДОВСКИХ ЗАВОДОВ НА УРАЛЕ

Аннотация. Автор представляет исследовательскую работу советского историка, преподавателя Московского университета Б.Б. Кафенгауза, проведенную им в годы Великой Отечественной войны в уральских архивах, в том числе в Нижнем Тагиле. Тематика исследований Б.Б. Кафенгауза связана с историей уральской промышленности и демидовского хозяйства в XVIII веке.

¹ Огнетова Марина Борисовна, главный специалист отдела по делам архивов администрации города Нижний Тагил; e-mail: m.ognetova@yandex.ru.

Ключевые слова: демидовские заводы, Московский университет, Нижнетагильский архив, Урал, эвакуация.

Бернгард (Борис) Борисович Кафенгауз (1894–1969), советский историк, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, известен как исследователь истории уральских заводов Демидовых. Он является автором книги «История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.» (том 1), изданной в 1949 году. Книга представляет его докторскую диссертацию. Предметом рассмотрения в статье является исследовательская работа Б.Б. Кафенгауза в годы Великой Отечественной войны по истории уральских заводов. В 1962 г. вышла его статья «Моя работа над диссертациями» [1], в которой историк описывает свою творческую деятельность по подготовке докторской диссертации.

Б.Б. Кафенгауз написал свою монографию практически целиком на основе архивных документов, хранящихся главным образом в архивах Урала. В своей работе Кафенгауз представил опыт исследования по истории русской крупной промышленности в XVIII в. на примере хозяйства Демидовых. До Кафенгауза историки в вопросе о генезисе капитализма в России уделяли внимание преимущественно технико-экономическим проблемам промышленного развития страны. Кафенгауз сделал акцент на изучении социально-экономических проблем в развитии российской промышленности. Монография является также первой крупной научной работой по истории демидовских предприятий. Впервые были тщательно изучены документы вотчинного архива Демидовых. Исследовательская деятельность Б.Б. Кафенгауза над докторской диссертацией происходила в трудных условиях военного времени. В нашей статье рассмотрена шаг за шагом деятельность историка по сбору материала для написания монографии.

До войны Б.Б. Кафенгауз работал старшим научным сотрудником в Институте истории Академии наук СССР в Москве. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию. Институт истории АН СССР находился в эвакуации на Урале до лета 1943 года. В начале войны Б.Б. Кафенгаузу было предложено возобновить работу в качестве докторанта по истории внешней политики России. Тематика его докторской диссертации сложилась постепенно. На важность изучения истории демидовских заводов указывал академик С.Г. Струмилин, с которым общался Б.Б. Кафенгауз. Утверждение темы диссертации

проходило в ноябре 1942 года в Свердловске на заседании дирекции Института истории. Заседание проходило в гостинице в комнате А.М. Панкратовой, которая была заместителем директора института Б.Д. Грекова. Б.Б. Кафенгауз озвучил три возможные темы: «Древний Псков и вечевое законодательство XIV–XV вв.», «Внутренняя торговля России в XVIII в. и отмена внутренних пошлин», «История уральских заводов Демидовых в XVIII–XIX вв.». В Свердловске Кафенгауз уже начал знакомиться с архивными документами Свердловского областного архива, и его внимание привлек фонд № 24 по истории уральской промышленности XVIII–XIX вв. На заседании дирекции института была утверждена тема по истории уральских заводов Демидовых. А.М. Панкратова указывала: «Мы находимся в эвакуации на Урале и должны сделать что-либо полезное для уральцев, дать работу по истории уральской промышленности». К этому мнению присоединились Б.Д. Греков и С.В. Бахрушин. Консультантом был назначен академик С.Г. Струмилин.

Вскоре после утверждения темы докторской диссертации Б.Б. Кафенгауз выехал в Нижний Тагил для изучения архивных документов в Нижнетагильском филиале Свердловского областного архива. Сохранилось личное дело историка в Нижнетагильском архиве, письмо областного архивного отдела о содействии ему при устройстве в гостиницу и прикреплении к столовой [2]. В своих воспоминаниях историк пишет: «В Нижнем Тагиле материалы были весьма интересны, и моя задача постепенно стала вырисовываться передо мной яснее». Историк ежедневно посещал Нижнетагильский архив, занимался чтением архивных документов в почти нетопленном помещении в «крыле прежнего здания заводской конторы» Демидовых. Он отмечал, что в центральной части здания находился Нижнетагильский горсовет, в другом крыле — музей и картинная галерея, а поблизости было старое здание тюрьмы времен Демидовых. Находясь в Тагиле, он часто посещал музей и картинную галерею, интересовался портретами Демидовых. В то время в Тагиле выставлялись картины и скульптуры русских художников, полученные из центральных музеев в дар. Особенно историку запомнились натюрморты К.А. Коровина и этюды И.И. Левитана: «Особенно нравились мне красочные, жизнерадостные полотна Коровина с розами на фоне яркого синего неба и моря. Они приводили меня в бодрое настроение, помогали преодолеть усталость».

В Нижнем Тагиле Б.Б. Кафенгауз проживал в гостинице, где познакомился с эвакуированными ленинградскими артистами.

По их просьбе Б.Б. Кафенгауз прочитал лекцию об эпохе Петра I, поскольку артисты готовили спектакль из петровского времени. Кроме того, находясь в Тагиле, историк прочитал несколько лекций о великом прошлом страны, о военном искусстве полководцев Суворова и Кутузова работникам треста Тагилстрой и студентам Нижнетагильского горно-металлургического техникума.

В Нижнем Тагиле Б.Б. Кафенгауз был захвачен работой над темой истории уральских заводов. В своих воспоминаниях о том периоде он пишет, что история уральских заводов в крепостническую эпоху рисовалась ему как великий подвиг народа, уральских мастеров и крестьян, овладевших трудным мастерством металлурга и создавших мировую славу Урала. Затем исследователь возвратился в Свердловск, где продолжил работу с архивными документами в областном архиве, в котором в то время еще не было читального зала. Он занимался прямо в «канцелярии», где работали сотрудники архива. Одновременно с работой над диссертацией в архивах Б.Б. Кафенгауз активно занимался преподавательской деятельностью в эвакуированном Московском университете, участвовал в научных мероприятиях. В 1943 г. он познакомился с П.П. Бажовым: «Мне запомнились его большая седая борода и пожатие маленьких худых рук. Он походил на гнома из детской сказки».

Летом 1943 г. Академия наук СССР и Московский университет стали возвращаться из эвакуации в Москву. Б.Б. Кафенгауз, понимая, что собранные для докторской диссертации материалы еще недостаточны, просил оставить его в Свердловске, но ему это не удалось, и он вернулся в Москву. Кафенгауз работает с картотекой демидовского фонда, т.к. дела были еще в эвакуации. Летом 1943 г. он вновь едет в Свердловск, затем снова возвращается в Москву.

Зимой 1943/44 гг. в Москве Б.Б. Кафенгауз занимается обработкой собранного архивного материала, изучает в московских библиотеках литературу по истории Урала. Например, в отделе рукописей Ленинской библиотеки находились копии жалованных грамот на земли, леса и заводы Демидовых в XVIII веке. По возвращении московских архивов из эвакуации историк изучает архивные документы, которые большей частью даже не имели описей. Например, особенно запомнился Б.Б. Кафенгаузу том «сказок» рабочих Невьянского завода XVIII в., составленный по итогам переписи рабочих и содержащий более 500 биографий рабочих: «Медленно читая этот толстый том, я как бы знакомился с живыми уральскими рабочими, бежавшими из центра от голода или от преследований за раскол, или

же пришедшими из Тулы еще вместе с первым уральским заводчиком Демидовым». Б.Б. Кафенгауз изучал материалы, о которых в то время не знали историки, например, двухнедельные рапорты с уральских заводов, которые поступали в Демидовскую центральную контору в Москве.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) благодаря помощи сотрудников Б.Б. Кафенгауз изучает дела «о горных промыслах и заводах», содержащие ежедневные сведения о строительстве первых уральских заводов — Невьянского и Каменского в XVII – начале XVIII вв., а также переписку уральских властей с начальником Сибирского приказа в Москве А.Д. Винусом, сведения о его поездке на Урал, данные о первых уральских заводах, о Никите Демидове и его сыновьях. Б.Б. Кафенгауз делает вывод о тесной связи первых уральских заводов с тульскими и московскими заводами, возникшими в XVII в., а также о роли уральских кузнецов в выборе строительной площадки для заводов. Он пишет статью о строительстве первых уральских заводов для журнала «Вопросы истории», состоялась его беседа с академиком Е.В. Тарле по вопросу развития капиталистических отношений в России в XVIII веке.

В декабре 1945 г. у Б.Б. Кафенгауза закончился трехлетний срок обучения в докторантуре. Он преподавал в Московском университете, полгода работал сотрудником Государственного исторического музея, много работал в архивах, используя отпуска и праздники. Утром до ухода на лекции в университет часто садился за письменный стол, чтобы написать несколько страниц диссертации: «Многое обдумывалось, конечно, в архиве, над документами, и мысленно как бы записывалось в виде новой главы по дороге из архива домой». Б.Б. Кафенгауз отмечает, что архивные источники за XVII–XVIII вв. отличаются обилием материала и нередко включают сотни и тысячи дел, и пишет: «Этот материал подавляет исследователя, и историк порой «тонет в море архивных материалов». Поэтому тему надо уметь ограничить». Так, Б.Б. Кафенгауз в своем исследовании по истории демидовских заводов для первого тома ограничился XVIII веком.

Докторскую диссертацию на тему «История уральских заводов Демидовых в XVIII–XIX вв.» Б.Б. Кафенгауз защитил осенью 1946 года. Оппонентами были А.И. Андреев, В.И. Пичета, К.В. Сивков. Диссертация была передана в издательство Академии наук СССР. Для печати автор дополнил диссертацию двумя параграфами: о восстании на демидовских заводах в Калужской губернии и о восстании Пугачева на Урале. Одновременно был изъят

параграф о пересылке М.В. Ломоносову с уральских демидовских заводов сведений и образцов для подготовки ученым «Российской минералогии», но эти данные были опубликованы в сборнике «Исторический архив» (том V). Они показывают, что крупное производство уже тогда должно было пользоваться результатами научных работ. В 1948 г. Б.Б. Кафенгауз выступил на научной конференции в Свердловске с докладом о первых уральских заводах. На конференции выступали уральцы: П.П. Бажов, М.А. Горловский, В.Я. Кривоногов, а также А.М. Панкратова. Б.Б. Кафенгауз особо отметил выступление Бажова, в котором указывалось на необходимость изучения не только крупного производства, но и освещения истории крестьянства на Урале.

Для написания своей докторской диссертации Б.Б. Кафенгауз использовал как печатные, так и архивные источники. Основной особенностью исследовательской работы он считал использование первоисточников, писал: «Самостоятельная работа, выработка своих собственных взглядов на исторические явления требует обращения к источникам. Без этого читатель остается в плену воззрений того или иного писателя и лишается возможности критически оценивать литературу». Б.Б. Кафенгауз призывал стремиться к тому, чтобы темы монографий были актуальными в научном и общественном отношениях, помогали в решении больших проблем, были связаны с жизнью.

Книга Б.Б. Кафенгауза вышла в 1949 году. Второй том книги задумывался автором как история демидовского хозяйства в XIX в., но его подготовка затягивалась, историк писал: «Отдельные статьи на эту тему будут опубликованы в журналах и сборниках». Но второй том книги не был подготовлен. Исследовательскую работу по истории хозяйства уральских заводчиков Демидовых продолжила ученица Б.Б. Кафенгауза, одна из основателей исторического факультета Нижнетагильского государственного педагогического института, доктор исторических наук, профессор Татьяна Константиновна Гуськова. В 1995 г. вышла ее монография «Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века» [4], а в 2007 г. была издана ее монография «Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие» [5]. Демидовская тематика вошла в сферу научных интересов ученика Т.К. Гуськовой, доктора исторических наук Е.Г. Неклюдова.

В годы войны Б.Б. Кафенгаузом была проведена огромная исследовательская работа, которая позволила ему создать труд по исто-

рии промышленности России в XVIII в., основанный на тщательном изучении громадного фактического материала из архивных документов, часть из которых была введена в научный оборот впервые.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Кафенгауз, Б.Б.** *Моя работа над диссертациями [Текст] / Б.Б. Кафенгауз // История СССР. — 1962. — №3. — С. 106–115.*
2. *Личное дело исследователя Б.Б. Кафенгауза за 1943 год // МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив».*
3. *Годовые отчеты о работе Нижнетагильского филиала Свердловского облгосархива за 1942–1943 гг. // МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. 42. Оп. 1. Д. 17.*
4. **Гуськова, Т.К.** *Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века [Текст] / Т.К. Гуськова. — Челябинск, 1995. — 233 с.*
5. **Гуськова, Т.К.** *Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в.: Заводы. Рабочие [Текст]: монография / Т.К. Гуськова. — Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-пед. академия, 2007. — 292 с.*

М.В. Ognetova

B.B. Cafengause — Researcher of the Demid Factories History at the Urals

*Ognetova Marina Borisovna, main specialist, Department of archives of the Nizhny Tagil city administration;
e-mail: m.ognetova@yandex.ru.*

Abstract. *The author presents the research work of the Soviet historian, teacher of Moscow University B. B. Kafengause conducted by him during the years of World War II in the Ural archives, including in Nizhny Tagil. Cafenhauz' Research topics are connected with the history of the Ural industry and the Demidov economy in the 18th century.*

Keywords: *Demidov Factories, Moscow University, Nizhny Tagil Archive, Urals, evacuation.*

УДК 930.253(47, 75, 82).084

Н.А. ПАВЛОВА¹

ЛИЧНЫЙ ФОНД А.Н. ТУМБАСОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕГО ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. В статье рассматривается творческое наследие Тумбасова Анатолия Николаевича (1925–2001) по его личному фонду № 1939 в Пермском архиве социально-политической истории. Он заслуженный художник РСФСР, член Союза художников России, член Союза журналистов России. Наследие представлено изобразительными материалами, литературными документами, газетными и журнальными публикациями, фотографиями.

Ключевые слова: Тумбасов Анатолий Николаевич, художник, писатель, журналист, творческое наследие, архивные документы.

В Пермском архиве социально-политической истории на хранении размещен Личный фонд Ф.1939 «Тумбасов Анатолий Николаевич (1925–2001)», член Союза художников СССР с 1960 г., член Союза журналистов СССР с 1965 г., ему присвоено звание заслуженного художника РСФСР в 1980 году.

Анатолий Николаевич передал сам в Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ) документы, которые систематизированы им по тематическому принципу, сохраненному при составлении описи. Крайние даты фонда: 1943–2005. Общее количество описей 4. В опись № 1 включено 61 дело, 664 документа; в описи № 2 — 140 дело.

Анатолий Николаевич Тумбасов принадлежит к поколению, формирование которого происходило в военные и послевоенные годы. Он родился 21 марта 1925 г. в селе Кочкарь Челябинской области. В 1933 г. переехал с родителями в шахтерский поселок, ныне город Пласт Челябинской области, где с 1942 г. начал заниматься рисованием в изостудии, организованной художником Николаем Станиславовичем Качинским, ставшим первым учителем А.Н. Тумбасова по рисованию. Здесь он и его друг — юный художник Ваня Чистов дали клятву: «каждый свободный час уделять искусству. Не выпускать из рук карандаш и бумагу в любых условиях...». Иван Чистов погиб осенью 1943 г. под Смоленском, а Анатолий Николаевич

¹ Павлова Наталья Анатольевна, преподаватель, ГАПОУ СО Уральский колледж технологий и предпринимательства, г. Екатеринбург; e-mail: zabg@yandex.ru.

всю свою жизнь исполняет заповедь погибшего друга «рисовать за двоих». В память о друге Тумбасов писал очерки, статьи, издал повесть «Долг памяти» [2, 3].

Тумбасов в 1943 г. был призван в армию, окончил школу механиков по авиавооружению и служил в штурмовом авиационном полку. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1946 г. Тумбасов поступил в Свердловское художественное училище, в 1951 г. окончил его и приехал в Пермь. Приезд художника в Пермь совпал с началом строительства Камской ГЭС. Анатолий Николаевич приезжал на стройку, на разных ее объектах делал этюды, зарисовки, это был материал для будущих произведений. В результате творческих поездок появилась серия его очерков с рисунками, напечатанных в газетах и журналах, которые знакомили читателей со стройкой и ее людьми [20, 21].

Работа на строительстве второй ГЭС на Каме-Воткинской явилась органичным продолжением предыдущей. Тумбасов пишет статьи, очерки, публикуется в газетах «Звезда», в литературном альманахе «Прикамье», на страницах журналов «Урал», «Уральский следопыт». Позднее — в 1963, 1966, 1978 гг. в Пермском книжном издательстве вышли книги «Кама выходит из берегов», «Эхо камня Говорливого», «В разливах рек — моря». В 1962 г. Анатолий Николаевич был занесен в книгу Почета строителей Камской ГЭС, а в 1965 г. вместе с лучшими строителями Воткинской ГЭС награжден медалью «За трудовое отличие» [22, 23, 25].

Перечень ГЭС, на строительстве которых со своим мольбертом и альбомами побывал художник, продолжают Саратовская, Красноярская, Саяно-Шушенская, Братская, Усть-Илимская и др. Везде были встречи с гидростроителями, которых он рисовал и о которых рассказывал в своих очерках [13, 15, 18].

Анатолий Николаевич являлся неперменным участником всех экспедиций Пермского краеведческого музея, и интересы художника многообразны. В 1951–1955 гг. он принимает участие в экспедициях на старинные заводы в Чермоз и Пожву, попавшие в зону затопления Камского водохранилища. В результате этих поездок были написаны картины на темы из истории уральских заводов («В листоотбойной фабрики Чермозского завода», «Первый уральский паровоз»).

Увлеченный старинными заводами в Чермозе и Пожве, Тумбасов исследовал Кын-завод, Очерский, Павловский. На Суксунском заводе он отобразил последовательный процесс самоварного про-

изводства [10]. Одновременно писал характерные виды поселков, городов с их достопримечательностями, пополняя музейные фонды видами памятников старины и современности [10, 16, 19].

Анатолий Николаевич входил в творческую бригаду писателей и журналистов по созданию книги о Березниковской индустрии. В результате поездок в Березники появилась серия рисунков «Березниковские калийщики» [7].

В блокнотах Тумбасова зарисовки из путешествий по сибирским городам, по Албании, лермонтовским местам, по Каме, Лене, Енисею [8, 9, 11, 12, 14, 17]. Из наблюдений рождались рассказы с зарисовками природы, постоянно публикуемые на страницах газет и журналов. В 1974, 1982, 1990 гг. в Перми вышли книги «Дрема луговая», «Капельки», «Шмель на этюднике» [5, 24]. Публикации появлялись и в центральных издательствах «Малыш», «Детская литература».

Творчество А.Н. Тумбасова обращено и к его родным, близким людям. Написаны трогательные произведения о маме — Анисье Васильевне, отце — Николае Михайловиче, о друге детства — Ване Чистове, о первом учителе рисования — Николае Станиславовиче Качинском, о многолетней дружбе с Василием Васильевичем Молодцовым и др. Эти документы представлены описью в разделе «Документы А.Н. Тумбасова о родных и близких ему людях». Среди документов отметим рукописи статей, газетные публикации, очерки, фотографии, рисунки [1–6].

Анатолий Николаевич — участник областных, зональных, республиканских выставок. Неоднократно его персональные выставки экспонировались в залах Пермской государственной художественной галереи, в выставочном зале Пермской организации Союза художников, в областном краеведческом музее [26]. Живописные и графические работы Анатолия Николаевича находятся в областном краеведческом музее, Пермской государственной художественной галерее, в музее и галерее города Чайковского, в Березниковском музее, музее и спецшколе города Очера, в Соликамске, Кунгуре, Чердыни, Краснокамске, Кудымкаре, Пожве, в Ильинском музее, Горнозаводске, Областном госпитале инвалидов войны, в школе-интернате для детей-сирот № 3, Дягилевской школе № 11, школе № 109 г. Перми, в городе Пласт Челябинской области.

В опись № 2 в основном вошли творческие документы А.Н. Тумбасова. В том числе некоторое количество зарисовок с натуры, эскизов и набросков к будущим картинам, отражающих интерес художника к природе и истории родного края и своего

отечества, а также — к теме их промышленного роста, в частности подъему энергетической отрасли на Урале и на севере нашей страны. Имеются также документы, свидетельствующие о контактах А.Н. Тумбасова с представителями творческой интеллигенции (художниками, скульпторами, журналистами, писателями, краеведами) Урала и страны, о неизменном творческом и человеческом его внимании к простым рабочим людям, повседневный труд которых он прославлял своим творчеством. Сам — натура деятельная, Анатолий Николаевич с большим уважением относился к теме созидания, касалось это производственных процессов или же любого вида творчества, личностного роста, общественной позиции. Например, он вплоть до последнего года своей жизни вел активную работу по пропаганде изобразительного искусства и истории родного края, особенно среди детей и подростков, которые были частыми гостями в его творческой мастерской. Двери его мастерской, как показывают фотографии, были всегда открыты для друзей и поклонников творчества художника, где всегда ждал их доброжелательный прием [29, 34]. Таким образом, Тумбасов проводил большую воспитательную работу.

К документам литературной деятельности А.Н. Тумбасова относим рукописи и подготовительные материалы к изданиям, несколько изданных детских книжек, большинство — с иллюстрациями самого художника; большой пласт составляют статьи — от небольших зарисовок на тему городских или трудовых будней до циклов очерков, фактически являющихся художественно изложенными дневниковыми записями, где рассказывается о поездках по Прикамью, Уралу и стране, о творческих командировках на промышленные стройки, о встречах с интересными людьми.

Перед исследователем творчества художника предстает сильная, цельная личность, которая может послужить и неким нравственным ориентиром. Анатолий Николаевич, будучи человеком, который в начале своего жизненного пути испытал фронтовые невзгоды, чувствовал и понимал ценность каждого мгновения жизни, умел видеть ее красоту в простых вещах и воплощенное в словах и красках свое видение нес людям. Ведь добро порождает добро. Особо отметим его дар видеть в людях хорошее, способность верить в них и в меру сил оказывать помощь и поддержку, что имело отклик: из документов фонда видно, как многочисленны, разносторонни, а главное, прочны деловые, дружеские, творческие контакты и связи А.Н. Тумбасова [27, 28, 30–40].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 4–5.
2. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 6.
3. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 7.
4. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 8–11.
5. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 12.
6. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 13.
7. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 14.
8. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 16.
9. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 18.
10. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 19.
11. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 21.
12. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 24.
13. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 25.
14. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 26.
15. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 27.
16. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 28.
17. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 29.
18. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 30.
19. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 33.
20. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 34.
21. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 35.
22. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 38.
23. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 39.
24. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 40.
25. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 41.
26. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 1. Д. 42.
27. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 2. Д. 2.
28. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 2. Д. 35.
29. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 2. Д. 31.
30. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 2. Д. 38.
31. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 2. Д. 58.
32. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 2. Д. 80–101.
33. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 2. Д. 132.
34. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 3. Д. 16–25.
35. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 3. Д. 82.
36. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 4. Д. 4.
37. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 4. Д. 7.
38. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 4. Д. 9.
39. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 4. Д. 12.

40. ПермГАСПИ. Ф. 1939. Оп. 4. Д. 15.

N.A. Pavlova

Personal Foundation of Tumbasov A.N. as a Source for Studying its creative Heritage

Pavlova Nataliya Anatol'evna, lecturer, Ural College of Technology and Entrepreneurship, Ekaterinburg, Russia; e-mail: zabg@yandex.ru.

Abstract. *The author of the article considers the creative heritage of Anatoly Nikolayevich Tumbasov (1925–2001) by his personal fund № 1939 in the Perm Archive of Socio-Political History. He is an Honored Painter of the RSFSR, a member of the Union of Artists of Russia, a member of the Union of Journalists of Russia. The legacy is represented by visual materials, literary documents, newspaper and magazine publications, photographs.*

Keywords: *Tumbasov Anatoly Nikolaevich, painter, writer, journalist, creative heritage, archival documents.*

УДК 929.522.1 + 027.1:929.6 + 347.183 + 94(470.5) + 94(450)

Е.П. ПИРОГОВА¹

ЗУБОВЫ — ПОТОМКИ УРАЛЬСКОГО ЗАВОДЧИКА ТУРЧАНИНОВА В ИСТОРИИ УРАЛА, РОССИИ, ИТАЛИИ²

Аннотация. *В статье представлены три поколения одной из ветвей дворянского рода Зубовых, родственной уральскому промышленнику XVIII в. А.Ф. Турчанинову, показаны их место и роль в государственной и общественной жизни России. Приводятся сведения о культурном наследии русских дворян, хранящемся у их итальянских потомков.*

Ключевые слова: *дворянский род Зубовых, государственная служба России, культурное наследие.*

Фамилия дворян Зубовых хорошо известна в истории России, но в генеалогии этого рода более или менее разработанной счита-

¹ Пирогова Елена Павловна, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: eppirogova@yandex.ru.

² Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-09-00582.

ется только графская линия, а была еще княжеская [1, с. 581] и, как нам удалось выяснить, нетитулованная, так называемая «вологодская» линия рода. Представитель именно этой последней, небогатой родовой ветви, Н.П. Зубов, породнился с известным уральским промышленником XVIII в. А.Ф. Турчаниновым, женившись на его дочери. Далеко не сразу удалось доказать принадлежность турчаниновского зятя к прославленному роду Зубовых. Помог герб, который запечатлен в виде экслибрисов на книгах библиотеки представителя рода Турчаниновых-Зубовых, находящейся ныне у итальянских потомков [2, с. 214–217]. По приглашению одного из них, профессора политологии Сиенского университета г-на Маурицио Котто, автору статьи довелось не раз побывать в их фамильном замке Робелла под Туринном, описать русскую часть библиотеки, познакомиться с семейным архивом и другим культурным наследием русского дворянства, которые сохранились в Италии до наших дней. Некоторые сведения об этом наследии будут даны в статье, но основная ее задача — показать на примере трех поколений указанной ветви рода место и роль Зубовых в государственной и общественной жизни России, их связь с Уралом и Италией.

Итак, речь пойдет о ветви младшей дочери А.Ф. Турчанинова Анны (1780–1849), в замужестве — Зубовой. Именно эта ветвь рода потомков уральского заводчика окажется связанной родственными узами с итальянскими аристократическими фамилиями. Получив после смерти отца богатое наследство, Анна Алексеевна продала свою долю горнозаводского имения и стала единоличной владелицей помещичьих имений, находившихся в Екатеринбургском уезде Пермской губернии. Кроме того, по разделу имущества она получила несколько деревень в Нижегородском наместничестве Горбатовской округи и более 400 душ крепостных [3, с. 212–217]. Детство Анны проходило то в усадьбе при Сысертском заводе, то в богатом петербургском доме отца на Васильевском острове, где она преимущественно жила и после замужества. О ее муже сведений сохранилось мало, удалось установить только то, что **Николай Петрович Зубов (? – 1808)** был боевой офицер, один из участников подавления польского восстания 1794 года. До этого, согласно «рописи чиновных особ в государстве» 1790 года, он находился в Главной провиантской канцелярии «при дивизиях и корпусах» в Москве, а затем, до 1795 г., — в Конторе Главного кригс-комиссариата в Петербурге [4; 10; 17–19]. Умер он рано, оставив молодую вдову с их единственным сыном. Хотя в существующей справочной литературе Н.П. Зубов

неизменно называется полковником, он, по-видимому, незадолго до смерти был повышен в звании. Во всяком случае, в окладной книге землевладельцев Нижегородской губернии за 1815 г. его вдова названа «генерал-майоршей» [5, л. 103]. В Италии находится его портрет работы неизвестного художника и, к сожалению, не известного его владельцам происхождения.

Рано овдовев, Анна Алексеевна одна воспитывала сына. После окончания Пажеского корпуса **Алексей Николаевич Зубов (1798–1864)** начал службу в лейб-гвардии гусарском полку поручиком, но в 1822 г. вышел в отставку в чине штабс-ротмистра и уехал на Урал к матери. Вскоре А.Н. Зубов поступил на гражданскую службу в Коллегию иностранных дел, одновременно занимая должность церемониймейстера, т. е. был занят организацией разного рода церемоний и осуществлением связей с дипломатическими представителями иностранных государств в России, участвовал и во внутренних церемониях. Так, он находился в составе комиссии, учрежденной после смерти императора Александра I и по этому случаю в июле 1826 г., судя по его формулярному списку, «был награжден бриллиантовым перстнем за усердное исправление своей должности по званию церемониймейстера печальных процессий» [6, л. 1 об.]. Память об этом событии будет дорога ему всю жизнь, о чем свидетельствует интересный источник — рукописный альбом А.Н. Зубова, хранящийся у его итальянских потомков, в котором среди многих стихов и посвящений, свойственных альбомному жанру, есть и его собственные строки «на празднование 25-летия царствования государя императора в 1851 году». Представить внешний портрет молодого Зубова можно по акварели художника П.Ф. Соколова, который находится в частной коллекции в Париже и лишь однажды экспонировался на художественной выставке в Москве [7, с. 51]. Женат Зубов был на фрейлине императрицы Александре Эйлер (1808–1870), правнучке знаменитого математика XVIII в. академика Леонарда Эйлера. Известная хозяйка петербургского салона, жена австрийского дипломата Долли Фикельмон в своем дневнике за 1829 г. записала: «Познакомилась с супругами Зубовыми. Она совсем молоденькая, замужем недавно, с небольшим, нежным, очень красивым лицом и застенчивым выражением; ее муж — крупный, довольно интересный мужчина, его находят простоватым» [8, с. 51]. Отметим, что живописные портреты А.А. Эйлер-Зубовой и А.Н. Зубова (в мундире) хранятся в частном собрании в Италии.

Прослужив два года чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел, А.Н. Зубов в 1831 г. «согласно желанию» своему вышел в отставку и переехал с женой из Петербурга в провинцию, в Горбатов Нижегородской губернии, где находилось имение его матери. Вскоре по приезде Алексей Николаевич был определен директором конторы Нижегородского ярмарочного гостиного двора. За добросовестную работу в этой должности он был награжден орденом Станислава 2-й степени и произведен в коллежские, а через некоторое время в надворные советники, пожалован придворной должностью камергера [9, л. 28]. В 1846 г. «в награду отличной ревностной службы и особых трудов» А.Н. Зубов получил чин действительного статского советника [6, л. 2–2 об.]. Отметим также, что в 1855 г. А.Н. Зубов стал членом привилегированного Петербургского Английского клуба, в котором состоял фактически до самой смерти [11, с. 162]. Однако здоровье его пошатнулось, о чем говорит сохранившееся свидетельство о болезни 1856 г., приложенное к прошению «Алексея Николаевича Зубова, камергера, о дозволении ему являться к Высочайшему Двору, не соблюдая установленных для того правил формы одежды» [12, л. 19]. Похоронен тайный советник А.Н. Зубов вместе со своей матерью, как ни странно, на кладбище московского Новодевичьего монастыря, куда после кончины была захоронена и его жена А.А. Зубова [13, с. 481]. Говоря об А.Н. Зубове необходимо упомянуть о написанных им трудах, которые раскрывают его как государственного деятеля и личность. Один из них посвящен истории возникновения и состоянию Нижегородской ярмарки, вышел двумя изданиями в 1838 и 1839 гг.; другой — «Путевые заметки о некоторых губерниях Средней России» — опубликован в Петербурге в 1848 г. Эти труды указывают на то, что А.Н. Зубов вполне заинтересованно пытался разобраться в экономических вопросах развития России (об этих изданиях см.: [14, с. 63–66]).

Еще больших успехов в служебной карьере, чем А.Н. Зубов, добился его единственный сын, ставший государственным чиновником высокого уровня. Будущий тайный советник **Алексей Алексеевич Зубов (1838–1904)** происходил из дворян Нижегородской губернии. Как и отец, он окончил Пажеский корпус (в 1856 г.), а кроме того, — Николаевскую академию Генерального штаба и, как сказано в его формулярном списке, «за отличные успехи в науках» был «назначен состоять при департаменте» штаба [15, л. 9–10 об.]. Однако крестьянская реформа Александра II внесла коррективы в служебную карьеру А.А. Зубова, т.к. вынуждала его как землев-

ладельца к скорейшему решению земельного вопроса для своих освободившихся теперь от крепостной зависимости крестьян его наследственных уральских имений. В мае 1861 г. Зубову удалось добиться утверждения в должности мирового посредника по Екатеринбургскому уезду и пришлось уехать на полтора года на Урал. С ноября 1863 г. и до начала 1865 г. ротмистр А.А. Зубов состоял при штабе сначала Виленского, а затем Рижского военных округов, участвовал в подавлении польского восстания. В последующие годы он работал в Комиссии по крестьянским делам, более восьми лет состоял адъютантом генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского, в 1877 г. служил добровольцем в качестве уполномоченного Общества Красного Креста в Черногории. Здесь надо сделать отступление и отметить, что итальянские потомки и сегодня бережно хранят его награды: светло-бронзовую медаль «В память усмирения Польского мятежа» и темно-бронзовую — в память войны с Турцией 1877/78 гг., ордена Анны 2-й и Владимира 4-й степени, Даниила 2-й степени («пожалован» князем Черногорским) и другие. А.А. Зубов дослужился до чина генерал-майора и стал принадлежать к высшей категории, генеральскому составу. Однако столь успешно складывавшаяся военная карьера по причине нездоровья была им прервана. Тогда А.А. Зубов в 42 года решает резко изменить свою жизнь и заново начать карьеру государственного деятеля, при этом он удивительно быстро и успешно добивался результатов, занимая одну за другой высокие должности в чиновничьей иерархии Российской империи. Сначала получил назначение по Министерству внутренних дел на должность Екатеринбургского вице-губернатора и был произведен в чин действительного статского советника. Затем в 1881 г. Зубов получил новое назначение — на должность саратовского губернатора, которую занимал более пяти лет, успев оставить о себе добрую память местной городской думы и жителей края, заслужив звание почетного гражданина города Саратова и повышение в чине (тайного советника). Действительно, в период губернаторства А.А. Зубова в городе появились многие общественные здания, начали действовать экономические и культурные заведения, различные общества [16, с. 282–287]. В марте 1887 г. Зубов вступил в новую должность — товарища главноуправляющего Собственной Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии Федоровны, но вынужден был оставить ее, и снова по причине нездоровья. Побыв какое-то время попечителем Александровского лицея, А.А. Зубов в 1890 г. был уволен в бессрочный отпуск и пожалован почетным зва-

нием высшего сановника — статс-секретаря. С этого времени он жил и лечился во Флоренции, где и умер от диабета в 1904 году.

Осталось рассказать о семейной жизни А.А. Зубова. Его женой была дочь действительного тайного советника и дипломата Н.А. Кокошкина Мария Николаевна (1841–1917), которая приходилась Алексею Зубову троюродной сестрой, т. е. она, как и он сам, была правнучкой уральского заводчика А.Ф. Турчанинова. Отец Марии Кокошкиной более десяти лет пробыл посланником в Сардинском королевстве (Северная Италия), а затем был назначен чрезвычайным и полномочным министром Неаполитанского двора. Все три дочери А.А. Зубова породнились с итальянской аристократией. Старшая Александра-Adda (1860–1945) вышла замуж за представителя древнейшего рода из Перуджи графа Conestabile della Staffa. Средняя дочь Мария-Stella (1861–1913), родившаяся в Екатеринбурге, была замужем за представителем старинной аристократической семьи Пьемонта Carlo Emilio Nicolis di Robiland, который унаследовал старинный фамильный замок Robella. Наконец, младшая дочь Зубовых Екатерина (1865–1929) была замужем дважды. Ее первым мужем был русский дворянин Н.С. Метелев, а вторым — итальянец Salvator Monselles. Именно у наследников Зубовых-Кокошкиных хранятся в Италии семейные архивы, предметы искусства и дворянского быта, посуда, фамильные портреты, фотографии. Большой интерес представляет богатая библиотека А.А. Зубова, женские и мужские рукописные альбомы (самый ранний из них, сысертский 1808–1818 гг., принадлежал Анне Зубовой), воспоминания и дневники. Это значительное культурное наследие представителей русского дворянства в Италии еще предстоит ввести в научный оборот.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Думин, С.В.** Зубовы [Текст] / С.В. Думин // Большая Российская энциклопедия: [в 30 т.]. Т. 10: Железное дерево — Излучение. — М., 2008. — С. 581–582.
2. **Пирогова, Е.П.** Личная библиотека государственного чиновника А. А. Зубова и генеалогические загадки дворянского рода [Текст] / Е.П. Пирогова // Книга. Исследования и материалы. — М., 2018. — Сб. 1–2 (114–115). — С. 209–217.
3. **Пирогова, Е.П., Неклюдов, Е.Г., Ларионова, М.Б.** Род Турчаниновых [Текст]: [культурно-ист. очерки] / Е.П. Пирогова, Е.Г. Неклюдов, М.Б. Ларионова. — Екатеринбург: Сократ, 2008. — 352 с.

4. **Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1790 [Текст].** — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1790. — С. 66.
5. ГКУ «Центральный архив Нижегородской области». Ф. 639. Оп. 124. Д. 1892.
6. **Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.** Ф. 233. Полт. Карт. 28. Ед. хр. 15.
7. **Петр Федорович Соколов: Русский камерный портрет [Изоматериал]: Из коллекций музеев Москвы, Санкт-Петербурга и частных собраний: [каталог к выставке «Современники А. С. Пушкина в портретах П.Ф. Соколова» / П.Ф. Соколов; сост. Л.А. Карнаухова.** — М.: Пинакотека, 2003. — 192 с.
8. **Фикельмон, Д.Ф.** Дневник: 1829–1837: весь пушкинский Петербург [Текст] / Долли Фикельмон; публикация и коммент. Светланы Мрочковской-Балашиовой. — М.: Минувшее, 2009. — 1002 с.
9. РГИА. Ф. 472. Оп. 2 (167/849). Д. 630.
10. **Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1795 [Текст].** — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1795. — С. 51.
11. **Завьялова, Л. В.** Петербургский Английский клуб: 1770–1918 [Текст]: очерки истории / Л. В. Завьялова. — СПб., 2008. — 200 с.
12. РГИА. Ф.172. Оп.35 (14/981). Д.31.
13. **Романов, Н.М., вел. кн.** Московский некрополь [Текст]: в 3 т. Т. 1: А–И. / Н.М. Романов. — СПб., 1907. — 517 с.
14. **Пирогова, Е.П.** Два описания Нижегородской ярмарки 1839 года [Текст] / Е.П. Пирогова // Нижегородская старина: краеведческое историческое издание. — 2015. — Вып. 45/46. — С. 63–66.
15. ОГУ «Государственный архив Саратовской области». Ф. 1. Оп. 1. Д. 3562.
16. **Пирогова, Е.П.** Государственный деятель царской России А.А. Зубов — потомок уральского заводчика А.Ф. Турчанинова: служебная карьера и личность [Текст] / Е.П. Пирогова // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2016. — Т. 16. — Вып. 3. — С. 282–287.
17. **Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1792 [Текст].** — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1792. — С. 64.
18. **Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1793 [Текст].** — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1793. — С. 45, 65.

19. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1794 [Текст]. — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1794. — С. 49, 70.

E.P. Pirogova

The Ural Plant owner Turchaninov' descendants the Zubovs in the History of the Ural, Russia, Italy

Pirogova Elena Pavlovna, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of documentation, history, and legal support, Russian State Vocational-Pedagogical University, Ekaterinburg;

e-mail: eppirogova@yandex.ru.

Abstract. *The article presents three generations of one of the branches of the noble family of the Zubovs, akin to the Ural industrialist of the XVIII century. A.F. Turchaninov, shown their place and role in the state and public life of Russia. Information is given on the cultural heritage of the Russian nobles, kept by their Italian descendants.*

Keywords: *noble family of the Zubovs, public service of Russia, cultural heritage.*

УДК 614.212(470.5)(091)

В.В. РОДИОНОВА¹

ВРАЧ ПЕРВОГО ЗЕМСКОГО «ПРИЗЫВА» Л.Ф. ОКИНЧИЦ

Аннотация. *Рассматривается жизнь и многогранная деятельность на Урале врача польского происхождения Людвиг Окинчица. Он внес значительный вклад в развитие земской и заводской медицины в Красноуфимском уезде (1870–1884), организовал в Суксунском поселке деятельность первого санаторного учреждения.*

Ключевые слова: *врач, земская медицина, Красноуфимское уездное земство, санитарно-курортное дело, Суксунский горный округ.*

Врач польского происхождения Людвиг Сигизмунд Фаддей Окинчиц (1837–1903), переименованный в России в Людвиг Фад-

¹ Родионова Валентина Викторовна, студентка 4-го курса Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: valya.rodionova.98@bk.ru.

деевича, относительно известен только в Красноуфимском районе Свердловской области и Кунгурском районе Пермского края. Краткие сведения о его жизни и деятельности (частично неточные и весьма неполные) содержатся в некоторых краеведческих изданиях [1, с. 199–201; 2, с. 75–79; 3, с. 49–50]. Между тем он сыграл важную роль в становлении земской медицины в Пермской губернии.

Л. Окинчиц окончил медицинский факультет Московского университета. В 1862 г. он получил звание уездного врача и определение на службу в Гродненскую губернию, откуда был родом.

В 1863 г., за связь с польскими повстанцами, Л. Окинчиц был сослан бессрочно в город Кунгур — уездный центр Пермской губернии. Здесь Людвигу Фаддеевичу, в условиях хронического дефицита квалифицированных медиков, разрешили продолжить профессиональную деятельность: сначала частнопрактикующим, а с 1867 г. — городским врачом.

Несмотря на то, что уже в 1867 г. Л. Окинчицу разрешили вернуться в Польшу [4, с. 137], он предпочел остаться служить на Урале, ставшем его второй родиной. Через три года врач перебрался в соседний Красноуфимский уезд, где появились возможность поступить на службу заводским врачом и заняться предпринимательской деятельностью.

В 1870 г. Л. Окинчиц перешел на службу в Суксунский горный округ, принадлежавший одной из ветвей известного рода Демидовых. Здесь он прослужил до 1884 г., получил чин надворного советника и орден Станислава III степени [5, с. 65].

С 1871 г. Л. Окинчиц имел еще одну должность по совместительству. Созданное Красноуфимское уездное земство первые годы не могло нанять собственных врачей. Поэтому оно обратилось за помощью к специалистам с горных заводов. Два из них приняли первые из четырех созданных земством участков: Артинский (И.И. Рязанов) и Суксунский (Л.Ф. Окинчиц). Еще два возглавили ссыльные поляки А.А. Барановский и Г.Л. Чирвинский.

Л. Окинчиц заведовал Суксунским земско-заводским участком, в состав которого входили семь волостей: Суксунская, Верх-Суксунская, Молебская, Златоустовская, Торговижская, Сыринская и Быковская. В них проживало 28 236 чел. [6, с. 76]. Здесь Л. Окинчиц получал дополнительное жалование в 500, затем 700 руб. Он единственный из первых врачей Красноуфимского земства прослужил в нем 14 лет. Для сравнения, в его пригородном участке в эти полтора десятилетия сменилось семь врачей, а в западном и южном — по четыре.

Одновременно Л. Окинчиц занимался предпринимательской деятельностью. В 1870 г. он купил у польки Саломеи Козерацкой (вдовы прежнего заводского врача Суксунского горного округа А.П. Щербакова) лечебное заведение, действовавшее в летний период в поселке Суксунского завода.

Сохранились воспоминания местных жителей о том, как была устроена лечебница. Пациенты приезжали в Суксунский заводской поселок из разных мест Пермской губернии в сезон (с 1 мая до начала осени) до ста человек в год. Здесь лечились ваннами и грязями, гуляли в сосновом бору. Минеральную воду привозили из села Ключи (здесь и в настоящее время располагается известный в регионе санаторий) и сероводородного источника в окрестностях Суксуна, лечебную грязь добывали из Суксунского пруда. Пациенты проживали у самого врача Л. Окинчица и на квартирах местных жителей [2, с. 78–79; 7, с. 98].

То есть Людвиг Фаддеевич стал одним из основателей санитарно-курортного дела на Среднем Урале. Интересно отметить, что его родной брат Владислав Фаддеевич Окинчиц (1828–1891), заведывая восточным участком Красноуфимского земства (1875–1881), в летнее время практиковал на Нижнесергинском минеральном источнике. Здесь в настоящее время также действует известный в регионе санаторий.

Многогранная деятельность Л. Окинчица в Красноуфимском уезде завершилась в 1884 году. Уездное земство решило отказать от практики совместительства врачами нескольких должностей. В Суксунский участок, реорганизованный из земского-заводского в земский, был назначен собственный врач А.Н. Миловидов. Суксунский горный округ в этот период испытывал серьезные проблемы, и Л. Окинчиц не мог получать достойного жалования. Лечебница, в силу сезонного характера, также не приносила существенных доходов. С отъездом Л. Окинчица она прекратила свою деятельность.

Потеряв значительную часть своих доходов, Л. Окинчиц решил вернуться в Кунгур. Здесь он вновь стал служить городским врачом с жалованием в 2 тыс. руб. В 1887 г. Л. Окинчиц с семьей перебрался в Пермь, где можно было дать подросткам гимназическое образование. Здесь он служил городским (думским) врачом, а также по совместительству в техническом училище Губкина [8, с. 2]. Сохранилась могила Л. Окинчица на католическом кладбище Пермского Егошихинского некрополя.

Окинчиц был католиком, но имел жену-протестантку. Все их пятеро детей также были протестантского вероисповедания. Один из сыновей Л. Окинчица — так же носивший имя Людвиг (1874–1942) — избрал карьеру врача. После окончания Военно-медицинской академии он остался служить в Санкт-Петербурге, став известным специалистом в области онкологии и гинекологом [5, с. 65].

Л.Ф. Окинчиц дольше всех из врачей первого земского «призыва» прослужил в Красноуфимском земстве. Он внес важный вклад в становление земской медицины в уезде. Ему вместе с другими врачами удалось решить одну из главных проблем, которая долгое время тормозила развитие медицинского дела — недоверие населения к квалифицированным врачам. Кроме того, Л. Окинчиц поспособствовал становлению санаторно-курортного дела на Среднем Урале.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Лапшина, С.Т.** К вопросу о польских ссыльных в Кунгуре [Текст] / С.Т. Лапшина // Грибушинские чтения: тезисы докладов и сообщений V межрегиональной практ. конф.: Кунгур, 2006 г. — Кунгур, 2006. — С. 199–201.
2. **Черных, А.В. и др.** Поляки в Пермском крае [Текст]: очерки истории и этнографии / [А.В. Черных и др.]. — СПб., 2009.
3. **Токарева, Н.Н.** Суксунский заводской врач Л.Ф. Окинчиц [Текст] / Н.Н. Токарева // Мат-лы Мизеровских чтений. — Екатеринбург, 2011. — С. 49–50.
4. **Орлова-Стшижевская, С.А.** Участники восстания 1863 г. в пермской ссылке [Текст] / С.А. Орлова-Стшижевская // Путь в историю, пути в истории...: сб. ст. и воспоминаний. — Пермь, 2002. — С. 136–138.
5. **Черноухов, Э.А.** Архивные документы о польских врачах на горных заводах Урала в XIX в. [Текст] / Э.А. Черноухов // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. — Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2013. — С. 61–68.
6. **Журналы второго очередного Красноуфимского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1871 года с докладами Управы и комиссий и другими приложениями.** — Пермь: тип. губернской земской управы, 1874.
7. **Мизеров, М.И.** Сведения о земской медицине в Красноуфимском уезде [Текст]: По прогр. 4 Съезда О-ва рус. врачей в память Н.И. Пирогова. / [М. И. Мизеров]. — СПб. : тип. Якова Трей, 1890. — 100 с.

8. Пермский губ. съезд врачей (4; 1887; Екатеринбург) [Текст]: Доклады, материалы и протоколы / Изд. под ред. пред. съезда И.И. Моллесона Пермск. губ. земством; IV Перм. губ. съезд врачей в г. Екатеринбург в авг. 1887 г. — Пермь: Перм. губ. земство, 1887. — 406 с.

V.V. Rodionova

The first Zemstvo's "Appeal" Doctor L.F. Okinchits

Rodionova Valentina Viktorovna, 4th year student of the Institute of social sciences, Ural state pedagogical university, Ekaterinburg, Russia; e-mail: valya.rodionova.98@bk.ru.

Abstract. *The article considers the life and many-sided activity of the Polish physician Ludwig Okinchits in the Urals. He made a significant contribution to the development of Zemstvo and factory medicine in Krasnoufimsky district (1870–1884), organized in Suksunsky settlement activity of the first sanatorium institution.*

Keywords: *doctor, Zemstvo medicine, Krasnoufimsky county Zemstvo, sanitary-resort business, Suksun mountain district.*

УДК 929.5+94(47)

И.Н. ТАНКИЕВСКАЯ¹

АЛЕКСЕЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Из истории рода управителя Верхнесалдинского завода

Аннотация. Автор исследует биографию одного из управителей заводов Нижнетагильского горнозаводского округа конца XIX в., который родственными узами связан с известными людьми в истории России.

Ключевые слова: Выйский завод, Евгений Иванович Алексеев, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Николай Семенович Мордвинов.

Николай Иванович Алексеев (1838–1897) — управитель Верхнесалдинского завода, проработал на Тагильских заводах 33 года, в числе которых более 20 лет в Верхней Салде. Мы больше знаем о его

¹ Танкиевская Ирина Николаевна, научный сотрудник МБУК Верхнесалдинский краеведческий музей, г. Верхняя Салда; e-mail: tankiievskaia@mail.ru.

жене Марии Якимовне Алексеевой (Колногоровой) — гражданской жене Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

Темой моего исследования стала биография этого известного «неизвестного» мужа Марии Якимовны Алексеевой.

Николай Иванович Алексеев родился в Севастополе. В его семье все были морскими офицерами. Его отец Иван Максимович Алексеев был капитан-лейтенантом Черноморского гребного флота. Дед Николай Иванович — Алексеев Максим Тимофеевич был капитаном Киевской провиантской комиссии.

Перед зачислением Ивана Максимовича в Морской кадетский корпус адмирал Николай Семенович Мордвинов поручился, что Иван Алексеев был из природных дворян [1]. Знакомство с этим вельможей сказалось в дальнейшем на всей жизни семьи Алексеевых.

В 1829 г. Иван Алексеев женился на Серафиме Ивановне Васильевой, а в 1832 г. капитан-лейтенант вышел в отставку «по болезни с мундиром». Его благодетель и тут помог своему протеже. Положение молодой семьи было тяжелым, и Мордвинов предложил отставному капитану управлять его крымским имением. За 25 лет брака в семье родилось 8 детей. Третий по счету и первый сын в семье Алексеевых (названный так в честь благодетеля семьи) Николай родился 20 июля 1838 года.

Восприемниками новорожденного Николая Алексеева были его дядя надворный советник Сергей Иванович Васильев и капитан 1-го ранга Егор Иванович Колтовский — видный деятель русского флота; а также две женщины — жена статского советника Княжевич Мария Ивановна (ее муж — вице-губернатор Тавриды Княжевич Владислав Максимович) и вдова капитана 1-го ранга Столыпина Михаила Мария Ивановна. Близкие отношения с такими выдающимися людьми в истории Русского флота, как Н.С. Мордвинов, Е.И. Колтовский, В.М. Княжевич, говорят о том, что семья хоть и не имела недвижимого имущества, но обладала большими связями, которые помогли дать детям воспитание и преференции в дальнейшем. Дочери Ивана Максимовича были бесприданницами, но довольно удачно вышли замуж, а вот сыновьям приходилось «сражаться» за свое место под солнцем.

В 1850 г. семья переехала в Симферополь, где Николай поступил в гимназию [2, л. 5]. Смерть отца и матери в 1854 г., безусловно, была связана с военными событиями Крымской войны.

Детей-сирот разделили кого куда. Старшая сестра Анна в 1853 г. осталась вдовой с маленьким сыном на руках. Вторая сестра Надежда,

только что, в 1853 году, вышла замуж за отставного поручика Виктора Петровича Руссета. Евгения, младшего брата, определили в Морской кадетский корпус — ему было 11 лет, а вот еще одного брата Ивана отчислили, и он вернулся в Симферополь.

В 1855 г., в связи с вышеперечисленными событиями, так и не закончив гимназию, Николай переезжает к родственникам в город Владимир, где в 1857 году после окончания гимназии, подает прошение о зачислении его в Московский университет на физико-математический факультет. В конце второго курса Николай заболел и некоторое время не учился. Затем в 1859 г. он подает прошение о восстановлении его в числе учащихся, но в этом ему было отказано [2, л. 6].

Благодаря стараниям родственников Николай восстанавливается в университете, но уже вольнослушателем и заканчивает его в 1861 г. со статусом кандидата. По протекции тех же Княжевичей находит работу в Санкт-Петербурге Управляющим экспедиции заготовления государственных бумаг. В результате он получает статус коллежского секретаря. По собственному прошению от 17 сентября 1862 года он увольняется со службы и уже в октябре того же года Николай Иванович — в Нижнем Тагиле.

В 1862 г. Выйское заводское училище в Нижнем Тагиле было преобразовано в реальное. В этом новом учебном заведении Нижнего Тагила Николай Иванович стал учителем математики.

Видимо, в реальном училище Алексеев проработал недолго, т. к. после 1865 г. мы встречаем его фамилию уже среди сотрудников заводской конторы. Несомненно, этому поспособствовала женитьба на дочери помощника управляющего округом. Единственная дочь Якима Колногорова, Мария, в 1864 году вышла замуж за дворянина Н.И. Алексеева. В браке родилось трое детей: Владимир, Ольга, Александр [3].

В 1870 г. было создано Уральское общество любителей естествознания. Это стало крупным событием в области культуры и науки Уральского края. Среди семи членов учредителей УОЛЕ от Нижнего Тагила был Алексеев Николай Иванович, управитель Выйского завода. Четверо служащих тагильских заводов в 1874 г., во главе с Николаем Ивановичем, были отправлены во Францию на завод «Терр-Нуар» для ознакомления с бессемеровским процессом.

Еще до поездки Николай Иванович подписал кабальное соглашение, по которому он обязался за эту поездку отработать на деми-

довских заводах пять лет там, куда его поставят. Он не имел права сотрудничать ни с какими другими предприятиями без согласия владельцев и был обязан хранить в тайне то, что увидит во время поездки [4].

Перевод Николая Ивановича из управителя Выйского завода в управителя Верхнесалдинского завода — это несомненно понижение в должности. Следующим ударом для него был уход жены. Он закрылся от всех в Верхней Салде, в этом «медвежьем углу».

Как уже было сказано, Алексеев был связан контрактом, и деваться ему было некуда. Но несмотря на переезд, для своих детей он оставался отцом, и они гостили у него, чаще всего в летние каникулы.

Его жене Марии Якимовне, жившей в гражданском браке с Д.Н. Маминым-Сибиряком, была уготована трудная человеческая судьба: горький разлад с детьми, смерть дочери, «потеря» любимого, немилость своего круга и одинокая старость.

Формальные отношения с мужем она все-таки поддерживала, но в Верхнюю Салду не приезжала. А Николай Иванович, замкнуто живший в Верхней Салде, стал мало общаться с управителями других заводов.

В принципе Николай Иванович был неплохим человеком. По воспоминаниям верхнесалдинцев, он «был вспыльчив, горяч, но в то же время терпеть не мог матерщины и разного рода неприличных выражений. По его распоряжению на заводе был написан закон: за сквернословие во время исполнения служебных обязанностей — штраф».

Воспитание в дворянской офицерской семье оказало на него определенное представление о мире, о дворянской чести и манере поведения. В первую очередь это дисциплинированность и строгое беспрекословное подчинение, умение вести себя с достоинством. Важен был внешний вид и поведение в обществе, в гостях, сохранение корпоративной чести.

Как бы там ни было, период работы Н.И. Алексеева на Верхнесалдинском заводе является высшим периодом развития производства на этом предприятии и отмечен важнейшими техническими и технологическими достижениями. В.Е. Грум-Гржимайло получил из рук Н.И. Алексеева стабильное производство.

Судьба была жестока не только к нему, но и к его детям. В 1886 г., заболев туберкулезом, умерла его дочь Ольга. Его старший сын Владимир, поступив в 1885 г. в Московский университет, так его

и не закончил [5]. В конце XIX в. Владимир владел типографией в Екатеринбурге и в период исхода русских в 1919 г. оказался в Китае, где и скончался в 1940 году. Александр Алексеев — офицер 145 Ново-черкасского полка погиб (по некоторым сведениям в 1914 году).

Старшая сестра Анна (1830–1902), по первому мужу Ергомышева, вторично вышла замуж за Борескова Михаила Матвеевича (1829–1898) — известного военного инженера.

Сестра Надежда Ивановна Алексеева (1837–1901) в 15 лет вышла замуж в 1853 г. за поручика Виктора Петровича Руссета из обрусевшего старинного рода французских гугенотов.

Иван Иванович Алексеев (1840 – после 1890?) — об этом брате Николая Ивановича знаем, что его не приняли в Морское кадетское училище, и в дальнейшем он воспитывался в семье Руссетов. По воспоминаниям родственников, служил в Симферополе в губернском правлении начальником отделения казенной палаты.

Ольга Ивановна Алексеева (1842 – после 1917) вышла замуж за коллежского секретаря Семена Григорьевича Каптельцева, служившего в канцелярии Таврического губернатора.

Серафима Ивановна Алексеева (1844–1914) вышла замуж за Мельгунова Модеста Михайловича — военного инженера.

Последним в списке братьев Николая Ивановича был Владимир (1850–?), трагически погибший.

Самым известным из семьи Алексеевых был Евгений Иванович (1843–1917). После смерти отца, Ивана Максимовича, опеку над Евгением взяла семья Мордвиновых. Послужной путь адмирала, заместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке — Евгений Иванович Алексеева известен [6].

Информацию о том, что Николай Иванович доводится братом Евгению Ивановичу Алексееву, я получила давно, но эта информация изначально не была воспринята мною как подлинная. Все источники держались мнения, что он якобы является внебрачным сыном императора Александра II, ссылаясь на то, что быстрый карьерный рост адмирала характерен только для бастардов романовской семьи.

Однако по воспоминаниям сослуживцев, Е.И. Алексеев никогда не упоминал и даже не намекал на свое якобы высокое происхождение. Так откуда же взялась эта легенда?

В 1871 г., во время плаванья по Средиземному морю, в одном из городов морского побережья, он оказал услугу Великому князю Алексею Александровичу: в результате скандала Алексеев взял

вину на себя, сказав в полиции, что они неправильно поняли, перепутали имя и фамилию. Алексеев вынужден был заплатить большой штраф, но имя царственной особы не попало в скандальную хронику.

Царская семья оценила поступок молодого офицера и приблизила его к себе; но именно это в конце концов навлекло на него зависть, злобу и сплетни со стороны окружающих его людей. А он всю свою жизнь отдал служению России.

Не имели братья Алексеевы семейного счастья, но они добросовестно исполнили свой гражданский долг служения России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Российский государственный архив Военно-Морского Флота*. Ф. 432. Оп. 5. Д. 1541. Л. 2.
2. РГИА. Ф. 418. Оп. 26. Д. 186.
3. ГАСО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 41. Л. 17.
4. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1835. Л. 75.
5. РГИА. Ф. 418. Оп. 299. Д. 42.
6. Орлов, И.Б. Алексеев Е.И. [Текст] / И.Б. Орлов // *Российская ист. энциклопедия : РИЭ : [в 18 т.]*. Т. 1: Аалто – Аристократия. — 2015. — С. 266–267.

I.N. Tankievskaya

Alekseyev Nikolai Ivanovich. From the History of the Verkhnesaldinsky Plant Manager' family.

Tankievskaya Irina Nikolaevna, researcher of the Verkhnyaya Salda Museum of Local History; e-mail: tankiievskaia@mail.ru.

Abstract. *The author explores the biography of one of the managers of the N. Tagil mining district, which is connected by close ties with famous people in the history of Russia.*

Keywords: *Vyisky Plant, Evgeny Ivanovich Alekseev, Dmitry Narkisovich Mamin-Sibiryak, Nikolai Semyonovich Mordvinov.*

А.М. БИГЕЕВ — ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ-МЕТАЛЛУРГ

Аннотация. В статье проанализирован жизненный путь одного из видных ученых-металлургов, доктора технических наук, профессора Магнитогорского горно-металлургического института Абдрашита Мусеевича Бигеева. Созданная им научная школа открыла новое направление в теории и практике сталеплавильного производства. Плодотворная деятельность этого ученого, умелого организатора научных исследований и учебного процесса, является ярким примером служения делу.

Ключевые слова: А.М. Бигеев, ученый, Магнитогорский горно-металлургический институт, металлургия.

Историю страны вершат люди. Наиболее талантливые из них надолго остаются в памяти современников. Их жизненный опыт должен стать достоянием новых поколений. Таким видным ученым и педагогом является Абдрашит Мусеевич Бигеев.

Абдрашит Мусеевич Бигеев родился 23 декабря 1917 года в деревне Большой Тебис Чановского волости Новониколаевской губернии. Он приехал в Магнитогорск в 1935 году. Начал работать на строительстве города. Поступил на рабочий факультет Магнитогорского горно-металлургического института (МГМИ). Как вспоминал А.М. Бигеев: «Тогда редко кто имел законченное среднее образование. И рабочий факультет обеспечивал возможность получить среднее образование для последующего поступления в вуз. У меня тоже было тогда только семь классов за плечами, но даже такой “багаж” по тем временам был достоянием. Так вот, в этом заявлении, оно для нас, ребят нерусской национальности, было своеобразным приемным испытанием по русскому языку, я допустил две ошибки — так уж учили меня в татарской школе. Когда преподаватель, принимающая заявление, красными чернилами исправила мне их, я был так смущен, что засобирился уходить. Но она меня остановила — по остальным предметам-то я получил пятерки — и успокоила: “Ничего, это не страшно. Мы вас подучим. Вы будете знать

¹ Филатов Владимир Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический ун-т им. Г.И. Носова», г. Магнитогорск; e-mail: v.philatov@mail.ru.

русский язык. А сейчас я поставлю вам три и приму на обучение”. И действительно, диктант за первое полугодие мне удалось написать уже на четыре» [1, с. 17–18] Тогда рабфак имел два отделения: вечернее (без отрыва от производства и дневное — нацменрабфак (татарские и казахские группы). На вечернем отделении учились три года, на дневном — четыре года. В связи с недостаточной школьной подготовкой отсеивался до 40% [2, с. 95]. Удача была на стороне сельского паренька. Он сумел не только поступить на рабочий факультет, но и всей своей жизнью подтвердил желание постоянно совершенствоваться, не останавливаясь на достигнутом.

После окончания рабфака он поступил в МГМИ. Учился Абдрашит хорошо. Обучаясь в институте, проявлял высокий интерес к науке и учебе. Городская газета «Магнитогорский рабочий» назвала его одним из лучших комсомольцев в борьбе за хорошую успеваемость [6]. Это позволило ему отлично завершить учебу в 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, по специальности «металлургия черных металлов» в числе 71 выпускника МГМИ [7].

Молодой инженер с первых дней работы на Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК) проявил себя вдумчивым, инициативным работником. Ему была доверена ответственная работа мастера мартеновского цеха №2. Дальнейший карьерный рост прервала война.

В 1942 г. А.М. Бигеев добровольцем ушел на фронт. В боях с немецко-фашистскими захватчиками проявил воинскую доблесть и героизм. Во 2-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии участвовал в сражениях под Старой Руссой, на знаменитой Курской дуге, в боях за Днепр, в Корсунь-Шевченковской операции. Через Украину и Карпатские горы дошел он до Чехословакии. Был четырежды ранен [3, с. 41].

В 1946 г. после демобилизации из рядов Советской армии, поступил на кафедру металлургии стали МГМИ, хотя ему предлагали должности заместителя начальника мартеновского цеха, директора индустриального техникума. По его словам, «для реализации своего потенциала лучше места найти было невозможно» [8].

С приходом на кафедру он сразу же включился в научно-исследовательскую деятельность. Хорошее знание проблем производства во время работы на металлургическом комбинате в довоенный период, доскональное изучение вопросов повышения эффективности сталеплавильного передела после войны привели ассистента

А.М. Бигеева к необходимости вплотную заняться исследованием тем «Расчет шихты основной мартеновской плавки» [9], «Производство кипящей стали в большегрузных мартеновских печах» [10].

Руководство вуза заметило увлеченность А.М. Бигеева наукой, и ему было поручено возглавить ответственный участок в институте — научно-исследовательский сектор. Выбор дирекции МГМИ оказался верным. Как начальник научно-исследовательского сектора в 1948–1951 гг., он многое сделал для роста активности профессорско-преподавательского состава в научной работе. Именно здесь он сформировался как ученый, организатор научно-исследовательской деятельности.

Его научные изыскания стали внедряться в производство и послужили основой диссертационного исследования. Регулярно на совете института отчитывались научные работники о повышении своей квалификации. В апреле 1953 г. было заслушано сообщение А.М. Бигеева о подготовке кандидатской диссертации «К расчету мартеновской шихты». Как заметил профессор Н.Л. Гольдштейн, теоретическая часть работы очень важная и новая, прежде всего, касавшаяся реакции окисления углерода в сталеплавильной ванне. По словам доцента Н.Г. Бурyleва, аспирант А.М. Бигеев занимался вопросом по расчетам мартеновской шихты, имевшим большое практическое и теоретическое значение. Автор подошел к решению поставленных в работе вопросов с глубоким знанием мартеновского процесса и дал теоретически правильное суждение. Проверки предложенных Бигеевым номограмм и таблиц на ММК показали их практическую применимость и большое удобство для использования. Совет МГМИ признал работу аспиранта Бигеева актуальной и имеющей большое практическое и теоретическое значение [11]. В 1954 г. в Уральском политехническом институте была успешно защищена кандидатская диссертация А.М. Бигеева по актуальной для того времени теме «Расчеты мартеновских шихт».

Организаторские способности Абдрашита Мусеевича особенно ярко раскрылись в период руководства крупнейшим и значимым для института металлургическим факультетом во второй половине 1950-х годов. Декан определял основные направления научной и педагогической деятельности коллектива. На факультете сформировался коллектив его единомышленников, успешно решавший важнейшие проблемы связи ученых с производством. Именно при нем стали активно реализовываться договоры творческого сотрудничества с ММК. Начало объединения сил ученых института и производ-

ственников было положено в результате создания объединенных научно-исследовательских групп металлургического комбината и МГМИ. Ученые института и инженеры комбината успешно работали над усовершенствованием технологии производства и разлива кипящей стали и над другими важными теоретическими и практическими проблемами совершенствования работы металлургических агрегатов и внедрения новейших достижений науки.

Более тридцати лет, с 1958 по 1989 гг., А.М. Бигеев руководил кафедрой металлургии стали. В это время кафедра отличалась от других учебных подразделений института высокой острепенностью профессорско-преподавательского состава, лучшими показателями научно-исследовательской деятельности.

Он достиг высот профессионального роста. В 1963 г. в Магнитогорском горно-металлургическом институте А.М. Бигеев защитил докторскую диссертацию по теме «К теории сталеплавильных процессов». В 1965 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Ярким эпизодом в его жизни, о котором он постоянно вспоминал, стал следующий факт. В 1970 г. министерство предполагало создать учебник «Металлургия стали». Вместо коллектива авторов он вызвался самостоятельно подготовить важное для учебного процесса издание и, приложив немало усилий, успешно справился с этой задачей.

Научные достижения, принципиальность, умение организовать коллектив ученых института на решение актуальных проблем производства характеризовали Абдрашита Мусеевича как крупного ученого и управленца, поэтому в течение 1966–1970 гг. А.М. Бигеев работал проректором МГМИ по научной работе. Данная должность еще больше раскрыла его талант руководителя значимым участком деятельности. С его приходом активизировалось участие ученых института в научно-исследовательской работе.

Абдрашит Мусеевич всегда умело увязывал проблемы производства с перспективами развития отрасли, включая и отдаленные перспективы, искал и находил нетрадиционные решения. Он стал основоположником перспективного направления металлургической науки, основал новую научную школу. А.М. Бигеев — автор фундаментальных работ по теории рафинирования металла шлаком, математическому моделированию сталеплавильных процессов, теории и технологии непрерывных сталеплавильных процессов. Разработал и научно обосновал принципиально новую производственно-технологическую схему получения черных металлов, реализация которой

позволяла обеспечить снижение ресурсоемкости и себестоимости металлопродукции, повышение ее качества и уменьшение экологической опасности производства [12].

А.М. Бигеев был постоянно связан с металлургическими предприятиями, особенно с Магнитогорским металлургическим комбинатом, принимал активное участие в разработке и обсуждении наиболее важных проектов развития и совершенствования сталеплавильного производства [4, с. 87–88]. Являлся автором около 400 научных работ, 34 авторских свидетельств, 11 монографий. Подготовил около 60 кандидатов и пять докторов технических наук. Им воспитаны крупные специалисты ведущих металлургических предприятий страны. Среди его учеников И.Х. Ромазан — директор Магнитогорского металлургического комбината, Г.Е. Овчинников — заместитель министра черной металлургии СССР, В.С. Федосеев — заместитель министра металлургии СССР, К.Г. Носов — директор Криворожского металлургического комбината, С.К. Носов — губернатор Магаданской области и другие [5, с. 25]. Он удостоен звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР». За боевые заслуги и трудовые достижения награждался орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и медалями.

Многосторонняя и эффективная деятельность А.М. Бигеева свидетельствовали о его незаурядных способностях. Талантливый ученый, прекрасный педагог, умелый руководитель — такова эта Личность, пример для подражания ученых. Именно такие люди оставляют свой значимый след на земле. В Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова чтят и помнят этого видного ученого-металлурга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях [Текст] / [гл. ред.-сост. В.В. Филатов]. — Магнитогорск: Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2014. — 249 с.
2. Филатов, В.В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1930-е годы [Текст]: монография / В.В. Филатов. — Магнитогорск: Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2015. — 261 с.
3. XV лет МГМИ [Текст]: Сб. статей / Под ред. д-ра техн. наук проф. В. М. Огиевского. — Магнитогорск: Магнитогор. рабочий, 1947. — 57 с.

4. Филатов, В.В. Развитие научных школ в области доменного и сталеплавильного производства в МГТУ им. Г.И. Носова и техническое перевооружение Магнитогорского металлургического комбината (1940–2000 гг.) [Текст] / В.В. Филатов // Вестн. Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова. — 2012. — № 2 (38). — С. 87–89.

5. Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров [Текст] / под ред. В.В. Филатова, Т.В. Ивкиной. — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2014. — 241 с.

6. Магнитогорский рабочий [Текст]. — 1940. — 28 мая.

7. Магнитогорский рабочий [Текст]. — 1941. — 13 июня.

8. Денница [Текст]: газ. коллектива Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова. — 2012. — 28 дек.

9. МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 98. Л. 223–224 об.

10. МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–5.

11. МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 190. Л. 50, 51.

12. Денница [Текст]: газ. коллектива Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова. — 2017. — 22 дек.

V.V. Filatov

A.M. Bigeev — the Prominent Scientist-Metallurgist

Filatov Vladimir Viktorovich, Doctor of Historical sciences, Professor of the General History Department, Magnitogorsk state technical University n. a. G. I. Nosov, Magnitogorsk; e-mail: v.philatov@mail.ru.

Abstract. The article analyzes the life path of one of the prominent metallurgical scientists, doctor of technical sciences, professor of the Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute Abdrashit Museevich Bigeev. The scientific school he created opened a new direction in the theory and practice of steel-making. The fruitful activity of this scientist, a skilled organizer of scientific research and the educational process is a vivid example of service to the cause.

Keywords: A.M. Bigeev, scientist, Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute, metallurgy.

УРАЛЬСКАЯ ОДИССЕЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕНОГО

Аннотация. Освещены основные этапы жизни и деятельности известного пушкиниста П.Е. Рейнбота во время ссылки на Урал и в Сибирь по документам Государственного архива Свердловской области.

Ключевые слова: П.Е. Рейнбот, Уральское областное архивное бюро, Уральское областное бюро краеведения, Тюменское окружное архивное бюро, Государственный архив Свердловской области.

Имя Павла Евгеньевича Рейнбота (1852–1934) хорошо знакомо ученым-пушкинистам. Сам выпускник 35-го курса Александровского лицея, он несколько лет проработал в Пушкинском Доме, основал Пушкинский музей в лицее и обладал уникальным собранием книг XVIII века.

В 1925 г. вместе с другими выпускниками разных лет Рейнбот был осужден по так называемому «делу лицейстов». В ночь с 14 на 15 февраля органы Ленинградского ОГПУ произвели массовые аресты лицейстов (всего по делу проходило более 150 человек, осужден — 81). В зависимости от тяжести «преступления» всех обвиняемых разделили на 10 групп. Осужденных по I группе 11 бывших лицейстов расстреляли, а по V (7 человек) — приговорили к ссылке на Урал с конфискацией имущества. Можно предположить, что именно этой мере наказания подвергся П.Е. Рейнбот. Иначе трудно объяснить его появление в 1925 г. в Уральском областном архивном бюро (ныне — Государственный архив Свердловской области)².

В своем заявлении о приеме на работу в Уральское облархбюро от 12 августа 1925 г. Рейнбот писал: «Настоящим прошу Вас зачислить меня на должность временного сотрудника вверенного Вам учре-

1 Шимонек Елена Васильевна — заместитель директора МКУ «Екатеринбургский муниципальный центр хранения архивной документации», г. Екатеринбург; e-mail: chimonек66@mail.ru.

2 Уральское областное архивное бюро было создано постановлением президиума Уральского облисполкома от 23 января 1924 г. вскоре после образования Уральской области с центром в г. Свердловске. В ее состав входили территории современных Свердловской, Курганской, Челябинской областей и Пермского края. Область делилась на 15 округов и 205 районов. В каждом округе были созданы окружные архивные бюро, которые подчинялись областному архивному бюро.

ждения. Я окончил курс наук в Александровском (бывшем Царско-сельском) лицее в 1877 г., с 1900 г. занимался в Российской академии, будучи членом комиссии по изданию сочинений Пушкина, а с 1920 г. был сначала помощником хранителя, а затем хранителем музеев Пушкинского Дома при Российской академии наук» [1, л. 1]. В тот же день по кандидатуре Рейнбота был сделан запрос в ОГПУ. В ответе с грифом «секретно», пришедшем спустя несколько дней, сообщалось, что «...препятствий к принятию П.Е. Рейнбот(а) в облархив не встречается» [1, л. 2]. Уже с 7 октября его перевели на постоянную ставку [2, л. 2]. В общей сложности Павел Евгеньевич проработал здесь с 17 августа 1925 г. по 20 сентября 1926 г. [1, л. 23].

В те годы перед многими архивами страны остро встала проблема описания принятых ранее на хранение необработанных документов. Рейнботу, в частности, поручили упорядочение архивов магистратов и уездных судов [3, л. 7]. В его личном деле сохранилось отношение архива в библиотеку Урало-Коммунистического университета¹ с просьбой допустить Рейнбота к работе с Полным собранием законов Российской империи, так как это «необходимо для получения некоторых исторических справок» [4, л. 7].

В Свердловске Павел Евгеньевич активно включился в научную и краеведческую деятельность города. 9 марта 1926 г. в помещении Уральского областного государственного музея (УОГМ) он публично выступил с докладом на тему «Последние годы жизни А.С. Пушкина по неизданным документам» [4, л. 112]. Весной того же года бурно обсуждался вопрос об учреждении в городе музея уральского бытописателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. С этой целью при УОГМ была создана специальная комиссия, названная в документах тех лет Маминской. С первых же дней ее существования Павел Евгеньевич Рейнбот стал ее членом [4, л. 137].

На осень 1926 г. Уральское областное бюро краеведения наметило проведение в Свердловске III областной краеведческой конференции с участием краеведов, работников музеев и архивов области. Уже 7 августа облархбюро сообщило, что на ней «может быть поставлен доклад на тему «Архивное строительство на Урале в связи с краеведением» (докладчик арх(ивист) А.А. Берс²) с содокладом

1 Основан в 1924 г. Являлся первым ВУЗом, дающим управленческое образование. В 1930-е годы университет был реорганизован. Ныне не существует. Документы не сохранились.

2 Берс Александр Андреевич (1902–1937) — ученый, историк и археолог, сотрудник Уральского областного архивного бюро, Уральского областного

тов. П.Е. Рейнбот(а) «Суд, преступление и наказание в Зауралье в крепостную эпоху» [5, л. 132]. Поскольку конференция состоялась позже намеченного срока, 27–30 декабря, Павел Евгеньевич не успел выступить на ней. 19 сентября он вновь был арестован и выслан на этот раз в Тюмень.

Уральское облрхбюро 24 сентября направило в органы ОГПУ служебное письмо, в котором Павел Евгеньевич характеризуется как «весьма компетентный» сотрудник, проводивший «весьма сложную и ответственную работу по систематизации и разработке архивов старых судебных мест», в которой он один «мог свободно ориентироваться» [1, л. 6–6 об.]. Архивисты ходатайствовали об оставлении Рейнбота в архиве, подчеркивая, что им разобрано «начерно около 6 000 дел, разложенных с условными знаками, только ему известными, и без его указаний работа по описанию вышеуказанных материалов закончена быть не может, а весь труд нескольких месяцев пропадет даром» [5, л. 132].

Официальный ответ из ОГПУ уведомил облрхбюро, что письмо опоздало, 23 сентября П.Е. Рейнбот уже выехал в Тюмень. Правда, впоследствии проблема разрешилась. В ноябре Павлу Евгеньевичу позволили на неделю приехать в Свердловск и закончить начатое дело.

По рекомендации Уральского облрхбюро П.Е. Рейнбота взяли в Тюменское окружное архивное бюро, где он проработал с 7 октября 1926 г. по 1 мая 1927 г. [6, л. 96]. В Тюмени, как и в Свердловске, Рейнботу пришлось заниматься разбором и описанием документов, в частности архивов трех монастырей: тюменских Троицкого и Рафаиловского, а также Туринского женского. Для того чтобы наглядно представить масштаб выполненной Павлом Евгеньевичем работы, отметим, что описанные им документы являли собой груду материалов «в разбитом состоянии» (как тогда характеризовалось физическое состояние документов) весом приблизительно до восьми пудов [7, л. 40]. После их описания получилось около 700 дел. На эту работу, согласно действовавшим нормам, Рейнбот потратил 152 рабочих дня [6, л. 103].

По приглашению Тюменского общества научного изучения местного края Павел Евгеньевич сделал в техникуме доклад, тема которого, к сожалению, осталась неизвестной, но документально установлено, что в нем он «разъяснял ценность вообще исторических матери-

государственного музея. В 1927 г. принимал участие в составлении археологической карты Уральской области. С 1933 по 1935 г. директор антирелигиозного музея в Свердловске. Расстрелян в одном из лагерей Белбалтлага.

алов и строгую необходимость сохранять архивы» [6, л. 97]. В докладе заведующего Тюменским окружным архивным бюро о проделанной работе упоминается, что Рейнбот по итогам описания материалов монастырей подготовил научную работу о быте сибирских монастырей, которую намеревался впоследствии издать [6, л. 97]. Однако сведений о подобной публикации мне обнаружить не удалось.

19 апреля 1927 г. Тюменским окружным отделом ОГПУ П.Е. Рейнботу была выдана справка об отбытии срока ссылки и разрешении свободно проживать на территории СССР [1, л. 21]. Уволившись, он уехал на постоянное место жительства в Ленинград.

В 1931 г. Рейнбот обращался в Уральское облрхбюро с просьбой выслать справку о стаже, которая ему понадобилась для оформления пенсии: «Постановлением Академии наук от 13 ноября 1930 г. я уволен от службы по преклонности лет для перехода на пенсию, причем при определении размера таковой возник вопрос о времени службы моей на Урале в 1925–1927 годах» [1, л. 22]. Она была немедленно выслана по адресу местожительства Рейнбота — г. Ленинград, ул. Петра Лаврова, д. 35, кв. 8.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГАСО. Ф. р-316. Оп. 2. Д. 73.
2. ГАСО. Ф. р-316. Оп. 1. Д. 73.
3. ГАСО. Ф. р-316. Оп. 1. Д. 141.
4. ГАСО. Ф. р-316. Оп. 1. Д. 92.
5. ГАСО. Ф. р-677. Оп. 1. Д. 20.
6. ГАСО. Ф. р-316. Оп. 1. Д. 147.
7. ГАСО. Ф. р-316. Оп. 1. Д. 84.

Shimonek E.V.

St. Petersburg scientist' the Ural Odysseus

Shimonek Elena Vasilyevna, Municipal Centre of Safekeeping Archive Documentation of Ekaterinburg, vice-principal;

e-mail: chimonek66@mail.ru.

Abstract. *Main stages of life and activity of famous pushkinist P.E. Rheinbott during exile to Ural and Siberia were highlighted in this article using documents of State Archive of the Sverdlovsk region.*

Keywords: *P.E. Rheinbott, Ural Regional Archive Bureau, Ural Regional Local Studies Bureau, Tyumen District Archive Bureau, State Archive of the Sverdlovsk region.*

СЕКЦИЯ 5. Пограничье: этнокультурные взаимодействия

УДК 7(798)«17/19»

Е.В. АЛЕКСЕЕВА¹

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ФРОНТИРА: РУССКАЯ АМЕРИКА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ²

Аннотация. Ставится проблема репрезентации визуального образа восточного фронта в донесениях, записках, морских журналах, дневниках путешественников, акварелях, рисунках — источниках, созданных современниками, и в творениях последующих поколений художников, скульпторов, писателей, поэтов, режиссеров, других творческих личностей. Предлагается методология исследования проблемы в соответствии с географическим, социальным, институциональным, экономическим, культурным, человеческим компонентами фронта.

Ключевые слова: фронтир, Русская Америка, изобразительное и монументальное искусство, художественная литература, фильмы.

В силу особенностей восприятия человеком окружающего мира (более 80 % информации мы получаем благодаря зрению) визуальные образы являются самой яркой и, возможно, наиболее достоверной репрезентацией прошлого. Однако данный ресурс не всегда в достаточной мере используется историками, создающими «картины былого».

Самый восточный фронтир Российской империи — колонии на северо-западе Северной Америки — колоритно отражен в разных категориях источников, как визуальных, так и вербальных.

¹ Алексеева Елена Вениаминовна, д-р ист. наук, проф. РАН, вед. науч. сотр. ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: alekseeva167@mail.ru.

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00427 «Фронтирная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации».

Часть из них создавалась непосредственно в период освоения американских территорий русскими во второй половине XVIII в. — с 1867 г. — и представлена в многочисленных описаниях и изображениях Русской Америки современниками (в донесениях, записках, морских журналах, дневниках путешественников, акварелях, рисунках и т. д.), причем взгляд этот отнюдь не односторонний: фронтир был местом взаимодействия представителей разных стран, народов, мировоззрений. Другая часть — результат осмысления феномена Русской Америки потомками (художниками, скульпторами, писателями, поэтами, режиссерами, другими творческими личностями уже после продажи владений в Калифорнии и на Аляске). Все они заслуживают внимательного изучения, так как вносят существенную лепту в создание / отражение / романтизацию / искажение образа российского фронта в Америке.

Растущий интерес к визуальной составляющей культуры фиксируется во многих направлениях современной гуманитарной науки, причем понимание «визуального» в рамках гуманитарной парадигмы отличается от естественнонаучного: под визуальным образом понимается «не только непосредственное наблюдение факта реальности (инструментально либо «в чистом виде»), но и «<...> результат деятельности нормативного и ценностного аппарата человека или коллектива, «видение», пропущенное сквозь культуру» [1, с. 19–20]. Насколько нам известно, заявленный подход лишь очень ограниченно представлен в историографии Русской Америки [2]. Предполагаемая новизна исследования заключается в развитии данного подхода и использовании концепции фронта как его теоретико-методологического основания.

Авторитетные исследователи в новейших публикациях предлагают рассматривать Русскую Америку в разных аспектах. «В узком смысле <...> — это Аляска, группы Алеутских островов, поселения в Калифорнии, на Гавайских, Курильских и Командорских островах, район деятельности Российско-американской компании (РАК), управлявшей данными территориями в 1799–1867 гг.» и в «широком смысле как подвижную границу, или фронтир» [3, с. 1090–1099; 4, с. 1128–1136]. Отметим, что сам фронтирный подход к феномену Русской Америки далеко не нов, представляется весьма плодотворным и применяется более трех десятилетий [5, с. 21–24; 6; 7, с. 47–61].

Компоненты фронта, на наш взгляд, можно классифицировать следующим образом: географический (территория, акватория), социальный (группы людей, этносы), институциональный (Россий-

ско-Американская компания, православная церковь, государство, в том числе в ипостаси министерств иностранных дел, финансов, морского), экономический (производство и добыча в колониях), культурный (образование, религия, архитектура), человеческий (персоналии, деятели). В соответствии с этим образ фронта в Русской Америке складывается из разных ракурсов (географического, социального, институционального, экономического, культурного, персонального), в идеале создавая мозаичную по форме представленную картину, но целостный по своей сути образ.

История русского фронта в Америке нашла отражение в разных формах репрезентации образов: в живописи, которая представлена как исторически достоверными изображениями, сделанными российскими и иностранными художниками в исторический период с натуры в разных техниках (акварель, карандашные рисунки, гравюры), так и профессиональными художниками в XX–XXI вв. [8], например, серия живописных полотен В.Н. Латынцева [9], в скульптуре (памятники В. Берингу в Петропавловске-Камчатском, А.А. Баранову в Ситке и в Каргополе, Г.И. Шелихову в Рыльске, И.А. Кускову в Тотьме, Н.П. Резанову в Красноярске), памятных знаках (А.И. Чирикову на Камчатке, участникам Камчатской экспедиции в г. Оса и др.), кенотафах (Н.П. Резанова в Красноярске), надгробиях. Так, в ограде Знаменского женского монастыря в Иркутске в 1800 г. установлен надгробный памятник основателю первых поселений и школ на Аляске рыльскому купцу Г.И. Шелихову. Примечательно, что украшенный содержательной символикой памятник изготовлялся на Горнощитском мраморной ломки заводе (село Мраморское под Екатеринбургом) в 1797–1798 годах. Стоимость работ и материалов в Екатеринбурге обошлась заказчице, вдове иркутского именитого гражданина Шелихова, в 2805 руб. [10, с. 228–238].

Даже из беглого перечисления следует, что в культурной памяти остаются прежде всего выдающиеся личности. Между тем не меньшим героем исторической эпопеи колонизации новых земель является народ — тащивший по сибирскому бездорожью экспедиционные припасы, бороздивший на утлых суденышках океан, обживавший новые земли. Едва ли не единственный монумент такого рода «Памятник российским землепроходцам и мореходам» открыли в 2005 г. на главной площади г. Тотьма. Тотьменскими купцами для добычи пушнины во второй половине XVIII в. было снаряжено порядка двадцати экспедиций к побережью Тихого океана, Аляски, Алеутских островов. Их занятия нашли отражение

и в геральдике. Императрица Екатерина Великая в 1780 г. утвердила герб Тотьмы с черной лисой на золотом поле: «В знак того, что жители сего города в ловле сих зверей упражняются», который с некоторыми модификациями существует и поныне. Помимо живописи, скульптур, музейных экспозиций, образ фронта формируется в филателии [11], фильмах («Баллада о Беринге и его друзьях», режиссер Ю. Швырев, 1970); «Русская Америка. Прощание с континентом», режиссер Е. Колыванов; «Форт-Росс. Берег несбывшейся мечты»; «„Нева“ и „Надежда“. Первое русское плавание кругом света», 4-серийный документальный цикл (автор проекта М. Кожухов (2013) и др.) и театральных постановках (А. Вознесенский, А. Рыбников «Юнона и Авось», современная опера в двух частях — спектакль, поставленный М. Захаровым в 1981 г. на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола; «Юконский ворон» (автор инсценировки романа Е.А. Юсупова, режиссер В.И. Карпов, Пензенский театр юного зрителя, 2018).

Среди первых значимых поэтических произведений, относящихся к Русской Америке — неофициальный гимн русских колоний, сочиненный их Главным правителем А.А. Барановым в 1799 г. при основании Ново-Архангельской крепости в Ситхинском заливе «Ум российский промыслы затеял...»¹ [12]. Драматизм и романтизм колонизации русскими Аляски вдохновлял многих позднейших поэтов (А. Вознесенский — «Авось!»; Ф.Б. Гарт «Консепсьон де Аргельо»; Н. Денисов «Гимн Российско-Американской компании»; Ю. Леднев «Судьба командора»; С.Н. Марков «Дон Сысой, или Русские в Калифорнии» и др.). Яркий образ первопроходцев создал С. Марков в стихотворении «Предки»: «Шли на восход... И утренний туман / Им уступал неведомые страны. / Для них шумел Восточный океан, / Захлебывались лавою вулканы... / Хвала вам, покорители мечты, / Творцы отважной и суровой сказки! / В честь вас скрипят могучие кресты / На берегах оскаленных Аляски...»

Авторы литературных произведений с помощью художественных образов воссоздают события русской колонизации Америки в жанрах исторического романа, романа-хроники, романтической были, исторической повести, исторической прозы (С.Г. Бабаян «Русская Америка», К.С. Бадигин «Ключи от заколдованного замка», В.А. Бахревский «Хождение встреч солнцу», В. Богданов «Жизнь и открытия капитана Чирикова», Н.В. Бушнев «Лето 1732 года»

¹ Записана Л.А. Загоскиным в 1843 г. [12]. Впервые была опубликована в журнале «Москвитянин» в марте 1849 г.

(отрывок из романа «Ясак и пашня»), А. Воронов-Оренбургский «Барабаны судьбы», В. Григорьев «Григорий Шелихов», А.А. Грязев «Калифорнийская славянка», М.Е. Зуев-Ордынец «Последний год»; Ю.Г. Качаев «...И гневается океан»; А.Б. Кердан: Т. I «Крест командора», Т. II: «Невольники чести»; С.Н. Марков «Юконский ворон», Б.А. Печников «Ключ камергера», В. Пикуль «Резановский мавзолей», Г.П. Чиж «К неведомым берегам», Н.К. Чуковский «Беринг»; Chevigny N. Lost Empire: The Life and Adventures of Nikolai Rezanov). История освоения Аляски и Калифорнии, настолько яркая, переплетенная с бурными событиями второй половины XVIII – первой половины XIX в. в Старом и Новом Свете, что является настоящей находкой для писателя, который, чтобы захватить внимание читателя, ярко и часто документально точно воспроизводит дух, краски, образы эпохи.

Итак, русские географические открытия, совершенные в XVIII – первой половине XIX вв. в северной части Тихоокеанского региона, результаты российской колонизации американского Северо-Западной Америки нашли отражение в художественной литературе, поэзии, публицистике, монументальном, изобразительном и прикладном искусстве, филателии, нумизматике, геральдике, театральные постановках, документалистике и художественных экранизациях, музейных экспозициях.

Они составляют часть мировой культуры, в том числе отражая историю Русской Америки в культуре народов Аляски, Гавайев, в целом США, а также Испании и Мексики. Интерпретированная в мировой культуре история сильнее, чем строго научные труды, влияет на создание образа исторического феномена в памяти поколений. В этом контексте значимой представляется тема репрезентации исторических фактов в массовом сознании как инструмент культурной политики и идеологии. Следует признать, что, несмотря на огромный стратегический потенциал героических усилий мореплавателей, исследователей, колонистов по открытию и освоению новых территорий, государство в существенной степени дистанцировалось как от самого русского фронта в Северной Америке во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., предоставив его продвижение частному купеческому интересу, так и от его репрезентации в исторической памяти потомков, которая существует в основном благодаря неравнодушным творческим личностям, по собственной инициативе создающим и продвигающим художественные произведения в разных жанрах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Порозов, Р.Ю.** Визуальное как доминанта современной культуры [Текст] / Р.Ю. Порозов // *Политическая лингвистика*. — 2011. — № 2. — С. 219–221.
2. **Панов, А.С.** Образы русской Америки в воспоминаниях капитана Джона д'Вулфа [Текст] / А.С. Панов // *Вестн. РГГУ. Серия: Политология. История. Междунар. отношения*. — 2017. — № 1 (7). — С. 81–96.
3. **Петров, А.Ю., митрополит Климент (Капалин), Малахов М.Г. и др.** История и наследие Русской Америки [Текст] / А.Ю. Петров, митрополит Климент (Капалин), М.Г. Малахов, А.Н. Ермолаев, И.В. Савельев // *Вестн. РАН*. — 2011. — № 12. — С. 1090–1099.
4. **Петров, А.Ю.** Новые документы по истории Русской Америки в зарубежных архивах [Текст] // *Вестн. РАН*. — 2019. — Т. 89. — № 11. — С. 1128–1136.
5. **Алексеева, Е.В.** Восточный фронт: Движение России на Восток и освоение Русской Америки во второй половине XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / Е.А. Алексеева // *Проблемы выявления и сохранения памятников истории освоения Сахалина и Курильских островов: тез. докл. и сообщ. Науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию выхода России к берегам Тихого океана (Южно-Сахалинск, 17–18 окт. 1989 г.)*. — Южно-Сахалинск, 1989. — С. 21–24.
6. **Алексеева, Е.В.** Русская Америка. Американская Россия? [Текст] / Е.В. Алексеева. — Екатеринбург, 1998. — 255 с.
7. **Алексеева, Е.В.** Последний фронт: Русская Америка в контексте теорий модернизации и диффузионизма [Текст] / Е.В. Алексеева // *Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв: сб. науч. ст.* — Екатеринбург: БКИ, 2012. — С. 47–61.
8. Колумб Российский, 1957: художник Г.А. Булгаков [Изоматериал] // *Музеи России [сайт]*. — [1996–]. — URL: <http://www.museum.ru/alb/image.asp?18766> (дата обращения 30.01.2020).
9. Русская Аляска. Картины В. Латынцева, посвященные Аляске и ее обитателям [Изоматериал] // *Арт-галерея «Русский Север» [сайт]*. URL: <http://artgallery.ucoz.ru/photo/2> (дата обращения 30.01.2020).
10. **Гаращенко, А.Н.** Памятник Г.И. Шелихову: новые материалы [Текст] / А.Н. Гаращенко, М.Н. Сапижев // *Иркутску 350 лет — история и современность: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения» 12–13 октября 2011 г.* — Иркутск, 2011. — С. 228–238.
11. Русская Америка [Электронный ресурс] // *Паруса на марках [сайт]*. — URL: <http://sailngstamps.ru/2017/10/russian-america/> (дата обращения 30.01.2020).

12. **Загоскин, Л.А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная науч. б-ка [сайт]. — URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_31_17.html (дата обращения 30.01.2020).

E.V. Alekseeva

Visual images of the frontier: Russian America through the eyes of contemporaries and descendants

Alekseeva Elena Veniaminovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: alekseeva167@mail.ru.

Abstract. *The author poses a problem of representing the visual image of the utmost eastern frontier in reports, memos, logbooks, travel diaries, watercolors, drawings and other sources created by contemporaries, and in the works of subsequent generations of artists, sculptors, writers, poets, directors, and other creative personalities. A methodology for studying the problem in accordance with the geographical, social, institutional, economic, cultural, personal components of the frontier is proposed.*

Keywords: *frontier, Russian America, fine and monumental art, fiction, films.*

УДК 39=94(47).06

И.Р. АТНАГУЛОВ¹

ТЮРКО-СЛАВЯНСКИЕ КОНТАКТЫ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. *Строительство российского общества происходило при тесных славяно-тюркских контактах. В XVI в. тюркский компонент в стране увеличился. Проблема создания лояльного режиму населения решалась посредством христианизации, сословного строи-*

¹ *Атнагулов Ирек Равильевич, д-р ист. наук, заведующий Центром этноистории, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: i.atnagulov@mail.ru.*

тельства и другими путями. Результатом стало усложнение этнической картины. Возникли новые идентичности — кряшены, нагайбаки, бобыли, тептяри, казаки (русские, татары, башкиры, калмыки), перешедшие на оседлость «прилинейные» казахи.

Ключевые слова: *Южный Урал, этноистория, этноконтакты, новые идентичности.*

Русская колонизация Южного Приуралья в XVIII–XIX вв. являлась в политическом смысле продолжением государственной стратегии, осуществляемой с середины XVI в., направленной на решение целого комплекса проблем т. н. «восточного вопроса». В русле этнических процессов продвижение русских в Заволжье, на Южный Урал и в Зауралье продолжало исторический акт славяно-тюркских взаимодействий, насчитывавших на тот момент уже не одно столетие. Они сопровождались процессами различных направлений и приводили к разным результатам. Менялась этнографическая карта, изменялись конфигурации расселения народов, наблюдались аккультурация и ассимиляционные процессы. В местах этнических контактов эти процессы охватывали территории от Северного Причерноморья, Предкавказья до Западной и Юго-Западной Сибири.

Этнополитическая история Южного Приуралья в XVIII – первой половине XIX в. является эпизодом этого длительного процесса, продолжающегося и поныне. Географически в статье охвачена территория Южного Приуралья, включающего Предуралье и Зауралье. В административном отношении в рассматриваемый период эти земли входили в состав сначала Уфимской провинции, затем Оренбургской и Уфимской губерний. Хронологические параметры (1730–1840-е гг.) определены по следующим соображениям. До 1730-х гг. территория Южного Приуралья подчинялась российским властям номинально. С момента организации Оренбургской экспедиции и далее окончательного прекращения башкирских восстаний, начала сословного строительства и нового политико-административного устройства края реализовывалась первая часть активной фазы русской колонизации региона. Вторая часть началась в 1830–1840-х гг. основанием Новолинейного района казачьих поселений в Южном Зауралье, т. е. продвижением зоны русской колонизации вглубь казахских степей.

В период со второй трети XVIII в. до середины XIX в. этническая история и формирование новой этнической карты Южного Урала проходили под политическим влиянием и с учетом стратегических

интересов России. В связи с этим решались разные государственные задачи, включая важнейшие:

- дальнейшее развитие начатой Иоанном IV политики формирования лояльного режиму неславянского населения (христианизация, сословное строительство, политико-административные реформы);
- промышленная, крестьянская, военная колонизация Южного Урала, окончательное подавление башкирских восстаний, установление контроля над юго-восточными и восточными башкирами;
- прямой выход на рынки Средней Азии, установление политических взаимоотношений с казахами Младшего и Среднего Жузов.

Государственная деятельность на Южном Урале до 1730-х гг. ограничивалась в основном контролем перекочевков и получением ясака с башкир [1, с. 167–168]. Вместе с тем башкирские земли подвергались крестьянской колонизации из европейской России и Среднего Поволжья. Происходило это стихийно, но под наблюдением государевых людей [2, с. 314]. В начале 1730-х гг. ситуация изменилась. Реформы Петра I привели к росту металлургической промышленности на Урале [2, с. 259–260], а установление дипломатических отношений с казахами продолжало решение «восточного вопроса» [3, с. 170]. Вся эта деятельность сопровождалась необходимостью политического и социального устройства региона. Центральной задачей государства являлось создание здесь политико-административного субъекта — Оренбургской губернии с сетью населенных пунктов и сословно структурированным населением. Реализация проекта продолжалась более ста лет. Окончательно границы губернии были установлены в 1830–1840-х годах.

Деятельность Оренбургской экспедиции началась в сложных этнополитических условиях. Данный регион — объект русской колонизации — являлся зоной контактов двух конкурирующих групп — башкир и казахов Младшего и Среднего Жузов. В результате давления джунгар казахи Младшего Жуза продвинулись на северо-запад до р. Урал, вытеснив калмыков. Казахи Среднего Жуза дошли до среднего течения Тобола и Уя. Результатом этого явились прямые столкновения казахов с башкирами, между которыми установились сложные отношения. Подобными были контакты между казахами и яицкими казаками [4, с. 172–173]. Таким образом, в 1730-х гг. Россия в лице казахов имела соседей, находившихся во враждебных отношениях одновременно с русскими казаками и башкирами.

В 1730 г. хан Младшего Жуза Абулхаир просит принять его земли и население в российское подданство [5, с. 8]. После ряда непростых

переговоров, благодаря дипломатическим усилиям А.И. Тевкелева, Россия обрела новых подданных. В 1734 г. под руководством И.К. Кирилова начала работу Оренбургская экспедиция. Волнения, охватившие башкир в 1734–1736 гг., вынуждали российскую администрацию увеличивать военное присутствие на всей территории Южного Урала. И.К. Кирилов предложил создавать местные казачьи формирования. Он считал, что казаки самарские, волжские, уфимские, сибирские и частью яицкие, которые, по его мнению, живут «праздно», могли бы служить «прекрасным материалом» для образования казачества в Оренбургском крае. В его основу вошло также местное русское и крещеное инородческое население [6, с. 47–48, 75].

В одном из указов от 11 февраля 1736 г. говорится о формировании в Оренбурге казачьего войска. Сюда вошли: 500 яицких казаков, сибирских казачьих и дворянских детей, не верстанных и не положенных в подушный оклад — до 1000, уфимских служилых мещеряков и крестьян Теченской слободы — до 1000 чел. В Табынск было отправлено до 300 чел. служилых мещеряков-охотников и казаков [7, с. 190–198]. Этим же указом было решено уфимских новокрещеных перевести в казаки, снять с них ясак и поселить во вновь построенной крепости Нагайбакской и ряде окрестных деревень. Одной из причин для этого было то, что данная группа новокрещеных отказалась примкнуть к восставшим башкирам и всячески содействовала русским властям [8, с. 206–208].

От начала Оренбургской экспедиции и до образования в 1744 г. Оренбургской губернии состоялся ряд указов о поселении в крае людей различных категорий. Сюда направлялись добровольцы из яицких казаков, казачьи и дворянские дети из Западной Сибири, беглые крестьяне, служилые мещеряки, крещеные татары, ссыльные, отставные солдаты, драгуны, матросы, служилые мурзы Казанской губернии, слободские и малороссийские казаки (черкасы) и др. [9, с. 202–214]. Этот процесс на Южном Урале продолжался и во второй половине XVIII в., но не столь интенсивно.

С начала создания Оренбургской линии среди местных казачьих формирований славянский и тюркский компоненты доминировали. Славян представляли русские и украинцы. Тюрками были татары, башкиры, мещеряки, тептяри и кряшены. Последние три группы являлись новыми идентичностями. Также были заметны ставропольские крещеные калмыки, которые 18 апреля 1744 г. по указу Сената были переведены в подчинение Оренбургской губернии. По некоторым данным, тюркское население вместе

с калмыками составляло около четверти от общей численности казаков. В 1748 г. все казаки губернии, независимо от этнической принадлежности, были объединены в войско, разделенное на ведомства. Военная служба казаков Оренбургского войска в XVIII в. была почти исключительно местной — это охрана Оренбургской линии, отражение нападений казахов, освобождение их пленников, усмирение башкир [6, с. 75].

В 1798 г. Оренбургская линия получила новое устройство. Вместе с уездной системой административного деления губернии параллельно возникла кантонная. Границы ее не совпадали с уездами, а территория охватывала только земли башкир, мещеряков и казачьего населения [6, с. 75]. Указом Павла I от 10 апреля 1798 г. башкир и мещеряков перевели в казачье сословие с образованием одиннадцати башкирских и пяти мещеряцких кантонов. Одновременно было образовано пять оренбургских и два уральских казачьих кантона. В составе 3-го оренбургского числились крещенные татары-казаки Нагайбакской станицы. Последние по новой административной системе учитывались вместе с русскими казаками, в то время как другие неславянские группы — башкиры, тептяри, мещеряки и калмыки составляли собственные казачьи формирования, образованные по этническому признаку. На землях башкир как арендаторы-припущенники обитали тептяри и бобыли, представлявшие собой конгломерат из переселявшихся сюда татар, чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов. С 1745 г. их обложили ясаком и обяжали вместо рекрутского набора отправлять людей на строительство Оренбурга и других крепостей.

Христианизация народов Поволжья и Приуралья повлияла на этнические процессы, имевшие свои особенности в регионе. Еще в Казанском ханстве происходила мусульманизация части нетатарского населения. С присоединением к России вектор этнических процессов изменился. Поскольку принятие христианства нередко сопровождалось сменой этнического самосознания [10, с. 20; 6, с. 15, 18–19], то вероятно, что этнические процессы проходили по двум направлениям. во-первых, это принятие христианства частью населения, приведшее к ассимиляционным процессам; во-вторых, категорическое неприятие христианизации, выразившееся во встречном движении — принятии мусульманства [11, с. 103]. Некоторые группы чувашей, марийцев и удмуртов осознанно принимали мусульманство, вследствие чего «уходили в татары» [12, с. 119]. Другим вариантом протеста было переселение «язычников» — марийцев, чувашей

шей и удмуртов вглубь башкирских земель. Их потомки пребывают в подобном состоянии поныне.

На Южном Урале в то время был замечен еще один экзотический для региона компонент — описанные рядом исследователей (Рычков, Георги и др.) «азиатцы», появившиеся здесь из Средней Азии — персы, арабы, бухарцы, бадахшанцы, афганцы, талыши и др. Это в основном свободные торговцы или бежавшие из казахского плена. Многие из них впоследствии были ассимилированы местными татарами. Небольшая часть (около 60 человек) приняли христианство и были расселены среди казаков-нагайбаков.

К середине XIX в. этнографическая карта Южного Приуралья существенно изменилась. Конфигурация расселения народов почти соответствовала современной. Среди татар, башкир и русских возникли новые идентичности — кряшены, нагайбаки, тептяри, татары-казаки, казаки Башкиро-мещеряцкого войска, русские казаки Оренбургского войска. Часть казахов Южного Зауралья, не пожелав отселиться в Тургайскую степь, перешла на оседлость, поселившись рядом с русскими. Эту группу казахов называли «прилинейными». В XX в. их потомки вошли в состав РСФСР, а с 1991 г. — в состав Российской Федерации, усвоив и транслируя российскую политическую идентичность [13, с. 266].

Решение проблем государственной безопасности в приграничном регионе и дизайн социальной среды на вновь присоединенных к государству территориях решались методами принудительной христианизации, насильственных или регулируемых добровольных переселений, а также вовлечения «инородцев» в российскую сословно-классовую структуру. Все это должно было привести к уменьшению или стиранию этнокультурных различий между ними, культурному сближению их с русскими. Однако на самом деле это привело не к упрощению, а к усложнению этнического состава населения в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Преображенский, А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. [Текст] / А.А. Преображенский. — М.: Наука, 1972. — 392 с.
2. Преображенский, А.А. История Урала с древнейших времен до 1861 г. [Текст] / А.А. Преображенский. — М.: Наука, 1989. — 608 с.
3. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней [Текст]: в 2 т. Т. I. История Башкортостана с древнейших вре-

мён до конца XIX века. / И.Г. Акманов, Н.М. Кулбахтин, А.З. Асфандиаров и др.; под ред. И.Г. Акманова — Уфа: Китап, 2007. — 488 с.

4. **Попов, Н. В.Н.** Татищев и его время [Текст] / Н.А. Попов. — М.: Тип. В. Грачева, 1861. — 804 с.

5. **Рычков, П.И.** История Оренбургская (1730–1750) [Текст] / П.И. Рычков; Оренбургский губ. стат. комитет; под ред. и с примеч. Н.М. Гутьяра. — Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. — 95 с.

6. **Стариков, Ф.М.** Откуда взялись казаки [Текст]: ист. очерк / Сост. войск. старшина Ф.М. Стариков. — Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1881. — 263 с.

7. **Добросмыслов, А.И.** Материалы по истории России: сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1735 и 1736 годы [Текст] / По архивным документам Тургайского областного правления сост. А.И. Добросмыслов. — Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. — Т. II. — 279 с.

8. **Рычков, П.И.** Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Акад. наук кор. Петром Рычковым [Текст] / П.И. Рычков. — СПб.: Императорская Академия наук, 1762. — Ч. II. — 262 с.

9. **Никольский, А.И., Чернощек Н.А.** Воинская повинность казачьих войск [Текст]: ист. очерк / сост.: подполк. А.И. Никольский и коллеж. советник Н.А. Чернощек // Столетие военного министерства 1802–1902 / Гл. ред. генерал-лейтенант Д.А. Скалон. — СПб.: Тип. тов-ва М.О. Вольф, 1907. — Т. XI. — Ч. 3. — 683 с.

10. **Воробьев, Н.И.** Кряшены и татары: некоторые данные по сравнительной характеристике быта [Текст] / Н.И. Воробьев // Труд и хозяйство. — 1929. — № 5.

11. **Ягафова, Е.А.** Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX века [Текст] / Е.А. Ягафова // Этнографическое обозрение. — 2007. — № 4. — С. 101–117.

12. **Багин, С.А.** Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и причинах этого печального явления [Текст] / свящ. С. Багин // Православный собеседник. — 1910. — № 1. — С. 119.

13. **Атнагулов, И.Р.** Казахи Челябинской области [Текст]: краткая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтничном окружении) / И.Р. Атнагулов // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2017. — № 1. — С. 260–268.

I.R. Atnagulov

Turkic-Slavic Contacts and their Results in the Context of Russian Colonization of the Southern Urals in the XVIII – mid XIX century

Atnagulov Irek Ravilyevich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Center of Ethnic History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: i.atnagulov@mail.ru.

Abstract. The construction of Russian society took place with close Slavic-Turkic contacts. In the XVI century, the Turkic component in the country increased. There was a problem of creating a population loyal to the regime, which was solved by Christianization, class building, etc. The result was a complication of the ethnic picture. New identities emerged — Kryashens, Nagaibaks, Bobyls, Teptyars, Cossacks (Russians, Tatars, Bashkirs, Kalmyks), and «Transline» Kazakhs who settled down.

Keywords: the South Urals, ethnic history, ethnic contacts, new identities.

УДК 94(470)«17/19»

К.И. ЗУБКОВ¹

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗОНЕ СТЕПНОГО ФРОНТИРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ²

Аннотация. В статье расширение ареала русской колонизации на степную зону Евразии анализируется сквозь призму не только конфликта, но и сложного взаимодействия оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций. Выявлены особенности политических, административных и социально-культурных практик, направленных на «замирение» степного фронта юга Урала и Сибири и его интеграцию в состав Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, колонизация, степной фронт, цивилизация, взаимодействие, интеграция.

¹ Зубков Константин Иванович, канд. ист. наук, заведующий Центром методологии и историографии, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

В постсоветской историографии в 1990-е – начале 2000-х гг. русская колонизация восточных частей страны стала анализироваться в терминах понятия «фронтир», что отражало стремление историков расширить горизонт осмысления колониационного опыта Российской империи путем нахождения параллельных, общих черт с аналогичным опытом других крупных государств, прежде всего североамериканских (США, Канада) [1, с. 68–70]. Это на время стало основной тенденцией в изучении российского фронта, заслонившей собой другую важную научную задачу — выявление его исторической специфики и объяснение природы его отличий от фронта американского.

Как показывает изучение наиболее сложного и бурного периода русской колонизации — XVII–XVIII вв., эти отличия обнаруживаются уже в самом географическом рисунке русской колонизации. Ускоренным темпом продвигаясь к Тихому океану, она в то же время упорно тяготела и прорывалась к югу — в лесостепную и степную зону Урала и Сибири. Это вызывалось необходимостью распространения местного хлебопашества, получения более удобных подступов к освоению горных богатств (на Урале и Алтае), освоения кратчайших и удобных коммуникаций (вроде «старой» Казанской дороги) — не только для поддержания связей внутри колонизируемого пространства, но и для развития внешней торговли (в первую очередь, с государствами Средней Азии и Китаем). Таким образом, наблюдая высочайшие темпы продвижения русской колонизации с запада на восток — в пределах северной лесотундровой и таежной зоны, мы одновременно можем говорить о не менее выраженной динамике ее постоянного склонения, под прикрытием этого геополитического «навеса», с севера на юг — в лесостепные и степные пространства [2, с. 27]. Такая динамика существенно отличала российский фронтир от траектории его классического аналога, известного нам из истории освоения американского Запада.

Не менее специфичен был и сам характер русской колонизации. Вместо фронтального столкновения разностадиальных, сильно дистанцированных друг от друга цивилизаций, вместо методичного наступления агрессивных переселенцев на не имеющие «активного хозяина» (а потому считавшиеся как бы ничейными) туземные территории (как это было в США) в российском случае мы наблюдаем нечто иное — существенную зависимость самого хода и прогресса хозяйственной колонизации от целой системы факторов, в которых переплетались военная стратегия и тактика, внешняя поли-

тика и дипломатия, торговля и культурные заимствования [3, с. 11]. Степная зона Евразии являлась фокусом, в котором концентрировались наиболее интенсивные и драматичные процессы взаимодействия между русской, преимущественно оседло-земледельческой цивилизацией и различными этнополитическими — иногда очень сложными и «многослойными» — ансамблями, представлявшими кочевнический тип цивилизации. Заселение и освоение русскими этих территорий долгое время (вплоть до начала XVIII в.) сдерживались упорным сопротивлением со стороны воинственных кочевников, вследствие чего завоевательный аспект колонизации приобретал особое значение. Это в свое время дало основание В.П. Семёнову-Тян-Шанскому при выделении самых заметных черт русской колонизации подчеркнуть ее «несколько военно-мобилизационный характер», находящийся «в зависимости от безопасности границ на том или другом фронте» [4, с. 455]. Именно на юге Урала и Сибири в течение XVII и значительной части XVIII столетия сопротивление русской колонизации принимало характер серьезных и затяжных военных кампаний. Без малого столетие (до 1680-х гг.) продолжалась борьба с набегами Кучумовичей, чье стремление к династическому реваншу служило инспирацией для комбинированного натиска разных групп номадов (татар, башкир, казахов, калмыков, ногаев и др.) на русские города и слободы [5, с. 121–122]. В 90-х гг. XVII в. Кучумовичей в качестве главной опустошительной силы сменил другой кочевнический альянс — «воинские люди Казачьи орды (т.е. казахи. — К.З.), татара и каракалпаки» [6, с. 285, 287]. С 60-х гг. XVII в. по 70-е гг. XVIII в. основы стабильной русской власти на Урале с определенной периодичностью потрясли крупные вооруженные восстания башкир. Ожесточенный характер носили с 60-х гг. XVII в. на юге Сибири войны с енисейскими кыргызами, которые, выступая авангардом экспансии джунгар, были уведены последними в свои владения в 1703 г. [7, с. 232].

Нельзя, однако, сбрасывать со счетов то, что этот сугубо милитарный контекст отношений на каждом шагу сопровождался также и процессами взаимодействия и взаимопроникновения цивилизаций. Невозможно перечислить все факты культурных и хозяйственных заимствований между русскими и кочевниками урало-сибирских степей (особенно там, где русские казацкие аванпосты непосредственно соприкасались с ареалами кочевания степняков). Этот многоликий культурно-антропологический аспект взаимодействия цивилизаций подлежит детальному изучению, однако в качестве

подступа к нему важно выделить принципиальные структурные основы этих процессов.

Русский историк Д.А. Корсаков, мысля русскую колонизацию восточных окраин как выражение победы Европы над Азией, «арийского» племени над «финско-туранским», в то же время отмечал: «Культура наша бедна сравнительно с богатыми цивилизациями древнего мира — греческой и римской и с цивилизацией современных нам западно-европейских народов; <...> мы не в состоянии развить в Азии той высокой цивилизации, какую создало англо-саксонское племя в за-атлантическом материке, на берегах Миссури и Миссисипи...» А потому Россия, делает вывод историк, не может вполне покорить «инородцев» цивилизационно, но может воздействовать на них, скорее, медленным научением тому, в чем сама уже преуспела, — постепенно распространяя основы гражданственности, православие, культуру оседлости и земледелия [8, с. 49].

Возможно, непроизвольно, Д.А. Корсаков сделал очень важный методологический вывод, подчеркнув, что дистанция различий с покоренными народами и собственный уровень цивилизации у России еще очень малы, чтобы она могла полностью восторжествовать над чуждыми цивилизациями. На это во многом указывает и сам характер присоединения Урала и Сибири к Русскому государству. Помимо завоевания, мы обнаруживаем в нем также довольно плавное вхождение Русского государства в обладание урало-сибирскими территориями, своего рода эффект «замещения» суверена. Стоит вспомнить, например, что, как символическое выражение подданства, русская власть практически без изменений сохранила ясак — традиционный даннический институт сибирских народов, проводя при этом довольно мягкую политику интеграции правящих элит коренных народов в сословную иерархию Русского государства. Неслучайно Сибирь долгое время именовалось в официальных документах «царством», а сибирские царицы (с 1718 г. — князя Сибирские) при русском дворе составляли особый ранг в иерархии аристократических родов [9, с. 40–41]. Фактически не было попыток форсированно распространить на восточные регионы социально-сословную структуру центра страны. По многим признакам, Русское государство, расширяя посредством «шертования» (принятия присяги) круг подвластных народов и удовлетворяясь подчас лишь формальным выражением подданства, предпочитало не разрушать традиционные инородческие институты, а интегрировать их в свою сложную властно-политическую структуру. Интересно, что в 1597 г.

царь Федор Иванович даже великодушно предлагал бежавшему в степи Кучуму «быти на прежнем своем юрте в Сибири», «на Сибирской з(емле) Царем» [10, с. 133–134]. Возникает естественный вопрос: что было бы, если бы Кучум принес покорность русскому государю, и если Кучуму даровано сохранить свое царское достоинство, то как в этом случае именовать стоящего над ним сюзерена? Ответ, вероятно, заключается в том, что уже во второй половине XVI в. — после завоевания поволжских ханств и покорения Сибири — Россия фактически превращается в универсальную империю. Самодержавная власть русских государей настолько широко и многолико проецирует себя на вновь приобретенные территории, настолько возвышается над покоренными царствами и народами, что ее исходная этнополитическая принадлежность как бы сглаживается. В известной монографии В.В. Трепавлова убедительно показано, что персонификация русского государя в образе «Белого Царя» не только служила символически-сакральным выражением его неоспоримой универсальной власти, но и необходимым инструментом практического управления сложным конгломератом народов, вошедших в состав России [11].

Исторически сформировавшись на стыке цивилизаций Запада и Востока, Российская империя, по мнению Д. Ливена, сама стала, в каком-то смысле, феноменом «пограничности», обрела уникальную дуалистическую, но тем не менее вполне органичную — западно-восточную сущность [12, р. 163, 164]. Эта империя-гибрид гибко сочетала в себе приверженность традиционалистским социально-управленческим практикам и восприимчивость к импульсам модернизации. Эта политико-управленческая гибкость особенно ярко проявлялась на степном пограничье Урала и Сибири. Приобретая лояльность местного нерусского населения неприкосновенностью их традиционного хозяйственно-бытового уклада и социальных институтов, охранением их вотчинных прав и других пожалований, русское правительство одновременно мягко, но последовательно трансформировало сложившуюся в степном пограничье этносоциальную структуру в нужном для государства направлении — например, активно привлекая отдельные контингенты кочевых народов к несению военной службы (в качестве подразделений иррегулярной конницы, в составе гарнизонов урало-сибирских городов и для охраны пограничных укрепленных линий) и выполнению других служебных функций — в роли толмачей, гонцов, послов и посредников в отношениях с сородичами и другими степными народами. В составе

гарнизонов Тюмени, Тобольска, Тары и других сибирских городов, составляя до трети их численности, вплоть до начала XVIII в. повсеместно упоминаются служилые «юртовские татары», получавшие за свою службу хлебное и денежное жалованье, освобождение от ясачной повинности, гарантии земельных прав [13, с. 61–62]. Благодаря воинской выучке и мобильности, знанию реалий и обычаев степи, контингенты служилых татар не только серьезно усиливали военную оборону урало-сибирских уездов, но и обеспечивали сводным военным силам русской администрации возможность совершать далекие походы в степь (длившиеся иногда до нескольких недель) в погоне за неприятелем или в превентивных целях. Служилые татары Тюмени и Тобольска часто перебрасывались для выполнения оборонных задач и на окраины, удаленные от места их службы (например, участие тюменских татар в поставлении Кузнецкого острога в 1618 г. или включение служилых татар Тобольска в состав русских сил, направленных в 1682 г. из Томска против «кыргызы, которые великому государю изменили и отъехали») [6, с. 194, 216, 230]. Аккультурации и закреплению степняков в новом социальном статусе в сильнейшей степени способствовало достигаемое пожалованиями и подарками обращение части их в православие, которое для «новокрещен» часто являлось и условием успешного продвижения по службе [14, с. 33–34].

Эти механизмы интеграции далеко не всегда вели к ассимиляции тюркского населения пограничья; напротив, в течение XVIII в. наблюдалась тенденция образования на основе его привлечения к военной службе новых, более дробных и институционально обособляемых, этносословных групп (мишари, тептяри, татары-казаки, нагайбаки). Перевод в военно-казачье сословие (со всеми вытекающими из этого пожалованиями и особыми правами) зачастую представлял как вознаграждение за верность правительству и являлся частью имперской политики «разделяй и властвуй», что хорошо видно из содержания указа Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., изданного в разгар крупнейшего башкирского восстания 1735–1740 гг. [15, с. 741–745]. В 1798 г. для повышения эффективности пограничной службы на Оренбургской линии на положение военно-казачьего сословия были переведены башкиры [16, с. 189–197]. Учреждение особого Башкирско-Мещеряцкого войска с жесткой кантонной системой управления, усиливая административный контроль за беспокойными башкирскими землями и ограничивая свободу передвижения в их пределах, создавало импульсы к трансформации

хозяйства башкир в сторону оседлости и способствовало дальнейшей интеграции Башкирии в общероссийскую систему управления. Таким образом, можно сделать вывод, что институт государственной военной службы в степном пограничье выступал эффективным инструментом интеграции его отдельных этнических компонентов в имперский социум и стимулировал интенсивные межкультурные взаимодействия.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о функциональном назначении системы укрепленных линий, которая поэтапно создавалась в XVII – первой половине XIX вв. в степном пограничье Урала и Западной Сибири. Их функция не сводилась только к защите хозяйственно осваиваемого ареала русской колонизации от набегов кочевников. Многие укрепленные линии создавались вдоль речных магистралей, которые со времен Ермака являлись основными путями проникновения русских военных сил вглубь степных территорий. Этому принципу, в частности, подчинялось создание Иртышской линии крепостей, начало которой было положено походом отряда И.Д. Бухгольца к Ямышевскому озеру в 1715–1716 гг. Эта линия, опорную систему которой составили Омская (1716), Железинская, Семипалатинская (1718) и Усть-Каменогорская (1720) крепости [17, с. 99, 107–108, 113, 122], не только защищала юг Западной Сибири от набегов кочевников, но и осуществляла эффективное разделение кочевий казахов и осуществлявших экспансию на их земли джунгар, позволяя русской администрации управлять взаимоотношениями обеих групп номадов в этой части степи [18, с. 84–86]. Подобную многофункциональную роль выполняли и другие укрепленные линии. Например, построенная в 1736 г. полковником А.И. Тевкелевым Челябинская крепость, которая в системе с Миасской и Чебаркульской крепостями должна была служить защите хлебных обозов, направляемых из Теченской слободы на Оренбург, от мародерства восставших башкир, одновременно являлась важным узлом системы укреплений, отделявших с востока и юга башкирские земли от грабительских набегов со стороны казахов [2, с. 34]. Функция дробления сплошных номадических массивов с целью ограничения внутри них конфликтности и приведения кочевнической стихии к «замирению» являлась одной из важнейших в расчетах русской администрации. Создание подобных разделительных барьеров становилось эффективным инструментом управления отношениями властных элит и внутри отдельных номадических этносов. Иллюстрацией

этого могут служить обстоятельства создания в 1801 г. казахской Внутренней (Букеевской) орды. Для того чтобы предотвратить междоусобную династическую войну между сыновьями умершего хана Младшего жуза Нурали за власть, русская администрация предложила младшему сыну Букею перекочевать с 5 тыс. кибиток на правобережье р. Урал, где оставались пустующие земли после ухода части калмыков в 1771 г. в западную Монголию. При этом расположенные по реке форпосты Уральского казачьего войска осуществляли жесткий контроль за перемещениями казахских родов по обе ее стороны, предотвращая между ними споры и столкновения [19, с. 131–132]. Политика разделения сплошных номадических массивов на отдельные поддающиеся контролю фрагменты имела далеко идущие позитивные последствия, поскольку, стесняя свободу передвижения кочевников и ограничивая тем самым их хищнические инстинкты, она создавала стимулы к трансформации номадического хозяйства в направлении большей интенсификации и коммерчески-ориентированной специализации, включения во взаимовыгодные торговые связи с русскими поселениями, а также к постепенному переходу кочевников на оседлые занятия.

Всё вышесказанное позволяет говорить о целесообразности постановки вопроса о специфической евразийской модели этнокультурных взаимодействий, состоявшей в постепенной, медленной «притирке» разноцивилизационных элементов друг другу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Зубков, К.И.** *Фронтир как исследовательская парадигма* [Текст] / К.И. Зубков // *Урал. ист. вестник*. — 2018. — № 4 (61). — С. 63–71.
2. **Алексеев, В.В., Алексеева, Е.В., Зубков, К.И., Побережников, И.В.** *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века* [Текст]: [монография] / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. — М.: Наука, 2004. — 600 с.
3. **Зубков, К.И., Шумкин, Г.Н.** *Степная граница Евразии: опыт макроисторической реконструкции* [Текст] / К.И. Зубков, Г.Н. Шумкин // *Урал. ист. вестник*. — 2019. — № 3 (64). — С. 6–14.
4. **Семенов-Тянь-Шанский, В.П.** *О могущественном территориальном владении применительно к России* [Текст]: *Очерк по полит. географии: [Доложен Отд. физ. геогр. в 1912 г., поправки и доп. 1915 г.]* / В. Семенов-Тянь-Шанский // *Известия Императорского Географического Общества*. — 1915. — Т. LI. — С. 425–457.

5. **Трепавлов, В.В.** *Сибирский юрт после Ермака* [Текст]: *Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш* / В.В. Трепавлов. — М.: Вост. лит., 2012. — 231 с.
6. *Полное собрание русских летописей* [Текст] = 1962– / АН СССР, *Ин-т истории СССР*.
Т. 36: *Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи* / Сиб. отд-ние АН СССР, *Ин-т истории, филологии и философии*; [подгот. В.Н. Алексеевым и др.; предисл. Н.Н. Покровского, Е. К. Ромодановской]; отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. — Наука, 1987. — 382 с.
7. *Памятники Сибирской истории XVIII века* [Текст]: в 2 кн. Кн. 1. / [Ред. А.И. Тимофеев]. — Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1882–1885. — 551, XXXIV с.
8. **Корсаков, Д.А.** *Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток* [Текст]: *Речь, произнесенная в торжественном соборании Императорского Казанского университета 5 ноября 1889 г.*, орд. проф. русской истории Д.А. Корсаковым / Д.А. Корсаков. — Казань: Тип. Императорского университета, 1889. — 50 с.
9. **Любимов, С.В.** *Титулованные роды Российской империи* [Текст]: *опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем* [Текст]: в 2 т. Т. 1 / Сергей Васильевич Любимов [на титуле указано С. Васильевич]. — СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. — VIII, 296 с.
10. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел* [Текст]: в 4 ч. Ч. 2. — М.: Тип. Селивановского, 1819. — VIII, 610 с.
11. **Трепавлов, В.В.** «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. [Текст] / В.В. Трепавлов. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. — 320 с.
12. **Lieven, D.** *Dilemmas of Empire 1850–1918* [Text]: *Power, Territory, Identity* / D. Lieven // *Journal of Contemporary History*. — 1999. — Vol. 34, No. 2. — P. 163–200.
13. **Зуев, А.С., Люцидарская, А.А.** *Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века* [Текст] / А.С. Зуев, А.А. Люцидарская // *Вестн. Новосибирского гос. ун-та*. — Серия: *История, филология*. — 2010. — Т. 9. — Вып. 1: *История*. — С. 52–69.
14. **Люцидарская, А.А.** *Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России* [Текст] / А.А. Люцидарская //

Вестн. Новосиб. гос. ун-та. — Серия: История, филология. — 2014. — Т. 13, Вып. 1: История. — С. 33–41.

15. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. IX. 1733–1736 гг. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — 1016 с.

16. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. XXV. 1798–1799 гг. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — 932 с.

17. Миллер, Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии [Текст] / Г.Ф. Миллер // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие: январь, февраль 1760 года. — СПб.: Имп. Акад. Наук, 1760. — С. 99–136.

18. Касымбаев, Ж.К., Мухамедьяров, Ш.Ф. Верхнеиртышские укрепления в системе международных отношений в Центральной Азии: вторая половина XVIII в. [Текст] / Ж.К. Касымбаев, Ш.Ф. Мухамедьяров // Из истории международных отношений в Центральной Азии: средние века и новое время. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — С. 83–92.

19. Ханыков, Я.В. Очерк состояния внутренней Киргизской орды в 1841 году [Текст] / Я.В. Ханыков // Записки Русского Географического О-ва. — СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1849. — Кн. I и II. — С. 121–148.

K.I. Zubkov

Interaction Between Civilizations in the Steppe Frontier Zone of the Russian Empire

Zubkov Konstantin Ivanovich, Candidate of Sciences in History, Head of the Centre of Methodology and Historiography, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

Abstract. The article gives the analysis of extending area of the Russian colonization in terms of not only conflict, but also the complicated interaction of the settled agricultural and nomadic civilizations. In the focus of the analysis, there are characteristic features of political, administrative, and socio-cultural practices aimed at 'pacification' of the Ural-Siberian steppe frontier and its integration into the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, colonization, steppe frontier, civilization, interaction, integration.

УДК 63.3 (470.5)

Е.А. КУРЛАЕВ¹

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ УРАЛА: о статистике производства боеприпасов²

Аннотация. В историографии сложились мифы, преувеличивающие значение уральской военной промышленности в Северной войне. В докладе приведены новые статистические данные производства боеприпасов на Урале.

Ключевые слова: промышленность Урала, XVIII век, производство боеприпасов, статистика.

Истории возникновения уральской промышленности посвящено немало трудов. В военный и послевоенный период предпринимались попытки объяснения феномена взлета уральской промышленности в Петровскую эпоху. В это время историки более активно работали с первоисточниками, выявив несколько ценных документов о производительности первых заводов. В угоду политической конъюнктуре в общественном сознании утверждались мифы, преувеличивающие значение уральской военной промышленности в Северной войне. Одной из причин мифотворчества было и отсутствие постоянных исследований в архивохранилищах страны.

Первый миф убеждал в том, что прибытие в центр страны первого каравана с оружием в самый острый момент борьбы за балтийское побережье было результатом продуманной, дальновидной стратегической и геополитической линии Петра I и российского правительства, направленной на создание на востоке страны, в глубоком тылу, мощного военно-промышленного района. А царские указы 1697 г., о выборе мест и начале строительства заводов на Урале появились будто бы в преддверии надвигавшейся большой войны со Швецией. Вторым мифом убеждал нас о большой роли уральской артиллерии в Северной войне, третий — об участии каменных пушек в Полтавской битве. И, наконец, четвертый — о производстве на Урале миллиона штук артиллерийских боеприпасов.

¹ Курлаев Евгений Анатольевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: kurlaev@el.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00611А.

Рассмотрим производство артиллерийских боеприпасов на уральских заводах в рамках государственной политики в период Северной войны. С ее началом большая часть продукции уральских заводов отправлялась на западный театр военных действий. При передаче Невьянского завода Н.Д. Демидову предписывалось продолжать «...ставить с тех заводов в его в.г. казну на всякие обиходы воинские припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранаты...», а также чугун и железо. Низкое качество военной продукции и сложность ее доставки в центр привели к изменениям в правительственной политике. Указ из столицы от 19 января 1705 г. запрещал изготовление здесь чугунных орудий. Указ, последовавший 28 января 1710 г., запрещал на четырех уральских заводах лить и снаряды. Про Демидовых, кроме того, было сказано особо: «...впредь за привозные литые воинские припасы денег из казны давать не велено». Тем не менее в течение первых десятилетий XVIII в. уральские заводы эпизодически производили боеприпасы наряду с другой военной продукцией. А вот какую продукцию, куда и сколько — попытаемся выяснить. Откуда же появился миллион штук артиллерийских снарядов, изготовленных на уральских заводах?

Ошибкой, по нашему мнению, стало сведение данных об артиллерийских боеприпасах и ручных гранатах в одно число [1, с. 441–449; 2, с. 195, 197; 3, с. 429–430; 4, с. 391; 5, с. 309]. Некорректность при подсчетах сделала легенды и вымысел историческими постоянными. Ручные гранаты, признанные артиллерийским боеприпасом, и картечь, посчитанная поштучно, стали убедительными аргументами производственной мощи Урала. «За годы войны Урал произвел... свыше 1 миллиона штук снарядов — ядер, бомб, гранат, картечи» [6, с. 126]. Цифра впечатляет, но и здесь автор раздела не удосужился проверить, что среди этого огромного количества основное место занимают ручные гранаты и картечь. В таком случае в число артиллерийских боеприпасов в период Великой Отечественной войны следовало бы включить ручные гранаты Ф-1 «лимонки», а также посчитать поштучно картечные и шрапнельные пули из картечных снарядов.

Для стрельбы из гладкоствольных пушек использовали пушечные ядра — литые монолитные чугунные шары равные диаметру канала ствола. Пустотелые литые разрывные артиллерийские снаряды более 1 пуда назывались бомбами, а менее — гранатами. Картечь также имела шарообразную форму, отливалась из чугуна, но имела диаметр значительно меньший калибра пушечного ствола

и предназначалась для стрельбы прямой наводкой по пехоте и коннице. Она могла быть согласованной, т. е. кратной диаметру ствола, или несогласованной (картечные пули, начинка для картечных снарядов). Так, одна картечина для 3-фунтовой пушки весила всего 130 граммов. Отметим, что отлитые на Урале гранаты не зря назывались «ручными». Они предназначались не для артиллерии, а для гренадеров, которые метали их руками и использовали ручные мортирки с ружейным замком и расширением («котлом») на конце ствола. В качестве мортирок применялись и мушкеты со съёмным «котлом» [7, с. 84–126].

По нашим предварительным расчетам на Урале в первой четверти XVIII в. было произведено следующее количество артиллерийских снарядов, картечи и ручных гранат.

Таблица 1

Производство артиллерийских боеприпасов и ручных гранат на Каменском заводе¹

год	ядра ²		бомбы ³		картечь ⁴		ручные гранаты ⁵	
	вес	кол-во	вес	кол-во	вес	кол-во	вес	кол-во
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1703	507	1690 (12 ф)	42,5	19 (2 п)	6	1500		
	24	136 (6 ф)	8,5	29 (г)	2	900 (3 ф)		
	9	120 (3 ф)			16	2000 (8 ф)		
					40	2640 (18 ф)		
1705			1482	741 (2 п)			174	3706 (2 ф)
			1608	536 (3 п)				

1 При составлении таблиц использованы данные из фондов РГАДА [8] и ГАСО [9]. Вес продукции указан в пудах.

2 В скобках указан калибр боеприпаса в фунтах.

3 В скобках указан калибр боеприпаса в пудах – (п), фунтах – (ф), буквой «г» обозначены гаубичные бомбы.

4 В скобках указан калибр орудий, для которых предназначалась картечь.

5 В скобках указан вес гранат в фунтах.

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1706			2244	1122 (2 п)			231	4627 (2 ф)
			2835	945 (3 п)				
1707			3538	1769 (2 п)			267	5380 (2 ф)
			5574	1858 (3 п)				
1708	208	2777 (3 ф)	1940	970 (2 п)	36	7672 (разных калибров)	65	1314 (2 ф)
			1038	3114 (3 п)				
1715	500	3575 (6 ф)	731	731 (1 п)	10	1460 мелк.	187	1250 (6 ф)
	102	1360 (3 ф)			8	1800 (6 ф)		
					5	1500 (3 ф)		
1716	810	10805 (3 ф)	234	234 (1 п)		3895 разн.		
	415	2700 (6 ф)			51	18530 (3 ф)		
					29	7200 (6 ф)		
1719	319	2205 (6 ф)	410	1000 (г)	24	8240 (6 ф)	16	370 (2 ф)
	24	300 (2 ф)	90	1000 (6 ф)	43	Дробь фузейная		
Итого	2918	25688	21775	14068	314	59713	940	16647

Таблица 2

**Производство артиллерийских боеприпасов и ручных гранат
на Невьянском заводе**

год	ядра		бомбы		картечь		ручные гранаты	
	вес	кол-во	вес	кол-во	вес	кол-во	вес	кол-во
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1703	2700	6000 (18)						
	756	2520 (12)						

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1704	900	3000	2625	875 (3 п)			150	3000
			1008	112 (9 п)				
1705	2010	5360 (12, 18)	7938	2646 (3 п)			500	10000
1706			198	22 (9 п)	9	1230	2240	44800
			19635	6546 (3 п)				
			968	484 (2 п)				
1707			3000	1000 (3 п)				
1708	106	350 (разных калиб- ров)			1238	150000	6671	133434 (2 ф)
1709	1488	3970 (12, 18)			1,5	200	5545	110900
1710							9750	195000
1711							9900	198000
1712							5500	110000
1717			11426	3809 (3 п)				
1718							5000	100000
1725	3010	8027 (12, 18)	3450	1150 (3 п)				
Итого	10970	29227	50248	16644	1248,5	151430	45256	905134

Таблица 3

Производство артиллерийских боеприпасов и ручных гранат на Уктусском и Алапаевском заводах

год	ядра		бомбы		картечь		ручные гранаты	
	вес	кол-во	вес	кол-во	вес	кол-во	вес	кол-во
Уктусский завод								
1706			639	213 (3 п)			110	2200 (2 ф)
			580	290 (2 п)				
1707			279	93 (3 п)				
			250	125 (2 п)				
1708			594	198 (3 п)				
			612	306 (2 п)				
1715	507	3380 (6 ф)	740	740 (1 п)				
	228	3040 (3 ф)						
	270	900 (12 ф)						
Итого	1005	7320	3694	1965			110	2200
Алапаевский завод								
1720	357	2380 (6 ф)	500	500 (1 п)	428	11720 (3 ф)		
	5,25	210 (1 ф)	128,5	857 (6 ф)				
1723			46	46 (1 п)				
1724			12908	12908 (1 п)				
Итого	362,25	2590	13582,5	14311	428	11720		

В первой четверти XVIII в. боеприпасы производились: на Каменском заводе в 1703, 1705–1708, 1715–1719 гг.; на Невьянском заводе

в 1703–1712, 1717–1718, 1725 гг.; на Уктусском заводе в 1706–1708, 1715 гг.; на Алапаевском заводе в 1720, 1723–1724 гг.¹ Боеприпасы с казенных заводов (Каменского, Алапаевского, Уктусского) со времени начала их производства и до 1708 г. отпускались для войны со Швецией. Позже на Каменском (в 1715, 1716, 1719 гг.), на Уктусском (в 1715 г.) и на Алапаевском (в 1720 г.) заводах снаряды изготовляли для «Ямышевского похода» — экспедиции под руководством подполковника И.Д. Бухольца, отправленного с отрядом для поиска золотых россыпей к оз. Ямыш и в верховья Иртыша, и экспедиции к оз. Зайсан. Все снаряды с Невьянского завода отправляли на западный фронт.

Таблица 4

Итоговая таблица производства ядер, бомб, картечи и ручных гранат на уральских заводах в первой четверти XVIII в.

завод	Ядра, бомбы, шт.	Картечь, шт.	Ручные гранаты, шт.
Каменский	39756	59713	16647
Невьянский	45871	151430	905134
Алапаевский	16901	11720	–
Уктусский	9285	–	2200
Итого	111813	222863	923981

По нашему мнению более объективно разделить произведенные на Урале боеприпасы на три категории: артиллерийские ядра и бомбы, картечь и ручные гранаты. Их изготовление и отправка на западный фронт были вынужденными шагами в критический период военных действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Струмилин, С. Г.** *История черной металлургии в СССР [Текст]. Т. 1: Феодалный период: 1500–1860 гг. / С.Г. Струмилин. — М., 1954.*
2. **Павленко, Н.И.** *Продукция уральской металлургии в начале XVIII в. [Текст] / Н.И. Павленко // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: сб. статей. — М., 1959. — С. 193–198.*

¹ В 1718 г. Алапаевский завод сгорел, сгорела и заводская документация. Поэтому до 1718 г. сохранились только отрывочные сведения об отправленной с завода продукции.

3. **Гаврилов, Д.В., Алексеев В.В.** Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. [Текст] / Д.В. Гаврилов, В.В. Алексеев; ин-т истории и археологии УрО РАН, Уральский гос. техн. ун-т. — Екатеринбург, 2005. — 616 с.

4. **Гаврилов, Д.В.** Сложная судьба первенца уральской металлургии: Невьянский металлургический и механический завод в XVIII–XX вв. [Текст] / Д.В. Гаврилов // В. Н. Татищев и культурное наследие Урала в исторической динамике: Седьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения, Екатеринбург, 17–18 апреля 2008 г. — Екатеринбург, 2008. — С. 389–401.

5. **Алексеев, В.В., Гаврилов, Д.В.** Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней [Текст] / В. В. Алексеев, Д. В. Гаврилов. — М.: Наука, 2008. — 886 с.

6. **Щит и меч Отчизны: Оружие Урала с древнейших времен до наших дней** [Текст] / гл. ред. д-р. ист. наук А.В. Сперанский. — Екатеринбург, 2008. — 466 с.

7. **Шаменков, С.И.** Гренадеры шведской армии Карла XII: обмундирование, снаряжение, вооружение [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники [сайт]. — 2012. — URL: http://www.milhist.info/2012/08/22/shamenkov_1/ (дата обращения 14.01.2020).

8. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 843.

9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222.

Eugene A. Kurlaev

Industrial Development of the Urals: on Statistics on the Production of Ammunition

Eugene A. Kurlaev, Candidate of Science in History, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: kurlaev@el.ru.

Abstract. In historiography, myths have developed that exaggerate the importance of the Ural military industry in the Northern War. The report provides new statistics on the production of ammunition in the Urals.

Keywords: Industry of the Urals, XVIII century, ammunition production, statistics.

УДК 94(470.5)

Д.А. ЛОБАНОВ¹

СУДЬБЫ ОФИЦЕРОВ ТОБОЛЬСКОГО ГАРНИЗОННОГО КОМАНДИРОВАННОГО ПОЛКА, УЧАСТНИКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА ЕКАТЕРИНБУРГА²

Аннотация. В статье приводятся данные о происхождении и службе офицеров Тобольского полка, принимавших участие в строительстве Екатеринбурга в 1723 г. Автор констатирует иностранное происхождение большинства их, а также участие в Северной войне на стороне Швеции, пленение и переход на русскую службу. Основным использованным автором источник — «Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Гарнизонные войска».

Ключевые слова: Урал, Сибирь, XVIII век, шведские пленники, строительство Екатеринбурга.

В феврале 1723 г. из Тобольска на Уктусский завод была отправлена первая воинская команда Тобольского гарнизона. Основанием для отправки стала «Инструкция генерал-майору Генингу об исправлении медных и железных заводов» от 29 апреля 1722 г. В частности, в ней говорилось: «На первое время для строения и работ на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от Губернаторов и воевод» [1, с. 667].

Последовательно в марте и мае 1723 г. в распоряжение главного командира сибирских заводов прибыли два батальона Тобольского гарнизонного полка в составе 7 солдатских и 1 гренадерской роты, общей численностью 1090 чел [2, 3]. Прибывшие роты, по нашим данным, были объединены в подразделение, названное Тобольским гарнизонным командированным полком. В задачу ему вменялось строительство Екатеринбургской крепости и охрана строившихся горных заводов от возможных набегов кочевников.

Офицерский состав полка вряд ли можно назвать типичным для русской армии 1720-х гг., но именно это и представляет для нас интерес. Основную часть офицеров полка составляли пленники швед-

¹ Лобанов Дмитрий Алексеевич, главный научный сотрудник отдела истории ГКБУК «Пермский краеведческий музей», г. Пермь; e-mail: dm_loban@mail.ru.

² Автор благодарит за консультацию екатеринбургского историка Н.С. Корепанова.

ской армии, в силу разных причин оставшиеся на службе в России по завершении Северной войны.

Как известно, в апреле 1721 г. был издан именной указ «О призыве шведов в службу и о позволении им в Российском государстве, по учинении присяги, селится...» [1, с. 383]. Однако еще до издания указа В.Н. Татищев начал активно привлекать шведских пленников к заводской службе на Урале. Формальным основанием для подобных действий явился сенатский указ от 9 августа 1717 г. о принятии шведских военнопленных в гражданскую службу во вновь созданные коллегии [4].

Бывшими каролинами (т. е. военнотружущими пехотного экспедиционного корпуса короля Карла XII) были командир полка майор Иоганн Каспер Бриксгаузен (правильно: Брюкхаузен [Brückhausen]), командиры рот капитаны Иван Королевич (правильно: Ян Кралевич [Cralewitz]) и Михайло Цей, прапорщик Карл Брандт и др. [2]. Следует подчеркнуть, что большинство из них не было шведами по происхождению. На русскую службу намного охотнее переходили офицеры иных национальностей, в частности прибалтийские немцы.

Так, прибалтийским немцем, уроженцем Лифляндии, был майор Бриксгаузен. Служил в шведской армии фендриком (прапорщиком) Ярвисско-Вирусского полка ландмилиции. 10 августа 1704 г. попал в плен под Нарвой. 11 декабря 1712 г. в Тобольске принял присягу на службу России. В 1716 г. [5] приказом сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина был произведен в майоры [6, 7]. В 1723 г. возглавлял строительство крепости Косой Брод на р. Чусовой [8].

Его земляк, капитан Сибирского драгунского полка Михайло (Михаэль) Цей родился в 1791 г. в Ревеле. В шведской армии служил прапорщиком рейтарского полка. В 1709 г. в ходе «Турецкой акции», т. е. кампании на Украине, попал в русский плен. Как и Бриксгаузен, оказался в Тобольске, где в 1713 г. по распоряжению губернатора М.П. Гагарина был записан прапорщиком Тобольской губернской драгунской роты. В 1716 г. принял православие и был произведен в капитаны [9, с. 1526]. В 1730-е гг. служил в Забайкалье [10].

Прапорщик Карл Брандт, по нашим данным, также не был шведом, а происходил из прибалтийских немцев¹. В русский плен попал под Полтавой, вскоре перешел на русскую службу и был направлен в Казань. До 1711 г. служил здесь в драгунском гарнизонном полку князя Ивана Ивановича Львова. Затем с прочими драгунами был

¹ Екатеринбургский историк Н.С. Корепанов приводит данные о его шведском происхождении [12].

направлен на службу в Сибирь. В 1711–1715 гг. служил в Украинной слободе под командой полковника Леонтия Ивановича Парфентьева. Участвовал в сражении на р. Ишим против «Казачьей орды» (т. е. казахов). В 1715 г. в звании подпрапорщика принят в драгунский эскадрон, в команду полковника Ивана Дмитриевича Бухгольца. В 1716 г. был произведен в вахмистры. Участвовал в походе команды Бухгольца на Яркенд (Джунгарское ханство). В 1717 г. в звании сержанта был переведен в Тобольский гарнизонный полк. В 1722 г. произведен в прапорщики [11, с. 2306, 2529]. После завершения строительства Екатеринбургского завода возглавил сформированную здесь Екатеринбургскую солдатскую роту, фактически стал первым военным комендантом Екатеринбурга.

Здесь К. Брандт дослужился до капитана, возглавлял военную структуру горной администрации — Екатеринбургские ротные дела, Екатеринбургскую контору судебных и земских дел (в отдельные периоды), Екатеринбургскую полицию (с 1736 г.). Выполнял и временные поручения на весьма ответственных участках, в частности в 1732 г. исполнял обязанности управляющего заводами Акинфия Демидова. Умер в 1750 г. [12].

Среди русских офицеров полка были представители старых служилых сословных групп Сибири.

Назovem, в частности, прапорщика Санкт-Петербургского полка Уткина Ивана Васильевича. Родился он в 1680 г., происходил из драгунских детей. На службу в драгуны поступил по набору полковника Давида Яковлевича Мейна в 1690 г. Участвовал в походах против «Казачьей орды», башкир и каракалпаков: «И на многих штурмах был». В 1709 г. был произведен в капралы, в 1711 г. — в сержанты, в 1713 г. — в прапорщики. В 1715 г. был зачислен в Санкт-Петербургский полк, сформированный в Тобольске упоминавшимся полковником И. Бухгольцем. Участвовал в походе к озеру Ямыш, в сражениях с джунгарцами. Занимал должность адъютанта полка. В 1721 г. вернулся в Тобольск [9, с. 1533].

Поручик Сибирского драгунского полка Княгинкин Федор Евсеевич родился в 1680 г. в городе Тобольске, по происхождению из детей боярских. Еще до зачисления на военную службу четыре года участвовал в походах и сражениях против «Казачьей орды» и башкир. В 1703 г. по набору дьяка Андреяна Ратманова был принят в солдаты. В 1704 г. ближним боярином Михаилом Черкасским произведен в сержанты, отправлен в Санкт-Петербург. Там был определен солдатом в полк Романа Вилимовича Брюса, служил в нем три

года. Во время Северной войны участвовал в сражениях на Каменном острове и за Малой Невой. В 1707 г. по состоянию здоровья был отставлен от службы и отправлен на родину. В Тобольске приказом князя Василия Гагарина снова был взят на службу, определен драгунном в гарнизонную команду майора Якова Жеребцова. В 1708 г. получил чин подпрапорщика, в 1714 г. прапорщика, в 1716 г. поручика. В 1719 г. был отправлен в Семипалатинскую крепость [9, с. 1527].

Поручик Текутьев Василий Петрович, уроженец Тюмени, происхождением из детей боярских был записан в солдаты в Сибири в 1703 г. по набору дьяка Андрияна Ратманова. В 1705 г. сопровождал партии рекрутов из Сибири в Санкт-Петербург и из Петербурга в Нарву. Там был определен солдатом в полк полковника Гамонтова (Белозерский). Во время Северной войны участвовал в обороне острова Котлин, в походе на Выборг (1706 г.). Участвовал в строительстве укреплений на реках Ижоре и Мге. В 1705 г. был произведен каптенармусом, в 1706 г. сержантом. В 1711 г. по рассмотрению генерал-лейтенанта Брюса был пожалован поручиком [13, с. 148, 410].

Как видим, офицеры на строительстве Екатеринбургской крепости, были представителями разных полков. Это подчеркивает временный характер формирования — Тобольского гарнизонного командированного полка. Все они, и русские и шведы, имели богатый боевой опыт, причем многие не только Северной войны. Иван Уткин и Федор Княгинкин успели послужить в дореформенных вооруженных силах, а потом и в новой регулярной армии. Некоторые из них имели опыт строительства военных крепостей и укреплений. Несомненно, это пригодились им и на строительстве Екатеринбургской крепости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. VI. 1720–1722 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 38.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 55.
4. Полное Собрание Законов Российской Империи [Текст]: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. V. 1713–1719 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
5. Lewenhaupt, A. Karl XII's officirare [Text]: Biografiska anteckningar / A. Lewenhaupt. — Stockholm, 1920. — P. 85
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. № 2659. Л. 21;

7. Шебалдина, Г.В. Шведские военнопленные в Сибири [Текст]: первая четверть XVIII в. / Г.В. Шебалдина. — М.: РГГУ, 2005. — С. 140.
8. ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д. 48. Л. 301
9. Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Гарнизонные войска [Текст]: сборник документов: [в 2 т.]. Т. II / сост. К.В. Татарников. — М., 2016.
10. Дмитриев, А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796) [Текст]: Особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии / А.В. Дмитриев. — М., 2018. — С. 205.
11. Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Отставные и заполошные чины [Текст]: сборник документов: [в 2 т.]. Т. II / сост. К.В. Татарников. — М., 2017.
12. Корепанов, Н.С. Первый век Екатеринбурга [Текст] / Н.С. Корепанов. — Екатеринбург: БКИ, 2005. — С. 20.
13. Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Гарнизонные войска [Текст]: сборник документов: [в 2 т.]. Т. I / сост. К.В. Татарников. — М., 2016.

Dmitry Lobanov

The Fate of the Tobolsk Garrison sent Regiment Officers' — Participants of the Ekaterinburg Construction

Dmitry Lobanov, chief researcher of the history department, the Perm Museum of local lore; e-mail: dm_loban@mail.ru.

Abstract. The article include information about origin and soldiering of Tobolsk regiment soldiers. These soldiers took part in a building of Ekaterinburg in 1723. The author proves a fact, that most of the Tobolsk regiment soldiers (builders of Ekaterinburg) were foreigners. The main channel of information are officers's farytales of first quarter XVIII century.

Keywords: the Urals, Siberia, XVIII century, swedish prisoners, founding of Ekaterinburg.

ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОСУДЫ ФАБРИКИ ЧЕКАНОВЫХ ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Аннотация. В статье на основе письменных (справочные издания, газеты, рукописные архивные документы) и археологических источников устанавливается ареал распространения фаянсовой посуды фабрики Чекановых из г. Екатеринбург.

Ключевые слова: археология нового времени, городская археология, уральский фаянс, фаянсовая посуда.

Екатеринбургская фабрика Чекановых, основанная в 1846 г. была одним из старейших и крупнейших на Урале в XIX – нач. XX вв. предприятий по производству фаянсовой посуды (тарелки, миски, банки и пр.) [1, с. 8]. В 1860 г. при наличии 10 рабочих здесь производили 67 500 изделий на 1325 руб. в год [2, с. 350]. Спустя 30 лет с 42 рабочими и паровым двигателем за год вырабатывали продукции на 27 000 руб. [3, с. 339]. В 1860 г. изделия фабрики были отмечены похвальным листом Императорского вольного экономического общества [1, с. 8], а на проходившей в 1887 г. в Екатеринбурге Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке купцы братья А.К. и М.К. Чекановы получили Почетный отзыв Уральского общества любителей естествознания «за приготовление фаянсовой посуды» [4, с. 156, 159].

Екатеринбургский краевед Ю. Каленков, изучавший историю предприятия Чекановых, писал, что «их посуда шла нарасхват не только на Урале — пиалы заказывали и южные области России, и Сибирь», но, к сожалению, он не уточнил названия населенных пунктов или хотя бы губерний и не привел ссылки на первоисточники [5, с. 157]. Справочные издания 2-й половины XIX в. еще более скупо сообщают о географии продаж: «сбыт в г. Екатеринбурге и др. местах» [1, с. 8], или чуть подробнее: «сбывается посуда в г. Екатеринбурге и на ярмарках, в окрестных местах губернии» [2, с. 350]. Источники, освещавшие наиболее значительные окрестные ярмарки, позволили установить, где продавалась продукция фабрики. Во 2-й половине 70-х – начале 80-х гг.

¹ Сауков Геннадий Николаевич, магистрант 2-го года обучения, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган; e-mail: saukow@mail.ru.

XIX в. братья Чекановы, помимо фарфоровой и хрустальной посуды чужого производства, торговали фаянсом «своего изделия» на зимней Никольской ярмарке в г. Ишиме Тобольской губ., а нераспроданный товар везли в с. Абатское той же губернии [6, л. 70; 7, с. 14]. В конце XIX – начале XX в. два поколения семьи Чекановых продавали посуду фамильного предприятия на Ирбитской ярмарке в Пермской губернии [8, с. 138; 9, с. 157; 10, с. 109; 11, с. 201].

Ишимская и Ирбитская ярмарки, являвшиеся крупнейшими в Западной Сибири, при наличии на них розничной торговли носили преимущественно оптовый характер и являлись в основном местом обмена сибирского и азиатского сырья и полуфабрикатов на фабричную продукцию Урала и европейской России [12, с. 178–201]. В связи с этим возникает вопрос: куда дальше шла продукция фабрики Чекановых, закупленная на данных ярмарках, жители каких населенных пунктов являлись конечными потребителями? Ответить на него могут помочь археологические источники, ставшие доступными благодаря проведению в последние годы большого количества охранных раскопок и развитию Археологии Нового времени или Городской археологии.

Закономерным является обнаружение фрагментов «старинного фаянса с клеймом Чеканова» на территории екатеринбургского «Завода радиоаппаратуры», расположенного на месте бывшего предприятия Чекановых (ул. Щорса, 7). Здесь при хозяйственном освоении одного из участков было найдено место, служившее ранее «свалкой поврежденных фаянсовых изделий», около 10 из которых были восстановлены [5, с. 158].

В 2016 г. при проведении археологических изысканий по открытому листу С.А. Григорьева на территории исторической части г. Екатеринбурга в квартале ул. М. Горького, К. Маркса, Цветоводов, Куйбышева в горизонте 1 на отметке -155 было обнаружено 3 фрагмента фаянсовой тарелки (Ø 23 см), покрытой почти полностью трафаретным (точечным) растительным орнаментом серо-синего цвета. На другой стороне на дне (Ø 14 см), чуть в стороне от центра, нанесено подглазурное серо-синее клеймо с надписью курсивом: в центре — «К», ниже полукругом — «Чеканова». По центру часть вдавленного клейма — «...НОВА» [13, с. 30-31, 127]. Клеймо принадлежит основателю фабрики Кириллу Чеканову и является если не первым, то одним из ранних клейм предприятия.

В том же квадрате, но в горизонте 3 на отметке -180 был найден фрагмент фаянсовой тарелки с вдавленным клеймом — «БР.», ниже: «...НОВЫХЪ» [13, с. 30, 125]. Оно имеет аналоги в археологической

коллекции из г. Кирова [14, с. 251] и может быть атрибутировано как клеймо братьев Александра и Мартина — сыновей Кирилла Чеканова.

Вышеупомянутая кировская коллекция получена в ходе охранных археологических исследований, проводившихся в 2005 г. под руководством Е.А. Кошелевой на ул. Герцена, 28 [14, с. 243], и является самой большой из известных по количеству атрибутированных фрагментов фаянсовой посуды фабрики. Было выявлено 107 фрагментов с клеймами братьев Чекановых, из них 82 представлены тарелками и 25 глубокими тарелками. Еще 32 фрагмента атрибутированы по характерному декору, который очень разнообразен как по мотивам, так и по технике нанесения: полихромная роспись, монохромная и полихромная деколь [14, с. 247]. В наличии и большое видовое разнообразие клейм: по способу нанесения (вдавленные, печатные); по композиции (полукругом в круге, полукругом в ленте, в одну или две строки и др.); по цвету (зеленые, синие, черные, красные); по тексту («Ф Чекановыхъ», «Ф Бр. Чекановыхъ», «Бр. Чекановыхъ», «А.К. Чекановъ и сынъ»). По последнему клейму выявлено еще 6 фрагментов тарелок [14, с. 251–252]. Клеймо принадлежит Александру Кирилловичу и его сыну — Ивану Александровичу, являвшемуся представителем третьего поколения фаянсовых фабрикантов Чекановых.

Город Киров (ранее г. Вятка одноименной губернии) на данный момент является самой западной точкой распространения посуды Чекановых из известных по опубликованным археологическим коллекциям. Самая восточная — г. Томск, где в 2006 г. в ходе охранных раскопок на участке пер. Батенькова, 15, проводившихся под руководством А.И. Бобровой [15, с. 63], был найден фрагмент посуды с печатным монохромным клеймом черного цвета: «ЧЕКАНОВА», выше по центру неразборчиво буква. Данное клеймо не имеет аналогов среди опубликованных клейм г. Екатеринбурга и г. Кирова. Рядом под углом расположено фрагментированное вдавленное в тесто клеймо «...АНОВА». С другой стороны фрагмента — печатный растительный декор черного цвета [16, с. 388].

Самая северная находка фрагмента «посуды с клеймом Чеканова» сделана «на территории Свято-Троицкого Кондинского мужского монастыря в Нижнем Приобье недалеко от Березовского городка» (бывшая Тобольская губ.) [16, с. 387]. А самой южной точкой ареала распространения посуды Чекановых на данный момент является также территория бывшей Тобольской губернии — г. Курган. Здесь Археологической лабораторией КГУ под руководством И.К. Новикова были проведены охранные археологические исследования на перекрестке

улиц Советской и Пичугина (2014 г.) и на улице Куйбышева, 21 (2016 г.), в результате которых были найдены вдавленные в тесто клейма: братьев Чекановых и «ЧЕКАНОВА» [17, с. 306; 18, с. 122]. Они имеют аналоги в археологических коллекциях Екатеринбурга, Кирова, Томска.

В 2007–2010 гг. на Верхнем и Нижнем посадах самой бывшей столицы губернии — Тобольска проводились раскопки экспедицией ИГИ ТюмГУ, в ходе которых были найдены фрагменты «фаянсовой тарелки, богато украшенной растительным орнаментом черного цвета». На одном из осколков обнаружена часть клейма того же цвета в виде надписи курсивом в одну строку: «Бр. Чека...» [19, с. 122–123]. Клеймо не имеет аналогов среди опубликованных клейм из Екатеринбурга, Кирова, Томска, Кургана и относится ко времени управления фабрикой братьями А.К. и М.К. Чекановыми. Таким образом, территория бывшей Тобольской губ. на данный момент лидирует как по наличию крайних точек всего ареала распространения посуды Чекановых (северная и южная), так и по количеству населенных пунктов (три), в которых были найдены фрагменты их фаянса.

Подводя итог, можно констатировать, во-первых, что наибольшее географическое распространение, как и наибольшее количество и видовое разнообразие среди клейм фабрики, имеют клейма братьев Александра и Мартина Кирилловичей — представителей второго поколения фаянсовых фабрикантов Чекановых. Во-вторых, благодаря данным, полученным в ходе археологических исследований, удалось подтвердить и уточнить информацию из письменных источников о том, что посуда фабрики Чекановых имела распространение на территории Пермской и Тобольской губерний. Кроме того, удалось выяснить, что она доходила также до Томской и Вятской губерний. Информацию Ю. Каленкова о продаже посуды Чекановых в южные области России археологически подтвердить пока не удалось. Однако при проведении новых раскопок и дальнейшем изучении уже имеющихся археологических коллекций в разных регионах РФ и СНГ, возможно, такие данные будут получены. Также с высокой степенью вероятности можно прогнозировать появление новых находок, связанных с Чекановыми как в вышеперечисленных городах, так и в тех, где они еще не были найдены или идентифицированы — это Ирбит, Ишим, Омск, Петропавловск, Тара, Тюмень, Челябинск, Шадринск и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. Уральского общества любителей естествознания в г. Екате-

ринбург [Текст]: С приложением общего плана выставки. — Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1887. — 340 с.

2. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба [Текст]: в 25 т. Т. 18: Пермская губерния. Ч. 2. / сост. Х. Мозель. — СПб.: ГУ Генштаба, 1864. — 820 с.

3. Указатель фабрик и заводов Европейской России [Текст]: Материалы для фабрично-заводской стат. / Сост. П.А. Орлов, С.Г. Будогов. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб: тип. В. Киришбаума, 1894. — 850 с.

4. Список экспонентов Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г., удостоенных наград [Текст] // Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г. в г. Екатеринбурге: прил. к «Екатеринбургской неделе», 1887 г. — Неделя № 33. — С. 155–162.

5. Каленков, Ю. Вначале был фаянс [Текст] / Ю. Каленков // Складчина: Стихи, рассказы, этюды. Вып. 20. — Екатеринбург, 2010. — (Б-ка «Урала»). — С. 156–158.

6. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-417. Оп. 1. Д. 642.

7. С Ишимской ярмарки [Текст] // Екатеринбургская неделя. — 1883. — № 1. — С. 13–15.

8. Справочная книжка г. Ирбита и Ирбитской ярмарки [на 1895 год] [Текст]. — Ирбит: Тип. В.В. Михайлова, 1895. — 194 с.

9. Справочная книжка г. Ирбита и Ирбитской ярмарки на 1896 год [Текст]. — Ирбит: Тип. В.В. Михайлова, 1895. — 192 с.

10. Ирбитская ярмарка [Текст]: Справочная книжка на 1897 год. — Ирбит: Изд. ред. газ. «Ирбитский ярмарочный листок», 1896. — 192 с.

11. Ирбитская ярмарка на 1907 год [Текст]: Справочная книжка. — Ирбит: Изд. А.А. Аникина, 1907. — 224 с.

12. Щеглова, Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: Из истории российско-азиатской торговли [Текст]: [Монография] / Т.К. Щеглова. — Барнаул, 2002. — 236 с.

13. Григорьев, С.А. Материалы о проведении археологических изысканий (раскопок) на территории исторической части г. Екатеринбурга, в квартале улиц Максима Горького, Карла Маркса, Цветоводов, Куйбышева в 2016 г. [Электронный ресурс] / отв. исполн. С.А. Григорьев; ООО «АПМ-1» // Управление гос. охраны объектов культурного наследия Свердловской области [сайт]. — 2016. — URL: http://okn.midural.ru/sites/default/files/expertiza/2017/prilozhenie_k_gike_kulturnyy_sloy_ekb._cvetovodov_per_small.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

14. Евшин, А.С. Морфологическое описание археологической коллекции фарфора и фаянса на основе материала охранных работ

по улице Герцена, 28 в г. Кирове [Текст] / А.С. Евшин // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф.: в 4 т. — Киров: Изд-во ВятГУ, 2019. — С. 242–254.

15. Боброва, А.И. Коллекции томского города в фондах ТОКМ [Текст] / А.И. Боброва // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — 2014. — № 20. — С. 60–64.

16. Татауров, Ф.С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири [Текст] / Ф.С. Татауров // Культура русских в археолог. исслед.: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. — Омск: Изд-во ОИ РГТЭУ, 2011. — С. 383–388.

17. Маслюженко, Д.Н., Новиков, И.К., Первухина, А.А. Археологический памятник «Культурный слой города Кургана»: основные итоги изучения [Текст] / Д.Н. Маслюженко, И.К. Новиков, А.А. Первухина // Культура русских в археологических исслед.: сб. науч. ст. — Омск: ИД «Наука», 2017. — С. 303–307.

18. Янченко, Е.С. Фарфоровые и фаянсовые изделия из культурного слоя г. Кургана на примере раскопа усадеб на углу улиц Советская и Пичугина [Текст] / Е.С. Янченко // Археология Среднего Приоболжья и сопредельных территорий: Мат-лы межрегионального круглого стола, посв. 50-летию Курганской археологической экспедиции. — Курган: Изд-во КГУ, 2016. — С. 119–123.

19. Матвеев, А.В., Аношко, О.М., Сирюшова, Н.Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска [Текст] / А.В. Матвеев, О.М. Аношко, Н.Ф. Сирюшова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — № 2 (15). — С. 116–124.

G.N. Saukov

Geography of Distribution of the Chekanov Factory ware According to Written and Archaeological Sources

Saukov Gennadiy Nikolaevich, 2-year undergraduate, Kurgan state University, e-mail: saukow@mail.ru.

Abstract. In the article, on the basis of written (reference publications, newspaper publications, handwritten archival documents) and archaeological sources, the area of distribution of faience ware of the Chekanov factory from Ekaterinburg is established.

Keywords: new age archaeology, urban archaeology, ural faience, faience ware.

ПАМЯТЬ ОБ ОТЧУЖДЕНИИ РОДОВЫХ ЗЕМЕЛЬ И СОВРЕМЕННЫЕ РУССКО-БАШКИРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. *Статья анализирует влияние памяти о важных, но давних исторических событиях (потеря родовой земли, участие в восстаниях XVIII в.) на современные межнациональные отношения. Исследование выполнено на полевых материалах, собранных в местах длительного совместного проживания русского и башкирского населения на Южном Урале.*

Ключевые слова: *русские, башкиры, межнациональные отношения, историческая память, Южный Урал, Россия, XVIII–XX вв.*

Западная оконечность Челябинской области (Ашинский и Катав-Ивановский районы, Усть-Катавский и Трехгорный городские округа) представляет собой своеобразный «полуостров», с трех сторон окруженный землями Республики Башкортостан. Границы этого «полуострова» определились еще в середине XVIII в., когда купцы И.Б. Твердышев и И.С. Мясников основали здесь металлургические заводы: Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзань-Ивановский и Симский. Большая часть отчужденной под заводские округа земли принадлежала башкирскому племени Кудей (Көзэй, северо-восточная этнографическая группа), в свою очередь подразделявшемуся на роды (аймаки): булэкэй-кудей, шайтан-кудей, кыр-кудей, урман-кудей, туркмен-кудей и еще ряд ныне исчезнувших. Условия купчих сделок не всегда удовлетворяли прежних землевладельцев. Этим, в частности, объясняется активное участие в Крестьянской войне 1773–1775 гг. шайтан-кудейских тарханов — старшины Юлая Азналина и его сына батыра Салавата Юлаева, род которых утратил земли в долине реки Сим.

Как трансформировалась историческая память башкир о потере родовых земель с середины XVIII в. до начала XXI в.? Оказывает ли она влияние на межнациональные отношения спустя два с половиной столетия после свершившихся событий?

Летом 2014 г. один из отрядов ЭтноЭкспедиции (руководитель экспедиции чл.-корр. РАН А.В. Головнёв, руководитель отряда д-р ист.

¹ Шкерин Владимир Анатольевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: shkerin_uit@mail.ru.

наук В.А. Шкерин) работал на границе Челябинской области и Республики Башкортостан. Исследования проводились в двух парах соседних поселений: в русской деревне Бедрярыш Катавского района Челябинской области и башкирской деревне Мулдакаево (Мулдакай) Белорецкого района Республики Башкортостан, расположенных в 7–8 км друг от друга, а также в городе Усть-Катаве и деревне Яхино (Яхъя) Салаватского района Башкортостана, в 6 км друг от друга.

О урман-кудейской деревне Мулдакаево пишет А.З. Асфандияров: «Точное время ее возникновения установить не удалось. Но известно, что X ревизия 1859 г. деревню не зафиксировала» [1, с. 112]. Мулдакаевцы отсчитывают историю своего селения с 1737 г. По словам местного уроженца, краеведа Х.Н. Ахмедьянова, тогда деревня носила иное название (Трукмен, Абдрахман – ?) и находилась в районе горы Абдрахманова — на месте, которое при строительстве Катав-Ивановского завода пришлось уступить Твердышеву и Мясникову. Какое-то время деревня стояла у впадения реки Бедрярыш в Лемезу. На нынешнем месте она обосновалась не позднее 1815 г. Где-то на этом пути деревня обрела современное название, образованное от имени Мулдакая, сына Абдрахмана [2, с. 28–43]. Проживающие в деревне Мухамедьяровы, Абзаловы, Арслановы, Валиевы, Гайсины, Зайнетдиновы, Курмановы, Юмадиловы ведут свои родословия от Мулдакая. В 2014 г. в Мулдакаево жили менее 200 чел., 97 % из которых составляли башкиры.

Бедрярыш был основан в 1752 г. как поселение углежогов, переведенных сюда Твердышевым и Мясниковым из Европейской России для обеспечения топливом доменных печей будущего Катав-Ивановского завода (введен в эксплуатацию в 1755 г.). На рубеже XIX–XX вв. количество домен на заводе достигло максимума — четырех единиц [3, с. 262–264]. Однако XX век нанес Бедрярышу три сокрушительных удара. Первым была окончательная остановка в 1934 г. последней катавской домны [4, с. 56]. Спрос на древесный уголь исчез, пашенным же земледелием бедрярышцы никогда не занимались. Выживать пришлось за счет огородов, домашнего скота и промыслов. Следующий удар нанесла Вторая мировая война: в 1939 г. население Бедрярыша составляли 1056 чел., к 1947 г. остались 681 чел. [5, с. 392]. Третьим ударом стал пожар 1977 г., уничтоживший значительную часть села. В 2014 г. в Бедрярыше постоянно проживало не более 25 чел., из них, помимо русских, два башкира и крещеная татарка. В большинстве своем это были пожилые люди, пенсионеры.

Отношения жителей Бедрярыша и Мулдакая весьма гармоничны, для них не характерны взаимные неприязнь, недоверие, насторожен-

ность. Мулдакаевцы помнят, что изначально «до Миасса — все башкирские земли были». Но обиды по этому поводу не высказывают: «Нет, зачем? Раньше, наверное, было. В третьем-четвертом поколении было. Прадеды ссорились, может. А сейчас? Там большая поляна есть — Башкирская поляна (западнее Бедрярыша. — *В. Ш.*). Гора есть Репная, говорят, а по-башкирски Шолкан-тал (также к западу от Бедрярыша. — *В. Ш.*). Там репу сажали. Башкирская земля была».

Рассказывают мулдакаевцы и о каком-то давнем сражении с русскими, вроде бы произошедшем близ их деревни: «Не помню, как генерала звали, он хотел обмануть, а его самого обманули башкиры. Тогда много людей погибло. <...> Там до сих пор... находят подковы, старинные подковы, представляю, какие лошади были, тяжелые они. Я находил кинжалы эти, они тяжелые, блин, их не поднять. Как это русские носили их...»

Память о Салавате имеет у мулдакаевцев противоречивый характер. Его помнят, молодежь изредка посещает Салаваткину гору и одноименную поляну (в 10 км к северу от Бедрярыша): «По преданию, на этой горе играл на курае Салават батыр, а войско отдыхало перед боем за Сим»; «Мечтаю подняться на Салауат таш. Это — история башкирского народа... Горжусь своими предками». С другой стороны, рассказывают, что предки, не подчинившись ни призывам, ни угрозам, не вступили в мятежное войско: «К Салавату мулдакаевские не пошли»; «У нас, по-честному сказать, Салавата не уважали. Решение предков расценивается, как мудрое, поскольку спасло деревню от последующего разорения: «Потом нас не трогали. Их там штабелями ложили, сжигали, а нас не трогали».

Неучастие в восстании мулдакаевцы объясняют не боязнью правительственных репрессий, а своей особостью и добрососедством с русскими: «Мулдакай — он отдельно был. Ну, сам по себе. <...> У каждого там по пять лошадей, сабли, ружья, никому не подчинялись, сами по себе были. Урман-кудейские башкиры отдельные. <...> Кругом тайга, они сюда никого не пустили»; «Никому не подчинялись и никого не принимали. До сих пор так. Почему у нас и хариус есть и куница. А Бедрярыш это крыша наша была. Они нас защищали»; «Вот в Катаве встречаются, скажи, мулдакаевский, ведь на руках носили. <...> Почему? Потому что мы никого не продаем, никого не отдаем. За это нас уважали сильно. Мы отдельный нации, будем говорить. Хоть и башкиры горные. Но отдельно». По мнению Р.Г. Кузеева, процессы обособления различных родов племени Кудей зашли достаточно далеко: урман и булэкэй-кудей

тяготели к юго-западному племени Мин (Мең), шайтан и кыркудеи «в результате длительного общения и смешения с башкирами айского бассейна по языку и культуре оказались в составе андийской группы» [6, с. 212].

Иная межнациональная ситуация сложилась в Усть-Катаве (население 23 тыс. человек) и деревне Яхъя (ок. 330 чел.). Последнюю исторически населяют кыр-кудейские башкиры. Асфандияров пишет: «Название д. Яхино связано с именем одного из старшин Кудейской волости 70-х гг. XVIII в. Яхьи Якшиева. Его фамилия подсказывает нам, что д. Якшеево была основана на правом берегу реки Юрюзань его отцом, и ее жители затем на другом берегу той же реки обосновались на новом месте в деревне Яхино. В 1795 г. население деревни Яхино состояло из 54 мужчин и 74 женщин. Такое соотношение полов было противоестественным для тюркоязычных полукочевых народов, у которых, в т. ч. и у башкир, женщины в количественном отношении всегда уступали мужчинам. Диспропорция соотношения полов в пользу женщин свидетельствует о бывших систематических репрессиях карателей против активных участников больших национальных и социальных выступлений башкир в 30–70-х гг. XVIII в.» [1, с. 515].

Многие современные яхьинцы работали на Усть-Катавском вагоностроительном (ранее — металлургическом) заводе. Выйдя на пенсию, одни вернулись в родную деревню, другие остались в городе. Тем не менее, и в Яхъя, и в самом Усть-Катаве неоднократно приходилось слышать от местных башкир о том, что русские здесь живут на их земле. С гордостью вспоминают о Салавате Юлаеве: «Салават-то, он же тут салаватил». Оправдывают и разорение им близлежащих русских деревень Орловка и Карауловка, Усть-Катавского и Юрюзанского заводов: «Ну, земли бы не занимали, никто бы не жег. Наши же деревни тоже жгли, целыми деревнями убивали».

Актуализации памяти о событиях 1773–1774 гг. способствует и нынешняя принадлежность деревни к Салаватскому району. В 28 км от Яхьи расположен районный центр — село Малояз (Малаяз), где в 1991 г. был открыт музей Салавата. «Я вот хочу около Малояза поставить памятник Салавату Юлаеву, — говорил активист усть-катавского общества башкирской и татарской культуры «Дуслык». — Уже памятник придумали мы с сыном, только финансы дайте, начнём завтра же варить. И очень хороший памятник».

Напоминание о том, что город Усть-Катав и близлежащие русские села расположены на исконных башкирских землях отнюдь

не равноценно требованию их возврата. Ответ на вопрос, зачем ворошить давнее прошлое, как правило, абстрактен: «Уважение должно быть». Судя по контексту, под уважением понимается, прежде всего, интерес со стороны русских (русскоязычных) к культуре коренного башкирского народа. Активистка рассказывала об образовательной деятельности общества «Дуслык»: «Русские люди хотят изучать башкирский язык. Я говорю: “Вам зачем это?” Они: “У нас друзья башкиры”. Им было интересно это. И вот мы с ними и песни пели, и азбуку нашли, и писать, и читать. Буквари привезли с Малояза...».

Уральский регион в целом можно считать образцом добрососедского сосуществования многих народов. В отношениях этих, конечно, имеются нюансы, и проведенное исследование показывает, сколь долго способна воздействовать на них память о важных исторических вехах. Кыр-кудейские башкиры из Яхино помнят сами и напоминают русским соседям о несправедливости отчуждения родовых земель в пользу Усть-Катавского завода. Участие предков в восстании Салавата Юлаева составляет предмет их гордости. Урман-кудейские башкиры из Мулдакаево не считают условия продажи своих земель для Катав-Ивановского завода несправедливыми, их предки не примкнули к войску Салавата и не пострадали от карателей. К тому же на своем нынешнем месте мулдакаевцы обосновались позже ближайших русских соседей — бедярышенцев и занятую ими землю считают лишь абстрактно-башкирской, но не своей родовой, утраченной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Асфандияров, А.З.** История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий [Текст] / А.З. Асфандияров. — Уфа: Китап, 2009. — 744 с.

2. **Ахмедьянов Х.Н.** Салауат таши – Мулдакай – Йэй таши территорий [Текст] / Х.Н. Ахмедьянов // Таулы тәйәгәбез — Белорет: изел башы хахында бәйән: мәкәләләр, исхәлектәр, ригәйәттәр, шигырзар, йырзар, фотолар. — Өфө: Китап, 2011. — 206 с.

3. **Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.** [Текст]: Энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург: Академкнига, 2001. — 536 с.

4. **Устьянцев, С.** Катавский феномен [Текст] / С.В. Устьянцев. — Екатеринбург, 2007. — 144 с.

5. **Мукомолов, А.Ф.** На южноуральских заводах [Текст] / А.Ф. Мукомолов. — М.: Территория, 2001–. Кн. VI: 1922–1952. — 2007. — 496 с.

6. **Кузеев, Р.Г.** Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения [Текст] / Р.Г. Кузеев. — М.: Наука, 1974.

V.A. Shkerin

The Memory of the Alienation of Tribal Lands and the Modern Russo-Bashkir Relations

Shkerin Vladimir Anatol'evich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: shkerin_uit@mail.ru.

Abstract. The article analyzes the influence of the memory of important but long-standing historical events (loss of ancestral land, participation in the uprisings of the XVIII century) on modern interethnic relations. The study was carried out on field materials, collected in the places of long-term cohabitation of the Russian and Bashkir population in the Southern Urals.

Keywords: Russian, Bashkir, interethnic relations, historical memory, the South Urals, Russia, XVIII–XX centuries.

УДК 94(47+57)

Г.Н. ШУМКИН¹

ОСОБЕННОСТИ СОСЛОВНОЙ СТРУКТУРЫ ФРОНТИРНЫХ ПРОСТРАНСТВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА²

Аннотация. В работе предпринимается попытка выделить специфику социально-правовой структуры фронтальных территорий России в середине XIX века. Сделан вывод о том, что казаки и инородцы могут рассматриваться в качестве достаточно надежных маркеров фронта. Границы фронтальных территорий определяются локализацией этих социальных групп.

Ключевые слова: фронт, социальные группы, Россия, казаки, инородцы.

1 Шумкин Георгий Николаевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: shumk@mail.ru.

2 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

Сословная структура Российской империи середины XIX в., как правильно отметил Г. Фриз, отличалась аморфностью и сложностью [1, с. 154]. По разным оценкам, накануне отмены крепостного права в России насчитывалось от 90 до 400 «состояний» (сословных групп). Такая сложная структура была обусловлена целым рядом причин, но среди них выделяются две: политика государства, нацеленная на создание специальных сословий для выполнения определенных функций (например, казаки, ямщики, мастеровые и т. п.), и включение в состав России территорий, обладавших своими правовыми традициями и своими специфическими социальными структурами. Как следствие, большинство сословных групп были распространены на ограниченном пространстве. Например, в работе П.И. Кеппена, посвященной анализу результатов IX ревизии (1850 г.), насчитывается 403 состояния. Из них 285 состояний (70%) встречались только в одной губернии (или области), 32 состояния — в двух губерниях, 22 — в трех, 14 — в четырех губерниях. Самую обширную географию, согласно материалам данной работы, имели государственные крестьяне (47 губерний), дворовые люди (50 губерний), мещане и цеховые (51 губерния) и купцы (54 губернии) [2]. Конечно, результаты ревизии не отличаются ни полнотой (например, в ревизию не включались представители привилегированных сословий, поэтому потомственные дворяне фиксируются только в семи губерниях — дворянин мог вступить в купеческое звание, при этом он не утрачивал своего статуса, но он должен был, как купец, платить ежегодную подать, т. е. становился объектом ревизии); ни точностью (представители одной сословной группы могли быть зафиксированы под разными названиями). Но эти недостатки не отменяют того факта, что большое число состояний было локализовано в ограниченном пространстве одной или нескольких губерний.

Ранее нами была предпринята попытка выделить пространственную структуру сословных групп в России середины XIX века. Всего было выявлено 16 социальных ландшафтов — территорий, обладающих специфичной социальной структурой: Финляндия; Польша; Кавказ; владения Российско-Американской компании; Сибирь; Урал; «южный фронт» (Астраханская и Ставропольская губернии); земли Донского и Черноморского казачьих войск; Таврия; Малороссия; губернии, «от Польши возвращенные»; Бессарабия; Прибалтика; столица с С.-Петербургской губернией; губернии Русского Севера и Центральная Россия [3]. Остается невыясненным, как соотносились между собой эти социальные ландшафты и какие

функции они выполняли в пространстве Российской империи. В социальных науках и географии, как правило, применяется простая схема структурирования пространства — выделение центра и периферии. Однако и внутри центра, и внутри периферии могут быть области, различающиеся по функциям и направлению развития; в зоне периферии можно выделить, по крайней мере, зоны фронтального освоения. В данной работе предпринимается попытка выделить специфику социально-правовой структуры фронтальных территорий России в середине XIX в. и на основании этого — границы российского фронта.

Термин «фронт» был введен Ф.Дж. Тернером в конце XIX века. Изначально им обозначалось «пограничье» — неустойчивый рубеж между землями «цивилизованного» и «нецивилизованных» обществ, который, по мере того как все новые земли захватываются «цивилизованным» обществом, постепенно сдвигается все дальше вглубь территорий «нецивилизованных» обществ [4]. В начале XXI в. этот термин получил широкое распространение, однако его содержание несколько изменилось. В отечественной историографии под «фронтиром» чаще подразумевается не само неустойчивое пограничье, а то пространство, которое «цивилизованное» общество уже присоединило и осваивает, и, пока социальные, экономические, административные структуры данной территории отличаются от структур «старых», «коренных» земель колонизирующей цивилизации, эти территории считаются фронтальными [5]. В этой работе речь пойдет о фронте во втором значении.

Различия в социальных структурах «коренных» и фронтальных земель проявляются в специфических социальных группах, выступающих в качестве маркера фронтальных пространств. Главным маркером фронта являются группы аборигенного населения и группы, обеспечивающие контроль государства за этой территорией. Определим эти группы и регионы их локализации по Своду законов Российской империи редакции 1857 года.

Инородцы — местное население, проживавшие на территории до ее включения в состав России. Оно обладало своей особой культурой, правовыми традициями, представлениями о социальном порядке, устройстве общества, хозяйственном укладе, поэтому за ними могли сохраняться определенная автономия, а также особые права и обязанности. В законодательстве имеется несколько перечней этнических сообществ, включенных в категорию инородцев. В «Уставе о состояниях» перечислялись пять групп:

«1) Сибирские инородцы вообще и в особенности Сибирские киргизы (казахи); 2) Самоеды (ненцы) в Мезенском уезде Архангельской губернии обитающие; 3) Кочевые инородцы Ставропольской губернии; 4) Калмыки в Астраханской и Ставропольской губерниях; 5) Евреи» (поскольку евреи, обязаны были приписываться к одному из состояний «российских обывателей» — к городским или сельским сословиям; рассматривать их в качестве маркера фронта нецелесообразно). В примечании упоминались «инородцы, обитающие в местах, предоставленных Российско-Американской компании» и некие «прочие инородцы» [6, ст. 1208]. В «Учреждении управления инородцев» приведен перечень регионов, на которые распространяется данный кодекс: губернии и области Сибири, а также Архангельская, Астраханская, Оренбургская, Ставропольская и Таврическая губернии [7, с. 1].

В законодательстве инородцы по степени оседлости делились на три группы: оседлых (земледельцев и горожан), кочевых («имевших оседлость, хотя и постоянную, но по временам года переменяемую») и бродячих. Оседлые инородцы, «имея равные права с россиянами», не подлежали «никаким исключениям в зависимости от установленного начальства» [7, с. 68]. Специфичные институты управления распространялись преимущественно на кочевых и бродячих инородцев. Причем, по сравнению с «Уставом о состояниях», «Учреждение управления инородцев» предусматривало особый порядок управления для большего числа сообществ. Помимо инородцев Сибири (вместе с сибирскими киргизами), самоедов Мезенского уезда и инородцев Ставропольской и Астраханской губерний, здесь упоминались инородцы Таврической губернии, киргизы Внутренней орды и киргизы, кочевавшие за Оренбургскими линиями.

Пограничное положение фронтальных территорий, постоянные угрозы набегов кочевников и восстаний покоренных народов требовали постоянного присутствия милитаризованных социальных групп, призванных поддерживать на колонизируемой территории порядок, удерживать и охранять пограничье — казаков. Казаки имели двойную систему управления — военную (изложенную в Своде военных постановлений) и гражданскую. Законы о гражданском управлении казачьими войсками изложены в шестом разделе — «Учреждение гражданского управления казаков» второй части второго тома Свода законов Российской Империи. Принципы организации самоуправления отражены в четвертом разделе «О службе по выборам в казачьих войсках» «Устава службы

по выборам» [8]. К середине XIX в. в России имелись следующие казачьи войска: Донское, Новороссийское, Азовское, Черноморское, Кавказское линейное, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Башкирское войска, казаки Сибири (городовые казаки, Тобольский пеший батальон и Тобольский конный полк, Иркутский и Енисейский конные полки, Сибирское линейное казачье войско, Забайкальское казачье войско и Камчатская казачья команда) и закавказские маафы (мусульмане Закавказья, находившиеся на правах казаков). Название «казаки» сохранялось за Малороссийскими казаками, однако в первой половине XIX в. они постепенно утрачивали прежний статус, сливались с сословием государственных крестьян, хотя и сохраняли некоторые прежние привилегии. Прочие иррегулярные войска — Грузинская дружина, Гурийская милиция, Дагестанский конно-иррегулярный полк — не обладали особой системой гражданского управления.

Сопоставление территорий, на которых проживали инородцы (кочевые и бродячие) и казаки, дает высокую степень совпадения — это губернии и области Сибири, Оренбургская, Астраханская и Ставропольская губернии. Контур, очерченный по границам этих регионов, дает представление о пространстве российского фронта с середины XIX в. в узком значении данного термина. Помимо названных регионов инородцы проживали также в Архангельской и Таврической губерниях и в землях Российско-Американской компании; а казаки (и приравненные к ним маафы) — в областях войск Донского и Черноморского, в Бессарабии (Дунайское войско), в Екатеринославской (Азовское войско), Саратовской (Астраханское войско), Пермской, Вятской и Самарской (Башкирское войско) губерниях и в Закавказье. Эти территории вместе с фронтиром в узком значении дают представление о фронтире в широком смысле.

Помимо инородцев и казаков маркером фронта (хотя и не столь отчетливым) могут служить специфические социальные группы, возникавшие вследствие особой специализации фронтальных территорий в экономике и системе управления страны. Первое. Колонизация, как правило, была вызвана поиском дефицитных ресурсов. К социальным группам, специализировавшимся на добыче таких ресурсов, можно отнести инородцев, обязанных платить ясак пушниной, мастеровых горнозаводских предприятий, солевозчиков и солеломщиков. Второе. Кроме того, государство использовало отдаленные районы страны как способ наказания, поэтому к дополнительным маркерам фронта можно отнести

также и ссыльных. Третье. Широко известно, что одной из важнейших особенностей регионов, очерченных в качестве фронта, применительно ко времени, которое предшествовало Великим реформам Александра II, было отсутствие или слабое распространение крепостного права. Но менее известно, что здесь существовали «особенные разряды ограниченного крепостного состояния»: купленные или выменянные на Оренбургской и Сибирской линиях дети калмыков и киргизов и их потомки; приобретенные шотландскими колонистами в Ставропольской губернии невольники из горцев-магометан или язычников; кавказские холопы (привезенные из-за границы невольники — арабы и негры), крепостные крестьяне, прикрепленные к горным заводам, которыми владели не дворяне (купцы и даже мещане) [6, ст. 996]. Однако все эти категории можно рассматривать только в качестве дополнительного критерия выделения фронтального пространства, т. к. большинство этих социальных групп имеют достаточно узкую локализацию. Общими для всех фронтальных пространств остаются только инородцы и казаки.

Итак, казаки (а также иные социальные группы, имеющие схожие функции) и инородцы могут рассматриваться в качестве достаточно надежных маркеров фронтальных пространств. На основании этих критериев можно очертить два контура фронтальных пространств России в 1850-х годов. Малый контур (территории, где присутствуют и инородцы, и казаки) охватывает Сибирь, Оренбургскую, Астраханскую и Ставропольскую губернии. Большой контур (территории, на которых локализована хотя бы одна из этих социальных групп) включает также Архангельскую, Вятскую, Пермскую, Самарскую, Саратовскую, Екатеринославскую губернии, Бессарабию, Закавказье и земли Русско-Американской компании.

В завершение надо отметить, что фронт подвиген. По мере того, как исчезает военная угроза; как проходит аккультурация туземных этнических групп, территория, являвшаяся фронтом, утрачивает свою хозяйственную и административную специфику. К середине XIX в. специфические черты пограничного района утратили Среднее Поволжье, черноземные губернии Центральной России, Малороссия. Хотя значительную долю в этих регионах составляло нерусское население, оно было отнесено законодателями не к «инородцам», а к «природным обывателям» и было включено в состав сословных групп, типичных для Центральной России, прежде всего — в состав государственных крестьян. То же самое

можно сказать о социальных группах, для которых война (еще сравнительно недавно) была частью образа жизни: это малороссийские казаки, однодворцы, ландмилиция, служилые татары. В скором времени та же участь постигнет Урал и Причерноморье — с ликвидацией в 1860-х гг. Башкирского, Азовского и Дунайского казачьих войск они утратят специфику фронтальных пространств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фриз, Г. *Сословная парадигма и социальная история России [Текст]* / Г. Фриз // *Американская русистика: Вехи историографии послед. лет. Импер. период: Антология.* — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. — С. 121–162.
2. Кеппен, П. *Девятая ревизия [Текст]: Исслед. о числе жителей в России в 1851 г. Петра Кеппена, д. чл. Импер. Акад. наук, д-ра философии, магистра правоведения и чл. разн. учен. о-в.* / П.И. Кеппен. — СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1857. — 298 с.
3. Шумкин, Г.Н., Шумкина, Т.Г. *Социальные ландшафты Российской империи в середине XIX века [Текст]* / Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина // *Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории: сб. науч. и учебно-методических трудов.* — Вып. 19: *Исторический опыт межкультурного диалога.* — Екатеринбург: УрГПУ, 2017. — С. 317–328.
4. Зубков, К.И. *Фронт как исследовательская парадигма [Текст]* / К.И. Зубков // *Урал. ист. вестник.* — 2018. — № 4 (61). — С. 63–71.
5. Побережников, И.В. *Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации [Текст]* / И.В. Побережников // *Урал. ист. вестник.* — 2018. — № 4 (61). — С. 72–80.
6. *О разных родах состояний и различии прав им присвоенных [Текст]* // *Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. Т. IX: Законы о состояниях.* — СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857.
7. *Учреждение управления инородцев [Текст]* // *Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. Т. II. Ч. 2: Особенности губернские учреждения.* — СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857.
8. *Свод законов Российской Империи [Текст], повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. Т. III: Свод уставов о службе гражданской.* — СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857.

G.N. Shumkin

Features of the Class Structure of the Frontier of the Russian Empire in the Middle of the XIX Century

Shumkin Georgy Nikolaevitch, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: shumk@mail.ru.

Abstract. *The paper attempts to highlight the specifics of the social and legal structure of the frontier territories of Russia in the middle of the XIX century. It is concluded that the Cossacks and inorodtsy can be considered as sufficiently reliable markers of the frontier. The boundaries of frontier territories are determined by the localization of these social groups.*

Keywords: *frontier, social groups, Russia, Cossacks, inorodtsy.*

УДК 94(470.5+57)

А.П. ЯРКОВ¹

МУСУЛЬМАНЕ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ (XVI–XIX века)

Аннотация. *Автор в статье рассматривает вопрос о преодолении административных границ через преодоление этнокультурных различий между живущими по обе стороны Уральских гор группами мусульман. Анализируемый период — с XVI по XIX в. — характеризуется как завершением этнических процессов среди тюркского и угорского населения (объектов изучения), так и формированием конфессионально ориентированного сознания. Яркое проявившаяся (иногда стимулированная реформами) в этот период общность мусульман Урала и Сибири продолжает оставаться «фундаментом» в их современных отношениях, объединяемых приверженностью к традиционному исламу и неприятию радикализма, разрушающего умы и умму.*

Ключевые слова: *Урал и Сибирь, XVI–XIX в., административные и политические границы, этнокультурные контакты.*

Уральские горы, сток рек на запад или на восток — не разграничение на европейскую и азиатскую культуры. Эта зона активных

¹ Ярков Александр Павлович — д-р ист. наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень; e-mail: ayarkov@rambler.ru.

взаимосвязанных процессов, где «строительство» и оформление этнорелигиозного сознания проходило с различной длительностью и связано с многими первичными (в рамках континентальной истории) и вторичными (на уровне микрогруппы) факторами.

Только при В.Н. Татищеве утвердилось представление об Урале как границе Европы и Азии: в 1708 г. при определении территории Сибирской губернии ее западная граница проходила у Вятки (лишь в 1727 г. исключили Вятскую и Соликамскую провинции). К Сибири до 1920 г. административно относился и Северный Казахстан, где татары и башкиры играли активную роль в жизни создаваемых ими приходов, включая кочевников в орбиту исламской цивилизации.

В рассматриваемый период основными приверженцами ислама в этом пространстве являлись башкиры, татары — казанские и сибирские (с включением угорской составной), казахи, мишари и тептяри, где (у части из них) еще не завершился процесс формирования этно-сознания. Да и в статистических документах в дореволюционные годы (как и в первое десятилетие советской власти) фигурировали этнически неопределенные «татаробашкиры» и «киргизы», использующие «татарский», «тюрко-татарский» или «киргизский» языки. А вот конфессионим у тюрков был четким — магометане или крышены. Но и по этой позиции шла борьба. Как заметила С.Ю. Белорусова: «...этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их умы и души между православными и мусульманскими миссионерами. Те и другие убеждали нагайбаков в их особенности: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские — на их отличии от русских казаков» [1, с. 52].

В древности по просторам Дешт-и-Кипчака кочевали тюркские и угорские племена, свободно пересекая Уральские горы. Здесь находится часть этнических «корней» многих современных этносов Европы и Азии, что нашло отражение и в языке. Например, «башкурт» выступал в ряде случаев как название тугума для кочевого населения [2]. Да и современные татары этого региона происходят от различных групп: казанских и сибирских татар, башкир, угров и других. И, как следствие, иногда разделялись на две общины, даже живя в одном селении.

Природно-хозяйственные условия повлияли на обрядовую составную мировоззренческих представлений. Например, башкирские племена Месягутовской лесостепи даже в похоронных обрядах «по-мусульмански» отражали архаичные установки [3].

Кочевники на р. Тобол, опираясь на предания, утверждали, что джиди-ру — это потомки казахов, «с весьма давних времен перешедших из Сибири через Урал» [4, с. 188]. Однако достоверность этих сведений не подтверждена. Возможно, это лишь легенда, которая «исторически» закрепляла в сознании поколений право на пастбище как жизненный ресурс.

По мнению Г.Н. Чагина в XIV–XV вв. в среду угорского населения Восточного Урала проник ислам как следствие устоявшихся горизонтальных связей в регионе [5, с. 24]. С другой стороны, важно обратить внимание, что в сачара (шежере) племени табын рассказывается о табынцах, во второй половине XV в. проживавших в окрестностях «Чимгатурина» (Цынгы / Чинги-Туру), которые бежали на запад к племени мин из-за «огорчения», нанесенного им местными правителями. Г. Чокрый в родословии кара-табынов вообще указывал на смешение табынцев с уграми, которые сами «не имели религии», где, скорее всего, имелся в виду ислам.

Нахождение Урала и Сибири в составе Золотой Орды было важным фактором этнического и социокультурного строительства, хотя принятый элитой ислам не стал еще религией масс. Эта религия внедрялась различными мерами, в т. ч. через торгово-экономические контакты — первый уровень диалога культур. Наряду с Меховым путем (Северный Урал) существовали другие трассы, по которым, например в Чердынъ (Пермский край) и на Барсову гору (около Сургута), попали иранские и арабские монеты, произведения декоративно-прикладного искусства.

Пересекавшие Урал и Сибирь Транссибирская магистраль и Сибирский тракт стали не только транспортными линиями — до 1930-х гг. они являлись основным коммуникативным широтным «коридором» (в отличие от многовекторного — европейского). Эти трассы стали одновременно линейными инфраструктурными аттракторами расширения самой уммы — на восток. По ним же проходил диалог культур, захватывая и мусульман. Но не все из пришедших в край новаций принималось. Так, Хисамутдин бен Шарафутдин Муслими писал, что некий ишан булгарин Идрис Зул-Мухаммад-углы был послан из Яркенда к населению Булгарского, Тобольского, Уфимского, Казанского и Симбирского краев для распространения суфизма [6].

Другая версия этого события гласит, что он с позором и побоями был изгнан из Уфы [7], по-видимому, по причине разногласий в понимании традиций, распространенных как среди башкир, так и сибир-

ских татар. Опора на адат и (реже) шариат решала (и не всегда) лишь проблемы элиты.

Территория Урала и Сибири в XVII в. делилась на разряды, но административным центром края являлся Тобольск. Власть тамошнего главного воеводы в ряде случаев распространялась и на территорию Урала, постепенно (через поставленные острожки и городки) расширяя там российское присутствие.

Определенные Уральскими горами границы и конфигурация уездов постоянно менялись, но не разделяли единоверцев. Так, ранее часть населения Верхотурского уезда входила в состав Сибирского воеводства, а территория (ими населенная) административно считалась «пригородком» Тобольска. Жившие в Подгородной волости угры исповедовали ислам, а русские называли их татарами. Причина в том, что подвергшиеся насильственной христианизации (в 1729 г. пройдя по маршруту Тобольск — Пелым — Верхотурье миссия Филофея приобщила к «святым тайнам» более 2 тыс. угров и тюрков) приняли «чужое», тогда как иные остались мусульманами, но иронично обзывались «иштыяками». Таким же эктонимом именовали и часть восточных башкир.

В составе Сибирской губернии было население западных предгорий до Вятки. Татары — жители Уткинской волости и башкиры-терсяки, расселившиеся в двух волостях вверх по Чусовой реке и отчасти в волости «в поле над Аятом озером» с 1781 г. вошли в состав Пермского наместничества. Оно вместе с Тобольским составляло одно генерал-губернаторство, формируя у властей одинаковые принципы отношения с мусульманами. Тем более что в исповедании ислама по разные стороны Уральских гор было много общего. Опираясь традицией (как способом организации социального опыта) отсчета предков «до седьмого колена», ислам там привел в действие механизмы сознания, опирающегося на авторитет предков.

Родовая принадлежность стала для индивида способом отделения от «других» и проявлением лояльности к власти — на основе исполнения заветов Аллаха. При этом самоидентификация мусульман определялась не административными границами и политическими событиями, а групповым «ответом» (рефлексией) на них, состоянием и устремлениям общества («закрытом» — традиционным). Этим определяется и разное отношение к призывам имамов к борьбе против «неверных». Так, Батырша призывал к созданию мусульманского государства: «Сие благословенное писание мусуль-

манам, живущим по Сибирской дороге, дабы они, прочитав его, остались беззаботны и были готовы к заветному делу» [8, с. 123].

Призыв отражал мнение тех, кого (казалось) можно объединить для противопоставления власти. Но большая часть мусульман Урала и Сибири восставших не поддержала. Более того, опираясь на верность присяге служилых башкир, тюменский мурза Сабанак-второй Кульмаметьев в 1756 г. участвовал «на пограничных Сибирских линии со вверенною ему командою усмирения бунтующих тамо башкирцев».

Основание для подобного отношения к живущим по другую сторону Уральских гор — обыденное мнение, что жители Пышминской и Исетской волостей Тюменского округа (впоследствии Сингульская татарская волость) есть башкиры. К тому же и Г.Ф. Миллер называл их уфимскими пришельцами [9]. К тому же, ощущая себя татарами «бывшие башкиры» — переселенцы из Терсяцкой волости Пермской губернии — просили в 1798 г. подселить их в юрты Нижне-Ингалские Ялуторовского округа. Переселенцы выдвигали в качестве основания тезис, что там имелись их родственники и единоверцы.

В XIX в. ислам развивался по двум «сценариям»: в сибирских районах традиционного распространения доминировали сельские приходы; на Урале появились приходы на приисках и при заводах, где формировалась иная среда (там соседствовали и переплетались традиции различных мест исхода), к концу столетия усложненная: а) противоствоянием кадимистов и джаидов; б) ссылкой осужденных за преступления против религии или власти. Облик формирующейся урало-сибирской уммы — отражение не только духовных традиций коренных мусульман, но и особенностей исповедных практик приезжих, расселенных по всему пространству края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белорусова, С.Ю.** Православная идентичность нагайбаков [Текст] / С.Ю. Белорусова // *Религиоведение*. — 2017. — № 3. — С. 49–56.
2. **Исхаков, Д.М.** *Идел-Урал буе һәм Себер татарларынын этник тарихларындагы уртаклыклар* (Болгар, Алтын Урда хэм Татар ханлыклары чорлары) [Текст] / Д.М. Исхаков // *Мирас*. — 1998. — № 3.
3. **Гарустович, Г.Н.** Особенности мусульманской погребальной обрядности башкир в эпоху позднего Средневековья [Текст] / Г.Н. Гарустович // *Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы VI Всерос. науч. конф.* — Челябинск, 2015.

4. *История и культура сибирских татар: с древнейших времен до начала XXI века [Текст]: Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ / [Д.М. Исхаков, Ю.С. Худяков, Н.Б. Крыласова и др.] — Казань, 2014.*
5. **Чагин, Г.Н.** *Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века [Текст] / Г.Н. Чагин. — Пермь, 1995.*
6. **Кузеев, Р.Г.** *Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения [Текст] / Р.Г. Кузеев. — М.: Наука, 1974. — 571 с.*
7. **Пекарский, П.П.** *Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? [Текст]: Ист. разыскание акад. П.П. Пекарского / П.П. Пекарский. — СПб.: тип. Акад. наук, 1872.*
8. **Хусаинов, Г.Б.** *Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне как историко-литературный источник [Текст] / Г.Б. Хусаинов // Южноуральский археографический сборник. — Уфа, 1973. — Вып. 1. — С. 122–124.*
9. **Миллер, Г.Ф.** *История Сибири [Текст]: в 2 т. Т. 1. / Г.Ф. Миллер. — М.; Л., 1937.*

A. Yarkov

Muslims of the Urals and Western Siberia in Political and Ethnocultural Contacts (XVIth – XIXth century)

A. Yarkov, Doctor of Historical Sciences, Tyumen State University;
e-mail: ayarkov@rambler.ru.

Abstract. The author of the article addresses the issue of boundaries through overcoming cultural differences between people living on both sides of the Ural mountains, groups of Muslims. The period covered is from the 16th century and 19th century is characterized as the completion of ethnic processes among the Turkic and Ugric population (learning objects), and the formation of religiously oriented consciousness. Vividly manifested (sometimes driven by reforms) in the analyzed period the commonality of the Muslims in the Urals and Siberia remained the «cornerstone» in their modern relationships that combine commitment to traditional Islam and rejection of radicalism destroys minds and Ummah.

Keywords: Ural and Siberia, XVI–XIX-th centuries, the administrative and political boundaries, Cultural contacts.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авт. — автор
 автореф. — автореферат
 б. а. — без автора
 б. и. — без издателя
 б. м — без места
 биограф. — биографический
 б-ка — библиотека
 БУ — бюджетное учреждение
 Вестн. — вестник
 ВОО — всероссийская общественная организация
 всерос. — всероссийский
 вступ. — вступление,
 вступительный
 вып. — выпуск
 ГА РФ — ФКУ «Государственный архив Российской Федерации»
 ГААОСО — ГКУ СО «Государственный архив административных органов Свердловской области»
 газ. — газета
 ГАПОУ — государственное автономное профессиональное образовательное учреждение
 ГАСО — ГКУ СО «Государственный архив Свердловской области»
 ГАУК — государственное автономное учреждение культуры
 ГБУ — Государственное бюджетное учреждение
 ГКБУ — Государственное краевое бюджетное учреждение
 ГКУ — Государственное казенное учреждение
 гос. — государственный
 губ. — губернский, губерния
 Д. — дело
 дис. — диссертация
 док. — документы
 доп. — дополнения, дополненный
 д-р — доктор
 Е. И. В. — Его Императорского Величества
 ежемес. — ежемесячно, ежемесячный
 журн. — журнал
 избр. — избранный
 изд. — издатель, издание
 изд-во — издательство
 им. — имени
 имп. — императорский
 иностр. — иностранный
 ин-т — институт
 информ. — информация,
 информационный
 исполн. — исполнитель
 исслед. — исследование
 ист. — исторический
 канд. — кандидат
 кн. — книга, книжный
 коммент. — комментарии
 конф. — конференция
 Л. — Ленинград
 Л., л. — лист (перед числом)
 лит. — литературный
 М. — Москва
 мат-лы — материалы
 МБУК — муниципальное бюджетное учреждение культуры
 м-во — министерство
 междунар. — международный
 МКУ — муниципальное казенное учреждение
 моногр. — монография
 науч. — научный
 НТГИА — МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив»
 об. — оборот
 обл. — область
 общ. — общий
 обществ. — общественный
 о-во — общество
 ОГАЧО — ГУ «Объединенный государственный архив Челябинской области»
 ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление
 Оп. — опись
 ОРС — отдел рабочего снабжения
 отв. — ответственный
 отд. — отдел
 отд-ние — отделение

ПАО — публичное акционерное общество
 пед. — педагогический
 пер. — перевод
 Перм. — Пермский
 ПермГАСПИ — ГКБУ «Пермский государственный архив социально-политической истории»
 подгот. — подготовка, подготовлен
 полит. — политический
 посвящ. — посвященный
 практ. — практический
 предисл. — предисловие
 примеч. — примечания
 р. — река
 РАН — Российская академия наук
 РГАДА — Федеральное архивное агентство «Российский государственный архив древних актов»
 РГАСПИ — ФКУ «Российский государственный архив социально-политической истории»
 РГАЭ — ФКУ «Российский государственный архив экономики»
 РГИА — ФКУ «Российский государственный исторический архив»
 ред. — редактор, редакция
 рук. — руководитель
 рукоп. — рукописный, рукопись
 С., с. — страница
 СамГУ — ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
 сб. — сборник
 см. — смотри
 СО — Свердловская область
 собр. — Собрание
 собств. — собственный
 СОКМ — ГАУК СО «Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера»
 сост. — составитель
 соц. — социальный
 СПб. — Санкт Петербург
 справ. — справочник
 Сред.-Ур. — Средне-Уральское
 ст. — статья
 стат. — статистический
 стб. — столбец
 Т. — том
 техн. — технический
 тип. — типография
 тр. — труды
 ун-т — университет
 упр. — управление
 Урал. — Уральский
 УрО — Уральское отделение
 УРФУ — ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
 уч. — участник, участие
 Ф. — фонд
 ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
 ФГБУК — федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
 ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 фед. — федеральный
 филол. — филологический
 ФКУ — Федеральное казенное учреждение
 ЦДООСО — ГКУ СО «Центр документации общественных организаций Свердловской области»
 Ч., ч. — часть
 ЧИППКРО — ГБУ ДПО «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования»
 экон. — экономический
 юрид. — юридический

Научное издание

ДВЕНАДЦАТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Всероссийская научно-практическая конференция
(Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 года).*

Материалы

Главный редактор издательства Е.Ф. Тамплон

Технический редактор Е.В. Кузьмина

Верстка И.С. Ленский

Корректор Л.И. Сушкова

*Подписано в печать ** 2020. Формат 60 х 90 1/16. Бумага ВХИ. Гарнитура
Minion. Печать офсет. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 22,89. Тираж 300. Заказ **.*

ООО «Издательство КВАДРАТ»

620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 21/3 - 83

тел.: (343)219-07-67, e-mail: aquapress@mail.ru

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: sales@uralprint.ru